

Архимандритъ Тригорій.

С В Я Т Ы Й

ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ

НАЗІАНЗИНЪ,

КАКЪ ПАСТЫРЬ и УЧИТЕЛЬ ПАСТЫРСТВА.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ

—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1916.

Служеніе св. Церкви въ должности епархіального миссіонера побуждало меня бороться съ врагами св. истины тѣми же способами, къ коимъ прибѣгаютъ церковные раздорники: къ изданію доступнымъ языкомъ изложенныхъ бесѣдъ и листовъ и къ бесплатному распространенію ихъ среди народа.

Такое стремленіе побудило меня основать свое собственное маленькое книгоиздательство подъ названіемъ «На стражѣ Православія». Отъ его имени издано было до 300 названій, въ количествѣ свыше 10.000.000 экземпляровъ.

Широкая бесплатная раздача этой литературы и снабженіе ею солдатъ дѣйствующей арміи явились причиною того, что, къ сожалѣнію, многихъ названій не сохранилось даже и у автора.

Попытку собрать въ одно цѣлое въ разное время напечатанныя и написанныя брошюры и статьи и произнесенныя бесѣды и поученія и представляетъ настоящее изданіе, состоящее изъ шести томовъ.

Первый—Церковныя бесѣды.

Второй—Мысли и думы православнаго миссіонера, изложенныя примѣнительно къ церковнымъ чтеніямъ года.

Третій—Въ борьбѣ за трезвость. Тридцать бесѣдъ противъ пьянства.

Четвертый — Пастырскіе завѣты доблестнымъ русскимъ воинамъ.

Пятый—Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель пастырства

Шестой — Къ вопросу о благоустроении приходской миссии: конспекты чтений съ свѣтовыми картинами, программы народно-миссіонерскихъ курсовъ, образцовые указы приходскихъ миссіонерскихъ учреждений.

Пять томовъ появляются въ свѣтъ одновременно.

Шестой готовится къ печати.

Собраніемъ разрозненныхъ статей и замѣтокъ авторъ желаетъ принести посильную пользу и сельскимъ православнымъ священникамъ, часто одиночкимъ и безпомощнымъ въ борьбѣ съ сектантствомъ, невѣріемъ, пьянствомъ и въ дѣлѣ благоустройства приходской жизни, и чадамъ св. Церкви, ищущимъ духовной пищи.

Участіе автора во второй Великой Отечественной войнѣ въ качествѣ военного священника было поводомъ къ изданію четвертаго выпуска, который всецѣло посвященъ доблестнымъ русскимъ воинамъ, несущимъ тяготы непримѣрной войны съ врагомъ.

Совершенно не претендуя ни на богатство и оригинальность мысли, ни на разнообразіе содержанія, равно и не преслѣдуя никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ посильнаго пастырскаго служенія св. Церкви, напередъ смиренно приношу извиненія за тѣ недочеты, которые встрѣчаются въ изданіи: тревожное военное время, затрудненія въ печати и масса неотложныхъ дѣлъ по обслуживанію военныхъ госпиталей и воинскихъ частей московскаго гарнизона лишили меня возможности внимательно слѣдить даже за корректурую.

Архимандритъ *Григорій*.

Августъ 1916 г.
Москва

Содержаніе.

Стр.

Оглавленіе	III
----------------------	-----

Введеніе. Важность и польза изученія пастырской жизнедеятельности великихъ отцовъ Церкви вообще и св. Григорія Богослова, какъ пастыря и учителя пастырства, въ частности. Что значитъ изучить дѣятельность пастыря. Неразрывная связь въ пастырскомъ служеніи жизни съ ученіемъ. Планъ работы. Характеръ и методъ изложенія	IX
--	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь.

Глава I-я. Періодъ подготовительный, до - пастырскій. Родина св. Григорія. Его родители—Григорій и Нонна. Нравственная характеристика ихъ. Благочестіе Нонны. Обращеніе Григорія въ христіанство и принятіе епископства. Молитва Нонны о рожденіи сына и объѣтъ посвященія его Богу. Годъ рожденія св. Григорія. Благодѣтельное вліяніе домашняго религіознаго воспитанія и примѣра семейныхъ добродѣтелей супружеской четы Григорія и Нонны. Первоначальное воспитаніе св. Григорія. Наростаніе добрыхъ привычекъ. Укрѣпленіе ихъ въ сонномъ видѣніи. Первое посвященіе св. Григорія Богу. Братъ Кесарій и сестра Горгонія. Любовь къ книгамъ и склонность къ научному образованію. Амфилохій—учитель краснорѣчія. Путешествіе христіанскихъ юношей по центрамъ тогдашняго ученаго міра, ихъ смыслъ и значеніе для христіанской культуры. Образовательное путешествіе св. Григорія въ Кесарію, Палестину, Египетъ и Аѳины. Буря на морѣ и второе посвященіе Григоріемъ себя Богу. Значеніе Аѳинъ для тогдашней умственной образованности. Бытъ и нравы Аѳинскаго студенчества. Школьная

система и предметы преподаванія. Соблазны жизни. Прибытіе въ Аѳины Василия. Друзья-каппадокійцы. Ихъ совмѣстная жизнь, занятія и вліяніе на окружающихъ. Значеніе для выработки нравственнаго характера Григорія общенія съ Василиемъ и съ аѳинскими христіанами. Отношенія Григорія къ наукѣ и научному образованію. Его учителя. Объемъ научнаго знанія, доступнаго студентамъ того времени. Прощаніе съ Василиемъ. Прощаніе съ Аѳинами и возвращеніе въ Назіанзъ. Результаты всего образовательнаго десятилѣтняго путешествія Григорія. Краснорѣчіе. Любомудріе. Встрѣча въ Константинополѣ съ Кесаріемъ и совмѣстное прибытіе въ домъ родителей. Выборъ жизненнаго пути. Жизнь уединенно-созерцательная и подвижнически-отшельническая. Среднее состояніе, придуманное Григоріемъ для исполненія, и своихъ душевныхъ стремленій, и сыновнихъ обязанностей.

3

Глава 2-я. Назіанзскій періодъ пастырской дѣятельности Григорія. Внѣшнія и внутреннія условія пастырской дѣятельности въ IV вѣкѣ. Взаимоотношеніе Церкви и государства въ IV вѣкѣ и его результаты для православія. Императоръ Константинъ и его преемники. Преобладаніе аріанъ и гоненія на православныхъ. Григорій въ Понтѣ у Василия. Расколъ въ Назіанзской епархіи. Выступленіе Григорія на служеніе Церкви. Насильственное посвященіе его во пресвитера и его отношеніе къ этому событію. Бѣгство въ пустыню и возвращеніе. Аполлогія удаленія. Слова вступительныя и слово о бѣгствѣ. Анализъ ихъ. Умиротвореніе раскола и слово о мирѣ Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ Церкви. Два слова на Юліана царя. Анализъ ихъ. Участіе Григорія въ дѣлахъ Кесарійской Церкви и судьбѣ Василия Великаго. Императоръ Валентъ и его отношенія къ Церкви вообще и каппадокійской въ частности. Смерть Кесарія и Горгонія. Надгробныя слова имъ. Избраніе Василия архіепископомъ Кесаріи и значеніе этого факта для послѣдующей судьбы Григорія. Сасимы и Анфимъ Тіанскій. Посвященіе Григорія во епископа Сасимъ. Отношеніе къ сему событію Григорія. Слова при рукоположеніи. Разрывъ между друзьями пѣзъ-за отказа Григорія отправиться въ Сасимы. Характеръ пастырскаго служенія Григорія въ санѣ епископа Назіанзской Церкви съ 372 по 375 гг. Его поведеніе въ общественныхъ бѣдствіяхъ: въ голодъ, при возмущеніи народа противъ налоговъ и при производствѣ новой переписи. Анализъ словъ на эти случаи. Участіе въ судьбѣ бѣдныхъ. Слово о любви къ бѣднымъ. Черты частнаго душепопеченія и пастырскаго ходатайства за этотъ періодъ. Смерть отца. Надгробное ему слово. Смерть матери. Отношенія Григорія къ Назіанзской Церкви. Удаленіе въ Селевкійскій монастырь св. Феоклы

51

Глава 3-я. Константинопольскій періодъ пастырской дѣятельности Григорія. Религіозно-нравственное состояніе цареградскаго столичнаго населенія. Положеніе православія въ Констан-

тинополь. Задача пастырскаго служенія въ немъ. Прибытіе Григорія въ Константинополь. Домъ Алипіяны. Храмъ св Анастасіи. Черты пастырской дѣятельности Григорія въ Константинополь; мо-
дигвенный соборъ: проповѣдь слова Божія. Слова: о поставленіи епископовъ и о догматахъ св. Троицы; похвальное св Аѳанасію, два слова о мирѣ, пять словъ о богословіи, о соблюденіи порядка въ собесѣдованіи, противъ Аріяна. Анализъ всѣхъ этихъ словъ. Нравственно-практическая дѣятельность Григорія. Его жизнь домашняя и общественная. Характеристика отношеній къ окружающимъ. Противодѣйствіе Григорію со стороны враговъ православія. Разбойническое нападеніе 21 апрѣля 379 года. Инсинуація по адресу Григорія и ихъ опроверженіе. Характеръ отношеній Григорія къ еретикамъ и врагамъ. Укрѣпленіе православія, какъ результатъ пастырской дѣятельности Григорія. Новые испытанія. Дѣло Максима Циника и его послѣдствія. Временное удаленіе Григорія въ сельское уединеніе. Слово по возвращеніи. Вступленіе императора Θεодосія въ столицу и его религіозная политика. Вводъ православныхъ во владѣніе храмами столицы. Торжество православныхъ надъ аріанами. Поведеніе Григорія въ отношеніи двора и властей. Слово о самомъ себѣ. Местъ аріанъ: покушеніе на жизнь Григорія. Проповѣдническая дѣятельность его въ этомъ періодѣ. Второй Вселенскій Соборъ и Григорій во взаимныхъ отношеніяхъ. Мелетій и дѣло Антиохійской каведры. Прибытіе Египетскихъ епископовъ. Отказъ Григорія отъ Константинопольской каведры. Прощальная аудіенція у императора. Прощальное слово Григорія и оставленіе Константинополя

Глава 4-я. Заключительный періодъ жизнедѣятельности Григорія. Григорій у могилы Василія. Надгробное слово ему. Аріанское отшельничество. Душевное состояніе Григорія. Переписка съ друзьями. Физическіе недуги. Дѣла Назіанзской Церкви. Порученіе Григорію временнаго управленія ею. Нападенія аполинаристовъ на Назіанзскую Церковь и отраженіе ихъ Григоріемъ. Два посланія къ Кледонію. Заподозриваніе Григорія въ ереси. Рѣшительный отказъ Григорія отъ управленія Назіанзской Церковью. Избраніе преемника ему. Участіе Григорія въ обще-церковной дѣятельности. Забота о должномъ направленіи дѣлъ на Константинопольскомъ Соборѣ и благоустроеніи церквей. Отношеніе къ еретикамъ. Поэтическое дарованіе Григорія, какъ особый видъ его пастырскаго служенія. Раздѣленіе, количество, характеръ и содержаніе его стихотвореній. Литургическое значеніе поэтическихъ произведеній Григорія. Письма Григорія, какъ другой видъ пастырской дѣятельности его, и значеніе ихъ для характеристики пастырской дѣятельности. Значеніе писемъ въ вопросѣ частнаго душепопеченія. Аскетическіе подвиги Григорія. Борьба съ помыслами, страстными движеніями плоти и съ діаволомъ. Приуготовленіе къ отшествію. Заключительная стадія жизненнаго подвига его. Кончина праведника Нилгробія.

Завѣщаніе. Характеристика Григорія, какъ писателя и богослова
догматико-полемиста, какъ оратора-проповѣдника и какъ пастыря-
моралиста 182

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Св. Григорій Богословъ, какъ учитель пастырства.

Глава 1-я. Общее ученіе о пастырствѣ, его богоучрежденности, важности, задачахъ и отвѣтственности. Связь ученія св. отца о пастырствѣ съ его сотериологической теоріей. Изложеніе послѣдней: цѣль и назначеніе человѣка; неспособность исполненія назначенія одними естественными средствами; Божественное воплощеніе для обоженія человѣка; процессъ обновленія внутренняго человѣка; Церковь и ея назначеніе; два сословія въ Церкви. Ученіе св. отца о пастырствѣ. Понятіе о немъ: 1) оно не начальствованіе, а служеніе; оно — дѣтovoжденіе и актъ свободнаго избранія съ обѣихъ сторонъ. 2) Необходимость пастырства для начала вѣры, для дальнѣйшаго преуспѣянія въ ней, для порядка въ церковномъ организмѣ, для совершенія богослуженій. 3) Божественное происхожденіе пастырства. 4) Величіе и важность пастырскаго служенія 5) Цѣль и задача пастырскаго служенія 6) Трудность его. 7) Отвѣтственность. 8) Сила пастыря въ надеждѣ на Божію помощь

251

Глава 2-я. Ученіе св. отца о качествахъ лицъ пастырскаго званія: 1) Призваніе и подготовка. Понятіе призванія и предызбранія. Благодать вспомоцествуетъ достойнымъ и не касается недостойныхъ. Уклоненіе отъ пастырскаго служенія. Средства къ препобѣжденію боязливости высоты пастырства. Необходимость серьезной подготовки. Постепенность въ прохожденіи пастырскихъ должностей. Опасность нарушенія этихъ принциповъ. 2) Необходимость для пастыря общаго умственнаго образованія, спеціальнаго знанія истинъ вѣры и умѣнья сообщать ихъ другимъ. Необходимость для пастыря искренней вѣры въ проповѣдуемое имъ ученіе. Важность служенія словомъ. 3) Нравственные качества пастыря: ревность и опытность въ добродѣтели, нравственная правоспособность и нравственная высота. Сознаніе недостойности и немощей, какъ препятствіе къ принятію пастырскаго званія. Благочестіе пастыря. Личный аскетизмъ. 4) Требования, предъявляемые св. отцомъ къ пастырю въ отношеніи его внѣшности, семьи, сношеній съ сослужителями и сопастырями. 5) Качества пастыря, обусловливаемые его отношеніемъ къ паствѣ. Любовь къ ней; искусство пасенія, нравственное вліяніе его личности, отеческое миролюбіе и вниманіе къ нуждамъ пасомыхъ. 6) Наименованія пастыря, характеризующія его свойства и качества

278

Глава 3-я. Ученіе св. отца о средствахъ пастырскаго воздѣйствія: 1) Добрая примѣрная жизнь. Важность этого средства. 2) Наученіе словомъ. Значеніе этого средства. Осторожность въ пользованіи симъ средствомъ. Приспособляемость къ состоянію слушателей. Качества пастырскаго слова со стороны содержанія и изложенія. 3) Молитва за паству и за себя; за враговъ и обидящихъ. Милостыня и дѣла христіанской любви. Вниманіе къ нуждающимся и бѣдствующимъ. Отношеніе св. отца къ физическому воздѣйствію. 4) Отношеніе пастыря къ еретикамъ, заблуждающимся и согрѣшающимъ. Осужденіе примѣненія къ нимъ суровыхъ мѣръ. Способы дѣятельной борьбы съ врагами вѣры. 5) Искусство частнаго пастырскаго душепопеченія. Необходимость и польза его. Способы примѣненія частнаго пастырскаго душепопеченія по примѣру Господа Іисуса Христа, св. Апостоловъ, достойныхъ мужей и самого св. отца. 320

Глава 4-я. Пастырь, какъ членъ общества. Отношеніе св. отца къ недостаткамъ пастырскаго служенія. Пастыри, какъ проводники въ жизнь христіанскихъ идеаловъ. Вліяніе пастырей на окружающую ихъ жизнь и обратное вліяніе жизни и среды на пастырей. Дефекты пастырскаго служенія. 1) Церковное имущество и отношеніе къ нему пастырей. Взгляды св. отца на принимающихъ пастырское званіе для плотскихъ цѣлей. 2) Привнесеніе въ пастырскую жизнь мірскихъ пороковъ и пониженіе нравственнаго уровня пастората. 3) Карьеризмъ и соискательство въ полученіи должностей пастырскаго званія; раболѣпство и интриганство. 4) Пониженіе умственнаго уровня пастырей; возраженіе противъ необходимости научнаго образованія для пастырей и опроверженіе сихъ возраженій. Отношеніе св. отца къ научному образованію. Защита св. отцомъ значенія и важности для пастыря свѣтской учености. Наставленія, какъ пользоваться языческою ученостію. 5) Страсть къ словопреніямъ по вопросамъ вѣры и шаткость въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. 6) Взглядъ св. отца на отношеніе пастыря къ социальнымъ неравенствамъ: богатству и бѣдности, начальствованію и подчиненности, и возможное участіе пастыря въ разрѣшеніи ихъ. Пастырское печалованіе и ходатайствованіе, какъ средства противъ обостренія социальныхъ различій. 354

Послѣсловіе. 391

Литература 395

В В Е Д Е Н І Е.

„Полезно не оставлять въ забвеніи тѣ имена, которыя возбуждаютъ къ добродѣтели“¹⁾.

«Все ветшаетъ, ветшаетъ даже прекрасное со временемъ; въ остаткѣ—или ничего, или самая малость. Гдѣ смыло землю стремительнымъ потокомъ 'проливныхъ дождей, тамъ остаются одни мелкіе камни. Посему, ни мало не удивительно, если скажу тоже о людяхъ обыкновенныхъ. Страшный же, изрытый пропастями оврагъ,—это мы, то есть, наше, забывшее чинъ свой, сословіе (говорю сіе со слезами); это мы, не на добро возсѣдшіе на высокихъ престолахъ; мы,—предсѣдатели народа, учителя прекраснаго; мы, которымъ дано въ удѣлъ питать души божественною пищею, но которые сами истаемъ голодомъ; мы, врачи немощей и въ то же время мертвецы, заражающіе непрестанно новыми и новыми недугами; мы, путеводителя по стезямъ, можетъ быть, стремнистымъ, по которымъ никого еще не водили, даже не ходили и сами....; мы, не послѣдовать которымъ,—правило самое короткое, и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій къ спасенію; мы, которыхъ эта возвышенность обличаетъ въ худыхъ нравахъ, а эта рѣшетка отдѣляетъ отъ прочихъ не жизнью, но высокоомбіемъ»²⁾. Въ такихъ словахъ

¹⁾ Св Григорій Богословъ, творенія I, 219.

²⁾ Ib., VI, 5—6.

св. Григорій изливаетъ свою скорбь по поводу тѣхъ недостатковъ, кои онъ встрѣтилъ въ современномъ пастырскомъ служеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасно зданіе пастырства. Благолѣпнымъ устроилъ его Основатель. Но подобно тому, какъ стремительный потокъ времени, бури и непогоды разрушаютъ все съ теченіемъ времени, размываютъ скалы и камни, такъ и многовѣковая жизненная борьба Церкви съ врагами спасенія не могла бы пройти безъ вреда для ея передовыхъ вождей-пастырей, если бы Господу не угодно было отъ времени до времени воздвигать мужей, которые будили бы Церковь, особенно ея служителей, часто склоняющихся подъ напоромъ злыхъ силъ къ косности и раслабленію, которые возбуждали бы ихъ къ доброй жизни своимъ словомъ и примѣромъ, и голосомъ Самого Бога не напоминали бы дремлющему пастырству объ ихъ высокихъ и священныхъ обязанностяхъ и о важности ихъ призванія. Величавый образъ этихъ мужей, для тѣхъ, которые отправляютъ свои пастырскія обязанности не по внутреннему призванію, не изъ сердечныхъ побужденій, но изъ-за позорныхъ выгодъ, не какъ образцы стаду, но изъ-за господства надъ народомъ,—является зеркаломъ, въ которомъ они могутъ со всею ясностью видѣть какъ безобразіе своихъ мыслей и поступковъ, такъ плѣнительную красоту пастырелюбивыхъ апостоловъ и богодухновенныхъ учителей Церкви ¹⁾).

Вотъ почему «полезно,—по словамъ св. отца,—не оставлять въ забвеніи тѣ имена, которыя возбуждаютъ къ добродѣтели» показывая намъ на своемъ примѣрѣ образцы реального воплощенія въ жизни и дѣятельности идеаловъ пастырскаго служенія. Здѣсь въ конкретныхъ примѣрахъ даются прекрасныя руководящія начала пастырскаго служенія и способы дѣйствованія пастыря въ многоразличныхъ житейскихъ положеніяхъ, даются не въ теоретическомъ лишь ихъ изложеніи, всегда оставляющемъ значительную долю для субъективнаго освѣще-

1) G. Ullmann, „Greg. v. Naz.“ Gotha, 1866, 355.

нія ихъ, но въ фактичеськомъ ихъ осуществленіи. Отсюда открывается и незамѣнимая практическая польза возстановленія въ памяти великихъ примѣровъ пастырства. Изучая ихъ, пастырь увеличитъ свою духовную опытность, пріобрѣтетъ и изощритъ свое искусство пастырскаго душепопеченія; въ живыхъ образцахъ онъ найдетъ источникъ подкрѣпленія своихъ духовно-нравственныхъ силъ для плодотворнаго и неустаннаго прохожденія, подлежащаго ему пастырскаго поприща; ими пастырь укрѣпитъ «опустившіяся руки и ослабѣвшія колѣна»; они вдохновятъ его бодро идти въ личномъ пастырскомъ опытѣ по тому пути, которымъ первымъ шелъ «Начальникъ и Совершитель вѣры Иисусъ», которымъ шли проповѣдники Слова Божія, «дабы взирая на кончину ихъ жизни, подражать ихъ вѣрѣ»¹⁾

«Счастливъ тотъ мужъ, которому Богъ даруетъ быть солію и свѣтомъ міра»²⁾.

Къ числу такихъ счастливицевъ принадлежитъ, безспорно, Вселенскій Учитель Церкви, св. Григорій Богословъ Назіанзинъ, который былъ не только необходимымъ человѣкомъ для своего времени, явивъ примѣръ ревностнаго и настойчиваго пастыря-подвижника и борца за все прекрасное и доброе въ человѣчествѣ, но и завѣщалъ потомкамъ драгоцѣнныя практическія и теоретическія основоположенія пастырскаго служенія. Его личный взглядъ на пастырское служеніе; его пастырскій любвеобильный духъ; его личное осуществленіе пастырскаго долга, его пріемы воспитательнаго пастырскаго воздѣйствія на насомыхъ и частнаго душепопеченія; его неусыпная забота объ охраненіи чистоты вѣры въ христіанахъ; его отношенія къ врагамъ Евангельской истины и Церкви Христовой, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ; его трогательныя заботы объ устроеніи не только религіозно-нравственной, но и бытовой жизни духовныхъ дѣтей; его самоотверженно-покорное несеніе многоразличныхъ бѣдственныхъ тревоженій и невзгодъ житей-

¹⁾ Евр. 12, 1—12; 13, 7

²⁾ Ullmann ц. с., 335.

скихъ, воздвигнутыхъ на него людскою завистью; наконецъ, его эсхатологическія чаянія, дававшія ему бодрость и вли-
вавшія въ его старческія силы живительную энергію для
безропотнаго несенія тяжелаго жизненнаго креста: все эти
стороны его личнаго и общественнаго характера навсегда
останутся памятникомъ и его славной жизни и его славнаго уче-
нія. И не только памятникомъ или зеркаломъ для желающихъ
свѣрить свой практическій пастырскій опытъ съ образцомъ
вѣры и нравственности будетъ примѣръ пастырской жизнедѣ-
тельности Григорія, а и маякомъ, привлекающимъ взоры пут-
ника въ безгодную ночь, и источникомъ вдохновенія и обо-
дренія, зовущимъ cadaго пастыря на многоплодное, хотя и
трудное, пастырское служеніе.

Но изучить пастырскую дѣятельность какого-бы то ни было
авторитета въ отвлеченіи отъ его личной жизни предста-
вляется невозможнымъ. Это происходитъ по той причинѣ,
что въ пастырскомъ служеніи личность не отдѣлима отъ
дѣла. Пастырство — не профессія на ряду съ другими, ка-
ковыя подвергаютъ общественному вниманію и сужденію только
служебную, казовую сторону жизнедѣятельности человѣка. Чи-
новникъ или общественный дѣятель оцѣнивается потоліку,
поколіку мы соприкасаемся съ его служебною дѣятельностью;
въ служебныхъ отношеніяхъ онъ принадлежитъ самому себѣ,
и каковъ онъ по существу, какъ живетъ, какъ ведетъ себя,—
все это — въ сферы нашего сужденія о немъ. Совсѣмъ иное
въ пастырствѣ. Эта священная должность неразрывными узами
связываетъ официальную служебную дѣятельность носителя
ея съ его частною интимною жизнью, съ его личнымъ харак-
теромъ, поведеніемъ, образомъ мыслей. При сужденіи о па-
стырѣ берется во вниманіе не одно только то, какъ онъ ис-
полняетъ свои обязанности и каковымъ онъ является въ слу-
жебной сферѣ, но и то, каковъ онъ самъ по себѣ, въ своемъ
нравственномъ существѣ; не только то, какимъ онъ кажется
или хочетъ казаться, но, главнымъ образомъ, каковъ онъ есть

на самомъ дѣлѣ. Здѣсь преимущественную роль играютъ не слова, а дѣла, не ученіе, а жизнь пастыря. Вотъ почему въ дѣлѣ пастырскаго служенія имѣютъ значеніе даже такія, на первый взглядъ безразличныя, вещи, какъ одежда, тѣлодвиженія, привычки.

Такъ всецѣло захватываетъ пастырское служеніе человека, со всѣхъ сторонъ его внутренней и виѣшней жизни.

Если сказанное справедливо въ отношеніи къ пастырству вообще, то въ отношеніи къ св. Григорію Богослову оно особенно справедливо, ибо рѣдко у кого такъ близко и такъ тѣсно выявлялось соотношеніе между личною жизнью и пастырскимъ служеніемъ, какъ у этого Вселенскаго Учителя пастырства.

Вслѣдствіе сказанной тѣсной органической связи пастырскаго служенія св. Григорія Богослова съ его личною жизнью, систематически излагать пастырскую дѣятельность его возможно лишь въ неразрывномъ взаимоотношеніи съ послѣдовательнымъ изложеніемъ обстоятельствъ его жизни, особенно же такихъ, въ коихъ по преимуществу сказался въ немъ пастырь или учитель пастырства. Такимъ образомъ, самъ собою намѣчается слѣдующій естественный планъ нашего изслѣдованія. Такъ какъ св. Григорій Богословъ былъ не только практическимъ воплостителемъ идеаловъ пастырства, но оставилъ и теоретическіе взгляды на него, то, отнеся къ первой части нашей работы всю практическую дѣятельность св. отца въ связи съ ходомъ его жизненнаго пути, во второй части мы изложимъ ученіе его о пастырствѣ. Затѣмъ, такъ какъ воспитаніе и приготовленіе къ пастырству есть неотложное условіе пастырской дѣятельности, каковое подготовленіе для избранниковъ Божіихъ часто начиналось еще до рожденія и продолжалось во весь подготовительный періодъ, то въ первой главѣ первой части мы имѣемъ изложить періодъ до-пастырскій, подготовительный, отъ рожденія до возвращенія Григорія въ Назіанзъ по окончаніи образованія; во вторую главу вой-

детъ Назіанзскій періодъ пастырской дѣятельности Григорія, его пастырство и архипастырство; въ третью — Константинопольскій періодъ; четвертую займетъ заключительный періодъ, обнимающій послѣднія шесть лѣтъ жизнедѣятельности Григоріевой. Детальное распредѣленіе содержанія второй части обусловливается самымъ составомъ ученія о пастырствѣ. Такъ какъ ученіе св. отца о пастырствѣ имѣетъ тѣсную связь съ его сотеріологической теоріей, то, изложивъ послѣднюю, въ первой главѣ представимъ общее ученіе о пастырствѣ, о его богоучрежденности, необходимости, важности, трудности, цѣли и задачахъ и объ отвѣтственности; во второй—о качествахъ лицъ, приступающихъ къ пастырству; въ третьей—о средствахъ пастырскаго воздѣйствія; въ четвертой — объ участіи пастыря въ общественной жизни, объ отношеніи къ внѣшнимъ благамъ, образованію и социальнымъ неравенствамъ.

Сообразно нашей задачѣ—изобразить св. Григорія Богослова, какъ пастыря и учителя пастырства,—мы старались придать нашему изложенію тотъ характеръ, который должно имѣть всякое изложеніе, если оно желаетъ быть назидательнымъ: учиться можно только на конкретномъ примѣрѣ и въ конкретномъ, такъ сказать, примѣненіи и изложеніи тѣхъ штриховъ, часто мельчайшихъ, изъ коихъ складывается чело-вѣческая жизнь и ея сношенія съ людьми.

Эта же тенденція была причиною и другого явленія въ нашей работѣ—способа изложенія и размѣра работы. Преслѣдуя цѣль возможно точнѣе и полнѣе передать движеніе мыслей въ рѣчи св. отца, а часто и всѣ оттѣнки ея, мы, по необходимости, должны были держаться возможно ближе къ тексту и допускать выдержки, иногда значительныя, увеличивающія объемъ работы. Это особенно сказалось при анализѣ проповѣдническихъ трудовъ Григорія, всѣхъ нами разсмотрѣнныхъ. Но иного способа точнѣе показать ходъ мыслей и оттѣнки въ рѣчи св. отца, всегда поучительной, мы не видимъ. Безъ такой подробности, могущей показаться излишней,

движеніе мыслей потеряло бы свою прелесть, а само изложеніе было бы ничѣмъ инымъ, какъ сухимъ констатированіемъ общеизвѣстныхъ фактовъ.

Намѣреніе держаться въ изложеніи возможно ближе къ тексту было, затѣмъ, причиною и той тавтологіи, которая иногда замѣчается. Это объясняется тѣмъ свойствомъ рѣчи св. отца, по которому онъ имѣетъ привычку въ разныхъ случаяхъ объ одномъ и томъ же говорить одними и тѣми же словами. Но то, что для другого было бы признакомъ слабости, для св. Григорія Богослова является свидѣтельствомъ систематическаго склада ума, однажды разъ навсегда облекшаго свои идеи въ тѣ или иные словесныя формы и никогда потомъ не мѣняющаго ихъ. Къ тому же, при ближайшемъ разсмотрѣніи такихъ мѣстъ, оказывается, что тавтологическая рѣчь св. отца имѣетъ своеобразныя оттѣнки, оправдывающіе ея необходимость.

Часть первая.

Св. Григорій Богословъ,

какъ пастырь.

ГЛАВА I-я.

„Я одинъ извѣстенъ всякому, не тѣмъ, что имѣю предъ другими преимущество словъ или въ силѣ руки, но своими скорбями и сѣтованіями.. Можетъ быть, дойдемъ до того, что кто-нибудь вспомняеъ о Григоріи, котораго воспиталь Каппадокійцамъ небольшой діоцессарійскій городъ“. (Твор. Св. Григорія Б. т. IV, 259—260. Изд. 1889)

Родиной св. Григорія Богослова была Каппадокія, въ древности самая восточная часть малоазійской горной страны, нынѣшняя Караманія. Границами ея были: съ юга Киликійскій Тавръ, съ востока Евфратъ, съ запада рѣка Галисъ, между гор. Тавромъ и Понтомъ Эвксинскимъ, съ сѣвера—Черное море. По словопроизводству съ Персидскаго языка, «Каппадокія» значитъ «земля хорошихъ людей»; но это названіе далеко не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ качествамъ населяющихъ ее народовъ индо-германскаго происхожденія, называющихся у Геродота Сирійцами, а у Страбона бѣлыми сирійцами, въ отличіе отъ сирійцевъ въ собственномъ смыслѣ. Жители ея пользовались одинаковою славою съ Критянами и Карійцами и отличались вѣроломствомъ и продажностью¹⁾.

Одинъ изъ небольшихъ городовъ Каппадокійской области—Назіанзъ—былъ мѣстожителемъ родителей св. Григорія,

¹⁾ Настольный энциклоп. словарь изд. А. Гарбеля, т. IV, стр. 2050; энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона т. 27, стр. 391; — „Православная Богосл. энциклопедія“, т. VIII, стр. 546—7; Ф. Любкеръ „Реальный словарь клас. древности“ переводъ професс. Модестова, стр. 200.

имѣвшихъ тамъ подгородное селеніе Аріанзы. Люди богатые, владѣвшіе работами и значительными средствами, доставившими имъ возможность въ послѣдствіи построить въ родномъ городѣ великолѣпную церковь,—люди знатные, такъ какъ имѣли доступъ къ царскому двору (второй сынъ ихъ Кесарій былъ придворнымъ врачомъ и затѣмъ хранителемъ царскихъ сокровищъ въ Виѳиніи),—Григорій—отецъ и Нонна были образцовою супружескою четой, по жизни составлявшею для всѣхъ общій предметъ разговоровъ¹⁾.

Св. Григорій Богословъ въ такихъ трогательныхъ образахъ описываетъ своихъ родителей. «Отецъ, Григорій старшій, простой нравомъ, прямодушный, чуждый всякаго лукавства и памятозлобія, тихій, кроткій, терпѣливый, не гнѣвлимый, «выше нужды земной оболочки», спокойный по наружности, горячій духомъ, «обильный даромъ видимымъ, но еще болѣе обогащенный сокровеннымъ», былъ отраслью корня не весьма похвальнаго, не въ дому Божіемъ насажденнаго, но весьма страннаго и чудовищнаго, вѣтвь чуждая, маслина дикая, — былъ послѣдователемъ одной темной мистической секты «Ипсистеріевъ», соединявшей въ себѣ языческое мудрованіе съ іудействующимъ. Послѣдователи этой секты чтили Единого Бога подъ символами свѣта и огня, соблюдали субботу и правила касательно чистой и нечистой пищи, но отвергали идоловъ и жертвы и не принимали обрѣзанія»²⁾.

Мать—Нонна, дочь Филтаніева, «равновѣсный талантъ мужу, только по тѣлу бывшая женщиной, а по нравамъ превышавшая мужчинъ», славная всѣми добродѣтелями, въ женскомъ образѣ носила мужское сердце³⁾. Наслѣдовавъ отъ предковъ своихъ Богоугодную вѣру, издревле и въ предкахъ посвящен-

¹⁾ Твор. Св. Григорія Б. изд. 3-е, Москва 1889 г. томъ II, 116; I, 206—207; II, 87; VI, 7. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ упомянуты лишь то и то страница.

²⁾ VI, 6; I, 193; II, 110—115; I, 196; II, 86

³⁾ V, 312; VI, 7; V, 308; IV, 232.

ная Богу, она для того и жила и заботилась о мірѣ, чтобы все, и самую здѣшнюю жизнь, преселить въ жизнь небесную¹⁾. Какъ женщина глубоко благочестивой, Ноннѣ крайне печально было иновѣріе мужа и ея обязанность принадлежать одною половиною Богу, другою—міру. Подобно каплѣ, медленнымъ, но настойчивымъ паденіемъ пробивающей камень, она горячею молитвою, просьбою, своимъ правомъ нудила мужа къ умягченію его сердца²⁾. Плодомъ такихъ ея заботъ было прежде всего обращеніе ко Христу мужа, дарованное ей въ награду за ея благочестіе, несмотря на то, что оставленіе секты стоило Григорію ссоры съ матерью и лишеніе имущества³⁾. Но онъ принялъ это безчестіе охотиѣе, нежели иной самыя высокія почести.

По неустаннымъ молитвамъ Нонны, великій неводъ Божій, берущій въ плѣнъ однихъ ранѣе, другихъ позднѣе, уловилъ, наконецъ, и душу Григорія. Въ сонномъ видѣніи Григорію представилось, будто онъ поетъ стихъ Давида «Возвеселихся о рекшихъ мнѣ въ домъ Господень пойдѣмъ»,—хотя ни разу до того случая онъ не былъ въ храмѣ, несмотря на мольбы жены. Нонна толкуетъ это видѣніе въ хорошую сторону, убѣждаетъ Григорія исполнить видѣніе и успѣваетъ въ этомъ. Пользуясь проѣздомъ чрезъ Назіанзъ на Никейскій Соборъ митрополита Кесарійскаго Леонтія и другихъ епископовъ, Григорій предаетъ себя Богу и проповѣдникамъ истины, колѣнопреклоненный принимаетъ оглашеніе, а затѣмъ и крещеніе. При выходѣ изъ воды «свѣтъ и слово осіяваютъ его, назнаменуя избранника Духа Св.»⁴⁾.

Григорій вскорѣ пріемлетъ священство, хоть не такъ поспѣшно, какъ другіе изъ его современниковъ, но по тщательномъ очищеніи и испытаніи себя. «Къ своимъ природнымъ

¹⁾ I, 197; IV, 232

²⁾ II, 91

³⁾ I, 197

⁴⁾ II, 86 91—93

качествамъ, позволявшимъ ему имѣть сильное благотворное вліяніе на нравы людей, онъ присоединяетъ усердное занятіе Божиимъ Словомъ, въ коемъ такъ успѣлъ, что хотя началъ учиться поздно, однако приобрѣлъ столько пастырской мудрости, что ни мало не уступалъ трудившимся долго, и получилъ отъ Бога ту особенную благодать, что содѣлался отцемъ и учителемъ Православія, хранителемъ истины, устройтелемъ своей малой церкви въ оплотъ вѣры, подобно ковчегу во время потопа»¹⁾. Изъ дикой маслины онъ привить къ маслинѣ доброй и до того напоенъ ея соками, что ему поручено прививать другихъ, ввѣрено врачеваніе душъ. «Хотя и поздно призывалъ Господь въ Свой многоплодный виноградникъ Григорія,— сперва не овцу, потомъ какъ превосходительнѣйшую изъ овецъ, Онъ поставилъ пастыремъ и вождемъ Своего стада»²⁾.

Если плодомъ пламенныхъ молитвъ Нонны было «благочестіе» ея мужа, то не меньшимъ результатомъ ихъ было и другое утѣшительное для нея событіе—появленіе на свѣтъ Григорія сына. Будучи бездѣтной и желая имѣть въ домѣ своемъ рожденіе дитяти мужескаго пола, «желая на колѣняхъ держать сына, что, конечно, вождѣленно для многихъ», Нонна открыла свое желаніе Богу съ просьбою исполнить его. Подражая свящ. Аннѣ, она взывала: «Царь мой Христосъ!—Даруй мнѣ увидѣть сына, и юный плодъ чрева моего заключишь Ты въ Своей оградѣ»³⁾. И какъ сердце ея было неудержимо, предваря дарованіе усердіемъ, то Богъ внялъ ея молитвѣ, и дорогой обѣтъ ея не остался безъ исполненія: въ ниспосланномъ сновидѣніи ей ясно представилось и имя и образъ св. Григорія, — первороднаго сына ея⁴⁾. Рожденіе Григорія имѣло мѣсто не ранѣе 328 или 329 гг.; въ каковыя Григорій старшій принялъ епископское званіе⁵⁾, такъ

¹⁾ II, 94—95

²⁾ I, 196; V, 304—305

³⁾ IV, 241

⁴⁾ VI, 7; I, 6; V, 318.

⁵⁾ Migne Patrologiae c c; series graeca т. XXXV, С. 153. Ф. В. Фарпаръ

какъ и разсказъ объ обстоятельствахъ своего рожденія св. Григорій помѣщаетъ послѣ повѣствованія о посвященіи отца во епископы¹⁾).

Нонна исполнила данный Богу обѣтъ о посвященіи сына она принесла младенца во святилище, а затѣмъ позаботилась и о томъ, чтобы рожденный по молитвамъ сынъ былъ совершенъ по жизни²⁾. То великое служеніе, къ которому предназначала мать свое дорогое дитя, требовало отъ нея особыхъ заботъ о приготовленіи его въ добрый сосудъ. И этими заботами она окружила сына.

Извѣстно, какое неотразимое вліяніе имѣетъ на образованіе характера и на воспитаніе воли ребенка домашняя обстановка, тотъ духъ благочестія или нечестія, который встрѣчаетъ въ семьѣ ея новый членъ. Сила этого вліянія настолько велика и могущественна, что кладетъ отпечатокъ на всю духовную жизнь человѣка, являясь зародышемъ и почвою для послѣдую-

(„Жизнь и труды Св. оо п Уч Церкви стр. 381) относитъ рожденіе св. Григорія къ 330 г.; Арх. Филаретъ (Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, т. II, стр. 158, прим 1-е)—къ 326 г., считая неправильнымъ сопоставленіе года рожденія съ началомъ пастырской дѣятельности отца. Другіе, какъ Свода и Ле-Клеркъ, относятъ рожденіе св. Григорія къ 300—1. годамъ. (Свящ. Н. Виноградовъ; „Догматическое ученіе св. Григорія Б. стр. 110 прим.). Базой для опредѣленія времени рожденія могутъ служить слѣдующія соображенія: смерть Григорія старшаго послѣдовала весною 374 года; въ похвальномъ словѣ отцу св. Григорій свидѣтельствуетъ, что сорокъ пять лѣтъ изъ своей почти столѣтней жизни онъ провелъ въ священствѣ (т. II, 115); слѣдовательно, начало священства Григорія старшаго падаетъ на 329 г. (374—45=329). Затѣмъ, нѣтъ основанія понимать въ какомъ то переносномъ смыслѣ (какъ это дѣлаетъ Преосв. Филаретъ ц. с.) слова отца Григорія—сыну: „Ты не живешь еще столько на свѣтѣ, сколько прошло времени, какъ я приношу жертвы Богу“ (VI, 19)), такъ какъ по контексту рѣчи отецъ говоритъ именно о своихъ священническихъ жертвахъ. Если же необходимо принять буквальное значеніе этихъ словъ (а это необходимо), то рожденіе св. Григорія имѣло мѣсто послѣ принятія его отцемъ пастырскихъ обязанностей, слѣдовательно, послѣ 328—9 г.г. Такого же мнѣнія о годѣ рожденія св. Григорія держится Ullmann: Gregorius von Nasianz der Theologe, Gotha 1886, § 382—383

¹⁾ VI, 7

²⁾ IV, 241—242

щихъ проявленій его духовной самодѣтельности. Нужны особыя условія жизни или усиленныя напряженія воли для того, чтобы человѣкъ впослѣдствіи отрѣшился отъ той духовной атмосферы, которою онъ питался въ дѣтствѣ, которую всасы-валъ въ себя одновременно съ молокомъ матери. И если въ св. Григоріи мы видимъ цѣлый сонмъ добродѣтелей — скромность, смиреніе, всепрощеніе, любовь ко врагамъ, горячій молитвенный духъ жизни — и пр., то фундаментъ этихъ качествъ былъ заложенъ въ домашнемъ воспитаніи св. Григорія.

Относясь осторожно къ тѣмъ панегирикамъ, которые, по закону похвальныхъ словъ, воспѣвалъ св. Григорій своимъ «государю отцу и государынѣ матери»¹⁾, и останавливаясь на фактическихъ данныхъ, открывающихъ намъ завѣсу домашней среды дома Григоріева, мы найдемъ въ нихъ подтвержденіе сказанной мысли о благотворномъ вліяніи на св. Григорія той обстановки, которая царила въ родной семьѣ, и тѣхъ условій постепеннаго воспитанія ребенка для предназначавшагося ему пастырскаго служенія, которыя создали для св. Григорія любящіе родители и которыя показываютъ намъ, какъ внимательно и старательно должно проходить воспитаніе всякаго кандидата пастырской дѣятельности.

По свидѣтельству св. Григорія, супружескій союзъ отца и матери былъ не плотскимъ только союзомъ, но и союзомъ добродѣтели. Тихая, мирная, благочестивая настроенность царила въ этой семьѣ. Хорошая жена, составляющая основу супружескаго счастья, была дарована Григорію въ лицѣ Нонны. Подчиняясь мужу, она была не только его сотрудницей, но и инициаторшей въ дѣлахъ благочестія. Если другія женщины одного съ Нонною ранга и общественнаго положенія, тщеславясь своею красотою, заботились о суетныхъ женскихъ украшеніяхъ, вели обычный свѣтскій образъ жизни, посѣщали зрѣлища и увеселительныя мѣста, то Нонна знала одну кра-

¹⁾ VI, 95; II, 87.

соту—душевную, одно благородство—благочестіе. Ни богатство, ни знатность не затемнили въ ней яснаго пониманія цѣли и смысла жизни. И эту цѣль и этотъ смыслъ жизни она всегда имѣла путеводною звѣздою въ своихъ поступкахъ. Наилучшее употребленіе своему имуществу она видѣла въ дѣлахъ благотворенія. Объединившіе родственники, сироты, вдовы — находили въ ея домѣ пріютъ, а въ ней самой — свою лучшую заступницу. Она глубоко и вѣрно понимала психологию бѣдности, почему не считала своей задачи исполненной, когда помощью только устраняла бѣдствіе: она считала нужнымъ щедростью доставить полное утѣшеніе бѣдствующимъ, умиротворивъ и успокоивъ тѣмъ возбужденную нуждою и горемъ душу ихъ. Какое тонкое, деликатное чувство!

Имѣя неунынное попеченіе о благоустроеніи домашнихъ дѣлъ и увеличивая своимъ трудомъ и благоразумнымъ употребленіемъ средствъ семейный достатокъ, она, однако, всею своею душою принадлежала Богу, подвигамъ молитвы и поста, соединяя жизнь дѣятельную съ созерцательною. Съ утра ежедневною заботою ея было посѣщеніе богослуженій, время и мѣсто коихъ не могли скрыться отъ нея. Съ искреннимъ благоговѣніемъ она выстаивала и всенощныя и дневныя псалмопѣнія. Святыню она чествовала молчаніемъ; никогда не обращала хребта къ досточтимой трапезѣ. Никогда она не плевала на полъ въ Божьемъ храмѣ. За такое благоговѣніе ко Святынь Господней она удостоена была чести и жизнь свою окончить въ молитвенномъ подвигѣ у подножія алтаря. Ея ревность по вѣрѣ Христовой была столь возвышенной, что она не считала возможнымъ раздѣлять свои чувства между Богомъ и міромъ: она не подавала руки и не цѣловалась съ родственниками—язычниками, хотя бы онѣ были скромной жизни; она не раздѣляла съ ними хлѣба—соли, не посѣщала ихъ домовъ.

Пусть эта сторона жизни Нонны даетъ нѣкоторымъ ¹⁾ по-

¹⁾ Фарраръ ц соч. 381

водѣ къ обвиненію ея въ излишнемъ формализмѣ и нетерпимости, мы видимъ здѣсь заботу о безраздѣльномъ служеніи Христу ¹⁾).

Смиреніе Нонны было необычайно: о своихъ молитвенныхъ подвигахъ, о благодатныхъ утѣшеніяхъ, подававшихся ей въ сонныхъ видѣніяхъ касательно рожденія сына, она таила глубокую тайну. О ея сокровенныхъ подвигахъ знали немногія вѣрныя служанки.

У нея была полнѣйшая преданность волѣ Божіей, полное врученіе своей воли водительству Божію до того, что она не считала возможнымъ являться на праздничное богослуженіе въ печальныхъ одеждахъ, какъ бы ни глубока и свѣжа была ея скорбь. Такъ «душѣ боголюбивой свойственно подчинять Божественному все человѣческое ²⁾).

Святая Нонна сумѣла вложить въ душу ребенка такую любовь къ себѣ, такую благоговѣйную память, что св. Григорій пронесъ эти чувства къ матери до гроба, дѣлая ее незримою участницею во всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни. Уже въ силу однихъ этихъ чувствъ, св. Григорій пріучался любить тѣ добродѣтели, которыя любила мать.

Если Нонна оказывала благотворное воспитательное вліяніе на сына благочестивою семейною обстановкою и личными своими добродѣтелями, то отъ отца онъ могъ научиться благородному обхожденію съ посторонними людьми. Выдѣляясь своими общественными добродѣтелями, благодаря коимъ онъ такъ скоро былъ призванъ къ пастырскому служенію, Григорій старшій въ управленіи Назіанзскою церковью проявилъ много благоразумія, справедливости, сдержанности, достоинства и безкорыстія. Въ распоряженіи общественнымъ церковнымъ достояніемъ онъ былъ и бережливъ и благоразумно расточите-

¹⁾ Фаррарь ц. соч. V, 306

²⁾ II, 87—91.

лень. Не гоняясь за славой и почетомъ, онъ не былъ зараженъ искательствомъ и ласкательствомъ предъ высшими, заносчивостью предъ низшими. Съ непоколебимостью воли онъ рѣшалъ судебныя дѣла, не потворствуя пороку въ ущербъ добродѣтели. Смиранный, онъ смиреніе поставлялъ не въ согбеніи выи, не въ пониженіи голоса, не въ обритіи головы, не въ походкѣ, какъ иные, а въ благоустроеніи своей души, въ смиренномъ мнѣніи о себѣ и въ сознаніи и сокрушеніи о своихъ недостаткахъ, обычныхъ людямъ. Духовныя качества отца особенно сказывались въ отношеніи къ согрѣшающимъ и провинившимся, каковое у него было скорѣе отеческимъ, чѣмъ карательнымъ: онъ болѣе угрожалъ, чѣмъ наказывалъ. Если вспомнить грубость нравовъ тогдашняго общества, насквозь пропитаннаго языческимъ міровоззрѣніемъ, съ его презрѣніемъ къ чужой жизни, то мы оцѣнимъ всю высоту и благородство любвеобильнаго характера Григорія-отца. И эта черта,—человѣколюбіе, болѣе чѣмъ человѣческое,—осталась неизгладимой и въ характерѣ сына ¹⁾).

Вотъ та благочестивая среда, среди которой росъ и мужался будущій свѣтильникъ церкви. «Отъ пеленъ воспитанный во всемъ прекрасномъ,—говоритъ онъ о самомъ себѣ,—потому что имѣлъ совершеннѣйшіе образцы для себя дома, тогда еще пріобрѣлъ я какую-то старческую степенность, и какъ облако къ облаку мало-по-малу скопилось во мнѣ усердіе къ усовершенствованію» ²⁾).

Развитію благочестиваго настроенія сына особенно способствовала мать. Нонна употребила всѣ усилія къ тому, чтобы воспитать въ сынѣ твердое желаніе быть достойнымъ даннаго ею обѣта. Такъ, однажды, приведши сына къ алтарю, она очистила его руки возложеніемъ ихъ на божественныя книги, и обнявъ его, трогательно просила его исполнить ея матернсе

¹⁾ П. 101: V, 209

²⁾ VI, 8

желаніе—стремиться къ совершенству въ жизни. «Это доброе богатство даю тебѣ, сынъ мой, для сей и будущей жизни, особенно для будущей,—говорила она¹⁾. Это было первое посвященіе Богу св. Григорія. Съ того времени священные книги были первыми друзьями св. Григорія, вдохновлявшими его къ совершенной жизни. «Съ радостью читалъ я, говорить онъ, книги, въ которыхъ проповѣдуется о Богѣ»²⁾. Онъ обильно питали душу его священными переживаніями. По мѣрѣ того, какъ Григорій возрасталъ, преуспѣвалъ въ немъ и укрѣплялся разумъ. Чтеніе Священныхъ книгъ, а также общеніе съ мужами, совершенными по нравамъ,—живыми образцами чистоты и святости жизни, каковыми, кромѣ родителей, могли быть дѣвственники и отшельники, посвятившіе себя подвижнической жизни, коихъ удобно было встрѣтить Григорію въ благочестивомъ домѣ родителей,—рано заронили въ его душу искреннее стремленіе къ дѣвственной жизни. Юная душа отрока охотно принимала въ себя новый образъ благочестія, подвигаясь сохранить печать цѣломудрія, обуздать плоть, питать горячую любовь къ Божественной мудрости и къ дѣвственной монашеской жизни,—этому началку жизни будущей, къ жизни, приносящей въ даръ Богу чистую любовь, безраздѣльную между міромъ и духомъ, и приводящей человѣка-бога, изъ земли сотвореннаго, къ Богу небесному, съ великимъ Божиимъ образомъ привлекая и помощника души—тѣло, подобно магниту, притягивающему желѣзо»³⁾.

Появленіе, укрѣпленіе и наростаніе такихъ чувствованій св. Григорій относитъ къ милосердію Христа, Который явно бесѣдовалъ съ рабомъ Своимъ.

Такъ образовывали родители нѣжное сердце отрока, впечатлѣвая въ немъ святыя настроенія, подобно тому, какъ «не-

¹⁾ IV, 242

²⁾ VI, 8

³⁾ IV, 242

давно ссѣдшійся творогъ принимаетъ форму сосуда, въ которомъ находится» ¹⁾).

Хотя умъ отрока и былъ разцвѣченъ «не худыми красками», хотя онъ и видѣлъ въ окружающей его обстановкѣ образцы добродѣтелей, но въ тотъ періодъ развитія своего, когда умъ, не имѣя въ самомъ себѣ твердыхъ умопредставленій, по необходимости отпечатлѣваетъ въ сердцѣ чужіе нравы, требовалось совнѣ сильнѣйшее закрѣпленіе возрастающихъ чувствованій. И такое дано было св. Григорію въ сонномъ видѣніи, навсегда запечатлѣвшемъ въ немъ склонность къ дѣвственной и любомудренной жизни. Ему представились двѣ прекрасныя дѣвы, по виду много выше земнородныхъ, — Чистота и Цѣломудріе, предстоящія, по ихъ словамъ, Царю Христу и улаждающія красотами небесныхъ дѣвственниковъ. Они полюбили отрока за его влеченіе къ нимъ, цѣловали и убѣждали соединить свой умъ и свѣтильникъ съ ихъ сердцами и свѣтильниками, чтобы его просвѣтленнаго, перенёся чрезъ эфирныя высоты, могли поставить предъ сіяніемъ безсмертной Троицы ²⁾). Это видѣніе побудило св. Григорія стремиться къ мудрости и до конца жизни остаться дѣвственникомъ, хотя у него не только не встрѣчается пренебрежительныхъ отзывовъ о супружеской жизни, но, наоборотъ, имѣется восхваленіе ея ³⁾).

Домашнюю товарищескую среду Григорія составляли братъ Кесарій и сестра Горгонія. И Кесарій ⁴⁾ и Горгонія ⁵⁾ много содѣйствовали истинному христіанскому образованію Григорія, потому что были славны своими добродѣтелями. Кесарій былъ моложе Григорія, но, при отличныхъ дарованіяхъ, не отставалъ отъ него въ ученіи.

¹⁾ VI, 255

²⁾ IV, 276

³⁾ V, 52—3

⁴⁾ I, 203; V, 302; VI, 113.

Совмѣстное образованіе ума и сердца запечатлѣло кровный союзъ братьевъ сердечнымъ союзомъ душъ—дружествомъ ¹⁾).

Съ глубокимъ и неотразимымъ влеченіемъ къ созерцательной и уединенной жизни въ юношѣ Григоріи рано проявилось горячее стремленіе къ научному образованію. «Еще не опушились ланиты мои, а мною овладѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ»,—говоритъ онъ ²⁾). Одаренный отъ природы богатыми способностями и необыкновенно пытливымъ умомъ, онъ хотѣлъ непременно познакомиться со всею тогдашнею мудростью и соединить знаніе вещей божественныхъ съ науками человѣческими. Григорій жаждалъ знанія не только для самаго знанія, но и руководился при этомъ другими высшими цѣлями: онъ хотѣлъ посвятить себя всецѣло служенію церкви, которой служилъ отецъ и къ которой онъ принадлежалъ всею душою самъ, хотя и не былъ еще крещенъ. Онъ видѣлъ, какую опасность представляли для церкви разнаго рода ереси, глубоко волновавшіе ее, и понималъ, что для защиты и сохраненія истины необходимо ложному знанію и суемудренному богословствованію противопоставить истинное знаніе и чистое богословствованіе.

У Григорія особенно развивалась любовь къ изученію краснорѣчія, которое тогда считалось наиболѣе могущественнымъ средствомъ защиты истины. На изученіе краснорѣчія Григорій и обратилъ свое особенное вниманіе съ цѣлью „и не совсѣмъ чистыя ученія присоединить на помощь къ ученіямъ истиннымъ, чтобы не дать преимущества надъ собою тѣмъ мудрецамъ вѣка, которые, ничему дѣльному не обучившись, кромѣ суетнаго и пустаго краснословія, состоящаго въ громкихъ и благозвучныхъ словахъ, этимъ самымъ превозносятся, и чтобы самому имѣть возможность не запутываться въ хитросплетеніяхъ лжеумствованій ³⁾).

¹⁾ I, слово 7

²⁾ VI, 8

³⁾ VI, 8

Первымъ учителемъ краснорѣчія для св. Григорія былъ дядя по матери—Амфилохій, человѣкъ благочестивый, благородный, «насколько пламенный своимъ краснорѣчіемъ, настолько по праву и сердцу являвшій себя слаще меда». Очевидно, и въ этомъ выборѣ перваго учителя родители преслѣдовали не одну образовательную цѣль, но и воспитательную, давъ сыну первымъ наставникомъ благочестиво настроеннаго учителя. Благородный ученикъ сохранилъ къ Амфилохію нѣжныя чувства признательности, «словомъ возблагодаривъ его за слово, которому научился у него» ¹⁾.

Хотя Амфилохій и имѣлъ «ключъ разумѣнія для всякой книги, смертнымъ ли она писана, или пренебеснымъ» ²⁾, однако, онъ могъ быть для Григорія только первоначальнымъ учителемъ. Удовлетворить запросамъ высшаго любовѣдѣнія небольшой городъ Назіанзъ съ его незначительными образовательными источниками, понятно, не могъ. И Григорій въ стремленіи, чтобы «ничто изъ хорошаго не ускользнуло отъ него и чтобы ему ни въ чемъ не отстать отъ трудолюбивой пчелы, которая со всякаго цвѣтка собираетъ самое полезное» ³⁾, въ видахъ достиженія намѣченной выше цѣли, принужденъ былъ отправиться въ научное путешествіе.

Повидимому, Григорію, съ его выразившимся стремленіемъ къ созерцательной жизни, всего естественнѣе было остаться дома, или присоединиться къ сонму земныхъ Ангеловъ, особенно послѣ видѣнія неземныхъ дѣвъ. Но Промыслъ Божій судилъ иначе. Онъ пріуготовлялъ Григорія въ свѣтилиники Христовой Церкви, къ тому высокому служенію, которое должно было потребовать отъ Григорія большаго образованія, нежели какое могли дать ему родители или иноки, въ простотѣ сердечной пекущіеся только о своемъ спасеніи, но незнакомые съ тѣми многосторонними свѣдѣніями, которые нужны защитнику вѣры,

¹⁾ V, 294.

²⁾ V, 293.

³⁾ II, 52

оплоту истины, учителю вселенной. Въ своемъ стремленіи къ любознательности Григорій не могъ не видѣть, что Господь приготавлилъ его къ чему-то необычайному, и что цѣль, которую поставлялъ себѣ Григорій въ изученіи свѣтскихъ наукъ, была совершенно согласна съ предначертаніями о немъ Промысла Божія, каковыя предначертанія Григорій впоследствии и осуществилъ ко благу Церкви Христовой.—Для достиженія этой цѣли Григорій и рѣшился, по примѣру образованныхъ людей своего времени, пройти школу полнаго тогдашняго образованія. Такъ какъ состоятельный отецъ могъ предоставить сыну необходимыя для этого средства, то онъ съ пламенностью юноши пустился въ путь, «какъ полный отваги молодой конь»¹⁾.

Мы подошли къ знаменательному явленію въ исторіи христіанскаго просвѣщенія—стремленію послѣдователей Христовой вѣры, призванной замѣнить собою язычество, черпать въ нѣдрахъ этого самаго язычества средства для своего образованія. Фактъ этотъ настолько знаменателенъ и богатъ своими выводами, что стоитъ того, чтобы остановить на себѣ наше вниманіе.

Правда, обычай путешествій съ образовательною цѣлью не есть порожденіе христіанства вообще, и разсматриваемаго періода въ частности: онъ унаслѣдованъ отъ лѣтъ древнихъ и былъ довольно распространеннымъ явленіемъ Греціи и Рима. Не говоря уже о такихъ классическихъ примѣрахъ, какъ путешествіе Платона въ Египеть и Испанію, самая система тогдашняго образованія дѣлала неизбѣжными образовательныя путешествія: правительственныхъ школъ не было, а существовали школы частныя, открывавшіяся софистами и риторамъ, за извѣстную плату допускавшими къ себѣ всѣхъ, желающихъ слушать ихъ курсы. Такъ какъ многолюдные знаменитые города могли доставить софистамъ наибольшее число слушателей,

¹⁾ VI, 8

то они, естественно, и группировались въ тогдашнихъ центрахъ торговли и искусствъ, въ наиболѣе значительныхъ городахъ Сиріи, Палестины, Египта, Греціи, Италіи. А такъ какъ школы ютились по разнымъ городамъ, то сама собою являлась необходимость переходить изъ города въ городъ для слѣшанія курса у того или другого мудреца. Бывало и такъ, что вся школа во главѣ съ учителями странствовала изъ одного мѣста въ другое. Но все это понятно было въ средѣ язычниковъ.

Имѣли ли достаточное нравственное основаніе христіане, владѣвшіе истиной, посѣщать языческія школы, угрожавшія имъ духовною заразою? Какой смыслъ былъ въ этихъ стремленіяхъ достать изъ загрязненнаго источника чистой воды?

Въ средѣ христіанскаго общества, дѣйствительно, было такое направленіе въ воспитаніи юношества, которое весь умственный кругозоръ его заключало въ изученіе Слова Божія. не дозволяя ему знакомиться съ языческою литературою и наукою. Это давало поводъ образованнымъ язычникамъ упрекать христіанъ въ невѣжествѣ. Оправдываясь, христіане указывали на Божественное вѣдѣніе Іисуса Христа, превышающее всякую ученость. Господь и Апостолы, говорили они, не предали намъ суетныхъ лжеумствованій, но заповѣдали въ простотѣ сердца сохранять вѣру, проявляя ее въ добрыхъ дѣлахъ. Языческія книги, по мнѣнію такихъ христіанъ, нужно сжечь, такъ какъ въ нихъ разсказывается о множествѣ грѣховъ, мерзостей и пороковъ, что развращаетъ добрые нравы¹⁾.

Родители другого направленія не чуждались языческой учености и находили возможнымъ и даже необходимымъ посылать своихъ дѣтей къ философамъ и риторамъ, внушая при этомъ держаться нѣкоторыхъ пріемовъ, которые позволяли бы имъ съ безопасностью для чистоты ихъ священныхъ вѣрованій

¹⁾ Архимъ Борпсъ: „Исторія христ. просвѣщенія въ его отношеніи къ греко-рпчской образованности“, пер II, изд 1890, стр. 6

обогащать умъ научными познаніями и развивать формальную логическую способность мышленія. Такіе христіанскіе юноши получали двойное воспитаніе: на ряду съ тщательнымъ религіознымъ воспитаніемъ, доставляемымъ въ семьѣ, въ церкви, иногда при монастыряхъ, они стремились получить высшее научное образованіе въ языческой школѣ.

Изъ примѣра многихъ замѣчательныхъ представителей этого направленія, времени IV вѣка, мы можемъ видѣть, какими обширными и основательными познаніями обладали они по философскимъ, естественнымъ, историческимъ наукамъ, не чуждаясь поэзіи, музыки. Имена свв. Василия Великаго, Григорія Нисскаго, Григорія Богослова и его брата Кесарія служатъ блистательнымъ тому подтвержденіемъ. Само собою понятно, что дома почерпнуть этой учености христіанамъ, которые едва только вышли изъ положенія людей, повсюду и за все преслѣдуемыхъ и гонимыхъ, было невозможно. Своихъ школъ они не имѣли еще, а если и имѣли, то эти школы не могли удовлетворять общему стремленію къ образованію по своей малочисленности. Изъ христіанскихъ школъ болѣе ранняго періода извѣстна, на примѣръ, только школа Пантена, преемника Аѣинагора (около 181 года), начальника Александрійской Академіи. Кромѣ того, въ связи съ упроченіемъ христіанства и возникновеніемъ опасеній за направленіе языческихъ риторовъ, извѣстно устройство Константиномъ Великимъ въ Византіи высшей школы Auditorium'a съ учителями христіанами ¹⁾; извѣстна передаваемая церковнымъ историкомъ Сократомъ забота Императора Констанція оградить своихъ племянниковъ Юліана и Галла отъ совращенія въ язычество чрезъ язычниковъ учителей ²⁾. Но что было возможно и доступно императорскимъ племянникамъ, то не было доступно всѣмъ или даже

¹⁾ Борнсъ Архим., ц. соч. стр. 16. 95 и др.; вопросъ о христіанственности всѣхъ безъ исключенія учителей „Auditorium'a" является сомнительнымъ.

²⁾ Сократъ, Церковная Исторія книга 5, глава I, изд. 1750 года, стр. 203.

большинству христіанской молодежи. Тѣмъ болѣе, что центръ образованности и учености не былъ связанъ съ дворомъ, и высшее образованіе по прежнему ютилось въ классическихъ городахъ.

Поэтому, останавливаясь на знаменательномъ стремленіи христіанскихъ юношей къ образовательнымъ путешествіямъ, мы имѣемъ въ виду не стремленія отдѣльныхъ личностей къ образованію, которыя, какъ дѣло частное, могли быть явленіемъ случайнымъ, съ характеромъ субъективнымъ, но съ фактами объективно-историческими, стоящими не особнякомъ отъ другихъ обстоятельствъ своей эпохи, а генетически связанными съ ними и представляющими собою прямое слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ комбинацій, фактами, за коими скрывается извѣстная историческая идея тогдашней церковно-исторической жизни. Не говоря уже о личныхъ похвальныхъ и поучительныхъ качествахъ людей, жаждавшихъ научнаго образованія, не говоря о той неизмѣримой пользѣ, которую пріобрѣтали эти личности, о томъ неизгладимомъ вліяніи, которое оказывали на весь духовный складъ ихъ изученіе наукъ,—въ этомъ знаменательномъ стремленіи христіанской молодежи къ изученію языческой учености сказался духъ того времени, чувствовалось перемѣщеніе центра тяжести, вѣяло новымъ направленіемъ жизни.

Дѣло въ томъ, что греко-римская цивилизація со времени появленія христіанства не показывала никакихъ задатковъ дальнѣйшаго развитія ко благу человѣчества; она потеряла изъ виду всякій идеаль, изъ котораго она могла бы заимствовать свою силу и значеніе. Чувствовалось, что языческая религія доживала свои послѣдніе дни: она изжилась, она одряхла, она давно уже перестала удовлетворять запросамъ пылливой мысли. Философскій скептицизмъ произвелъ въ ея основахъ разрушительное и чѣмъ непоправимое потрясеніе. Въ ней найдено было столько внутреннихъ несообразностей и противорѣчій, что языческій религіозный идеаль, прежде удо-

влиятворявшій античнаго челоуѣка, разлетѣлся, какъ дымъ, предъ всеокрушающимъ анализомъ философствующей мысли. Религія, бывшая рѣшительницею важнѣйшихъ проблемъ челоуѣческой мысли, становится предметомъ издѣвательства для комиковъ. Съ легкой руки Аристофана, высмѣивавшаго нѣкоторыя смѣшныя стороны религіознаго языческаго вѣрованія, другіе его преемники, какъ на примѣръ Лукіанъ, предметомъ комическаго творчества избираютъ все населеніе Олимпа и все содержаніе Пантеона ¹⁾). Особенно подорвано было довѣріе къ язычеству внесеніемъ культа обожествленія цезарей, ихъ женъ и приближенныхъ, когда всѣмъ извѣстны своими нравственными недостатками люди заживо возводились въ рангъ божествъ и заживо принимали божескія почести. Потерявъ кредитъ у языческаго образованнаго общества, разрушаемая внутренними неисцѣльными ранами, языческая религія становится достояніемъ только темныхъ народныхъ массъ, всегда и всюду наиболѣе консервативныхъ. Лучшіе люди съ чувствомъ глубокаго разочарованія и душевной неудовлетворенности бѣгутъ изъ полуразвалившагося зданія религіозныхъ вѣрованій и ищутъ спасенія въ философскихъ системахъ, тщательно отыскивая проблески истины въ ученіи ихъ представителей.

Въ это время на смѣну языческой культуры появляется и выходитъ на арену исторической жизни челоуѣчества новый строй жизни, новая культура—христіанская, изъ малаго зерна выросшая въ тиши подземелій и катакомбъ въ могучее дерево, раскинувшее свои вѣтви во всѣ стороны вселенной. Гонимая, виѣшне безсильная, Христова вѣра съ новымъ укладомъ отношеній, съ новою культурою, растетъ и крѣпнетъ подъ крики палачей и стоны истязуемыхъ, обильно поливаемая драгоценною кровью своихъ мучениковъ. Она сильна и крѣпка вну-

¹⁾ Проф. А. Лебедевъ „Христъ міръ и эл.-рим. цивилизація въ эпоху древней и “ (Чтенія въ Общ. Л. Д. Пр., 1873, Апр., 435).

треннею духовною силою, она полна жизнедѣятельныхъ соковъ, подобно молодому сочному растенію.

Среди тяжкихъ гоненій и преслѣдованій она мало-по-малу беретъ перевѣсъ надъ язычествомъ и къ началу IV вѣка упраздняетъ его на культурно-исторической почвѣ. Теперь, когда одряхлѣвшая греко-римская культура должна была уступить свое мѣсто на міровой аренѣ своей молодой преемницѣ, новой христіанской культурѣ естественно было подвести итогъ тому наслѣдству, которое досталось новой владѣлицѣ отъ старой. Трудно было сомнѣваться въ томъ, чтобы многовѣковая жизнь людей въ язычествѣ прошла безслѣдно для человѣческаго духа, не оставивъ ему никакого наслѣдія, хотя бы въ видѣ переживаній, впечатлѣній, думъ... И дѣйствительно, человѣческій геній создалъ довольно высокую образовательную культуру, процвѣтавшую въ широкихъ размѣрахъ въ классическій періодъ; настолько высокую, что она надолго оставалась предметомъ удивленія, да и теперь еще остается такою въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ, какъ примѣръ для подражанія.

Языческій міръ оставилъ много добрыхъ плодовъ въ области науки, литературы, философіи... Въ этомъ богатствѣ нужно было разобраться и разсмотрѣть, что изъ него можетъ быть принято и что отвергнуто. Кстати, въ это время въ христіанскомъ обществѣ начинаетъ быть господствующимъ тотъ взглядъ, что не все въ язычествѣ подлежитъ осужденію и отверженію. И вотъ церковь, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, устанавливаетъ свой взглядъ на значеніе древней классической литературы и науки для христіанскаго просвѣщенія, формулируетъ свои воззрѣнія на языческую культуру и, въ особенности, на отношеніе ея образовательныхъ элементовъ къ политеизму. Между прочимъ, этотъ взглядъ особенно ярко выраженъ въ двухъ обличительныхъ словахъ св. Григорія Богослова на императора Юліана, анализъ коихъ мы надѣемся дать въ своемъ мѣстѣ. А пока для нашей цѣли кратко укажемъ, что

языческая наука и краснорѣчіе, по этому взгляду, не связаны безусловно съ политеизмомъ, а какъ продукты общечеловѣческаго генія, какъ отеческое наслѣдство¹⁾, должны принадлежать всему человѣчеству, а не однимъ послѣдователямъ политеизма; что связь между языческою религіею и языческою образованностью не неразрывна, не безусловна такъ, чтобы съ отверженіемъ первой надлежало отвергнуться и послѣдней. Поэтому, языческая религія и образованность не одно и тоже: ставить и квалифицировать ихъ наравнѣ было бы важной ошибкой. Языческая религія, какъ вѣрованіе каждаго отдѣльнаго народа въ данный историческій моментъ, со смертію народа умираетъ, измѣняется. Наука же обуславливается не частною дѣятельностью каждаго народа отдѣльно, но коллективными усиліями всѣхъ историческихъ народовъ, какъ выраженіе и итогъ общечеловѣческаго прогресса. Каждый народъ не только владѣетъ результатами своей культурной работы, но и вноситъ ихъ въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній, какъ фундаментъ или исходную точку для развитія культуры послѣдующихъ поколѣній, самъ начавъ свою культуру съ конечнаго пункта предшествующихъ народовъ, съ готовой почвы ихъ культурныхъ результатовъ. Не будь этого закона историческаго прогресса, не могло быть и культуры.

Когда съ этимъ начинавшимъ преобладать и устанавливаться среди христіанскаго общества взглядомъ на значеніе языческой культуры мы всмотримся въ результатъ соприкосновенія двухъ культуръ и произведемъ при помощи этого критерія оцѣнку завѣщаннаго язычествомъ христіанству наслѣдства, то увидимъ, что посылка любознательныхъ христіанскихъ юношей въ центры языческой учености имѣла смыслъ командировки христіанствомъ лучшихъ своихъ передовыхъ силъ для принятія отъ старой культуры результатовъ ея духовнаго богатства, всего цѣннаго, достойнаго усвоенія и полезнаго

¹⁾ II, 129

для самого христіанства, для пересаживанія наилучшихъ пло- довъ ея на свою христіанскую почву ¹⁾. Язычество должно было исполнить свою послѣднюю историческую миссію: одрях- лѣвшими руками оно передавало христіанству свои культурныя сокровища, какія успѣло накопить за весь продолжительный періодъ своего существованія, какъ залогъ для дальнѣйшаго роста человѣческаго самосознанія. Оно это и сдѣлало, распи- савшись въ своей собственной несостоятельности и осязательно засвидѣтельствовавъ объ историческомъ ростѣ христіанства.

Отвѣчая сказаннымъ доселѣ на постановленные вопросы имѣлось-ли достаточное основаніе для путешествія христіан- скихъ юношей въ языческіе ученые центры и какой смыслъ видѣлся въ этихъ путешествіяхъ, мы думаемъ, что вполнѣ выясненнымъ представляется не только дозволенность, но и необходимость такихъ путешествій, вытекающихъ изъ за- коновъ прагматической связи описанныхъ историческихъ эпохъ, встрѣчи и послѣдняго обмѣна двухъ культуръ, древней и но- вой. Почему и путешествія эти не были случайнымъ явле- ніемъ, а имѣли глубокой смыслъ, были знаменіемъ своего времени, имѣли провиденціальное значеніе, скрывали за собою глубокую историческую идею, были причиною многихъ и добрыхъ слѣдствій для церковно-общественной жизни и науки, а потому, безъ сомнѣнія, находились подъ особымъ водитель- ствомъ Верховнаго Распорядителя человѣческихъ дѣлъ ²⁾.

Первымъ городомъ въ образовательномъ путешествіи св. Григорія была Кесарія ³⁾. Ее, руководительницу и наставницу въ словѣ, св. Григорій называетъ знаменитою «митрополіей наукъ», какъ и митрополіей городовъ, къ ней принадлежащихъ

¹⁾ П. Борисовскій, «Вѣра и Разумъ» 1894, 1/1, церк. отд., стр. 379. «Путе- шествія оо. и уч. Церкви II—IV вв. для самообразованія».

²⁾ II, 145.

³⁾ Caesaria—въ Каппадокіи, первоначально Mazaca, превращенный Тибе- ріемъ въ 18 г. по Р. Хр. и названный такъ въ честь императора При Валентѣ главный городъ Cappodocia prima (Тюбкеръ «Реальный словарь кл. древн.» т. II, 190).

и ею управляемыхъ. Науками она первенствовала среди Каппадокійскихъ городовъ. Науки же составляли ея лучшее богатство, украшеніе и характерную особенность, «подобно надписи на оружіи или на повѣсти» ¹⁾. Св. Григорій слушалъ здѣсь уроки Картерія, «мужа превосходнѣйшаго, который пользовался величайшей славой въ вещахъ божественныхъ» ²⁾. Въ надгробіи ему св. Григорій называетъ его «управлявшимъ кормиломъ его юности, когда онъ на чужой сторонѣ изучалъ слово» ³⁾. Картерій имѣлъ большое вліяніе на образованіе въ Григоріи добрыхъ нравовъ.

Сколько времени и при какихъ обстоятельствахъ протекало пребываніе Григорія въ Кесаріи, неизвѣстно. Но особенно знаменательна встрѣча здѣсь Григорія съ Василиемъ Великимъ, который, какъ и Григорій, послѣ домашняго воспитанія, искалъ образованія въ свѣтскихъ школахъ,—встрѣча, положившая начало трогательной потомъ дружбѣ двухъ выдающихся вселенскихъ учителей церкви ⁴⁾.

Возвратясь изъ Кесаріи на нѣкоторое время домой къ родителямъ, св. Григорій вскорѣ отправляется въ процвѣтавшія тогда Палестинскія училища, сопутствуемый братомъ Кесаріемъ, направлявшимся въ Александрію, это «источное мѣсто всякаго образованія» ⁵⁾.

Въ Палестинѣ вниманіе св. Григорія привлекла Кесарія Палестинская ⁶⁾, славившаяся ученостью своего ритора Θεοσπесία, или Теспесія, и своею библіотекою, собранною мученикомъ Панфиломъ ⁷⁾ Здѣсь Григорій учился краснорѣчію ⁸⁾ и впер-

¹⁾ IV, 53.

²⁾ Migne с с t XXXVII, с 1461

³⁾ V, 296.

⁴⁾ IV, 52.

⁵⁾ I, 198—9

⁶⁾ Первоначально „Στρατόπολις πύργος“—на границѣ Галилеи и Самаріи, распиренная Иродомъ I въ 13 г до Р Хр и названная имъ въ честь Августа „Caesaria“ (Любкеръ, ц. соч. стр. 190).

⁷⁾ Блажен. Иеронима „Книга о знаменитыхъ мужахъ“, глава 113

⁸⁾ I, 198

вые познакомились съ ученіемъ Оригена, вложившаго въ Кесарійскую бібліотеку много пергаментныхъ списковъ своихъ сочиненій.

Сходство характера рѣчи Григоріевой съ учителемъ краснорѣчія въ Смирнѣ.—Полемономъ, засвидѣтельствованное Іеронимомъ ¹⁾, даетъ основаніе думать, что св. Григорій слушалъ и софиста Полемона, для чего, поѣзжалъ и Смирну.

«Источное мѣсто всякаго образованія»—Александрія ²⁾ со времени Птолемея Лаговъ возведенная на степень столицы учености и литературы своего времени, не могла не привлечь вниманія глубоководаровитаго и любознательнаго Григорія ³⁾. Правда, цвѣтущее время Птолемея,—время расцвѣта наукъ, тогда здѣсь уже окончилось; однако, Александрія давала пріютъ всевозможнымъ религіознымъ, философскимъ и естественнымъ наукамъ. Ея богатая бібліотека въ 400.000 свитковъ, уничтоженная изъ фанатизма Теофиломъ въ 389 г. при Θεодосіи Великомъ, способна была удовлетворить самой любознательной пытливости. Ея музей составлялъ центральный пунктъ образованія и учености.

Свою «пламенную любовь къ наукамъ» Григорій вполне могъ насытить здѣсь ⁴⁾. Грамматика въ смыслѣ древнихъ была предметомъ особыхъ занятій. Труды Александрійцевъ въ математикѣ и астрономіи были замѣчательны. Здѣсь процвѣтала критическая разработка греческихъ авторовъ, существовали отдѣльные «*χαρόμεν*»—поэтовъ, лириковъ, трагиковъ, историковъ, ямбографовъ и т. п. Поэзія Александрійской школы

¹⁾ Ц соч. Бл. Іер сапут CXVI, стр 339.

²⁾ Одинъ изъ многихъ городовъ съ такимъ названіемъ. «*ἡ Πύττος*» основанная въ 331 г до Р. Хр. для утвержд. греческаго владычества въ Египтѣ на узкой полосѣ между Средиземнымъ и Марсійскимъ озеромъ, отличавшаяся надменностью и легкомысліемъ своихъ жителей (Тюбкеръ, ц. соч. стр. 57—58)

³⁾ I. 9

⁴⁾ VI. 5

носила особый отпечатокъ и славилась чистотою слова, гладкостью и правильностью построения стиха.

Но Александрія, со времени Пантена, Климента и Оригена, съ своимъ знаменитымъ огласительнымъ училищемъ, была центромъ и христіанской образованности. Здѣсь живъ былъ знаменитый Дидимъ слѣпецъ, достойный преемникъ основателей и устроителей огласительнаго училища. Около 350 г. возвратился въ Александрію изъ долгаго изгнаничества столпъ православія — св. Аѳанасій; живы были подвижники аскетизма — св. Антоній и Павелъ Оивейскій.

Александрійская школа отличалась возвышенно-спекулятивнымъ характеромъ и выспреннымъ идеализмомъ; съ любовью она занималась вопросами, принадлежащими къ области трансцендентальнаго; труднѣйшіе вопросы богословскіе не утрущали ее, а, напротивъ, поощряли къ наибольшему углубленію въ нихъ. Но она постигала подробные вопросы болѣе внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ ¹⁾.

Несомнѣнно, что Александрія своими свѣтскими и духовными сокровищами произвела на Григорія громадное вліяніе, отразившееся на складѣ и направленіи его ума, на выработкѣ и характерѣ его религіозно-философскаго міросозерцанія. Знакомство его съ Платоновой философіей началось здѣсь. Большая и замѣтная зависимость Григоріева богословствованія отъ Оригена и св. Аѳанасія объясняется уроками Дидима и общеніемъ съ св. Аѳанасіемъ. Аскетическое направленіе души, всецѣлая преданность Богу и отрѣшенность отъ міра, самоотверженное служеніе св. Церкви и рѣшимость посвятить себя цѣложизненной защитѣ православія отъ ересей, если не были навѣяны, то были сильно подогрѣты и воспитаны примѣромъ жизнедѣятельности св. Аѳанасія и бесѣдами съ св. отшельниками.

Цѣль странничества Григоріева не была бы вполне дости-

¹⁾ „Вселенскіе Соборы IV и V вв.“ А. Лебедевъ, изд. 1879, стр. 34

гнута, если-бы онъ не посѣтилъ послѣдняго знаменитаго центра языческой учености—Аѳинъ, матери Платона и Демосфена, «этой обители наукъ, если для кого, то для меня, говорить св. Григорій, подлинно золотыхъ и доставившихъ мнѣ много добраго» ¹⁾ и въ области религіозно-философскаго мышленія, и въ области сердечныхъ чувствованій, такъ какъ Аѳины сроднили душу его съ душой Василия Великаго.

Желаніе посѣтить Аѳины было такъ велико, что не дождавшись благопріятнаго времени, Григорій садится въ Егинскій корабль. Былъ ноябрь мѣсяцъ, время бурь и непогоды, когда «плыть было бы дѣломъ дерзости, а не благоразумія» ²⁾. Но Григорій смѣло хочетъ разсѣкать море, несясь прямо въ Элладу. Однако, около острова Кипра въ Парѳенскомъ морѣ корабль ихъ не выдержалъ плаванія и грозилъ неминуемою гибелью. Поднялась страшная буря, какой, по словамъ моряковъ, не бывало дотолѣ на ихъ памяти. Все погрузилось въ мракъ. Земля, море, эфиръ, омраченное небо,—все слилось въ одну ночь, продолжавшуюся двадцать два дня. Только удары молніи освѣщали зловѣщее море и бѣдствующій корабль. Руль не дѣйствовалъ, корабль разсѣлся, вода затопила подводную часть его, прѣсная вода ушла чрезъ трещины. Всѣхъ обуялъ смертный ужасъ. Отчаянный плачъ и крики пловцовъ смѣшались съ ударами громовыхъ раскатовъ и съ зловѣщимъ поскрыпываніемъ разбивавшаго судна. Всѣ, и знавшіе и не знавшіе дотолѣ Бога, призывали имя Христова. Для Григорія очевидная гибель была тѣмъ горестнѣе, что онъ не былъ омытъ водами крещенія, которыя соединили бы его съ Богомъ. Объ этомъ онъ проливалъ слезы, возносилъ вопли, заглушаемые шумомъ морскихъ волнъ, простиралъ руки, терзалъ одежду и, ницъ распростершись, лежалъ подавленный горестью. Невольно приходили на память ему молитвенное напутствіе его матери и ея пожеланіе о благополучномъ одновременномъ

¹⁾ IV. 53

²⁾ VI. 9. II. 107.

возвращеніи обоихъ сыновей. Вспоминалась прошедшая жизнь, отъ перваго посвященія его Богу еще матерью и до настоящаго бѣдственнаго момента, и агонія ужаса увеличивается сознаниемъ неисполненнаго долга предъ Богомъ.

И вотъ теперь, приводя на память многочисленные случаи чудодѣйственной помощи Божіей, Григорій вторично, уже сознательно, посвящаетъ себя Богу и всецѣло предается Его водительству. «Твой я былъ прежде, Твой и теперь... Для Тебя я буду жить, если избѣгну опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня, какъ даръ суши и моря» ¹⁾, взывалъ онъ. Его горестный истерзаннѣйшій видъ обратилъ на себя вниманіе спутниковъ; общее несчастье сдѣлало всѣхъ благочестивѣе, и всѣ соединились съ Григоріемъ въ молитвенномъ воплѣ о спасеніи. А дома родители, извѣщенные соннымъ видѣніемъ о бѣдствіи сына, какъ потомъ выяснилось, возносили свою горячую молитву объ избавленіи его отъ опасности, «какъ бы заговаривая волны» ²⁾.

Господь услышалъ мольбы родителей и самого страждущаго, и даровалъ спасеніе всѣмъ плившимъ съ нимъ, которые потомъ всѣ приняли крещеніе и получили, такимъ образомъ, двоякое спасеніе. Финикійскіе купцы замѣтили крайнее бѣдствіе корабля и, съ опасностью для своей жизни, при помощи багровъ и сильныхъ рукъ, спасли полумертвыхъ мореплавателей, доставивъ ихъ въ Эгинскую гавань на островѣ Родосѣ. Ближайшій спутникъ Григорія, одинъ христіанскій мальчикъ, видѣлъ во снѣ св. Нонну, которая вошла въ море, взяла корабль и извлекла его на сушу: св. Григорій всегда считалъ мать своимъ ангеломъ хранителемъ и участницей ихъ общихъ бѣдъ. Въ этомъ же своемъ спасеніи онъ видѣлъ промыслительную десницу Божію, извлекающую его изъ власти всегубительнаго демона, старавшагося погубить его ³⁾.

¹⁾ VI, 10.

²⁾ II, 107

³⁾ II, 107

Аѳины, око Греціи, славились изученіемъ языческой древности¹⁾. Замѣчательно, что св. Григорій, описывая свое пребываніе въ Аѳинахъ, не упоминаетъ ни о знаменитыхъ величественностью и художественными украшеніями языческихъ строеніяхъ, ни о монументальныхъ сооруженіяхъ правительственныхъ зданій, но прямо начинаетъ говорить объ интересующемъ его предметѣ—наукахъ. Это и понятно: Аѳинская школа была первенствующею среди греческихъ школъ. «Сюда стекались со всѣхъ концовъ земли молодые люди, желавшіе усвоить себѣ древнюю образованность, несмотря на то, что изъ нея уже давно исчезъ духъ древности»²⁾. Св. Григорій свидѣтельствуетъ о весьма развитой среди Аѳинянъ страсти къ софистическимъ спорамъ, своего рода спорту, привлекавшему грековъ не менѣе, чѣмъ нѣкогда Олимпійскія игры³⁾. Отсюда, наплывъ народа и вражда партій были здѣсь иногда столь велики и опасны, что правительственная власть принуждена была принимать въ огражденіе общественной безопасности особыя мѣры.

Къ сожалѣнію, истинная наука въ Аѳинской школѣ почти исчезла. Философы и риторы тогдашнихъ Аѳинъ были совершенно чужды духа Сократа, Платона и Демосѳена. То были софисты, не имѣвшіе почти ничего общаго съ древнѣйшей серьезной и глубокомысленной философіей, но выставившіе вмѣсто прежней простоты и естественности, искусственность и эффектъ, при томъ же преслѣдовавшіе не столько научныя, сколько матеріальныя цѣли.

Занятіе учителей, обучавшихъ древней литературѣ, сосредоточивались на краснорѣчіи, діалектическихъ тонкостяхъ и

1) Столица Аттики,—главное средоточіе древне-элл. культуры, сѣдалище греческой философіи, наукъ и искусствъ. — основана за 1500 лѣтъ до Р. Хр., на берегу Эгейскаго залива, въ слияніи 2 хъ рѣкъ Кефисса и Иллыса, въ 4 километрахъ отъ морской гавани Пирея (Больш. Энцикл. II, 350; Прав. Богосл. Энцикл. II, 189; Нагг. Энци. (Слов. Гарбеля I, 369)

2) Шлоссеръ, „Всемирная Исторія“, I, 248

3) IV, 55

мистическомъ объясненіи древняго религіознаго ученія и мнимой философіи, соотвѣтствовавшей общему направленію тогдашней учености. Но вслѣдствіе упадка въ обществѣ интереса къ философскому мышленію, имѣющаго свое объясненіе въ общемъ упадкѣ греко-римской культуры; вслѣдствіе низведенія самими учителями, жившими исключительно на получаемыя отъ учениковъ деньги за слушаніе уроковъ, своего почтеннаго занятія къ ремеслу; вслѣдствіе распространявшагося все болѣе и болѣе среди общества взгляда на образованіе, какъ на способъ наилучшаго созданія себѣ карьеры, чему болѣе всего способствовало изученіе софистическаго краснорѣчія,—сами учителя все болѣе и болѣе проникались духомъ ремесла и пошлостью низшихъ классовъ общества. Въ то время, когда ученики, занятые въ большинствѣ одною формою, не обращали вниманія на самыя мысли, учителя, потворствуя вкусамъ публики, стали заботиться не о самомъ знаніи, а о томъ вліяніи, какое оно можетъ доставить обладателю его. Главною цѣлью образованія стало не образованіе ума и изящнаго вкуса, а одно приобрѣтеніе средствъ къ жизни и достиженіе внѣшняго свѣтскаго лоска. Эти явленія находились, конечно, въ тѣсной связи съ общимъ упадкомъ религіи и нравственности. Вслѣдствіе такого пониженія вкусовъ и вслѣдствіе такихъ требованій отъ школы, учителя рѣдко стояли на высотѣ своего призванія. Большинство изъ нихъ были житейскіе неудачники, весьма бѣдные, часто не имѣвшіе куска хлѣба ¹⁾). вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ того же профессора, порядки въ школахъ царили необычайные: хозяевами положенія являлись не учителя, а ученики, которые позволяли себѣ въ обращеніи съ учителями, съ товарищами и съ гражданами города все, что только можетъ, хотя и не на долго, занять извращенное чувство избалованныхъ бездѣльниковъ ²⁾).

¹⁾ А. П. Лебедевъ „Собраніе ц.-пет. соч.“ т. X, стр. 308

²⁾ А. П. Лебедевъ „Исторія параллели“ „Душеног. Чт.“ 1855, I, стр. 10

Нравы студенческой молодежи довольно картинно и подробно описывает самъ Григорій. Студенчество, по его словамъ, это — беспорядочная толпа по молодости и неудержимости въ стремленіяхъ. Изъ пристрастія не столько къ самой софистикѣ, сколько къ своимъ учителямъ по вопросамъ, касающимся чести и выгоды послѣднихъ, они приходили въ такое неистовство, азартъ и препирательство между собою, что вполне копировали тогдашнія сцены вокругъ бѣговаго ипподрома. Ихъ раздѣленія на партіи по учителямъ представляли изъ себя скопища необузданной волиницы, терроризовавшей населеніе города, который раздѣлили они на участки. Всякій новоприбывшій, особенно если онъ былъ неопытенъ, неминуемо попадалъ въ руки какой-нибудь партіи, всѣми мѣрами старавшейся сдѣлать его своимъ прозелитомъ. Эта «ловля лисицъ» часто переходила въ «битву ихъ за лисицы». Затѣмъ, слѣдовало посвященіе новичка, — «баня» — аттическій законъ, въ которомъ съ дѣломъ смѣшивается шуточное, обычай, подвергавшій новоприбывшаго шуткамъ и издѣвательствамъ, иногда болѣе дерзкимъ, чѣмъ остроумнымъ. Уплатою главнымъ софистамъ-акромитамъ извѣстной суммы за свое водвореніе и за право ношенія плаща окончивался пріемъ въ товарищи новичка ¹⁾).

Было бы заблужденіемъ думать, что теперь новоприбывшій всецѣло предается учебнымъ занятіямъ. Нравы товарищескаго кружка неотразимо дѣйствуютъ на его членовъ, особенно слабыхъ. Кромѣ лѣности, пренебрежительнаго отношенія къ учителямъ, еще болѣе недобросовѣстнаго отношенія къ учебнымъ занятіямъ, характерною особенностію «косматыхъ юношей» того времени были — устройство шумныхъ пирушекъ съ непотребными пѣснями, въ видѣ Милезійской пошлости «завѣщаніе свиньи» ²⁾), взаимныя побоища ученическихъ круж-

¹⁾ IV. 53 и др.

²⁾ Бл. Иеронимъ: «Апостолія противъ Руфина», кн. I гл. IV, стр. 21

ковъ, пристрастіе къ разнаго рода зрѣлищамъ, особенно къ конскимъ ристалищамъ съ ихъ азартомъ и неистовствомъ, въ чемъ юноши старались не отставать отъ старшихъ, посѣщеніе школъ пантомимовъ съ ихъ безнравственными и развращающими чувство плясками и, какъ результатъ такого воспитанія, почти поголовное половое воздержаніе, при чемъ этого рода «пути вавилонскіе» служили признакомъ молодечества, одобрялись и являлись даже предметомъ гордости и похвалы въ товарищеской средѣ.

Какое впечатлѣніе получалось въ душѣ свѣжаго человѣка отъ такой нравственной и физической грязи студенческой жизни, можно судить изъ примѣра св. Василія Великаго, который, по словамъ св. Григорія Богослова, скоро разочаровался въ Аѳинахъ, «этомъ обманчивомъ блаженствѣ, сдѣлался печальнымъ, сталъ скорбѣть духомъ и укорять себя за свой пріѣздъ въ Аѳины ¹⁾. Поэтому, тѣмъ цѣннѣе для характеристики св. Григорія выяснить, какова была его жизнь въ Аѳинахъ, чему изъ внѣшней учености онъ научился и какую пользу вынесъ изъ шестилѣтняго пребыванія въ школѣ.

Въ то время, когда другіе молодые люди между своими собратьями, въ порывахъ юности и отважной стремительности, предавались излишествамъ, св. Григорій проводилъ тихую жизнь, жилъ въ страхѣ Божіемъ, «стараясь первенствовать между знавшими въ томъ, что есть самое первое» ²⁾. Домашнее воспитаніе въ благочестиво-настроенной средѣ, образцы совершеннѣйшей жизни въ лицѣ родителей и близкихъ лицъ, личная воздержная жизнь и, наконецъ, уроки благочестія своихъ предшественниковъ наставниковъ помгли св. Григорію устоять и укрѣпиться среди товарищескихъ соблазновъ. Въ его памяти на всю жизнь, какъ уже упоминалось, напечатлѣны были слова матери при первомъ посвященіи его Богу. Когда она, освятивъ его руки свящ. книгами, убѣждала

¹⁾ Т. IV, 58

²⁾ VI 11

его быть достойнымъ ея обѣтовъ. Еще такъ недавно, во время бѣдственнаго морского плаванія, онъ самъ, уже вполне сознательно и свободно, вторично посвятилъ себя Богу. Наконецъ въ самой Элладѣ Григорію пришлось перенести большое потрясеніе, когда во время постигшаго ее землетрясенія, не видя ниоткуда помощи, ему вторично пришлось трепетать отъ того, что «душа его не была освящена тою благодатью и тѣмъ озареніемъ, которыя подаются въ купели» ¹⁾. Все это способствовало развитію въ Григоріи чувствъ страха Божія, столь благодѣтельныхъ для человѣка какъ всегда, такъ въ особенности въ исключительные моменты его жизни. Такимъ исключительнымъ моментомъ для св. Григорія и былъ Аѳинскій періодъ его жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ прибылъ туда 24-хъ лѣтнимъ юношей и прожилъ 6 лѣтъ. Возрастъ этотъ, обычно, бываетъ временемъ расцвѣта и духовныхъ и физическихъ силъ человѣка. Никогда болѣе сильно и болѣе страстно не проявляется жажда жизни, какъ въ эту весеннюю пору человѣческой жизни. Никогда бессознательныя требованія физической природы человѣка не бываютъ болѣе настойчивыми и повелительными, чѣмъ теперь. Тридцатые годы жизни имѣютъ громадное рѣшающее значеніе и въ формировкѣ духовнаго облика человѣка. Въ эти годы нравственнаго перелома и кризиса вполне рельефно обрисовывается или духовный, или душевный человѣкъ; то направленіе и то содержаніе, какое онъ понесетъ чрезъ всю свою жизнь, получаетъ здѣсь свое рѣшающее опредѣленіе. Въ эту критическую пору созиданія и утвержденія своей духовной самоопредѣляемости въ мѣру возраста мужа совершеннаго, св. Григорій, «подобно тому источнику, который среди горькихъ водъ моря остается сладкимъ, не увлекался тѣми, которые вели къ пагубѣ, но самъ привлекалъ друзей къ совершенному» ²⁾. Онъ не растворился въ общемъ рѣчномъ потокѣ,

¹⁾ IV, 238

²⁾ VI, 11.

въ общей студенческой массѣ, не смѣшался съ нею, а создалъ свой необычайный для окружающей его среды образъ жизни, который способствовалъ осуществленію той идеи, которая, изгнавъ его изъ родной семьи и страны, привела на время въ Аѳины ¹⁾.

Господь и здѣсь оказалъ св. Григорію благодѣяніе, соединивъ его узами дружбы съ человѣкомъ самымъ мудрымъ, который одинъ и жизнью и словомъ былъ всѣхъ выше и который восполнилъ тѣ недостатки характера Григорія, какія могли быть гибельными для него. Разумѣется—св. Василій, «это великое пріобрѣтеніе для того вѣка», прибывшій въ Аѳины съ тою же цѣлью, что и Григорій, только немного позже его ²⁾.

Слухъ объ учености и способностяхъ Василія предварилъ его пріѣздъ, такъ что къ его пріѣзду имя его было на устахъ у всѣхъ: на него возлагали большія надежды, его ожидали, его дружбы искали ³⁾. Зная характеръ Василія по Кесарійскому училищу, характеръ серьезный, твердый, Григорій постарался избавить Василія отъ практиковавшагося обычая пріема въ корпорацію-бани, каковой процессіи не вынесла-бы душа Василія. Эта дружеская услуга закрѣпила чувства двухъ каппадокійцевъ и была началомъ любви, «уязвившей ихъ обоихъ» ⁴⁾. Вскорѣ Григорію пришлось оказать и вторичную услугу Василю въ его софистическомъ спорѣ съ армянами, своимъ вмѣшательствомъ пристыдивъ и поразивъ ихъ. Наконецъ, когда Василій, составивъ себѣ невыгодное мнѣніе объ Аѳинахъ по первымъ столкновеніямъ съ непріятными сторонами школьной жизни въ нихъ, впалъ въ скорбь, уныніе и разочарованіе, Григорій во время подкрѣпилъ павшаго духомъ друга, разсѣялъ его сомнѣніе и привелъ въ спо-

¹⁾ IV, 54.

²⁾ VI, 11

³⁾ IV, 54

⁴⁾ IV, 57

койное расположеніе духа, убѣдивъ, посредствомъ доказательствъ, что ученость познается не по краткимъ и маловажнымъ опытамъ, а въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени и по тщательномъ испытаніи. Эти опыты взаимной дружбы повели къ тому, что когда друзья открыли другъ другу свои глубины сердечныя, высказали все, что ихъ волнуетъ и чѣмъ они живутъ, то они соединились между собою тѣснѣйшими узами любви, стали другъ для друга все—«и товарищи, и сотрапезники, и родные, потому что одинаковость чувствованій и взаимная привязанность сдѣлали ихъ неразлучными» ¹⁾).

Особенно сильно и нѣжно привязался къ другу Григорій. Это и понятно, если мы примемъ во вниманіе, что Григорій, при многихъ блестящихъ сторонахъ своего характера, имѣлъ такія черты, которыя могли совершенно испортить его жизнь среди развращенныхъ Аѳинъ. А именно, онъ былъ натура женственная, склонная къ мистицизму, не имѣвшая надлежащей закаленности и настойчивости, крайне довѣрчивая и легко уступавшая и, притомъ, совсѣмъ не знавшая практической жизни. Вотъ эти то недостатки и восполнялъ Василій, сильный дѣломъ и словомъ, практичный, настойчивый, мужественный, любившій доводить дѣло до конца.

У друзей—каппадокійцевъ былъ одинъ общій предметъ желаній—любомудріе, одна цѣль—Богъ и стремленіе къ совершенству, одно упражненіе—добродѣтель, одно усиліе—отрѣшнаясь отъ земного, жить для будущихъ надеждъ. Поэтому, какъ у cadaго бываютъ болѣе или менѣе характерныя прозванія, наглядно свидѣтельствующія объ отличіи отъ другихъ, свои собственные или наслѣдственные названія, по роду—ли званія или занятія, такъ у двухъ каппадокійцевъ было одно великое дѣло и имя—быть и именоваться христіанами ²⁾). Двое они составляли какъ бы одну душу, которая поддержи-

¹⁾ IV, 58, VI, 11

²⁾ IV, 60

вають два тѣла, были «чета не безчестная» для Эллады. Все у нихъ было общее: вмѣстѣ они учились, жили, размышляли. Основаніемъ ихъ тѣсной связи была связь не земная, скоро-преходящая, подобно весеннимъ цвѣтамъ, но Божественная по содержанію, одухотворенная по проявленіямъ.

Много соблазновъ окружало ихъ, много поводовъ къ паденію было вокругъ. Пребываніе въ блестящей и полной жизни эллинской столицѣ, доставляя возможность въ совершенствѣ изучить интересовавшія каппадокійцевъ науки, представляло, однакоже, величайшую опасность для чистоты ихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій. Кругомъ ихъ, на холмахъ и долинахъ, высились великолѣпные храмы языческихъ боговъ и ихъ изображенія, коимъ воздавалось всенародное поклоненіе и всевозможныя почести. Ихъ учителя были язычники, которые употребляли все искусство краснорѣчія, чтобы придать своей религіи наилучшій и привлекательный видъ, облакая древнѣйшіе міфы въ философскую мистическую форму и скрывая всю нелѣпость и неприглядность ихъ подъ покрывами метафоръ и аллегорій. И вообще, едва ли гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ было столько друзей и почитателей умиравшаго уже тогда язычества, сколько ихъ было въ Аѣинахъ. Поэтому, не безъ основанія люди благочестивые считали Аѣины душепагубными, каковыми они и были для другихъ по той причинѣ, что изобиловали худымъ богатствомъ—идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься вмѣстѣ съ другими, хвалящими и защищающими ихъ ¹⁾).

И однако, Григорій и Василій—«священная двоица»,—оставались твердыми и недоступными ни для какихъ соблазновъ: ни поэтический блескъ, ни философское остроуміе не въ состояніи были затмить и уничтожить добрыхъ христіанскихъ началъ, вложенныхъ въ нихъ домашнимъ воспитаніемъ. Они не понесли отъ идольскаго обольщенія никакого вреда:

другъ друга они взаимно укрѣпили и поддерживали отъ соблазновъ, какъ бы «золотыми столпами подперши создаемый чертогъ добротѣнный внутренней чистоты и непорочности»¹⁾. Они были другъ для друга какъ бы «правиломъ и отвѣсомъ которыми строители провѣряютъ правильность возводимыхъ стѣнъ»: когда колебался одинъ изъ нихъ, тогда по убѣжденіямъ и взглядамъ другого онъ опредѣлялъ, что прямо и что не прямо въ его поведеніи или образѣ мыслей. Эта взаимная любовная поддержка повела къ тому, что они, «сжавши и заградивши свои сердца отъ окружающаго нечестія», самый предметъ соблазна,—обиліе Аѳинскихъ идоловъ и аксессуаровъ языческаго культа,—обратили въ поводъ къ утвержденію въ вѣрѣ чрезъ познаніе обманчивости и лживости демоновъ, научившись презирать ихъ тамъ, гдѣ особенно было развито ихъ почитаніе. Своимъ поведеніемъ они какъ бы походили на миѣческое животное, которое остается цѣлымъ среди окружающаго его огня.

Одна душа проявлялась у Каппадокійцевъ и въ сближеніи съ товарищами. Изъ послѣднихъ они выбирали не наглыхъ, а цѣломудренныхъ, не задорныхъ, а миролюбимыхъ, такихъ, съ которыми можно было бы сойтись не безъ пользы. Они всемѣрно избѣгали дружелюбія съ порочными, полагая, что легче заимствовать порокъ, чѣмъ передать добродѣтель, равно какъ легче самому заразиться болѣзнью, чѣмъ другому сообщить свое здоровье.

«Изъ многихъ дорогъ, по которымъ ходила Аѳинская молодежь», намъ извѣстны были,—говоритъ св. Григорій, вспоминая это время,—двѣ дороги,—одна, это—первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая, это—вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ внѣшнимъ. Другія же дороги—на праздники, въ зрѣлища, въ народныя

¹⁾ IV, 59

стеченія, на пирищества—мы предоставляли желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитаю того, что не ведетъ къ добродѣтели и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя» ¹⁾. Такъ, «Эллада и любезная юность, и все, и самая плоть уступили Христу» ²⁾.

Такимъ образомъ, одновременное пребываніе въ Аѳинахъ и сближеніе, перешедшее въ душевную дружбу Григорія и Василія,—настолько неразлучную, что отдѣлить ихъ значило бы то же, что разсѣчь надвое одно тѣло ³⁾, имѣли неотразимо—благотворное вліяніе на св. Григорія: они помогли ему, одинокому среди развращеннаго сотоварищества, во взаимной дружеской поддержкѣ черпать силу и энергію въ огребаніи отъ всего злого и сквернаго; они способствовали укрѣпленію и выработкѣ его нравственного характера; они были оплотомъ и огражденіемъ въ бурномъ потокѣ жизни Аѳинскаго студенчества. Св. Григорій неоднократно свидѣтельствуетъ о томъ невыразимо глубокомъ вліяніи, какое оказывалъ на него твердый характеръ св. Василія съ его положительностью и основательностью. „У меня и теперь еще (уже на старости лѣтъ) текутъ слезы при воспоминаніи о тогдашнемъ разставаніи»,—вспоминалъ онъ ⁴⁾.

Риторскія школы и объемъ научнаго образованія, представлявшіяся любознательности христіанскихъ юношей въ Аѳинскихъ высшихъ школахъ времени пребыванія Григорія, приблизительно были слѣдующія.

По свидѣтельству Сократа Схоластика ⁵⁾, Григорій слушалъ въ Аѳинахъ знаменитыхъ въ то время риторовъ Имерія и Проэрессия. Имерій, родомъ изъ Вифиніи, былъ язычникъ, хотя всегда относился къ христіанамъ съ умѣренностью и терпи-

¹⁾ IV, 60.

²⁾ V, 318

³⁾ IV, 64

⁴⁾ VI, 12

⁵⁾ Церк. Истор. кн. IV, гл. 6, изд. 1858 г., стр. 365

мостью. Царскій племянникъ Юліанъ, одновременно съ Григоріемъ слушавшій Имерія, впоследствии ставъ императоромъ, приблизилъ его къ себѣ, въ качествѣ секретаря. Проэрессій, родомъ изъ Арменіи, былъ христіанинъ, однако, послѣ эдикта Юліанова, принужденъ былъ прекратить свое преподаваніе. Въ надгробіи ему, св. Григорій величаетъ его за краснорѣчіе „солнцемъ въ сравненіи съ высокоувѣщими софистами, его соперниками; его рѣчи—новорождающими, приводившими въ потрясеніе весь міръ и производившими въ Аттікѣ новый громъ“ ¹⁾).

Возможно, что Григорій слушалъ въ Аѳинахъ и знаменитаго ритора Ливанія ²⁾, впоследствии ведшаго переписку съ Василиемъ Великимъ ³⁾.

Обычный курсъ наукъ въ тогдашнихъ школахъ составляли 2 главныя группы познаній: группа наукъ физико-математическихъ и группа наукъ гуманитарныхъ. Первая группа подъ именемъ quadrivium'a состояла изъ ариѳметики, геометріи, музыки и астрономіи; вторая—trivium, изъ грамматики, риторики и діалектики ⁴⁾. Всѣ эти науки и служили предметомъ изученія Григорія, какъ это видно изъ перечисленія имъ самимъ тѣхъ наукъ, въ коихъ преусиѣвалъ его другъ, а слѣдовательно и самъ онъ ⁵⁾.

Въ приводимомъ перечнѣ наукъ нѣтъ музыки. Но если принять во вниманіе, что у древнихъ грековъ подъ музыкой разумѣлось изученіе гармоніи въ гораздо болѣе широкоемъ смыслѣ, чѣмъ у насъ, — именно управленіе страстями, самообладаніе, уравниженіе желаній, молитва,—то о семъ отча-

¹⁾ V, 288.

²⁾ Свидѣтельство Сократа схоластика (Церк. Истор. кн VI, 26 г) о томъ, что Григорій съ Василиемъ отправлялись въ Антіохію слушать Ливанія, нигдѣ въ твореніяхъ Григорія не подтверждается.

³⁾ Св. Василій Вел. т. VII, стр. 288—296.

⁴⁾ Архим. Борисъ. „Исторія христіанск. просвѣщенія“, пер II стр 449: дѣленіе наукъ иногда разнообразилось.

⁵⁾ IV, 63.

сти упоминаетъ Григорій, когда говоритъ о «нравственномъ обученіи» ¹⁾. Съ другой стороны, св. Григорій перечисляетъ такіе предметы, кои не входили въ нормальный курсъ и, очевидно, составляли предметъ высшаго изученія у свободныхъ художниковъ ихъ. Сюда у Григорія относятся: 1) *Исторія*, заключавшая въ себѣ коллективную мудрость народовъ и собраніе мыслей многихъ поколѣній; преподаваніе исторіи, достигая въ классической древности высокой степени развитія, относилось собственно къ области литературы и подъ ея именемъ составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ высшихъ школахъ; 2) *Философія*, коей главный центръ сосредоточивался въ Аѳинахъ, съ характеромъ неоплатонической школы. Философы были представителями всей науки, всей мудрости, почему обычно и философія разумѣлась подъ названіемъ «науки». Въ виду страсти древнихъ къ тріадамъ, философія раздѣлялась на 3 части—логику, фізику и этику, изъ коихъ каждая въ свою очередь дѣлилась также на 3 части: 3) *Поэзія*. Съ ней Григорій могъ познакомиться еще въ Александріи, имѣвшей корифеевъ этого искусства; здѣсь же, въ Аѳинахъ, Григорій могъ докончить свое совершенствованіе въ области изученія законовъ поэтическихъ формъ и построеній; 4) *Медицина*, — «Врачебная наука», въ коей особенно преуспѣлъ, по словамъ Григорія, св. Василій Великій, какъ необходимой прежде всего ему самому по причинѣ слабости здоровья. Не видно изъ твореній св. Григорія, чтобы онъ практиковалъ «врачебную науку». Но она составляла предметъ особыхъ вниманій христіанскихъ юношей и въ силу ея практической необходимости, и, главное, въ противодѣйствіе языческому культу Эскулапа, для устраненія повода къ соблазнамъ и въ этой сторонѣ общественной жизни христіанъ; 5) наконецъ, *Нравственное обученіе*, въ коемъ преуспѣвалъ св. Григорій, относилось не столько къ области науч-

наго изученія у риторовъ, сколько къ области наростанія благочестивыхъ навыковъ и укрѣпленія въ вѣрѣ и святыхъ чувствованіяхъ, кои почерпалъ св. Григорій изъ посѣщеній Аѳинскихъ христіанскихъ храмовъ, изъ сношенія съ Аѳинскими христіанами и изъ постоянного взаимообщенія съ св. Василиемъ Великимъ, явившимъ «какъ жизнь, равную ученію, такъ и ученіе, равное жизни» ¹⁾.

Вотъ тѣ науки, которыя изучалъ св. Григорій въ Аѳинахъ. О томъ, какъ относился онъ къ нимъ, мы имѣемъ свидѣтельство его самого. Онъ говоритъ, что въ усвоеніи всѣхъ предметовъ обученія онъ слѣдовалъ принципу: «брать все полезное и откидывать все бесполезное для желающихъ жить благочестиво» ²⁾.

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Аѳинахъ, Григорій долженъ былъ покинуть ихъ. Къ этому влекло его и чувства любви къ родителямъ и завершеніе своего образованія. Свое отбытіе изъ Аѳинъ онъ предполагаетъ сдѣлать совмѣстно съ св. Василиемъ Великимъ. «Нужны, говоритъ онъ, стали объятія и слезныя напутственныя рѣчи» ³⁾.

Слѣдуетъ упомянуть, что въ Аѳинахъ св. Григорій встрѣтился съ племянникомъ и наслѣдникомъ Констанція, будущимъ императоромъ Юліаномъ, въ коемъ, онъ, какъ одаренный значительною проницательностью, провидѣлъ истинныя качества этого злого порожденія времени IV вѣка, что и выразилъ въ мѣткомъ опредѣленіи: «какое зло воспитываетъ Римская имперія» ⁴⁾. Если мы еще упомянемъ, что трогательная сцена прощанія и разставанія съ Аѳинами совершенно неожиданно закончилась для св. Григорія прощаніемъ лишь только съ св. Василиемъ, оставшимся непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи возвратиться домой, Григорій же на короткое время остался въ Аѳи-

¹⁾ V, 316.

²⁾ VI, 63

³⁾ VI, 12

I, 169

нахъ и занялъ должность учителя словесности, «въ коей онъ показалъ первенство» ¹⁾),—то Аѳинскій періодъ жизни св. Григорія можетъ считаться исчерпаннымъ.

Пробывъ въ Аѳинахъ послѣ ухода св. Василія Великаго недолго, св. Григорій, «подобно гомерическому коню, разорвавъ узы сдерживающихъ, оставляетъ за собою равнину и несется къ своему другу» ²⁾), возвращается въ родную Каппадокію. Это было около 359 года.

Совершенно естественно въ данный моментъ, когда св. Григорій, почти послѣ десятилѣтняго странствованія съ научною цѣлью, закончивъ свое образованіе въ тогдашнихъ центрахъ науки и литературы, возвращается домой не горячимъ порывистымъ юношей, какимъ мы его видѣли, а тридцатилѣтнимъ мужчиной ³⁾), «подобно кораблю столько нагруженному ученостью, сколько сіе вмѣстительно человѣческой природѣ» ⁴⁾),— совершенно естественно опредѣлить, къ какимъ же результатамъ привело его десятилѣтнее странствованіе, что дала ему внѣшняя наука, какую пользу онъ извлекъ изъ нея для себя и для Церкви Христовой, на служеніе которой, онъ уже дважды посвятилъ себя?

Св. Григорій не былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ наука является только внѣшнимъ украшеніемъ или развлеченіемъ. Болѣе чѣмъ кто-либо другой онъ признавалъ изученіе наукъ въ высшей степени полезнымъ для всѣхъ людей и во всѣхъ положеніяхъ.

Вотъ его мысли по этому поводу: «одна слава была для меня привлекательна, говоритъ онъ, — отличатся познаніями, какія собрали востокъ и западъ и краса Элады—Аѳины; надъ этимъ трудился я много и долгое время. Но всѣ эти познанія я положилъ къ стопамъ Христовымъ» ⁵⁾). «Какъ нѣтъ

¹⁾ VI, 12

²⁾ IV, 65.

³⁾ VI, 12; I, 200

⁴⁾ IV, 64.

⁵⁾ V, 216.

въ міръ столь блестящаго положенія, которое не получило бы новаго блеска отъ образованія, такъ, равнымъ образомъ, нѣтъ болѣе прочнаго счастья и славы, какъ истинное образованіе, котораго не можетъ отнять ни превратности жизни, ни людская зависть». «Наука есть первое изъ благъ... Славу знанія я предпочитаю всему. Научныя познанія — прекрасный вѣнецъ, который не поблекнетъ. Это — жемчужина, счастливымъ купцомъ коей долженъ сдѣлаться всякій; это лучший сподвижникъ и спутникъ всей жизни и вождь на пути къ небу; и въ счастья и въ несчастія оно — вѣрный другъ и со товарищъ» ¹⁾).

Таковъ первый результатъ общенія св. Григорія съ образованнымъ міромъ. У него не только не остыла любовь къ наукѣ, но онъ часто доходитъ до истиннаго пафоса, описывая величіе и пользу образованія. И эту восторженность предъ наукою онъ пронесъ, какъ увидимъ потомъ, чрезъ всю жизнь, уже на старости всѣми средствами стараясь доставить другимъ доступъ къ образованію.

Греческое энциклопедическое образованіе, пройденное св. Григоріемъ, способствовало обогащенію его ума познаніями и приобрѣтенію навыка правильно, изящно и свободно выражать свои мысли. Оно развило въ немъ формальную сторону ума, крайне необходимую какъ для каждаго христіанина, такъ, въ особенности, для посвящающаго себя на миссіонерское служеніе церкви, для отличенія истиннаго отъ ложнаго, для защищенія вѣры отъ нападенія враговъ при помощи ихъ же оружія — тонкихъ изворотовъ и искусныхъ діалектическихъ приемовъ. Въ этомъ отношеніи, особенно цѣнно было для св. Григорія изученіе и преуспѣяніе въ діалектикѣ. Такъ какъ она, діалектика, была весьма развита и почитаема у современниковъ св. Григорія, пользовалась большимъ уваженіемъ и значеніемъ, а ея знаніе почиталось необходимымъ для всякаго ученаго чело-вѣка,

¹⁾ V, 240—243; I, 180—181

то понятно, что св. Григорію, поборнику истины, нужно было быть «сильнымъ и въ ней, и особенно въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противорѣчіями, а также состязаніемъ, такъ, чтобы противнику легче было выйти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей слова»¹⁾).

И онъ, какъ видно изъ его словъ, этого достигъ.

Затѣмъ, развитіе формальной способности мышленія, давая св. Григорію возможность сравнивать христіанское ученіе съ доктринами языческихъ философовъ и выяснять безусловное превосходство перваго надъ послѣднимъ, крайне важно было для него въ достиженіи и положительныхъ результатовъ,—для научнаго раскрытія догматовъ вѣры и, вообще, для рѣшенія высшихъ вопросовъ богословской науки. Оно нужно было для правильнаго толкованія св. Писанія, въ каковомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ нужны были какъ плоды учености, такъ и природныя дарованія: и всестороннее развитіе, и образованіе, и проницательность, и глубина мысли.

Но такимъ формально-методологическимъ значеніемъ важность изученія классической литературы и науки для св. Григорія не ограничилась. Богатство и разнообразіе пріобрѣтенныхъ имъ знаній служило еще какъ съ одной стороны приготовленіемъ къ высшему и основательному изученію основаній христіанской религіи, т. е. было пропедевтикою для богословскаго образованія, такъ, съ другой стороны, давало и матеріальное содержаніе такому образованію, обогащая самое содержаніе христіанской литературы и науки цѣнными элементами античной интеллектуальной культуры. Такимъ образомъ, внѣшняя ученость была для св. Григорія и служебнымъ орудіемъ, и дополнительнымъ матеріаломъ, обогащавшимъ его для предстоявшей ему дѣятельности. Но къ этому матеріалу св. Григорій относился разборчиво и осторожно: онъ заимствовалъ

¹⁾ IV, 63.

не все, а только лучшее и полезнѣйшее, «подобно пчелѣ собирающей медъ и съ вредоносныхъ растений» ¹⁾).

Особенно полюбилъ св. Григорій краснорѣчіе, которое замѣняло ему всѣ радости жизни, было драгоценнымъ стяжаніемъ и основаніемъ его жизни ²⁾). Онъ такъ развилъ свой природный даръ краснорѣчія, что сдѣлался однимъ изъ величайшихъ церковныхъ ораторовъ.

Въ сочиненіяхъ св. Григорія мы видимъ, затѣмъ, блестящее раскрытіе тѣхъ знаній, умѣній, искусствъ и навыковъ, кои онъ стяжалъ во время своего образовательнаго путешествія по выдающимся центрамъ тогдашняго ученаго міра. Онъ пріобрѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы сдѣлаться однимъ изъ творцовъ христіанской богословской науки.

Итакъ, «до дна исчерпавши жаднымъ умомъ сладкую чашу наукъ и научившись эллинской мудрости не слегка» ³⁾), св. Григорій возвращается домой съ цѣлью посвятить себя любознательной жизни.

Совершенно случайно по человѣческимъ соображеніямъ, но не безъ воли Божіей, по молитвамъ матери Нонны, св. Григорій приходитъ домой въ сопровожденіи брата Кесарія, котораго онъ встрѣтилъ въ Византіи возвращающимся моремъ изъ Александріи, тогда какъ св. Григорій изъ Аѳинъ прибылъ сушею. Встрѣча эта произошла помимо всякаго соумышленія или соглашенія прибыть въ одно время въ одинъ городъ. «Такъ Богъ награждаетъ любовь родителей къ благонравнымъ дѣтямъ» ⁴⁾).

Кесарію, пріобрѣтшему блестящими дарованіями и неутомимымъ трудолюбіемъ громадную извѣстность въ изученіи врачебной науки, предстояла завидная карьера при дворѣ, вниманіе государей, знатное супружество, мѣсто въ сенатѣ.

¹⁾ IV, 52.

²⁾ V, 240

³⁾ V, 242; I, 108.

⁴⁾ I, 290

Суета мірская соблазняла его. Онъ готовъ былъ уступить ей. Но св. Григорій обличаетъ его въ постыдномъ пристрастіи къ свѣтскому званію и заставляетъ посѣтить родителей ¹⁾.

Утоливъ жажду знанія, св. Григорій мечтою своей жизни поставилъ любомудріе, которое онъ понималъ, какъ «отрѣшеніе отъ міра и пребываніе съ Богомъ, чтобы чрезъ долънее восходить къ горнему и посредствомъ непостояннаго и скоропреходящаго приобрѣтать постоянное и вѣчное пребывающее» ²⁾. Но прежде чѣмъ св. Григорію удалось для самого себя разрѣшить вопросъ, какимъ путемъ итти къ осуществленію своей мечты, ему пришлось покориться просьбамъ своихъ друзей, которые требовали отъ св. Григорія, какъ долга, показать образцы своего краснорѣчія. И онъ долженъ былъ удовлетворить этому недугу людей, выступивъ съ нѣсколькими рѣчами. Но такъ какъ св. Григорія совсѣмъ не интересовали «ни рукоплесканіе, ни говоръ удивленія, ни упоенія, ни поклоненія, которыми обычно выражаютъ восхищеніе предъ софистами» ³⁾, то онъ рѣшительно отказался отъ общественныхъ должностей и началъ готовиться къ принятію крещенія, которое теперь стало главнѣйшимъ событіемъ его жизни, долженствовавшимъ всецѣло соединить его со Христомъ и омыть всѣ грѣхи его прежней жизни.

О самомъ совершеніи крещенія св. Григорія подробныхъ свѣдѣній не имѣется. Однако, самъ онъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ и переживаніяхъ, которыя вызвало въ немъ крещеніе. Оно было для него дѣйствительнымъ отреченіемъ отъ міра и всецѣлымъ посвященіемъ Христу. Съ этого момента все, что имѣлъ св. Григорій,—его таланты, краснорѣчіе, будущіе ученые труды—все онъ обѣщаетъ принести къ подножію Престола Божія въ качествѣ жертвы, «подобно тому,

¹⁾ VI, 94

²⁾ VI, 14

³⁾ VI, 13.

какъ иныя, собравъ свое золото, кидали его въ глубину, доказывая тѣмъ свою духовную свободу въ отношеніи къ имуществу, и свое отреченіе отъ міра» ¹⁾). Эту благодарственную жертву, этотъ даръ свой св. Григорій цѣнитъ выше золота, дороже многоцѣнныхъ камней, цѣнитъ ткани, святѣе жертвы подзабонной, угоднѣе всесожженій, ибо это—все богатство его, коимъ онъ, какъ счастливый купецъ обладаетъ, которое онъ цѣнитъ и любитъ,—все это онъ отдаетъ за жемчужину, за наслѣдіе вѣчной жизни ²⁾).

Правда, стремленіе къ единенію съ Богомъ и готовность всецѣло посвятить себя на служеніе Ему, обнаружилось въ св. Григоріи еще раньше, подъ вліяніемъ домашняго воспитанія. Теперь же изученіе неоплатонической философіи еще болѣе способствовало укрѣпленію и развитію этого мистическаго стремленія души св. Григорія, при чемъ оно у него не останавливалось на одной только теоретической сторонѣ, какъ это было у платониковъ, а соединялось съ практической стороною,—съ стремленіемъ къ личному духовному совершенствованію. Стремленіе къ теоретическому знанію и философскому созерцанію Высочайшаго Существа у него тѣсно и неразрывно связано было съ склонностью къ подвигамъ добродѣтели и благочестивому самоотреченію. Онъ полагалъ, что одного знанія безъ добродѣтели для единенія съ Богомъ недостаточно: добродѣтель есть ступень, ведущая къ созерцанію, которое, поэтому, возможно только для чистой святой души. По этимъ соображеніямъ, въ теченіе всей своей жизни св. Григорій стремился въ пустыню, чтобы въ подвигахъ аскетизма предаться созерцанію и мистическому единенію съ Богомъ. А такъ какъ стремленію къ пустыннымъ подвигамъ непреодолимымъ препятствіемъ служили разнаго рода обязанности, то онъ всю жизнь тяготился внутреннимъ разладомъ:

¹⁾ VI, 12

²⁾ I, 179—180.

съ одной стороны жаждою безмолвія пустыни, съ другой сознаниѣмъ долга служить церкви. «Мнѣ надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою въ пропастьхъ, горахъ и утесахъ, думалъ онъ; тамъ, бѣгая отъ всего, отъ самой сей жизни, отъ всѣхъ житейскихъ и плотскихъ заботъ, живя одинъ вдали отъ людей, носилъ бы я въ сердцѣ всецѣлаго Христа, къ Единому Богу вознося чистый умъ, пока не облегчила бы меня смерть, наступивъ вмѣстѣ съ исполненіемъ надеждъ» ¹⁾).

Такъ надлежало бы... Но жизнь церковная предъявляла къ нему свои требованія. Св. Григорію предстояло сдѣлать выборъ. Нужно было на что-либо рѣшиться. И вотъ онъ зоветъ во внутреннее судилище своихъ друзей—помыслы, этихъ искреннихъ совѣтниковъ, и въ страшномъ круговоротѣ ихъ старается найти рѣшеніе своей жизненной задачи. Хотя давно было рѣшено бросить все плотское въ глубину забвенія, нравилось это и теперь, но при ближайшемъ разсмотрѣніи путей божественныхъ, не такъ легко было найти путь лучший и гладкій. Два образа благочестивой жизни представлялись взору св. Григорія: созерцательный, образъ Іліи, Іоанна Крестителя, и дѣятельный, путь проповѣдниковъ и истолкователей слова Божія; но послѣднее занятіе—не дѣло пустыни ²⁾). Св. Григорій колебался, какъй образъ жизни избрать ему: удалиться ли въ уединеніе, или остаться въ мірѣ жить дѣвственникомъ? Тотъ и другой путь, очевидно, были извѣстны ему еще изъ Александріи. Съ одной стороны жизнь пустынно-ческая—*ἀσκήσις*, жизнь св. Антонія Великаго, отшельническая, привлекала его своею строгостью; съ другой,—жаждущій служить своими дарованіями ближнимъ, онъ приклонялся къ *μυαδές*, къ жизни св. Аѳанасія, къ простой и строгой жизни подвижниковъ, которые проводили жизнь безбрачную, не уединяясь въ пустыню, но занимаясь дѣлами общественными.

¹⁾ IV, 236

²⁾ VI, 13

Однако же, и тотъ и другой пути не удовлетворяли св. Григорія. Я примѣчалъ, говоритъ онъ, что люди, которымъ нравится дѣятельная жизнь, полезны въ обществѣ, но бесполезны себѣ, и ихъ возмущаютъ бѣдствія, отъ чего мягкій нравъ ихъ приходитъ въ волненіе. Видѣлъ также, что живущіе внѣ міра почему-то гораздо благоустроеннѣе и безмолвнымъ умомъ взираютъ къ Богу; но они полезны только себѣ. Любовь ихъ заключена въ тѣсный кругъ, а жизнь, какую проводятъ, необычайна и сурова» ¹⁾).

Потому, св. Григорій рѣшилъ создать себѣ средній путь, который примирилъ бы блага отшельниковъ съ невыгодами подвижниковъ, занявъ у однихъ собранность ума, а у другихъ—стараніе быть полезнымъ для общества.

Рѣшающее значеніе въ этой борьбѣ помысловъ заняла любовь св. Григорія къ родителямъ: «она, какъ грузъ, влекла къ землѣ.» Жалость къ родителямъ, эта «пріятнѣйшая изъ всѣхъ страстей», побудила его избрать такой путь, который давалъ бы ему возможность уплачивать долгъ родившимъ за ихъ постоянныя заботы, и трепетаніе за сына, «какъ за глазъ своей жизни», и удовлетворять своимъ душевнымъ запросамъ ²⁾).

И вотъ, св. Григорій избираетъ «Царскій путь»: онъ «отказывается отъ милой супруги и дѣтей, отъ утѣхъ семейной и общественной жизни, богатство и власть не привлекаютъ его, другимъ уступаетъ онъ мягкія одежды, роскошныя кудри, цирковыя и театральныя зрѣлища, а подклоняетъ свою выю подъ иго строгаго цѣломудрія, по образу вѣчно-юныхъ существъ (ангеловъ)» ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отказывается и отъ приглашенія св. Василія Великаго раздѣлить съ нимъ отшельническую жизнь въ Понтѣ и остается при родителяхъ «лелѣять ихъ старость, водить ихъ за руку, угождать ихъ

¹⁾ VI, 13—1

²⁾ IV, 236; 13—14

³⁾ XI, 256—

возрасту». Здѣсь онъ находитъ возможность подвизаться въ любомудріи: не показывая и вида, что трудится для жизни превосходящей, онъ, однако, всецѣло принадлежитъ ей.

Такъ, оставаясь въ міру и раздѣляя дѣятельную жизнь христіанскихъ руководителей, примѣры коихъ въ лицѣ отца епископа были у него на глазахъ, онъ хранилъ привязанность къ жизни монашеской, которую полагалъ «не въ мѣстѣ пребыванія, а въ обузданіи нрава» ¹⁾. Скромно, не занимая никакой должности и надѣясь тѣмъ сохранить въ чистотѣ свое сердце, онъ какъ бы отходитъ отъ жизни, и въ то же время принимаетъ въ ней участіе постольку, поскольку это нужно было для его сыновнихъ обязанностей, вполне справедливо полагая, что «услуживая родителямъ, онъ служитъ Христу» ²⁾. Создавъ себѣ, въ своемъ сердцѣ, пустыню среди многопечительной жизни въ епископскомъ отцовскомъ домѣ, онъ хочетъ уйти въ себя, чтобы безраздѣльно сосредоточиться на любомудріи, чтобы предаться любимому богомыслию и философствованію, богатый матеріалъ для чего онъ собралъ въ минувшіе годы. Служеніе въ священномъ чинѣ или, какъ онъ говоритъ, «церковная каѳедра» была достаточна для него, но онъ всеѣмъ существомъ своимъ хотѣлъ стоять вдали ея: она казалась для него недостигаемою, и при томъ завидною, но опасною высотой,—тѣмъ же, чѣмъ бываетъ солнечный свѣтъ для слабыхъ глазъ ³⁾. Поэтому, отъ жизненныхъ переворотовъ онъ ждалъ всего, только никакъ не того, чтобы быть на каѳедрѣ. Но Господь судилъ иначе...

¹⁾ VI, 11.

²⁾ IV, 231

³⁾ VI, 14

Г Л А В А 2-я.

„Не благочестно и не безопасно перейти молчаніемъ мужей, прославившихся благочестіемъ“ (твор. св. Григорія Богослова, II, 146)

Четвертое столѣтіе было весьма знаменательнымъ въ жизни Церкви Христовой и въ жизни греко-римскаго общества.

Ставъ религіей дозволенной, христіанство необходимо вошло въ тѣсное соприкосновеніе съ государствомъ, оказывая на него свое вліяніе и, въ то же время, считаясь съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ себѣ со стороны высшаго представителя государства—императора. Поэтому, въ судьбѣ Церкви теперь имѣютъ громадное значеніе этотъ новый факторъ, какъ слѣдствіе реформированнаго строя жизни. Если въ предшествующіе вѣка Церковь Христова считалась съ государственною властью, какъ своимъ врагомъ и, въ лучшемъ случаѣ, съ мирнымъ недругомъ, только до времени не поднимающимъ своего оружія на нее, но за то и не вмѣшивающимся во внутреннюю жизнь и строй ея, то теперь, съ IV вѣка, появляются государи, которые непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ вѣроученіе и строй церкви производятъ такое замѣшательство и нестроеніе, какія могутъ быть измышлены только силами ада. Въ политическомъ отношеніи четвертый вѣкъ называютъ временемъ <агоніи римской имперіи>. Тотчасъ послѣ смерти Діоклитіана громадная всемірная имперія начинаетъ распадаться, тѣснямая отовнѣ со всѣхъ сторонъ варварами и раздираемая внутренними раздорами кесарей за обладаніе императорскою короной.

Единая римская имперія, при огромномъ скопленіи народовъ, сохранявшихъ свои законы, обычаи и самобытность и связанныхъ съ имперіей только внѣшнимъ образомъ,—уплатою податей и подчиненіемъ Римскимъ проконсуламъ,—стремится къ разложенію на свои составныя части, какъ только всемогущій дотолѣ римскій мечъ началъ опускаться. Чрезвычайное расширеніе имперіи на Востокъ вызвало перенесеніе столицы въ Византію и способствовало старому Риму обособляться и ковать ковы противъ молодой соперницы. Это стремленіе быстро было усвоено, между прочимъ, римскими епископами, проявившими склонность наследовать бывшее значеніе императорской власти и возстановить ее подъ знаменемъ папскаго престола. Въмѣстѣ съ тѣмъ, давно понижавшееся состояніе правовъ вылилось въ упадокъ ихъ, обусловливаемый умаленіемъ вѣры въ боговъ и распространеніемъ матеріалистическихъ ученій. Такимъ образомъ, начавшая политически дряхлѣть имперія обезсиливается общественными нестроеніями. Въмѣстѣ съ симъ, своеволие и своекорыстіе составляютъ отличительную черту въ образѣ дѣйствій правителей этого времени. Напрасно съ царскаго трона раздаются призывы къ обществу на борьбу съ глубоко внѣдрившимся зломъ. «Когда же, наконецъ, прекратится хищничество судей, когда исчезнетъ оно, повторяю я»,—писалъ Константинъ Великій съ исполненнымъ горькаго негодованія чувствомъ. Всѣхъ подданныхъ онъ призывалъ объявлять лично ему о незаконныхъ поступкахъ правителей, судей, вельможъ, даже друзей своихъ. «Смѣло являйся ко мнѣ и всякъ объявляй свою жалобу: я самъ все выслушаю и самъ отомщу за себя» ¹⁾. Очевидно, велико было зло, глубока была перча государственной машины, если требовались такіе призывы, едва ли достигавшіе, впрочемъ, своей цѣли. Слишкомъ неустойчиво было положеніе самихъ императоровъ, слишкомъ

¹⁾ Прав. Соб. 1860, I, 38 (Дѣял. насг. церкви IV в по отношен. къ общ. ж.)

сильно было вліяніе евнуховъ, легко продававшихся. «Золото всегда ниспровергало истину»,—любилъ говорить св. Григорій, характеризуя нравы современниковъ ¹⁾).

Плачевно было состояніе народовъ при указанномъ обликѣ правительственныхъ чиновниковъ: равнодушные къ общественной пользѣ и занятые своекорыстными расчетами, они нерѣдко являлись бичами подвластныхъ областей. Народъ угнетенный, заброшенный коснѣлъ въ невѣжествѣ, грубости, лѣности, безпечности, дикости. «Безчеловѣчіе и жестокость одного къ другому стали больше, нежели у варваровъ»,—замѣчаетъ св. Григорій ²⁾).

Это было время, полное важныхъ событій въ области церковной жизни и религіозной мысли,—событій, имѣвшихъ громадное значеніе на всю послѣдующую судьбу Церкви. Покончивъ съ своими врагами,—іудействомъ и язычествомъ, и завоевавъ себѣ право на почетное существованіе трехвѣковыми страданіями, Церковь, возведенная изъ катакомбъ и пустынь на тронъ кесарей, вступаетъ теперь въ періодъ своего внутренняго развитія, развертывается теперь во всемъ блескѣ и величіи. Христіанскій геній проявляется во всѣхъ областяхъ знанія—въ богословской догматикѣ, священной экзегетикѣ, исторіи, поэзіи и пр., создавая золотой вѣкъ христіанской литературы. Обезпеченная совнѣ, церковь обращаетъ свои силы на внутреннее свое развитіе и на усвоеніе своего вѣроученія при помощи того наслѣдства, которое завѣщала христіанству языческая культура. Греческій пытливый умъ пытается уяснить себѣ неизмѣнныя по существу истины вѣры въ ихъ научномъ пониманіи и изложеніи съ чисто-философской точки зрѣнія и въ ихъ систематической послѣдовательности. Но на этомъ пути его ждутъ разочарованія... Еще въ III вѣкѣ раскрытіе христіанскими апологетами догмата о Св.

1) II, 158

2) III, 136

Троицѣ встрѣчало оппозицію въ христіанахъ, воспитанныхъ на началахъ гностицизма, отрицавшаго Божество Іисуса Христа. Тогда появилось монархіанство, или ересь антиринитаріевъ, волновавшая церковь въ III вѣкѣ и открывшая путь къ догматическимъ движеніямъ IV вѣка. Понятія единства и Троичности, формулированныя церковью въ ученіи о Богѣ Единомъ по Существу и Троичномъ въ Лицахъ, не сразу было усвоено сознаниемъ челоувѣчества, но, при отсутствіи строго опредѣленнаго богословскаго языка и при неопредѣленности терминовъ *οὐσία* и *ὑπόστασις*, оно бросало изслѣдователей его изъ одной крайности въ другую, создавая ереси Θεодота Кожевника, Павла Самосатскаго, Праксея, Савеллія и др. Полемика съ монархіанствомъ, вынуждая съ особенною силою настаивать на различіи Лицъ Св. Троицы, послужила поводомъ къ появленію среди Александрійскихъ мыслителей идеи субординаціонизма, каковыя идеи, доведенныя въ отношеніи Второго Лица Св. Троицы до крайности Аріемъ, вылились въ аріанство, цѣлое столѣтіе глубоко и губительно волновавшее Церковь Христову. Мы не будемъ подробно излагать движеніе мыслей въ системѣ Арія, но для нашей цѣли достаточно упомянуть, что, являясь въ сущности уступкою ученію язычества о сообщеніи божества существамъ второстепеннымъ и продолженіемъ гностицизма съ его рядомъ эоновъ между Богомъ и міромъ, аріанство привлекало въ себѣ однихъ изъ епископовъ обманчивыми формулами, другихъ—боязнью впасть въ унитаризмъ Савеллія, уже осужденнаго церковью.

Споры съ еретиками о Троичности и о Божествѣ Сына волновали Церковь и вели къ раздорамъ и распрямъ. Константинъ Великій (306—337), занявшій единодержавный престолъ послѣ 18 лѣтняго ожиданія и устраненія семи соправителей, былъ весьма огорченъ, узнавъ объ аріанскихъ спорахъ въ Церкви, благоустроеніе которой онъ поставилъ дѣломъ своей жизни. «Возвратите мнѣ мирные дни и спокойныя ночи, иначе мнѣ ничего не останется, какъ стенать и обливаться

слезами! Доколѣ люди Божіи взаимно раздѣляются гибельною распрею, могу ли я быть спокоенъ въ душѣ своей»—писалъ онъ египетскимъ христіанамъ въ посланіи съ Осіей Кордубскимъ, считая эти споры личнымъ дѣломъ между Александромъ, епископомъ Александрійскимъ, и пресвитеромъ Аріемъ ¹⁾. Но какъ отношенія, такъ и мѣропріятія Константина къ этой распрѣ были шатки и двойственны: то она представляется ему маловажною, то слишкомъ важною. Возстановляя на первомъ Вселенскомъ Соборѣ церковный миръ и заботясь о соединеніи епископовъ, Константинъ не вникалъ въ сущность спорнаго вопроса и не заботился о прочности соглашенія сторонъ. Склонивъ всеми мѣрами аріанствующихъ епископовъ на компромиссы и заставивъ большинствомъ изъ нихъ подписать Символъ, не заботясь объ одинаковомъ пониманіи нѣкоторыхъ его выраженій, онъ считалъ, что аріанская сторона сдѣлала достаточно шаговъ къ примиренію. Нежеланіе же ревнителей православія быть въ общеніи съ еретиками, осужденными Соборомъ, и участниками либеральнаго богословствованія показывало, по мнѣнію Константина, ихъ не миролюбіе и тѣмъ самымъ ставило ихъ въ ряды враговъ его дѣла. Репрессіи Константина противъ столповъ православія служатъ лучшимъ тому доказательствомъ: св. Аѳанасій томился въ изгнаніи, аріане-же торжествовали и захватили большинство церквей.

Драма въ семьѣ Константина, вызвавшая смерть Криспа и Фаусты, 1-й жены Константина, кровавая тризна, справленная послѣ его смерти сыновьями надъ членами императорской крови для устраненія ихъ отъ наслѣдованія управленія провинціями, пощадившая, впрочемъ, двухъ мальчиковъ Галла и Юліана, рядъ кровавыхъ интригъ среди трехъ главныхъ наслѣдниковъ имперіи—Константина 2, Констанса и Констанція, выдвинувшій на мѣсто единовластителя Констанція,—какъ нельзя болѣе

¹⁾ Терновскій, Ф. А. „Грековосточная Церковь въ перъ Вселенск Соборъ“, Кіевъ, 1883, стр. 19

свидѣтельствуютъ о той порчѣ нравовъ, которая воцарилась въ тогдашнемъ обществѣ.

Констанцій (337—361), воспитанный съ дѣтства въ христіанствѣ, еще при жизни отца подпалъ вліянію аріанъ, водворившихся въ его семьѣ въ послѣдніе годы, и всю жизнь былъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Если уже царствованіе Константина Великаго доказало отчасти, что иногда покровительство государственной власти бываетъ вреднѣе и опаснѣе для христіанства, чѣмъ прямое гоненіе, то царствованіе Констанція утвердило эту истину еще болѣе¹⁾. Раздоръ, нравственный и физическій, духъ нетерпимости, водворившійся между разными частями христіанскаго общества,—были первыми плодами религіозной политики Констанція. Вскорѣ еретическія волненія охватили, какъ пламя, весь Востокъ, глубоко разѣдая внутренній организмъ Церкви. Дѣйствительно, царствованіе Констанція было эпохою самаго широкаго разлива аріанскихъ смуть послѣ перваго Вселенскаго Собора. Хотя сами аріане раздѣлились на множество отдѣльных партій, но всѣ они были солидарны въ одномъ—въ упорной борьбѣ съ православіемъ и въ насильственномъ пропагандированіи своихъ заблужденій. Склонивъ на свою сторону императора и высшихъ свѣтскихъ чиновниковъ, аріане, подъ прикрытіемъ государственной власти, дѣйствовали разрушительно въ отношеніи къ строю христіанскаго общества, еще не успѣвшему достаточно окрѣпнуть послѣ трехвѣковаго давленія язычества. Возведеніе на каѳедру аріанствующихъ епископовъ часто сопровождалось сценами насилія и даже убійства, какъ это, наприкладъ, было при возведеніи Григорія въ 341 году и Георгія 357 году на Александрійскій престолъ.

Вотъ какую картину разгула и насилія аріанъ рисуетъ намъ св. Григорій Богословъ. «Отечественные грады ниспровергнуты, тысячи людей падаютъ, земля обременена пролитію

¹⁾ Терновскій, ц с, 39

кровію... Изгнанъ миръ, похищено благолѣпіе церкви... До того превращенъ порядокъ, что мы, сдѣлавшіеся прежде изъ не-народа народомъ, изъ не-языка—языкомъ, подвергаемся теперь опасности возвратиться въ прежнее состояніе. Оказывается, что удобнѣе было переносить злополучія и гоненія, которыя укрѣпляли и тѣснѣ насъ соединяли, нежели теперь ослабѣвать, когда мы совокупились воедино... Во всемъ—въ пищи, въ снѣ, въ позорныхъ дѣлахъ есть мѣра сытости только нѣтъ у насъ конца взаимнымъ пораженіямъ изъ-за ученія вѣры. Священники вооружаются на священниковъ, сословія возстаютъ съ неистовствомъ противъ сословія... Кто должнымъ образомъ изобразить вполнѣ наши бѣдствія: оскверненіе храмовъ, храмы, сдѣлавшіеся кладбищами, описанія имуществъ, безчестія, ссылки? Какой вымыселъ воспроизведетъ столько несчастій—побои, смерть, изведеніе на позоръ епископовъ, всенародное закаланіе пресвитеровъ, мужей, женъ, юношей, старцевъ?.. И бѣдствія выше слова, и страданія выше силъ повѣствователя... Столько мы терпѣли, что невозможно и пересказать всѣхъ бѣдствій!.. И это бѣдствіе, худшее землетрясеній и повальныхъ болѣзней, объяло мятежнымъ духомъ не одну какую-либо часть народа, но цѣлыя страны: оно раздѣлило Востокъ съ Западомъ, угрожая окончательнымъ разрывомъ въ мнѣніяхъ. Это хуже варварскаго нашествія, ибо истребляются не дома и города, созидаемые руками, но расхищаются души» ¹⁾).

Св. Василій Великій общее состояніе Церквей сравниваетъ съ морской ночной битвой, когда, по причинѣ темноты, ряды кораблей не различаютъ ни друзей, ни враговъ.

«На морѣ сильная буря. Вода бьетъ клубомъ вверхъ. Стремительный дождь, порывистый вѣтеръ... По дѣйствию водяныхъ валовъ, корабли сталкиваются взаимно. Полное отсутствіе боевого порядка. Безпощадное убійство. Зловѣщій шумъ, смѣ-

¹⁾ IV, 70, II, 187, 226. II, 161; IV, 34

шанные крики, всеобщее смятеніе... Совершенное безначаліе, бѣснованіе честолюбія между управителями, споры о первенствѣ на томъ или другомъ кораблѣ, когда онъ погружается уже въ глубину» ¹⁾).

«Достояніе Божіе, дополняетъ св. Григорій, сдѣлалось бойницей діавола: здѣсь расположился онъ станомъ, здѣсь были воинство лжи, защитники обмана, бѣсовскія полчища» ²⁾).

Неимовѣрныя бѣдствія и испытанія наводили на современниковъ думу о признакахъ скорого втораго пришествія. «Боюсь, не есть ли настоящее уже дымъ ожидаемаго огня, не вскорѣли послѣ сего настанетъ антихристъ и воспользуется нашими паденіями и немощами, чтобы утвердить свое владычество?» — думалъ св. Григорій Богословъ ³⁾).

«За наши пороки, за овладѣвшее нами нечестивое ученіе о Св. Троицѣ, постигли насъ все сіи бѣдствія и верхъ бѣдствій», — заключали православные ⁴⁾).

И было чему ужасаться: Церковь находилась въ опасности быть ниспровергнутой еретиками, «ибо одну часть церковей они уже имѣли въ своей власти, на другую дѣлали свои набѣги, а третью надѣялись пріобрѣсть полномочіемъ и рукою царя, которая или уже была занесена, или, по крайней мѣрѣ, угрожала» ⁵⁾). Въ Сиріи, Азій, Понтѣ и Фракіи встрѣчаются только отдѣльныя личности, посвятившія себя на борьбу съ аріанствомъ. Остальной Востокъ, съ Антиохіей Сирійской во главѣ, былъ въ распоряженіи аріанъ ⁶⁾).

Таково было положеніе церкви при Констанціи. Таково же оно было и при другихъ аріанствующихъ царяхъ до Θεодосія Великаго, особенно же при Валентѣ. Языческій историкъ Амміанъ Марцеллинъ характеризуетъ слѣдующими чертами отно-

¹⁾ Св. Василій Вел. Твор. т. III, 250—252.

²⁾ II, 187—189, 225—226; IV, 34—36; III, 161—2.

³⁾ II, 192.

⁴⁾ II, 187.

⁵⁾ IV, 70.

⁶⁾ А. П. Лебедевъ. „Вселенскіе Соборы IV—V вв.“ стр. 39—41

шеніе-Констанція къ вѣрѣ христіанской. «Онъ смѣшивалъ совершенную и простую христіанскую религію съ ребяческимъ суевѣріемъ, и скорѣе посредствомъ запутаннаго разслѣдованія, чѣмъ достойной организаціи, произвелъ множество раздоровъ, и эти раздоры, когда они водворялись, онъ усиливалъ словесными спорами. Толпы епископовъ, разѣѣзжавшихъ туда и сюда на соборы, какъ они называютъ ихъ, старались подвергнуть всякое постановленіе своему собственному рѣшенію, и чрезъ это Констанцій серьезно подорвалъ и разстроилъ почтовую службу имперіи» ¹⁾. А соборовъ при Констанціи, дѣйствительно, было весьма много. Они совсѣмъ исказили истину Христову, обративъ ее въ предметъ взаимныхъ препирательствъ.

Конецъ царствованія Констанція (13 ноября 361 г.), вызвавшій искреннюю радость и у язычниковъ, такъ какъ этимъ открывался доступъ къ престолу послѣдней надеждѣ политизма—Юліану, и у христіанъ, выразитель взглядовъ которыхъ блажен. Іеронимъ воскликнулъ: «Господь пробуждается, Онъ повелѣваетъ бурѣ; звѣрь умеръ, и спокойствіе возстановилось» ²⁾),—былъ началомъ выступленія св. Григорія Богослова на общественное служеніе Церкви Христовой. Трудно было предположить, чтобы въ это опасное для православныхъ время, требовавшее напряженія всѣхъ силъ, скрылся и въ безвѣстности проводилъ дни свои такой образованный, даровитый и преданный Церкви человекъ, какъ св. Григорій, чтобы онъ оставался равнодушнымъ зрителемъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ и бѣдствій, которыя постигли Церковь. «Подобно тому, какъ александрійскимъ аріанамъ Промыслъ Божій противопоставилъ Дидима, такъ жившимъ въ другихъ мѣстахъ—св. Григорія Назіанзина»,—замѣчаетъ Сократъ схоластикъ ³⁾.

Но обратимся къ св. Григорію. Измѣнивъ данному св. Ва-

¹⁾ Терновскій, ib, 41.

²⁾ Терновскій, ib, 42

³⁾ Ц Исторія, IV, 26

силію Великому еще въ Аѳинахъ обѣщанію жить и Любомудрствовать вмѣстѣ съ нимъ, измѣнивъ не добровольно, а въ силу превозмоганія закона, повелѣвающаго служить родителямъ, надъ закономъ товарищества и взаимной привычки, св. Григорій остался дома, «съ насиліемъ обуздавъ желаніе видѣться съ другомъ». Онъ хотѣлъ, какъ мы видѣли, сочетать блага монашескаго уединенія съ благами жизни въ міру. Онъ велъ аскетическій образъ жизни, спалъ на полу, одѣвался въ грубыя одежды; «сладкою приправою была у него соль, пріятенъ кусокъ хлѣба, питіе трезвенное—вода» ¹⁾. Дни онъ проводилъ въ трудѣ, а ночи въ молитвѣ. Находя счастье въ безмолвіи и самоиспытаніи, онъ горько жалуется на необходимость при управленіи имѣніями отца входить во всѣ хозяйственныя мелочи и надзоръ за слугами, дѣлавшими эту его обязанность сѣтью погибельной. Эта невольная суета обращаетъ мысль его къ тому пустынному житію, въ которое звалъ его Василиій ²⁾, и онъ находитъ выходъ изъ своего положенія, «примиряетъ требованія обѣщанія и долга намѣреніемъ и предложеніемъ Василию Великому отъ времени до времени посѣщать другъ друга» ³⁾. Обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими письмами съ ироническими замѣчаніями объ условіяхъ жизни,—св. Василиій Великій иронизировалъ надъ грязью и ненастьемъ Тиберинскаго округа, въ коемъ жилъ св. Григорій ⁴⁾, а св. Григорій надъ торгашескими наклонностями кесарійцевъ и другими невыгодами жизни въ томъ городѣ,—и получивъ отъ него поэтическое описаніе избраннаго имъ уголка для уединенія въ Понтѣ, св. Григорій рѣшается навѣстить его и отправляется „Εἰς Βασιλείαν“,—т.-е., играя именемъ св. Василия Великаго, онъ означаетъ имъ и мѣсто пре-

¹⁾ IV, 230.

²⁾ Тв. Св. Василия Вел., (изд. 1902 г.), т. VI, 7

³⁾ VI, 87

⁴⁾ Св. Василиій Великій, VI, 44 изд. 1902 г.

быванія св. Василія Великаго, и царство міра, открываемое ему пустынею.

Не разъ впослѣдствіи св. Григорій вспоминалъ то блаженное время, когда они, среди подвиговъ молитвы, поста и уединенія, возили на плечахъ «телѣгу въ гору съ Авгіевымъ навозомъ для заравненія оврага», носили дрова и воду, тесали камни и сажали деревья. Золотой яворъ, посаженный «изнуреннымъ монахомъ», остался напоминать св. Василю Великому о другѣ. Питались они такимъ хлѣбомъ, что «зубы скользили по кускамъ, а потомъ вязли въ нихъ и съ трудомъ вытаскивались, какъ изъ болота». И если бы не своевременная помощь Эммеліи, матери св. Василя Великаго, то подвижниковъ давно не было бы въ живыхъ ¹⁾. Но среди монастырскихъ и духовныхъ и физическихъ трудовъ, друзья не забывали своихъ ученыхъ занятій: они сдѣлали сборникъ цѣнныхъ извлеченій изъ твореній Оригена, подъ именемъ «Филокалія,—выборъ полезнаго для любослововъ», который впослѣдствіи св. Григорій послалъ на память Θεодору, епископу Тіанскому ²⁾.

Въ то время, когда св. Григорій наслаждался созерцательною иноческою жизнью въ Понтійскомъ уединеніи, въ его отсутствіе дома произошли обстоятельства, требовавшія присутствія при отцѣ-епископѣ философски и богословски образованнаго сына.

Дѣло въ томъ, что неопредѣленная сама по себѣ и затененная различными діалектическими тонкостями система Арія давала широкій просторъ въ ея пониманіи и толкованіи, что послужило основаніемъ къ возникновенію среди аріанъ несогласій и распаденію на партіи, разногласящія въ опредѣленіи природы и отношенія Сына Божія къ Отцу. Такъ появились полуаріане, азціане, евноміане, аномеи и др. «Греческая софистика», говоритъ проф. И. Ковальницкій, соединилась съ рим-

¹⁾ X, 21.

²⁾ X, 211

скимъ юридическимъ формализмомъ и адвокатской казуистикой, и появился длинный рядъ вѣроопредѣленій, полныхъ намѣренной неопредѣленности, двусмысленности, умалчаній, дающихъ полный просторъ произвольнымъ толкованіямъ,—этихъ вѣроисповѣданій безъ вѣры, написанныхъ слогомъ антихриста, чтобы прельстить престодушныхъ» ¹⁾. Еще на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ выраженіе «*ὁμοούσιος*»—единосущный—вызывало нежеланіе многихъ аріанъ согласиться на внесеніе его въ Символъ, хотя они, въ то же время, отвергали и ученіе Арія о тварности Логоса, какъ ученіе противное сущности христіанства. Одни изъ такихъ признавали Сына Божія «*ὁμοιούσιος*»—подобосущный Божеству,—отчего и извѣстны подъ именемъ оміусіанъ или «полуаріанъ». Другіе изобрѣли выраженіе «*ἀνὸμοιον*»—Сынъ, не сходный съ Отцемъ.—Это «аномей» ²⁾ и т. д. Выходя изъ того положенія, что символъ долженъ былъ составленъ только изъ выраженій, находящихся въ Св. Писаніи, многіе епископы смущались терминомъ «*ὁμοούσιος*», потому особенно, что слово это ни библейское. Въ то же время они склонялись къ символамъ Арія и другихъ партій, имѣвшихъ каждая свой символъ, общимъ сходствомъ коихъ была тенденція затмить и обратить въ ничто догматику, принятую на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ ³⁾.

Вращеніе въ области трудныхъ метафизическихъ вопросовъ объ отношеніи между собою двухъ естествъ въ Лицѣ Іисуса Христа было доступно людямъ съ сильнымъ логическимъ мышленіемъ и богословски образованнымъ. Императоръ же Констанцій, не обладавшій ни тѣмъ ни другимъ, склонился, однако, по проискамъ аріанъ, къ полуаріанскому символу. Созванные имъ соборы Сирмійскій 357 г.; Селевкійскій—359 г. въ Исавріи и одновременно Риминскій въ Италіи отвергли и

¹⁾ Д. Ковальницкій. „О знач. націон. элемента въ истор. разв. христіанства“ Тр. К. Д. Ак. 1880, 3, 409

²⁾ Сократъ С. Ц. Ист. экл. II, гл. 40

³⁾ А. П. Лебедевъ „Всестен. Соборы“ Стр. 37 и др.

осудили «единосущный», одобливъ полуаріанскій символъ, составленный на Сирмійскомъ соборѣ. Императоръ потребовалъ принятія этого символа во всей имперіи, угрожая изгнаніемъ тѣхъ епископовъ, которые отказывались бы отъ принятія его.

Потому ли, что къ полуаріанскому символу склонялись такіе авторитеты, какъ Евсевій Никомидійскій и извѣстный ученый Евсевій Кесарійскій, или по недостатку осмотрительности, но, во всякомъ случаѣ, не по отступленію отъ вѣры Никейской, не изъ страха и челоуѣкоугодія, Григорій-отецъ подписалъ этотъ обольстительный документъ. «Чернило не очернило его души, хотя и былъ уловленъ по простотѣ, и, имѣя не коварное сердце, не уберегся отъ коварства», — такъ оправдывалъ его сынъ ¹⁾. Правда, случай такого подписанія не единственный въ то время: опасаясь упрека въ савелліанизмъ, обычномъ въ то время для не слѣдовавшихъ Сирмійскому символу, подобный же символъ подписалъ и Діаній Кесарійскій ²⁾, патронъ св. Василия Великаго, настолько увлекшійся Георгіемъ Каппадокійцемъ, склонявшимъ его къ полуаріанству, что принялъ сторону противниковъ св. Аѳанасія Александрійскаго.

Какъ бы то ни было, но монахи Назіанзіискіе, въ простотѣ сердца державшіеся не умозрительныхъ богословствованій, а вѣры св. Аѳанасія, возмущились поступкомъ своего епископа Григорія-отца и произвели расколъ въ церкви. Счастливой и доселѣ мирной епархіи грозили осложненія. При такихъ обстоятельствахъ присутствіе Григорія-сына сдѣлалось насущною необходимостью для старика-отца, «какъ опора и жезлъ старости» ³⁾.

Паства Назіанзская, желая въ такое тревожное время слышать краснорѣчиваго оратора, присоединила свои просьбы къ намѣренію епископа ⁴⁾. Поэтому, уединеніе св. Григорія было

¹⁾ II, 96

²⁾ Св. Василій Вел. твор. изд. 1902 г., т. VI, 118—120.

³⁾ II, 251

⁴⁾ I, 7.

прервано: <извлекли изъ твердыни пустыни и какъ молодого пса не худой породы вывели противъ лютыхъ звѣрей-еретиковъ»¹⁾.

Отецъ зналъ образъ мыслей своего сына, зналъ о любви къ уединенно-созерцательной жизни, о его высокомъ уваженіи къ сану служителя алтаря и о не желаніи связывать себя узами пастырскаго служенія. Несомнѣнно, что крѣпкая вѣра Григорія, его ясное пониманіе церковныхъ догматовъ, способность къ борьбѣ съ еретиками, при обширныхъ познаніяхъ какъ въ свѣтскихъ наукахъ, такъ и въ словѣ Божіемъ, были необходимы Церкви въ такое смутное время. И вотъ св. Григорій былъ принужденъ отцомъ и паствою принять посвященіе во пресвитеры²⁾. Это произошло въ праздникъ Рождества Христова 361 года.

Хотя такого рода насильственные избранія и посвященія въ священный санъ были обычнымъ явленіемъ того времени, но внезапно причиненное насиліе—*tyrannida*—какъ громомъ поразило св. Григорія своею неожиданностью и «заставило его переступить скромность, къ которой онъ пріучилъ себя всю жизнь»³⁾. Живо представилось ему, что его новое званіе не только не совмѣстимо съ исконнымъ желаніемъ пустынной жизни, но и противорѣчитъ ему, и принуждаетъ его навсегда отказаться отъ него. Теперь привязанность ко благу безмолвія и уединенія овладѣла душою св. Григорія еще сильнѣе. Видя, что на завѣтную мечту его, лелѣянную имъ сначала сознательной духовной жизни, поддерживаемую въ немъ предшествовавшими обстоятельствами его жизни, способствовавшими дать Богу даже обѣтъ безмолвія, мечту, уже начинавшую осуществляться въ Понтійскомъ уединеніи, сдѣлано покушеніе, — Григорій не могъ вынести такого принужденія, не допустилъ свергнуть себя въ мятежи и насильно отвлечь себя отъ такой жизни, какъ бы

¹⁾ II, 114.

²⁾ VI, 14—15.

³⁾ I, 15.

отъ священнаго убѣжища. Болѣе чѣмъ когда-нибудь казалось ему, что «лучше всего, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самого себя, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и Богомъ, жить превыше видимаго, носить въ себѣ божественные образы, всегда чистые и несмѣшанные съ земными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтать ко свѣту свѣтъ,—къ менѣе ясному лучезарнѣйшій, пожинать уже уцованіемъ блага будущаго вѣка, сожителѣствовать съ Ангелами, и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и быть возносиму Духомъ горѣ» ¹⁾).

Эту его духовную муку еще болѣе увеличивали соображенія о высотѣ святости, важности его новаго сана съ одной стороны, и сознаніе своихъ немощей, недостойинства и неподготовленности—съ другой. Неудивительно, если св. Григорій такъ сильно скорбѣлъ по поводу случившагося съ нимъ, что «забывъ все—друзей, родителей, отечество, родъ, какъ волю уязвленный слѣпнемъ, ушелъ въ Понтъ, надѣясь тамъ въ божественномъ другѣ найти себѣ врачество отъ горести» ²⁾).

Имѣя теперь полную возможность разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, Григорій, при помощи Василия, умѣрилъ свою скорбь. Въ самомъ дѣлѣ, какія побужденія руководили его отцемъ, когда онъ насильно возводилъ его на одинъ изъ низшихъ престоловъ? ³⁾—Только добрыя: желаніе духовными узами связать и привлечь его на служеніе Церкви, которой и самъ онъ служилъ много лѣтъ, желаніе почитать сына предоставленіемъ ему лучшаго изъ того, чѣмъ онъ самъ обладалъ. Только отеческая любовь заставила его сдѣлать сыну это невольное, но необходимое огорченіе. Но не самъ ли Григорій далъ первый обѣтъ быть отцу жезломъ въ старости и опорою

¹⁾ I, 15—16

²⁾ VI, 15.

³⁾ VI, 14—15.

въ немощи ¹⁾), ради чего онъ уже принесъ однажды жертву, отказавшись отъ отшельнической жизни? Онъ всегда считалъ себя въ долгу у родителей за рожденіе и образованіе ²⁾). Теперь, когда къ нему предъявленъ искъ по этому векселю, имѣлъ ли онъ право отказываться отъ уплаты по нему?

«Нестерпимо стало мнѣ, повѣствуетъ онъ, послѣ столькихъ жертвъ навлечь на себя гнѣвъ и лишиться родительскаго благословенія, ради котораго иные предпринимали недобрыя средства»... Поэтому, «не лучше ли быть честно побѣждену, нежели одержать побѣду со вредомъ и незаконно»? ³⁾). Правда, уплата представляется таковою, что сопряжена съ необычайною трудностью, съ возложеніемъ ига Христова, при томъ въ такое лукавое время, когда сыны благодати отверглись и стали сынами отступленія, когда наступила какъ бы беспорядочная ночная битва, когда потребны долговременное любомудріе и особенная опытность ⁴⁾). Григорій по совѣсти не считалъ себя подготовленнымъ и потому признаетъ не безопаснымъ принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣкомъ. Памятны ему прещенія Божіи на недостойныхъ служителей—Надава, Авіуда, Илія, Озу и др. Но памятно ему и вразумленіе Іоны, къ Божіимъ намѣреніямъ осмѣливагося присоединить свои соображенія ⁵⁾). Ему думалось, что «хорошо и уклоняться нѣсколько отъ призванія Божія, какъ въ древности поступилъ Моисей, а послѣ Іеремія, но хорошо и поспѣшать съ готовностью на гласъ Зовущаго, какъ Ааронъ и Исаія» ⁶⁾).

Долго Григорій боролся съ мыслями, придумывая, какъ поступить, находясь между двумя страхами, изъ которыхъ одинъ

¹⁾ I, 61

²⁾ VI, 14.

³⁾ I, 61.

⁴⁾ I, 52—56.

⁵⁾ I, 56—63.

⁶⁾ Ib.

принуждалъ его остаться внизу, а другой—итти вверхъ. Поэтому, онъ колебался то въ ту, то въ другую сторону, подобно струѣ, гонимой противными вѣтрами. Наконецъ, страхъ оказаться непокорнымъ превозмогъ другія соображенія. Осталось ли бы какое извиненіе и мѣсто къ оправданію Григорія, если бы сталъ долѣе упорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на него ига служенія? ¹⁾ Не было бы ли это дерзостью или непокорностью, а вообще невѣжествомъ?

Такими размышленіями св. Григорій смягчилъ свою душу какъ огонь---желѣзо, и успокоилъ ее. Въ помощники къ симъ размышленіямъ онъ взялъ время, этого наилучшаго цѣлителя душевныхъ ранъ, и въ совѣтники—Божіи оправданія, которымъ вѣрилъ онъ всю жизнь. И потому, когда добрый отецъ, изнемогающій отъ старости и желанія имѣть сына при себѣ, прислалъ ему настойчивую просьбу, почтить послѣдніе дни его жизни и возвратиться, просьбу, поддержанную и пасомыми, среди коихъ внезапное и тайное удаленіе его произвело большой соблазнъ и различныя толки, то Григорій «опять пускается въ глубину, убоявшись слезныхъ отеческихъ угрозъ, ибо опасно было, чтобы нѣжность не обратилась въ клятву: ибо таково бываетъ разгнѣванное простодушіе» ²⁾.

Возвращеніе св. Григорія домой и его три первыя Слова были началомъ его пастырской, вообще, и проповѣднической, въ частности, дѣятельности.

Это произошло въ 362 году. Отсутствіе Григорія продолжалось недолго: въ день таинства—Рождества Христова—онъ былъ помазанъ, въ день таинства—~~Крещенія~~ Господня—удалился не на долго; въ день таинства—~~Насхи~~—возвратился ³⁾. Такъ какъ его удаленіе произвело въ обществѣ неблагопріятное впечатлѣніе и породило разные толки о причинахъ удаленія, то

¹⁾ I, 64.

²⁾ I, 65—67; VI, 15.

³⁾ I, 3.

не безъ особеннаго намѣренія днемъ своего возвращенія онъ избралъ праздникъ Пасхи, какъ символъ мира, почитая этотъ день самымъ приличнымъ временемъ для примиренія съ раздраженною противъ него любовью отца и паствы Назіанзской.

Просвѣтimsя торжествомъ»,—говорилъ онъ въ своемъ вступительномъ пастырскомъ обращеніи къ народу,—«и обѣимъ другъ друга... Уступимъ все Воскресенію; простимъ другъ друга,—и я, подвергшійся доброму принужденію, и вы, употребившіе доброе принужденіе» ¹⁾. Слегка коснувшись мотивовъ своего бѣгства, Григорій восходитъ къ идеѣ праздника и въ связи съ нею даетъ рядъ назидательныхъ мыслей. Исходя изъ событія Воскресенія Господа изъ мертвыхъ, онъ зоветъ и себя и слушателей къ обновленію духомъ, къ возрожденію, къ умиранію для грѣха и къ возстановленію себя въ новую тварь. Добровольное преданіе Господа на закланіе обязываетъ и вѣрующихъ въ Него предать самихъ себя всецѣло въ жертву Богу... «Сдѣлаемся богами ради Его, ибо и Онъ сталъ человѣкомъ ради насъ» ²⁾. Указавъ, затѣмъ, на своего отца, какъ на примѣръ безраздѣльнаго служенія Христу, отдавашаго и себя самого и свое имущество и, что дороже всего, своего сына, св. Григорій убѣждаетъ пасомыхъ быть послушными зову ихъ пастыря, котораго характеризуетъ евангельскими чертами ³⁾.

Казалось бы, что этого вступительнаго слова, дышащаго смиреніемъ и любовью о всепрощеніи, было бы достаточно для того, чтобы примирить возмущенное чувство Назіанзцевъ и умиротворить ихъ, предавъ забвенію случившееся. Но броженіе въ народѣ было сильнѣе, чѣмъ думалось. О причинахъ покорности и переменъ въ мысляхъ Григорія всякій говорилъ и думалъ по своему: одни одобряли его поступокъ, другіе, водимые своими личными чувствованіями, судили болѣе или

¹⁾ I, 3

²⁾ I, 5.

³⁾ I, 3—6

менѣе пристрастно. Одни, напримѣръ, обвиняли Григорія въ неустойчивости и легкомыслии, выразившихся въ презрительномъ отношеніи къ Божественнымъ установленіемъ и къ самимъ избрателямъ ¹⁾). Другіе догадывались, конечно, ошибочно, что посвященіемъ на одинъ изъ низшихъ престоловъ не удовлетворено честолюбіе Григорія, желавшаго большаго, а потому устыдившагося сей низшей степени. Эта догадка была во вкусахъ того времени, когда люди, скудные благочестіемъ, съ неумытыми руками и нечистыми душами, смотрѣли на престолы, какъ на предметъ соискательства изъ-за земныхъ выгодъ ²⁾). Третьи присовокупляли, что св. Григорій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, потому что оставилъ паству безъ руководства, опасаясь Юліана, только что воцарившагося тогда. На всѣ такого рода догадки, и несправедливыя и обидныя, Григорій счелъ нужнымъ отвѣтить болѣе подробнымъ словомъ, въ которомъ изложилъ причины и бѣгства своего и возвращенія, а также свой взглядъ на достоинство и задачи пастырскаго служенія. Разумѣемъ классическое «Слово о бѣгствѣ» ³⁾), всегда высокоцѣнившееся Церковью и вызвавшее къ жизни и другіе подобнаго же рода труды, какъ «Слова о священствѣ» св. І. Златоуста и «Объ обязанностяхъ» св. Амвросія Медиоланскаго.

Но прежде чѣмъ произнести это знаменитое слово, св. Григорій Богословъ счелъ нужнымъ обратиться съ обличеніемъ

Къ призвавшимъ вначалѣ, но не срѣтившимъ, — къ тѣмъ лицамъ, которые, содѣйствуя возвращенію его изъ уединенія, не оказали достаточнаго вниманія къ нему и даже не пришли въ церковь встрѣтить его и выслушать его вступительное слово.

«Даже какъ странника не ввели въ храмъ... Для чего то, что желали получить, пренебрегаете по полученіи, сирани-

¹⁾ I, 13

²⁾ I, 14—16

³⁾ I, 12—17

валъ онъ? Повидимому, лучше умѣете желать насъ, когда насъ нѣтъ, нежели пользоваться отъ насъ, когда мы съ вами» ¹⁾. Этимъ равнодушіемъ и невниманіемъ они такъ огорчили его, что «и праздникъ не въ праздникъ сдѣлали»... «Таковъ законъ, по которому удобно пренебрегается все, что удобно препобѣждается».

Указавъ, затѣмъ, на необходимость тѣснаго единенія пастыря съ пасомыми и особенно въ наступившее тревожное время, Григорій проситъ свое малое стадо оказать ему любовь, равную его любви, чтобы подъ его водительствомъ, при помощи Св. Духа, пройти царскимъ путемъ среди искушеній и соблазновъ.

Слово о бѣгствѣ, и какъ важенъ санъ священства, и каковъ долженъ быть епископъ», вѣроятно, произнесено было только въ оправдательной своей части, литературно же было обработано впоследствии. Оно представляетъ собою особенную цѣнность, какъ по обилію и богатству мыслей, такъ и по художественному выраженію ихъ. Открывая свое сердце и его внутреннія движенія для тѣхъ, кто особенно тщательно наблюдалъ за всѣми его поступками ²⁾, пресвитеръ Григорій, кромѣ извѣстныхъ уже намъ мотивовъ неожиданности посвященія, приводитъ новыя основанія какъ своего удаленія, такъ и возвращенія. Подробно и картинно раскрывая упомянутыя причины, Григорій говоритъ, что одной изъ нихъ былъ, между прочимъ, низкій уровень духовенства, за которое ему приходилось краснѣть, при чемъ общее стремленіе къ учительству сдѣлалось исключительнымъ порокомъ его времени. Между тѣмъ, «не одно и то же значить водить стадо овецъ или воловъ и управлять человѣческими душами». Умѣніе пастырствовать таково, что въ немъ «и глубокая старость—недолговременная отсрочка» ³⁾, «ибо всякій скорѣе принимаетъ

1) I, 7.

2) I, 13.

3) I, 45—49

въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ». Опасаясь оказаться худымъ живописцемъ чудной добродѣтели, всякій пастырь, а, слѣдовательно, и самъ Григорій, долженъ «не знать даже мѣры въ добръ и восхожденіи къ совершенству» ¹⁾. А это возлагаетъ на пастыря долгъ и своего личнаго совершенствованія и заботы о преуспѣяніи въ немъ пасомыхъ. Сравнивъ духовное руководство съ врачеваніемъ и частное душепопеченіе съ искусствомъ ухаживающаго за звѣрями, приспособительно къ свойству и характеру каждаго звѣря, Григорій однимъ изъ могущихъ средствъ пастырскаго воздѣйствія считаетъ «раздаваніе слова», но не то «корчемствованіе» имъ, которое замѣчается у суетлововъ, употребляющихъ часто слово и для забавы. Вслѣдствіе такого взгляда на пастырское служеніе, вполне понятно стремленіе Григорія уступить поле дѣятельности желающимъ прибытковъ, чтобы самому «раскланявшись съ моремъ и выгодами издали, лучше жить съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба и влачить дни въ безопасности и безмятежін, чѣмъ кидаться въ большую опасность и возбуждать смѣхъ» ²⁾.

Такимъ образомъ, въ этомъ програмномъ Словѣ намѣчены основныя черты будущаго пастырскаго служенія Григорія: все для паствы, ничего для себя; безстрашная и неумолкаемая проповѣдь, чистая и безпримѣсная правдивость, подвиги въ уединеніи и аскетизмъ въ постоянномъ общеніи съ міромъ.

На пути открывшагося пастырскаго служенія Св. Церкви Григорію предстояло, прежде всего, позаботиться объ уничтоженіи раскола, произведеннаго въ Назіанзской общинѣ неосторожною подписью его отцомъ полуаріанскаго символа. Расколъ былъ такъ силенъ и глубокъ, что угрожалъ единству Назіанзской Церкви. Отдѣлившіеся завели себѣ особыхъ священни-

¹⁾ I, 19.

²⁾ I, 60.

говъ, поставленныхъ посторонними епископами. Произшелъ формальный разрывъ, особенно опасный въ то тревожное время и угрожавшій надолго изгнать миръ изъ епископіи Григорія. Много усилія, краснорѣчія и пастырскаго такта требовалось для излѣченія нанесенной раны. И мы видимъ, что св. Григорій оказался на высотѣ своего призванія, показавъ правильное пониманіе духа и нуждъ времени и глубокую любвеобильную терпимость къ согрѣшившимъ и обидѣвшимъ, терпимость, ярко характерную во всей его послѣдующей пастырской жизнедѣятельности.

Вопросу «О мірѣ и по случаю воссоединенія монашествующихъ» посвящено Слово 6-е ¹⁾. Въ немъ, упомянувъ о предшествовавшемъ своемъ молчаніи, вызванномъ болѣе чѣмъ равнодушнымъ отношеніемъ вѣрующихъ къ его проповѣднической дѣятельности,—а св. Григорій въ ней то и полагалъ огромную силу и значеніе, — съ другой, скорбными молитвенными воздыханіями и трудами по поводу разъединенія, результатомъ каковыхъ явилось «отриновеніе на нѣкоторое время на ряду съ другими удовольствіями и самаго слова»,—Григорій подробно восхваляетъ блага мира и осторожно касается причинъ разрыва. «Похвальна ревность по благочестію, говоритъ онъ, ибо несогласіе за благочестіе гораздо лучше согласія по какой-нибудь страсти, но, тѣмъ не менѣе, вражду отдѣлившихся похвалить нельзя: всѣмъ нужно беречь единство своей Назіанзской Церкви, этого хотя малаго стада, но отличавшагося безмятежіемъ и непоколебимостью въ православіи и державшагося подобно Ноеву ковчегу среди всемірнаго потопленія въ аріанскихъ смутахъ. Отверзать двери Церкви въ такое опасное время непозволительно. Тѣмъ не менѣе, съ возмущившимися братски, а не злонамѣренно, Григорій и поступилъ по-братски: и самихъ отдѣлившихся, и ихъ, въ сущности, незаконно поставленныхъ пресвитеровъ, онъ принялъ въ

¹⁾ I, 176—194.

братское общеніе, каковою мудрою снисходительностью бытъ обезпеченъ миръ. При томъ, всѣ знали, что неосторожность подписи была слѣдствіемъ ухищренныхъ писаній и реченій, такъ какъ всѣ были увѣрены въ православномъ образѣ мыслей своего епископа, чему доказательствомъ служить скорое возвращеніе отдѣлившихся. «Всѣ знали, объясняетъ св. Отецъ, что онъ не погрѣшилъ мыслію, и чернило не очернило его души, хотя и уловленъ въ простотѣ, и имѣя нековарное сердце, не уберегся отъ коварства» ¹⁾. Достояна замѣчанія скромность св. Григорія, по которой онъ все дѣло умиротворенія относитъ къ молитвамъ и увѣщаніямъ отца, а самъ онъ «помогалъ только ему, какъ бы сопутствовалъ и слѣдилъ за нимъ». Такимъ образомъ, внутренній миръ былъ восстановленъ, недоразумѣнія устранены и Назіанзская Церковь во все время пастьерскаго служенія Григорія пользовалась благами согласія.

Въ то время, когда Григорій занимался умиротвореніемъ и благоустроеніемъ внутреннихъ дѣлъ паствы отца и своей, надъ горизонтомъ Церкви Христовой скоплялись черныя злобщія тучи.

13-го ноября 361 года умеръ покровитель аріанства Констанцій, процарствовавшій 25 лѣтъ. На императорскій престолъ вступилъ его племянникъ Юліанъ, сынъ Юлія Констанція, родного брата Константина Великаго, отъ второй жены его Василины, христіанки. Спасшійся въ христіанскомъ храмѣ отъ смерти во время избіенія членовъ дома послѣ смерти Константина Великаго, воспитанный въ христіанствѣ, крещенный и даже посвященный въ чтеца, Юліанъ перенесъ на религію попятную ненависть къ убійцѣ его семьи. Рано онъ сталъ почитателемъ язычества, восстановление котораго въ реформированномъ видѣ казалось ему его жизненнымъ призваніемъ. Воспитанный худыми представителями христіанства сначала въ одномъ Каппадокійскомъ замкѣ и переселенный затѣмъ въ

¹⁾ II, 96.

Никомидію, онъ завязываетъ здѣсь тѣсныя сношенія съ тогдашними учеными представителями язычества Ливаніемъ, Максимомъ и Θεμισіемъ, кои посвящаютъ его въ языческія мистеріи. Въ 354 году братъ его Галлъ былъ убитъ. Такая же участь грозила и Юліану. Но заступничество императрицы Евсевіи спасло его. Его отправили для окончанія образованія въ Аѳины, гдѣ онъ и встрѣчается съ Григоріемъ, который своимъ проникательнымъ окомъ провидѣлъ истинную сущность его ¹⁾. Въ 355 году Юліанъ былъ назначенъ правителемъ Запада, гдѣ онъ обнаружилъ большія административныя и военныя способности и заслужилъ любовь солдатъ варваровъ открытымъ почитаніемъ древнихъ боговъ и, въ особенности, тавроболіумомъ, обрядомъ снятія съ себя св. крещенія и возвращенія къ язычеству ²⁾. Всѣмъ этимъ онъ достигъ того, что войска провозгласили его императоромъ. Неожиданная смерть Констанція открыла Юліану безкровный путь къ единой державѣ.

Кратковременное царствованіе Юліана—1 годъ, 7 мѣсяцевъ и 14 дней, съ 13-го ноября 361 г. по 27-е іюня 363 г.,—было полно событій, перемѣнъ и плановъ. Всѣ его предпріятія имѣли одну главную цѣль—ослабить и уничтожить христіанство и возродить древнее язычество. Для достиженія этой цѣли онъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ ересіарховъ, запретилъ христіанамъ образованіе у языческихъ риторовъ, лишилъ христіанъ льготъ и удалилъ ихъ отъ должностей при дворѣ и по управленію, какъ дѣло, якобы, несовмѣстимое съ смиреніемъ христіанскимъ; вмѣстѣ съ симъ онъ отнималъ у христіанъ храмы и имущества ³⁾. Для поднятія язычества онъ употреблялъ не только свой личный примѣръ приверженности къ нему но и путь возрожденія языческихъ учреждений. Лично онъ былъ усерднѣйшимъ изъ жрецовъ, хотя часто и одинокимъ. Онъ,

¹⁾ I, 160.

²⁾ I, 93.

³⁾ I, 127, 113.

окружили себя учеными софистами, которых успѣлъ намѣтити во время своего образованія и которыхъ называлъ «товарищами»¹⁾. Изыческія же учрежденія онъ хотѣлъ оживить привнесеніемъ изъ христіанства чертъ благотворительности, монашества, проповѣди и проч.

Стремясь уничтожить и унижить Церковь въ лицѣ ея достойныхъ представителей, Юліанъ не оставилъ безъ вниманія извѣстныхъ ему по Аоиnamъ великихъ Каппадокійцевъ—Григорія и Василия, коихъ онъ «несомнѣнно почтилъ бы честью Циклопа, т. е. послѣднихъ соблюлъ бы на погибель». Первое столкновеніе Григорія съ Юліаномъ произошло по поводу распоряженія Юліана объ отобраніи и уничтоженіи христіанскихъ храмовъ. Это повелѣніе царя коснулось и Назіанза.

«Стрѣлки, рассказываетъ св. Григорій,—посланные царемъ отнять или разрушить у назіанзійцевъ храмъ, послѣ нападенія на многія другія мѣста, съ такою же дерзкою мыслью пришли и сюда, и начальникъ, по царскому указу, сталъ требовать храма»²⁾. Но назіанзская паства, во главѣ съ епископомъ Григоріемъ, такъ единодушно протестовала противъ такого насильственного захвата, что воины уступили и не тронули храма³⁾. Къ счастью, неожиданная смерть Юліана въ персидскомъ походѣ прервала всѣ замыслы царя, «этого злого порожденія того времени»⁴⁾.

Смерть вѣроотступника произвела, понятно, разное впечатлѣніе на его подданныхъ язычники скорбѣли, христіане торжествовали и свою радость выражали повсюду въ церквахъ, на гробахъ мучениковъ и даже на зрѣлищахъ. Особенно велика была радость въ Антиохіи, которая, въ случаѣ благополучнаго исхода персидской войны, одна изъ первыхъ подверглась бы примѣненію новыхъ мѣропріятій для возвеличенія языче-

¹⁾ I, 159

²⁾ II, 101

³⁾ I, 185.

⁴⁾ II, 108

ства, созрѣвшихъ въ головѣ Юліана. Для увѣковѣченія памяти почившаго императора, такъ много потрудившагося для возстановленія демоническаго идолопоклонства и для поруганія честнаго имени Христова, лучшіе риторы того времени—Ливаній, Баллисъ и др., составили рядъ панегириковъ Юліану. Въ противовѣсъ имъ, св. Григорій, отъ имени своего и Василиева, какъ лицъ, знавшихъ Юліана и какъ представителей того краснорѣчія, лишилъ христіанъ обученія которому пытался онъ, «за этотъ ударъ ногою», посвятилъ два обличительныхъ Слова на царя Юліана ¹⁾, съ цѣлью «притвоздить къ позорному столбу постыдныя дѣянія его и воздвигнуть ему памятникъ выше столповъ Иракловыхъ, который бы обличалъ измѣнника и устрашалъ другихъ отваживаться на подобное же возстаніе противъ Бога» ²⁾.

Хотя Слова эти св. Григорій обѣщался создать не по подражанію мерзкимъ рѣчамъ и суесловію», т.-е., не по правиламъ языческаго ораторства, ибо «вся сила и ученость вѣка сего во тьмѣ ходитъ и далека отъ свѣта истины» ³⁾, однако, по существу, они представляютъ собою образецъ судебныхъ рѣчей того времени, такъ какъ составлены по плану произведеній этого рода. Въ Первомъ Обличительномъ Словѣ св. Григорій, воздавъ Богу благодареніе за избавленіе Церкви отъ гонителя и указавъ библейскіе примѣры чудеснаго вспомоществованія Божія своему народу, шагъ за шагомъ излагаетъ жизнь и факты христоробческой политики Юліана и изображаетъ процессъ постепеннаго развитія въ немъ христоненавистническихъ началъ, по мѣрѣ знакомства его съ языческою литературою и съ участіемъ въ разнаго рода волхвованіяхъ, гаданіяхъ и суевѣріяхъ. Такая подробная исторія злодѣйства подъ личиною кротости и злонравія должна была,

¹⁾ I, 68—175 стр

²⁾ I, 174.

³⁾ I, 69.

но мысли автора, остаться для потомства тѣмъ же, чѣмъ бываетъ надпись на памятникѣ.

Во 2-мъ Словѣ св. Григорій излагаетъ обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Юліана и его смерти, повѣствуетъ о его стараніяхъ натравить на христіанъ іудеевъ, о замыслахъ, связанныхъ съ персидскимъ походомъ, и даетъ общую оцѣнку его личности и дѣяній.

Исключительныя по слогу и настроенію, рѣчи эти могли бы дать поводъ обвинять ихъ автора въ недостаткѣ корректности, въ отсутствіи христіанскаго смиренія, въ запальчивости сужденія, — чувствахъ, столь чуждыхъ св. отцу. Но сдѣлать это нѣтъ особенно прочныхъ основаній. Въ самомъ содержаніи Словъ проведена всюду возвышенная нравственная тенденція, а объясненіе фактовъ жизни Юліана обставлено, большею частью, мыслями христіанскаго правоученія. Авторъ самъ заявляетъ, что онъ «говоритъ по закону, который повелѣваетъ не радоваться паденію врага, и что отъ того, кто устоялъ, требуется состраданіе» ¹⁾. Св. Григорій зоветъ, далѣе, современныхъ христіанъ не къ отмщенію, что естественно было ожидать, а къ всепрощенію. «Простимъ во всемъ, говоритъ онъ, и чрезъ то содѣлаемся лучше нашихъ обидчиковъ и станемъ выше ихъ» ²⁾. Если же Св. Григорій не находитъ возможнымъ сказать объ отступникѣ ни одного хорошаго слова, то это понятно: христіане не могли простить Юліану того переворота, котораго причиной былъ онъ, гоняясь за осуществленіемъ гибельной химеры — возстановить язычество. Нужно принять въ соображеніе и обстоятельства того времени, когда соблазнъ, произведенный Юліаномъ, былъ весьма силенъ и опасенъ для Церкви. Въ этомъ случаѣ св. Григорій былъ только выразителемъ общественнаго мнѣнія своего времени. Правдивые рѣзкіе отзывы и яркія порицанія, являясь отголоскомъ

¹⁾ I, 93.

²⁾ I, 171.

ужаса, возбужденнаго въ христіанахъ преслѣдованіями Юліана, были, пожалуй, необходимы въ цѣляхъ удержанія слабыхъ христіанъ отъ сочувствія язычеству. Для язычниковъ же примѣръ Юліана былъ яснымъ показателемъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ ведетъ возвращеніе къ старой языческой религіи. Поэтому, чувства негодованія оратора вполне понятны. Если-бы, наконецъ, въ Словахъ св. Григорія и было что либо обидное для Юліана, то нужно принять во вниманіе, что во время борьбы на жизнь и на смерть между христіанствомъ и язычествомъ и невозможно требовать хладнокровной оцѣнки язычества со стороны христіанскихъ учителей.

Съ 363 года, съ произнесенія или составленія упомянутыхъ двухъ Словъ на царя Юліана, до 369 года, до надгробнаго Слова младшему своему брату Кесарію, св. Григорій не произносилъ Словъ. Обѣтъ безмолвія, о которомъ онъ говоритъ въ надгробномъ Словѣ Кесарію ¹⁾, былъ наложенъ имъ на себя изъ-за той же любви къ уединенно-созерцательной жизни, которая препятствовала ему идти на поприще общественнаго служенія. Возможно, что кромѣ этой аскетической, такъ сказать, причины, у св. Григорія были и другія цѣли,—напримѣръ, научить слушателей быть болѣе внимательными къ его пастырскому слову или показать любителямъ пустыхъ словопреній и богословствованій, что къ слову Божію надо относиться благоговѣйно. Попытаемся изобразить дѣятельность св. Григорія въ эти шесть лѣтъ на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя, хотя отчасти, открываютъ завѣсу разсматриваемаго періода жизни и дѣятельности Григорія.

Въ это время св. Григорій принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ митрополіи Кесарійской и въ судьбѣ своего друга, св. Василія Великаго.

Въ 362 году предстоятелемъ Кесарійской Церкви былъ избранъ Евсевій. Его избраніе раздѣлило народъ и епископовъ

¹⁾ I, 195.

на множество партій и возбудило неудовольствіе Юліана, съ войскомъ приближавшагося въ то время къ городу. Епископы крестившіе и поставившіе Евсевія, лишь только разъѣхались, какъ начали сговариваться уничтожить сдѣланное и свергнуть Евсевія, избраннаго, якобы, не по закону. Очевидно, ими руководили своекорыстные расчеты: изъ-за раздоровъ на митрополищемъ престолѣ они желали извлекать свои выгоды, хотя несомнѣнно, дѣйствовали въ руку еретиковъ-аріанъ. Отъ имени отца, участвовавшаго въ поставленіи Евсевія, св. Григорій далъ твердый и рѣшительный отвѣтъ противъ предложенія пересмотрѣть эти дѣла, чѣмъ и возстановилъ колебавшійся миръ въ Кесарійской Церкви ¹⁾.

Между тѣмъ, царь приближался къ городу и его положеніе было «какъ бы на остріѣ бритвы». Областной начальникъ, недружелюбный новопоставленному, угрожающе писалъ рукополагавшимъ епископамъ и, конечно, Григорію старшему, чтобы они обвинили Евсевія. Отвѣтъ Григорія, составленный несомнѣнно, его сыномъ, удивилъ своею смѣлою правдивостью, не только начальника, но и царя. Въ немъ слышится твердая защита права Церкви рѣшать вопросы внутренняго самоуправленія самостоятельно и независимо отъ вмѣшательства власти гражданской. «Достопочтенный правитель»,—писалъ Григорій,—«мы во всѣхъ своихъ дѣлахъ имѣемъ Единаго Судью и Царя, противъ Котораго нынѣ всѣ возстаютъ... Для васъ удобно сдѣлать намъ насиліе., но никто не отниметъ у насъ права располагать собственными нашими дѣлами» ²⁾. Юліанъ уступилъ такому отпору.

Но если въ этихъ дѣлахъ участіе св. Григорія было косвеннымъ, какъ соединенное съ поступками отца, то въ дѣлѣ св. Василія Великаго св. Григорій показалъ себя среди пастырей Церкви твердымъ и мудрымъ блюстителемъ правды и мира.

¹⁾ II, 109—110

²⁾ II, 111—112

Въ 363 году св. Василій Великій внезапно былъ рукоположенъ во пресвитера. Съ нимъ повторилась та же исторія, что и со св. Григоріемъ. Смущенный, онъ ищетъ сочувствія и поддержки у друга, который и оказываетъ ему эту услугу.

И ты взятъ въ плѣнъ, писалъ ему св. Григорій, какъ и я—ты включенъ въ списокъ. Хотя обоимъ намъ по сердцу любомудріе тихоходное, но пока не уразумѣю домостроительства Духа, надобно терпѣть и не посрамить, какъ надежду возложившихъ на насъ свое упованіе, такъ и собственную нашу жизнь¹⁾.

А надежды, дѣйствительно, возлагались большія. Неопытный въ богословіи и нетвердо державшійся на престолѣ, Евсевій въ молодомъ блестящемъ ораторѣ и богословѣ Василіи Великомъ искалъ поддержки и помощи въ несеніи бремени пастырскихъ трудовъ. И онъ нашелъ ее. Василій Великій, хотя занималъ второе мѣсто по кааедрѣ, но фактически обладалъ первенствомъ²⁾: онъ былъ у предстоятеля добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ слова Божія и самымъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ работникомъ. Но вскорѣ Евсевій въ разсужденіи св. Василія подвергся чело-вѣческой немощи: онъ сталъ завидовать славѣ и популярности своего пресвитера, горячія чувства къ нему начали охладѣвать и онъ даже лишаетъ св. Василія пресвитерства. По совѣту Григорія, Василій удаляется въ Понтійское уединеніе, куда на нѣкоторое время сопровождаетъ его и Григорій. Удаленіе Василія произвело въ Церкви Кесарійской расколъ. Монахи, любившіе Василія за благочестіе и ораторство и имѣвшіе Евсевія на подозрѣніи, вслѣдствіе его поставленія, возмутились и отдѣлились отъ Евсевія.

Но кромѣ этой внутренней смуты, Церковь Кесарійская

¹⁾ Письмо II-е (VI, 101).

²⁾ IV, 70—72.

подверглась «вдругъ налетѣвшей градоносной тучѣ, угрожавшей пагубой всѣмъ Церквамъ, надъ которыми разразилась». Разумѣется «златолюбивѣйшій и христоненавистнѣйшій царь» — Валентъ (364—375 г.), занявшій престолъ императора Востока послѣ краткаго царствованія Ювиніана (27 іюня 363 г. — 16 февраля 364 г.), преемника Юліана, и оставившій по себѣ въ церковной исторіи печальную память своимъ аріанствомъ и преслѣдованіемъ православія ¹⁾. Новый царь, трусливый и мнительный, всецѣло подпалъ вліянію придворныхъ аріанъ, — епископа Евдоксія (онъ же и крестилъ Валента въ 367 г.) и жены царя Альбы Доминики. Все это не обѣщало Церквамъ мира, а, напротивъ, сулило гоненія и разоренія. Объ этомъ и свидѣлствуетъ Григорій, когда называетъ Валента «гонителемъ послѣ гонителя, хотя не отступникомъ, но хуже отступника», и мрачными красками описываетъ его преслѣдованія христіанъ ²⁾.

Положеніе Евсевія Кесарійскаго, при предстоявшей борьбѣ съ аріанствомъ и при внутреннемъ раздорѣ, было настолько затруднительно, что онъ обратился за помощью къ Григорію съ приглашеніемъ его на соборное совѣщаніе. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Григорій въ трехъ письмахъ къ Евсевию смѣло и правдиво доказываетъ несправедливости его поведенія по отношенію къ Василию и умоляетъ примириться съ нимъ ради возстановленія мира церковнаго и возвращенія къ себѣ ревностнаго слуги, предлагая себя въ роли посредника ³⁾. «Приглашая меня и унижая Василия, пишетъ онъ, ты поступаешь почти такъ же, какъ если бы кто одного и того же человѣка сталъ одною рукою гладить по головѣ, а другою бить по щекѣ, или, подломавъ основаніе дома, началъ расписывать его стѣны и украшать на-

¹⁾ IV, 69.

²⁾ IV, 69—70

³⁾ VI, 101—104

ружность ¹⁾. Въ то же время онъ склоняетъ и Василия оставить пустыню «ради времени этого и мнѣхъ звѣрей, нападающихъ на Церковь», и зоветъ его къ Кесарію въ виду происшедшей къ лучшему переменѣ въ расположеніи Евсевія, охотно вызываясь, если нужно, быть его споспѣшникомъ и спутникомъ ²⁾. Такими братскими усиліями св. Григорій примирялъ Василия съ архимандритомъ и возстановилъ миръ въ Кесарійской Церкви.

Ревнуя, затѣмъ, о славѣ Божіихъ Церквей, св. Григорій всѣми мѣрами старался обезпечить имъ наиболѣе лучшихъ и образованныхъ служителей. Такъ, напримѣръ, св. Григорій Нисскаго онъ осуждаетъ за намѣреніе оставить должность чтеца и заняться профессіей ритора, и тѣмъ возвращаетъ въ клиръ. «Что съ тобою сдѣлалось, мудрый мужъ», недоумѣваетъ онъ? «За что прогнѣвался ты самъ на себя, бросивъ священныя удобопіемя книги, а взявъ въ руки соленыя и непіемя, и захотѣлъ лучше именоваться риторомъ, нежели христіаниномъ?» Св. Григорій скорбитъ и за себя, и за него и за весь священный чинъ, и за всѣхъ христіанъ ³⁾.

Особенно много беспокоился св. Григорій судьбою единственнаго брата своего Кесарія, который, обладая прекрасными знаніями въ естественныхъ наукахъ, занималъ должность придворнаго врача, увлекался мірской жизнью и не намѣревался, повидимому, посвятить себя служенію Церкви. Такъ какъ Кесарій служилъ даже при дворѣ Юліана и, какъ видно, не собирався оставить его, то св. Григорій въ письмѣ къ Кесарію убѣждаетъ его ради чести Церкви Назіанской и ея престарѣлаго святителя, отца ихъ, отказаться отъ скверныхъ стяжаній, возвратиться домой и удовольствоваться тѣмъ, что есть у нихъ, т.-е. доходами съ имѣнія ⁴⁾. И забота о душѣ

¹⁾ Ib

²⁾ VI. 104

³⁾ VI. 105—106; п. 16

⁴⁾ 7-е, VI, 94

его, и опасеніе за достоинство пастырей руководили здѣсь св. Григоріемъ, тѣмъ болѣе, что поведеніе Кесарія набрасывало тѣнь и на всю семью епископа, и огорчало ее давая поводъ къ соблазну. «И епископскій сынъ нынѣ еще на службѣ домогается мірскихъ чиновъ и славы, уступаетъ надъ собою побѣду корыстолюбію, не щадя своей души». — могли говорить насомые ¹⁾. Доводы св. Григорія возымѣли свою силу, и Кесарій оставилъ придворную службу. Но черезъ нѣкоторое время онъ вновь занялъ мѣсто царскаго казначейщика въ Никее. Вскорѣ здѣсь произошло землетрясеніе, погубившее имущество Кесарія, но пощадившее его самого. Пользуясь симъ, св. Григорій убѣждаетъ брата всецѣло посвятить себя Богу, отказавшись отъ міра ²⁾. Въ этомъ дѣлѣ помогали ему и св. Василиі Великій ³⁾. Неожиданная смерть Кесарія въ 368—9 году, кромѣ того, что повергла св. Григорія въ скорбь и была испытаніемъ для его христіанскихъ чувствъ, возложила на него новую заботу о раздачѣ имущества Кесаріева бѣднымъ, согласно волѣ умершаго, и объ управленіи его дѣлами ⁴⁾.

Хотя страсть—не дѣло любомудрія, но св. Григорій открыто признавался Филагрію ⁵⁾, что «любитъ все Кесаріево». Поэтому, ради Кесарія онъ нарушилъ обѣтъ безмолвія и посвятилъ его памяти надгробное слово ⁶⁾. Въ этомъ словѣ св. Григорій утѣшаетъ свою семью въ постигшемъ ея горѣ, восхваляетъ радости будущей жизни, старается умѣрить скорбь по умершемъ и присоединяетъ молитву къ Господу о милостиномъ принятіи почившаго, какъ начатка ихъ семьи ⁷⁾.

¹⁾ Ib

²⁾ Письмо 22-е. VI. 111.

³⁾ Твор. VI. 63, изд. 1902 г

⁴⁾ VI. 232.

⁵⁾ II. 23; VI. 112—3

⁶⁾ 7-е; I. 195.

⁷⁾ I. 216 .

Заботы объ исполненіи воли Кесаріевой наложили на св. Григорія новую тяжелую обязанность возиться съ такими дѣлами, которыя были ему не по дунѣ и въ домѣ отца, каковы: наблюденіе за слугами, уплата повинностей, посѣщеніе судебныхъ мѣстъ, толканіе на рынкахъ и пр. Тяжесть эта увеличивалась отъ злоупотребленія дурныхъ людей, которые, пользуясь смертью Кесарія, расхитили и завладѣли его имуществомъ ¹⁾. Св. Григорію пришлось ходатайствовать объ охранѣ имущества, обращаться къ правителямъ, словомъ, погружаться въ дѣла, съ пастырствомъ ничего общаго не имѣющія ²⁾.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Господь послалъ семьѣ св. Григорія новое испытаніе: умерла единственная сестра его Горгонія, бывшая въ замужествѣ за Алипіемъ, начальникомъ города Иконіи. Св. Григорій говоритъ и ей надгробное Слово ³⁾, въ которомъ удѣляетъ больше мѣста не столько похваламъ умершей, сколько урокамъ живымъ, потому что «цѣль всякаго его Слова и дѣла—вести къ совершенству тѣхъ, которые пастырю ввѣрены ⁴⁾.

Въ этомъ Словѣ св. Григорій высказываетъ свой взглядъ на дѣвство и супружество и указываетъ на примѣръ Горгоніи, какъ можно сочетать одно съ другимъ; здѣсь же онъ обличаетъ нравы современнаго общества вообще и женщинъ въ частности. Это—первыя обличенія, которыя вышли изъ устъ св. Григорія-пастыря.

У Горгоніи остались три дочери. Св. Григорій принималъ близкое участіе въ ихъ судьбѣ и въ судьбѣ ихъ дѣтей: училъ ихъ, ходатайствовалъ за нихъ, вразумлялъ ихъ и помогалъ имъ ⁵⁾.

¹⁾ IV, 233; VI, 15.

²⁾ Письмо 24: VI, 113, IV, 232.

³⁾ I, 217.

⁴⁾ I, 128.

⁵⁾ Письма: 10, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 30 и др.

Насколько тяжело отзывались на душѣ св. Григорія пережитыя имъ тревоженія, насколько тяготили его земныя заботы, претившія его душѣ, это видно изъ «Стиховъ о себѣ самомъ», въ конхѣ св. Григорій, оплакивая смерть Кесарія, съ удовольствіемъ воспоминаетъ о понтійскомъ уединеніи, со времени котораго онъ умеръ для міра, а міръ для него, и «сталъ дышащій мертвецъ». Возвращенія обратно къ прежнимъ правиламъ жизни св. Григорій и жаждетъ, предавая себя, впрочемъ, всецѣло волѣ Божіей ¹⁾.

Между тѣмъ, обстоятельства Кесарійской Церкви снова требовали участія въ нихъ авторитетовъ небольшой Назіанзской Церкви—престарѣлаго, почти столѣтняго ея епископа Григорія, славнаго своею жизнью, и его сына—пресвитера св. Григорія, уже извѣстнаго Кесаріи своими качествами по дѣлу примиренія Евсевія съ св. Василиемъ Великимъ.

Въ іюнѣ 370 года Евсевій умеръ. Предстояло избрать ему преемника, что при тогдашнемъ состояніи Церкви, угрожаемой аріанами, и стремленіи многихъ недостойныхъ лицъ къ начальствованію, было нелегко. Искатели престола вошли въ соглашеніе съ порочными людьми и своею завистью и противоборствомъ возбуждали смятеніе по сему поводу ²⁾. Нужно было опасаться стремленія аріанъ провести своего кандидата. Тогда св. Василій Великій письмомъ приглашаетъ къ себѣ св. Григорія, имѣя, быть можетъ, въ виду выставить его однимъ изъ кандидатовъ на епископскую кафедру. Не надѣясь, чтобы св. Григорій пришелъ въ Кесарію въ такое непріятное для него время, какъ споры при избраніи епископа, св. Василій Великій допустилъ хитрость. онъ вторично вызвалъ св. Григорія подъ предлогомъ своей болѣзни. Св. Григорій поспѣшилъ въ Кесарію, но, узнавъ по дорогѣ объ истинной причинѣ вызова, вернулся домой и написалъ другу гнѣвное

¹⁾ IV, 228—234.

письмо, въ которомъ укоряетъ его въ недостаткѣ истинно дружескихъ чувствъ ¹⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принимаетъ энергичныя мѣры къ тому, чтобы провести избраніе въ епископы самого св. Василія Великаго, какъ наиболѣе достойнаго и полезнаго Церкви человѣка онъ посылаетъ отъ имени своего отца два посланія народу и епископамъ Кесарійской области, въ коихъ, ссылаясь на болѣзнь, препятствующую ему лично прибыть на выборы, напоминаетъ о важности и святости епископскаго сана и рекомендуетъ въ епископы св. Василія Великаго, какъ найдостойнѣйшаго кандидата, «которому предпочесть кого-либо было бы и невозможно и несправедливо». Чтобы заручиться согласіемъ большаго числа епископовъ на избраніе св. Василія Великаго, св. Григорій пишетъ два письма Евсевію Самосатскому, прося его авторитетной поддержки, а послѣ благодарить за сочувствіе ²⁾). Когда же обстоятельства потребовали личнаго присутствія въ Кесаріи отца, сынъ убѣждалъ его, больного, отправиться туда, успокаивая его тѣмъ, что если постигнетъ его на дорогѣ и смерть, то попечительность сія о благѣ церкви составитъ для него прекрасную погребальную ризу ³⁾). Труды обоихъ Григоріевъ увѣяались успѣхомъ: партія успокоилась, св. Василій Великій былъ избранъ и рукоположенъ. Григорій старшій получилъ даже облегченіе отъ своего недуга, «оправдавъ сказаніе, что трудъ даруетъ здравіе, ревность воскрешаетъ мертвыхъ и скачетъ старость, помазанная Духомъ» ⁴⁾).

Нечего и говорить, какою радостью наполнилось сердце св. Григорія за друга своего, св. Василія Великаго, когда состоялось его избраніе, и какъ ему хотѣлось бы видѣться съ нимъ. Но здѣсь то и высказалась та дисциплина духа, которая заставляла его жертвовать своими чувствами ради блага

¹⁾ Письмо 33—VI, 121

²⁾ Пис. 36 и 37—VI, 125—127.

³⁾ II, 114

Церкви. Всѣ ожидали, что св. Григорій посвятитъ къ новому епископу и займетъ около него почетное мѣсто, «судя о другихъ по своимъ нравамъ» ¹⁾. Но св. Григорій остался дома и свою радость по поводу избранія св. Василия Великаго изложилъ въ поздравительномъ къ нему письмѣ, въ коемъ объяснилъ тѣ причины, которыя обязываютъ его беречь свою и его честь, а потому и сидѣть дома». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ звалъ св. Василия Великаго къ себѣ ²⁾. Вѣроятно, св. Василий Великій обидѣлся на св. Григорія за непосѣщеніе, о чемъ и написалъ ему. Св. Григорій отвѣчаетъ восторженнымъ письмомъ, въ коемъ называетъ св. Василия Великаго «окомъ вселенной, звучнымъ гласомъ и трубою, палатою учености», воспоминаетъ совмѣстную жизнь въ Аѳинахъ, а обвиненіе въ презрѣніи считаетъ одинаковымъ обвиненію въ безуміи ³⁾. Вскорѣ затѣмъ онъ пишетъ св. Василию Великому новое письмо, въ коемъ извѣщаетъ о болѣзни «государыни матери, при коей онъ безотлучно сидитъ», почему и не можетъ отлучиться въ Кесарію. Для болящей же проситъ молитвъ о выздоровленіи ⁴⁾.

Наконецъ, желаніе друзей видѣться исполняется: св. Григорій приходитъ къ св. Василию Великому. Но онъ не принимаетъ отъ него никакой почести и отказывается отъ предложенія вступить на кафедру, — т.-е. сдѣлаться викаріемъ у св. Василия Великаго или занять мѣсто перваго пресвитера ⁵⁾. Одобривъ доводы св. Григорія, св. Василий Великій отпустилъ его домой, а самъ энергичными пастырскими мѣрами успокаиваетъ страсти своей паствы, удачно опровергаетъ ережниковъ-аріанъ и благоустраиваетъ свою Церковь. Но въ виду нашествія Валента, недруга съ цѣлью уничтожить православныя церкви

¹⁾ IV, 77.

²⁾ VI, 127, письмо 38-е.

³⁾ Письмо 39-е — VI, 128.

⁴⁾ Письмо 40-е — VI, 129.

⁵⁾ IV, 71.

и усилить арианство, св. Василій вновь вызываетъ св. Григорія для подкрѣпленія въ предстоящей борьбѣ, отъ которой онъ ждетъ себѣ только бѣды — изгнанія или смерти, и печалуется, что св. Григорій не проводитъ съ нимъ бѣльшей части года ¹⁾). Св. Григорій задержалъ въ Назіанзинѣ тотъ же Валентъ, посѣтившій сначала ихъ городъ и получившій твердый отпоръ отъ епископа и народа. Поспѣшавъ затѣмъ въ Кесарію, св. Григорій былъ очевидцемъ мужественнаго и героическаго стоятельства св. Василія противъ гонителя и торжества его надъ царемъ ²⁾).

Вступленіе св. Василія Великаго на Кесарійскую митрополи имѣло важныя послѣдствія въ послѣдующей жизни св. Григорія: съ этого времени и почти до смерти св. Василія она въ главныхъ своихъ событіяхъ зависѣла отъ св. Василія, не только какъ отъ друга, но и какъ архіепископа Кесарійскаго, подъ властью котораго находился св. Григорій по мѣсту жительства и служенія въ Назіанзѣ.

Вскорѣ по вступленіи св. Василія на Кесарійскую кафедру, императоръ Валентъ раздѣлилъ Каппадокію на двѣ части — первую и вторую. Напрасно св. Василій старался сохранить церковное единство: честолюбивый епископъ главнаго города второй Каппадокіи — Тіана, Анфимъ сразу же возсталъ противъ своего бывшаго митрополита и началъ посягать на его права, удерживая подати и даже задержавъ однажды въ горныхъ проходахъ около Сасима муловъ самого св. Василія ³⁾). «Съ сего времени, замѣчаетъ св. Григорій, брань отъ міра прекратилась, но начинается другая брань — уже отъ епископовъ и ихъ сподобниковъ; и въ ней много безславія, а еще больше вреда подчиненнымъ» ⁴⁾). Честолюбивому и своекорыстному Анфиму легко было склонить на свою сторону большин-

¹⁾ Св. Василій Великій твор. VI, 153

²⁾ IV, 83—85

³⁾ IV, 92.

⁴⁾ IV, 91.

ство епископовъ, недовольныхъ св. Васи́лемъ за его правую вѣру (часть ихъ склонялась къ полуаріанству) и за его твердое и нелицепріятное служеніе. Митрополія раздѣлилась: изъ 50 хореепископовъ у св. Васи́лія В. осталась едва половина. Властолюбіе Кесарійскаго митрополита было сильно затронуто: оно отторгало отъ него цѣлую половину провинціи и лишало большихъ доходовъ ¹⁾. Но что всего обиднѣе, такъ это то, что свои эгоистическіе расчеты Анфимъ и отдѣлившіеся епископы оправдывали заботою о спасеніи души, о чистотѣ вѣры, хотя все это служило только прикровеніемъ ненадытими, а истинною причиною было «любоначаліе, сборы и поборы, отъ чего весь міръ приходитъ въ жалкое колебаніе» ²⁾. Къ этому присовокупляли правило, что не должно платить дани не православнымъ, т.-е. св. Васи́лю, «хотя не православенъ тотъ, по словамъ св. Григорія, кто оскорбляетъ насъ» ³⁾.

И разрывъ и самыя причины его не могли не волновать и не огорчать св. Васи́лія. Св. Григорій, для котораго все, что касалось св. Васи́лія было и его дѣломъ ⁴⁾, постыѣшился утѣшить и успокоить друга ⁵⁾. Для св. Григорія спорный вопросъ рѣшался очень просто: онъ видѣлъ, что причиною раздора служитъ зависть, которая причиняетъ огорченіе, она же измышляетъ для своего оправданія софизмы, обычныя у стяжателей. По мнѣнію св. Григорія, св. Васи́лій Великій не долженъ этимъ ни смущаться, ни волноваться, а тѣмъ болѣе предпринимать что-либо, недостойное любомудрія и обоихъ друзей; св. Васи́лій долженъ былъ остаться непоколебимымъ, быть выше всѣхъ этихъ дразгъ и какъ бы высокою волною сразить злоумышленія. Св. Григорій выражалъ готовность

¹⁾ Проф. А. А. Спасскій «Исторія догмат. движен.», т. I, 481

²⁾ VI, 18

³⁾ IV, 92

⁴⁾ VI, 128

⁵⁾ 43 с. л. VI, 134

лично прѣхать на совѣтъ, «если только море имѣетъ нужду въ водѣ, а Василій въ совѣтникѣ»¹⁾).

Такъ думалъ св. Григорій. Но св. Василій былъ другого мнѣнія. О различіи ихъ характеровъ мы уже говорили. Тамъ, гдѣ женственной, восторженной натурѣ св. Григорія свойственно было уступать, твердому властному характеру св. Василія открывалось новое поле дѣйствования во благо Церкви. Вотъ и здѣсь: умаленіе хореепископовъ св. Василій думалъ увеличить открытіемъ новыхъ епископскихъ кафедръ. Этою мѣрою юстигались три цѣли: увеличивалось число работниковъ на нивѣ Божіей, каждому небольшому городу давались полномочныя права и, наконецъ, уничтожалась вражда съ Анфимомъ. Несомнѣнно, что св. Василій Великій при этомъ имѣлъ въ виду при назначеніи новыхъ епископовъ избирать людей только строго православныхъ и не зараженныхъ тѣми болѣзнями, коими болѣло духовенство того времени.

Однимъ изъ такихъ небольшихъ городковъ, намѣченныхъ въ резиденцію хореепископа, былъ, между прочимъ, Сасимы, затерявшійся среди горныхъ проходовъ, пограничный съ территоріей новой Тіанской митрополіи, — «мѣсто безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всѣхъ удобствъ, селеніе ужасно скучное и тѣсное... Тамъ всегда пыль, стукъ отъ повозокъ, слезы, рыданія, собиратели налоговъ, орудія пытки, цѣпи, а жители—чужеземцы и бродяги»²⁾).

Епископомъ для такого пограничнаго пункта между двумя митрополіями нуженъ былъ человекъ, преданный св. Василію, сильный въ словѣ и не ищущій земного благополучія. Такихъ, по мысли св. Василія, только и могъ быть его другъ св. Григорій. Однако, судя по-человѣчески, назначеніе на такое мѣсто можно было объяснить, или нерасположеніемъ къ св. Григорію или, по меньшей мѣрѣ, охлажденіемъ ихъ горя-

¹⁾ VI, 134

²⁾ VI, 17

чей дружбы. Но св. Василій, никогда не щадившій себя для блага Церкви, былъ далекъ отъ подобныхъ соображеній: онъ зналъ стремленіе и любовь св. Григорія къ уединенно-созерцательной жизни, но держался того мнѣнія, что приносить себя въ жертву, когда потребуетъ того нужда Церкви, есть долгъ всякаго члена Церкви, а пастыря — по преимуществу. Вѣроятно, вышеприведенное письмо 43-е ¹⁾, въ которомъ св. Григорій предлагалъ прибыть на помощь къ св. Василю, давало послѣднему увѣренность въ томъ, что теперь св. Григорій, судя по неоднократнымъ предложеніямъ раздѣлить съ нимъ бремя пастырскаго служенія, наконецъ не откажется отъ фактическаго участія въ дѣлахъ митрополіи и приметъ мѣсто епископа Сасимскаго. Что же касается незначительности самого мѣста, то взгляды свой на этотъ вопросъ св. Василій высказалъ въ письмѣ къ епископу Самосатскому. И мнѣ было бы желательно, пишетъ онъ, чтобы Григорій управлялъ Церковью соразмѣрно его силамъ, а таковою была бы развѣ вся воедино совокупленная подъ солнцемъ Церковь. Но такъ какъ сіе невозможно, то пусть будетъ епископомъ не по мѣсту уважаемымъ, но доставляющимъ уваженіе мѣсту. Ибо въ подлинномъ смыслѣ великъ тотъ, кто не только достаточенъ для великихъ дѣлъ, но силою своею и малое дѣлаетъ великимъ ²⁾.

Такъ относился св. Василій къ факту назначенія св. Григорія въ Сасимы. Какъ видно, здѣсь нѣтъ мѣста обвиненію св. Василя ни въ властолюбіи и сребролюбіи, ни въ неактивности, самопревозношенія или другихъ чувствахъ къ св. Григорію, какъ это хотятъ видѣть нѣкоторые ³⁾, на основаніи тѣхъ горькихъ жалобъ св. Григорія, которыя раздались изъ его устъ.

¹⁾ VI, 134

²⁾ Твор. св. Василя Великаго, VI, 195

³⁾ Фарфари, Жизнь и труды св. Отц. и Уч. Церкви, 1891, СПб стр. 412

Невыразимо сильно и больно отозвалось на св. Григоріи избраніе его въ епископы. Неожданность призванія къ дѣлу, для прохожденія котораго онъ чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ, увеличивалась изумленіемъ относительно самаго мѣста служенія, Сасимъ, неудобныхъ для всякаго служенія вообще, а для епископскаго въ особенности, вслѣдствіе вышеуказанныхъ недоразумѣній съ Анфимомъ. «Не знаю, что его побудило и чѣмъ онъ увлекся, поступивъ недостойно живущаго въ немъ Духа —говорилъ онъ о св. Василии ¹⁾. Сразу представилось св. Григорію, что св. Василій, вознесшись на митрополию, забылъ дружбу и смотреть на него, какъ на рядового пресвитера, обязаннаго ему повиноваться.

«Что же съ тобою сдѣлалось?», вопрошалъ онъ заочно св. Василія Великаго.— «За что ты вдругъ бросилъ меня въ такую отъ себя даль? Да погибнетъ въ мірѣ законъ дружбы, которая такъ мало уважаетъ друзей... Вотъ что принесли мнѣ Аѳины, общія упражненія въ наукахъ, жизнь подъ одною кровлею, питаніе съ одного стола, одинъ умъ, а не два въ обоихъ, удивленіе Эллады и взаимныя обѣщанія, какъ можно дальше отринуть отъ себя міръ, а самимъ жить общою жизнью для Бога, успѣхи же въ словѣ принести въ даръ Единому премудрому Слову! Все разсыпалось! Все брошено наземь! Куда бѣжать? Развѣ вы, дикіе звѣри, примете меня къ себѣ? У нихъ, думаю, болѣе вѣрности... Вчера мы были львы, но теперь я сталъ обезьяной, а ты почти, что левъ. Если бы такъ смотрѣлъ на всѣхъ своихъ друзей, то не надлежало бы, по крайней мѣрѣ, тебѣ смотрѣть такъ на меня, котораго, бывало, предпочиталъ ты прочимъ друзьямъ, пока не вознесся за облака и все стало ниже тебя > ²⁾.

Особенно возмущало св. Григорія то обстоятельство, что св. Василій раньше выражалъ сочувствіе его мечтамъ исполнить

¹⁾ I, 244.

²⁾ VI, 16—19

послѣ смерти родителей Евангельскій совѣтъ о добровольной нищетѣ и сдѣлаться гражданиномъ всякаго мѣста. Св. Василій привѣтствовалъ эти мысли, хвалилъ ихъ, но, при всемъ томъ, возвелъ его на епископскій престолъ, «въ другой разъ занувъ его въ этомъ» ¹⁾. Св. Григорію думалось, что большаго безславія и вреда не могли бы сдѣлать ему даже злѣйшіе враги. Дѣйствительно, всѣ знавшіе дружбу и услуги св. Григорія св. Василію, находили поступокъ послѣдняго, по уменьшенію мѣръ, неприличнымъ. «Но вспоминать о сдѣланномъ добрѣ прилично тому, кто имъ пользовался, но неприлично тому, кто его сдѣлалъ» ²⁾.

Св. Григорій не находилъ въ себѣ силъ подчиниться св. Василію, и рѣшительно отказался отъ Сасимъ. «Что справедливо было бы сдѣлать мнѣ? Скажите передъ Богомъ!» — разсуждалъ онъ. Терпѣть? Принять на себя всѣ удары бѣдствій? Итти (въ Сасимы), не взирая ни на что? Погрязнуть въ тинѣ ³⁾ и физической и нравственной, въ безплодныхъ препирательствахъ?» Принятіе Сасимъ казалось св. Григорію источникомъ бѣдствій: оно разлучило бы его съ роднымъ кровомъ, такъ дорогимъ ему, съ престарѣлыми родителями, покоить старость которыхъ было теперь цѣлью его жизни; оно, давъ ему въ управленіе нищій народъ, сдѣлало бы нищимъ и его самого, лишивъ возможности исполнять обязанности благотворенія и принятія странныхъ; оно, наконецъ, потребовавъ отъ св. Григорія много всяческихъ трудовъ, дало бы въ награду не розы, а тернія, потому что для этого мѣста и для этой цѣли нужны другіе люди, а не такіе, каковы онъ. «Требуи отъ меня великодушія въ другомъ чемъ—если хочешь, отвѣчалъ онъ св. Василію, а это предложи тѣмъ, которые премудрѣе меня» ⁴⁾.

Но надъ «непобѣдимымъ» св. Григоріемъ было произведено

¹⁾ Ib 17

²⁾ Ib

³⁾ VI, 18; VI, 138

⁴⁾ VI, 18.

насиліе: онъ уступилъ не убѣжденію, но принужденію ¹⁾. Онъ оказался въ такомъ положеніи, что съ какой бы стороны не сталъ изображать свою жизнь, вездѣ было для него жалко. Узнавъ о несогласіи св. Григорія принять назначеніе, св. Василій приходитъ въ Назіанзъ, чтобы личнымъ присутствіемъ убѣдить св. Григорія. Онъ простираетъ къ нему руки, цѣлуетъ его и умоляетъ, чтобы онъ не оставался на низшей степени, но, трудясь вмѣстѣ съ нимъ, облегчалъ бы его трудъ. И какихъ только не употреблялъ онъ убѣждений? Св. Григорій держался. Но когда къ доводамъ св. Василія присоединилъ свои мольбы и увѣщанія отецъ, сынъ не устоялъ. «Тебя, любезнѣйшій изъ сыновей, умоляетъ отецъ, юнаго молитъ старецъ, служителя молитъ тотъ, кто и по естеству и по двоякому закону твой владыка... Того домогаюсь я, продолжалъ отецъ,—чтобы сдѣлать тебя другимъ Аарономъ и Самуиломъ, досточестнымъ предстателемъ Богу. Ты, сынъ, принадлежиши Даровавшему тебя. Не обезчести меня, чтобы и къ тебѣ быть милостивъ Единый нашъ Отецъ. Прекрасно мое требованіе, но крайней мѣрѣ, оно отеческое. Ты не живешь еще столько на свѣтѣ, сколько прошло времени, какъ я приношу жертву Богу. Сдѣлай мнѣ эту милость, сдѣлай, или другой предастъ меня гробу. Такое наказаніе опредѣляю я за непокорность. Подари немногіе дни останку моихъ дней, а прочею своею жизнью располагаю какъ тебѣ угодно» ²⁾).

Чье сердце могло выдержать такой натискъ? Сколько нужна мужества, чтобы вынести отеческій гнѣвъ? Вѣроятно, и Понна употребила свои материнскія мольбы, чтобы склонить своего боязливаго сына къ принятію того высокаго сана, къ которому она такъ благоговѣла. Все это разсѣяло тугу душевную св. Григорія, и онъ разеудилъ, «что нѣтъ еще большой бѣды во избѣжаніе каведры, исполнить желаніе отца». Вѣроятно, это

¹⁾ I, 236—237

²⁾ VI, 19—20.

сердце чувствовала, что Господь сохранитъ его отъ тяжелаго испытанія бхать въ Сасимы, гдѣ ему, ставленнику митрополита, а не народа, пришлось бы переносить многостороннюю войну. Тогда вопросъ облегчался, «ибо это, (посвященіе въ епископы), думалъ онъ, не удержитъ (въ Сасимахъ) противъ воли меня, котораго не связываютъ (съ ними) ни нареченіе, ни обѣщаніе». «Вотъ до чего довелъ меня превозмогшій страхъ. вспоминалъ онъ впоследствии¹⁾».

Послѣ такихъ размышленій, св. Григорій «подключилъ свою волю, хотя не поклонился духомъ». Самое посвященіе, по описанію св. Григорія, происходило такъ. Св. Василиій извелъ новопосвящаемаго на средину и посадилъ съ собою; затѣмъ, дѣлаетъ сообщникомъ заботъ и вѣнцовъ: помазываетъ его въ первосвященники, облакаетъ въ подиръ, возлагаетъ на него кидаръ, приводитъ къ жертвеннику всесоженія, приноситъ въ жертву тельца освященія, освящаетъ руки Духу, вводитъ во святая святыхъ и содѣлываетъ служителемъ церкви Божіей²⁾.

Здѣсь же, въ присутствіи отца и св. Василия, св. Григорій говоритъ «Слово по рукоположеніи», краткую импровизацію, дышащую горѣніемъ духа и искренностью чувства³⁾.

«Снова на мнѣ помазаніе и Духъ, и опять хожу плача и сѣтуя», такъ начинается его рѣчь. Ораторъ тремещетъ и сѣтуетъ за немощь души, пришедшей въ такое близкое прикосновеніе съ Богомъ въ посвященіи. Онъ боится оказаться органомъ худымъ и ненастроеннымъ, помня, что въ самомъ возвышеніи иные часто были низлагасмы. Все случившееся для него то же, что блескъ молніи для ребенка онъ производитъ удовольствіе, смѣшанное съ ужасомъ. Онъ жаждетъ, нищетъ быть истиннымъ пастыремъ и проситъ научить

¹⁾ VI, 20.

²⁾ I, 241

³⁾ 9-e -- I, 234

его сему. «Научи меня, обращается онъ къ рукоположившему его, своей любви къ паствѣ, заботливости, неусыпности... Скажи, на какія пажити водить стадо... Кого пасти палицею и кого свирѣлью. Какъ вести брань съ волками и какъ не вести брани съ пастырями, особливо въ нынѣшнее время... Помоги стать добрымъ пастыремъ, а не худымъ» ¹⁾).

Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, св. Григорій Богословъ съ благоговѣніемъ и трепетомъ приступалъ къ пастырскому служенію, которое представлялось ему самымъ высокимъ на землѣ служеніемъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что и практическое прохожденіе пастырскаго служенія, и теоретическое ученіе о немъ было осуществленіемъ мыслей, высказанныхъ въ этой рѣчи при посвященіи.

Рукоположеніе св. Григорія происходило въ половинѣ 372 года. Оно, по словамъ его самого, было началомъ бѣдствій.

Отсюда низринутись на меня всѣ неудобства и замѣшательства въ жизни. Отъ сего не могъ я быть любомудрымъ» ²⁾). Не будучи человѣкомъ твердаго характера и не имѣя силъ бороться съ болѣе повелительными натурами, св. Григорій думалъ, что позволивъ себя посвятить, онъ допустилъ слабость, о которой потомъ всегда сожалѣлъ. Этого сожалѣнія и екорби не истребило въ немъ и самое время, хотя оно, какъ лучший цѣлитель ранъ, и умалило горечь ихъ.

Послѣ хиротоніи во епископа, св. Григорій, какъ и въ первый разъ, при посвященіи въ пресвитера, удалился въ пустыню для поддержанія своего духа и для подведенія итоговъ случившагося. Его душа, измученная тревоженіями борьбы, жаждала уединенія и созерцанія. И когда это уединеніе его успокоило, онъ возвратился къ отцу и произнесъ въ присутствіи св. Василія второе Слово ³⁾). Изъ этого Слова видно, что тщательное и спокойное размышленіе по поводу

¹⁾ I, 234—238.

²⁾ IV, 93.

³⁾ 10-е I, 239.

случившагося дало св. Григорію возможность не такъ сурово обличать своихъ притѣснителей, которые его, любящаго пустыню, какъ едва ли любить кто другой, и употреблявшаго все усилія скорѣе уклониться отъ общей бѣды и праха, подъ благовиднымъ именемъ священства, предали на сіе безпокойное и злокозненное торжище душъ, отъ чего не мало золь и потерпѣлъ и надѣется еще потерпѣть» ¹⁾.

«Нѣтъ ничего сильнѣе старости и достоуважаемѣ дружества», такъ начинаеть св. Григорій свое защитительное Слово. Ими приведенъ къ вамъ я, узникъ о Христѣ, связанный не желѣзными веригами, но неразрѣшимыми узами Духа». Упомянувъ, дажѣ о томъ, что теперь онъ привязанъ къ служенію, хотя жаждалъ покоя, св. Григорій передаетъ о своихъ предположеніяхъ скудостью и неизвѣстностью въ здѣшней жизни пріобрѣсть себѣ малую обитель въ жизни будущей. Но покоренный сѣдинами отца и дружбою столь благочестиваго человѣка, каковъ св. Василій, онъ отлагаетъ гнѣвъ по случаю внезапнаго посвященія и спокойно смотритъ на руку, сдѣлавшую ему насиліе. Онъ теперь перемѣняетъ свои мысли и самъ перемѣняется, и обвиняетъ не посвятившихъ его, которые, въ сущности, «не могли терпѣть, чтобы талантъ оставался сокрытымъ и закопаннымъ въ землѣ, а свѣтильникъ подъ спудомъ, почему и не позволили остаться ему внизу, но обвиняетъ самъ себя за свое высокоуміе или, скорѣе, безуміе. «Исповѣдавъ свое недостойнство, онъ вѣряетъ себя водительство Божію» ²⁾). Теперь онъ готовъ извинить и св. Василія, который, поступая съ нимъ принудительно, «мудрствовать выше, нежели по-человѣчески, во всемъ поступалъ по духу, и умѣя уважать дружество, не оказывалъ ему уваженія только тамъ, гдѣ надлежало предпочесть Бога и часому отдать преимущество предъ тѣмъ» ³⁾.

¹⁾ II, 115

²⁾ I, 239—242

³⁾ IV, 93

Вскорѣ св. Василій, не имѣя возможности дольше быть съ св. Григоріемъ, уходитъ домой, но присылаетъ вмѣсто себя брата своего св. Григорія Нисскаго «для утѣшенія скорбящаго друга и для умиротворенія его съ Духомъ». Въ присутствіи гостя, св. Григорій произноситъ 3-е Слово, въ которомъ, воздавъ должное чувствамъ, дружбы и сравнивъ свв. Василія и Григорія съ Моисеемъ и Аарономъ, укоряетъ прибывшаго за то, что тотъ пришелъ позже, чѣмъ требовала нужда, и выражаетъ готовность, «дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, чтобы доказать, что онъ не вовсе безразсуденъ и невѣжда, но смѣлъ въ томъ, что достойно смѣлости, и боязливъ, гдѣ есть мѣсто страху, и гдѣ не бояться всего страннаго для имѣющаго умъ». Затѣмъ, исполняя свой пастырскій долгъ, онъ беспокоится о томъ, чтобы не отпустить слушателей голодными, и даетъ рядъ наставленій о необходимости освященія и борьбы съ искушеніями. Свое Слово онъ оканчиваетъ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу о ниспосланіи ему дара пасенія словеснаго стада Христова ¹⁾.

Однако, наступившее мирное настроеніе духа св. Григорія вскорѣ было нарушено, чего и опасался св. Григорій. Анфимъ не хотѣлъ такъ легко, какъ предполагалъ св. Василій уступить Сасимовъ, пункта пограничнаго и, потому, спорнаго. Онъ не задумывался и надъ средствами борьбы. Насильственно завладѣвъ этимъ городомъ, онъ и уступить его могъ только силѣ. Такимъ образомъ, предстояло, кровопролитіе. Нечего и говорить, какъ все это претило миролюбивому духу св. Григорія. Его опять одолѣваютъ тяжелыя мысли о бесполезности и суетности всѣхъ человѣческихъ заботъ и о радости благъ любомудрія. Если онъ тяготился распоряженіемъ отцовскимъ имуществомъ, если пастырство онъ принялъ какъ бремя, то что могло побудить его вступать въ тяжбу и брань съ властолюбивымъ Анфимомъ и, при томъ, изъ-за

Сасимовъ, незначительнаго мѣстечка, не представляющаго изъ себя особой цѣнности ни въ іерархическомъ, ни въ территориальномъ отношеніяхъ? Душа св. Григорія не выдержала такого разлада, и онъ отказывается исполнить приказаніе св. Василия ѣхать въ Сасимы, а убѣгаетъ «въ горы и пустыни. ищетъ безмолвія душевнаго и тѣлеснаго, уходитъ умомъ въ самого себя, отвращается отъ чувствъ, чтобы неоскверненному бесѣдовать съ Богомъ и чистому озаряться лучами Духа безъ всякой примѣси дошняго и омраченнаго» ¹⁾).

Постунокъ св. Григорія возмущилъ св. Василия. Онъ шлетъ ему гнѣвное письмо, укоряетъ въ лѣности и нерадѣніи, указываетъ ему на его подчиненное положеніе, — словомъ. берeditъ ту старую рану, залѣчить которую стоило ему столькихъ трудовъ и усилій. Св. Григорій отвѣчаетъ св. Василию Великому двумя письмами ²⁾).

«Укоряешь меня въ лѣности и въ нерадѣніи,—пишетъ онъ,—потому что не взялъ твоихъ Сасимовъ, не увлекся епископскимъ духомъ, не вооружаюсь вмѣстѣ съ вами, чтобы драться, какъ дерутся между собою псы за брошенный имъ кусокъ. А для меня самое важное дѣло—безмолвіе... Величіе духа въ этомъ поставлю закономъ для всѣхъ, и думаю, что если бы всѣ подражали мнѣ, то не было бы безпокойствъ Церквямъ, не терпѣла бы поруганій вѣра, которую всякій теперь обращаетъ въ оружіе своей любопытности» ³⁾).

Но св. Василий этимъ отвѣтомъ не удовлетворился и повторилъ свои обличенія.

«Ужели не перестанешь хулить меня, какъ человека не-образованнаго, недостойнаго дружбы и самой жизни, возражаетъ св. Григорій во второмъ письмѣ. Усталъ я, слушаю упреки гебѣ и защищая тебя предъ людьми, знающими наши

¹⁾ I, 22

²⁾ II, 49 II, 59—VI, 136—137

³⁾ VI, 136 II, 49

отношенія и говорящими, что, по употребленіи въ дѣло, я брошенъ, какъ самый безчестный и ничего не стоющій сосудъ, или какъ подпорка подъ сводами, которую, по складкѣ свода, вынимають и считаютъ за ничто... А я выскажу, что на душѣ не посердись на меня. Не буду прискивать оружія и учиться военной хитрости, которой не учился и прежде. Не буду подвергать себя нападеніямъ бранноноснаго Анфима. Но сражайся съ нимъ самъ, если угодно, или иныя людей, которые будутъ сражаться... Какая нужда вступать въ борьбу изъ-за млекопитающихся и птицъ, и притомъ за чужихъ, какъ будто идетъ дѣло о душахъ и объ уставахъ Церкви? Для чего митрополию лишать славныхъ Сасимовъ? Ты мужайся, преодолювай, а я отъ твоей дружбы приобрѣту одну выгоду, что не буду вѣрить друзьямъ и ничего не стану предпочитать Богу»²⁾).

Вопросъ о Сасимахъ для св. Григорія былъ рѣшенъ... Въ отношеніи ихъ онъ считалъ себя «свободнымъ: онъ вовсе не касаясь данной ему Церкви, ни однажды не совершилъ тамъ служенія Богу, не молился съ народомъ, не возложилъ рукъ ни на одного изъ клириковъ»¹⁾. Послѣдующая исторія съ Сасимами показала, насколько правъ былъ св. Григорій въ своихъ воззрѣніяхъ на это дѣло. Вскорѣ Анфимъ, желая покончить и позорную для епископовъ и соблазнительную для вѣрующихъ борьбу изъ-за «Сасимскихъ болотъ», прибылъ въ Назіанзъ, но, не успѣвъ склонить обоихъ Григоріевъ на свою сторону и укоривъ ихъ въ приверженности къ св. Василию, сдѣлалъ чрезъ св. Григорія письменное предложеніе св. Василию на соборномъ обсужденіи размежевать границы обѣихъ митрополій³⁾. На это св. Василій въпослѣдствіи согласился, уступилъ Сасимы и возстановилъ съ Анфимомъ общеніе.

Однако, и въ этотъ разъ св. Григорій не долго оставался

¹⁾ II 50 c VI, 138.

²⁾ VI, 26

³⁾ Письмо VI c VI, 139

въ уединеніи онъ нуженъ былъ престарѣлому отцу, чтобы «юная рука его служила опорой рукъ старческой» ¹⁾; онъ нуженъ былъ народу, ибо «нѣсколько людей благоговѣйныхъ напали на него и не переставали заклинять возвратиться, угрожая успѣхами множества людей богомерзкихъ ²⁾. Св. Григорій не сталъ «отказываться отъ любезнаго ему престола великаго его родителя, ибо несправедливо было бы противиться Божиимъ уставамъ». Онъ уступилъ моленіямъ отца ³⁾ и возвратился въ Назіанзъ, чтобы быть сопастыремъ отцу, но отказался быть ему преемникомъ ⁴⁾.

«Для чего сталъ нуженъ сопастырь тебѣ» — спрашивалъ онъ, обращаясь къ отцу въ Словѣ при порученіи попеченія о Назіанзской Церкви. «Для чего требуешь для себя жезла и подпоры»? И разъясняетъ, что будучи еще бодрымъ и духомъ и тѣломъ, онъ дѣлаетъ это не для плотскихъ цѣлей, а для блага своей Церкви. Затѣмъ, въ обращеніи къ паствѣ, изобразивъ свое стремленіе къ уединенію для совершенствованія, столь необходимаго для тѣхъ, кто цѣлью жизни поставляетъ очищеніе образа въ большемъ числѣ людей (т.-е. для пастыря ради пасомыхъ), онъ объясняетъ причины своего уклоненія, а также и возвращенія, чтобы раздѣлить попеченія съ добрымъ отцемъ, «какъ съ большимъ и высокопарнымъ орломъ летающій близъ него не вовсе неопытнымъ итенецъ». По мысли св. Григорія, хотя пріятно наследовать отцевы труды, однако, «полезнѣе и безопаснѣе начальствовать желающимъ и надъ желающими». Тѣмъ болѣе, что пастырское служеніе есть не столько начальство, сколько дѣтководеніе, а потому всего болѣе требуетъ свободы въ избраніи пасомыми пастырей и обратно. «Ибо гайна спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ». Отрывъ, за-

¹⁾ IV, 261.

²⁾ VI, 20.

³⁾ IV, 261.

гѣмъ, собранію «тайну своего сердца» и выразивъ готовность служить Назіанзу, пока не явится возможность «передать крылья свои Духу нести его, куда угодно и какъ угодно», св. Григорій заканчиваетъ Слово молитвою къ Св. Духу, и выражаетъ необходимость и готовность раскрыть подробно истину о Его Божествѣ ¹⁾).

Такъ состоялось временное водвореніе св. Григорія на Назіанзской кафедрѣ. Будучи рукоположенъ на Сасимскую кафедру безъ избранія народа и клира и не имѣя возможности по винѣ противоборствующихъ занять ее, онъ остается епископомъ безъ опредѣленной кафедры, не щадя, однако, своихъ силъ для борьбы съ еретиками и охотно являясь всюду, куда только направить его Духъ чрезъ ревнующихъ о благѣ Церкви людей.

Къ св. Василию Великому онъ старался сохранить прежнія дружескія отношенія и всячески защищалъ его имя отъ нареканій что видно, напримѣръ, изъ того ближайшаго факта, что когда на какомъ-то собраніи одинъ монахъ, въ присутствіи св. Григорія, обвинялъ св. Василия въ неправомъ ученіи о Св. Духѣ, а защищавшаго его св. Григорія—въ робости, чѣмъ произвелъ соблазнъ среди присутствовавшихъ ²⁾), и св. Василий, увѣдомленный о семъ св. Григоріемъ, выразилъ своему другу неудовольствіе за слабую защиту его ³⁾, то св. Григорій оправдывается, что, сообщая о происшедшемъ, онъ поступилъ просто «по обычному благорасположенію», предоставляя ему «самому поправить дѣло, а не гнѣваться на совѣтниковъ», и изъявляетъ готовность быть у св. Василия и помогать ему по мѣрѣ силъ ⁴⁾). Необычайная уступчивость и благородное смиреніе новаго епископа способны были устранять всякія недоразумѣнія и осложнения.

Преданность св. Василию и дѣлу Церкви св. Григорій вско-

¹⁾ I, 250

²⁾ VI, 130

³⁾ Св. Василий Вели. т. VI, 151 (изд. 1902 г.).

⁴⁾ VI, 133

ръ высказалъ своимъ участіемъ въ поставленіи Евлація въ епископа Доарскаго,—города, тоже оспариваемаго Анфимомъ. Въ Словѣ, по сему поводу произнесенномъ, онъ, именуя св. Василія главою и святымъ, хотя и потерпѣлъ отъ него обиду, ободряетъ рукоположеннаго «на безболезненное служеніе паствѣ, которую приводятъ къ нему ангелы», хотя и наслѣдуетъ онъ престолъ при различныхъ искушеніяхъ и испытаніяхъ. «Ничто великое не бываетъ безъ искушенія и испытанія, говоритъ онъ, ибо, по естественному порядку, маловажное сопровождается удобствомъ, а высокое—трудностью. Пусть кричатъ враги,—мы не будемъ вести брани. Ибо служеніе епископа—служеніе мирное. Для предотвращенія же недоразумѣнія епископу надо приобрѣтати благоискусство» ¹⁾).

Епископское служеніе св. Григорія Богослова на Назіанзской кафедрѣ продолжалось недолго—съ 372 по 375 годъ. Все это время прошло у него въ усердной пастырской дѣятельности и непрестанныхъ заботахъ о паствѣ. Посмотримъ, на основаніи имѣющихся въ твореніяхъ св. Григорія данныхъ, какъ онъ проходилъ свое пастырское служеніе въ этотъ періодъ.

Являя въ личной своей жизни образецъ скромности и смиренія, доходившихъ до того, что онъ отказывается проповѣдывать въ присутствіи отца ²⁾), будучи послушливъ и воля Божіей и родителямъ, что особенно сказалось въ вопросѣ о поставленіи въ епископы, всею душею склонный къ аскетизму и отрѣшенности отъ всякихъ земныхъ благъ и преимуществъ. св. Григорій близко къ сердцу принималъ всѣ нужды своей паствы, жилъ ея жизнью, радовался ея радостями, скорбѣлъ ея скорбями, обращая при томъ всѣ случаи пастырской жизни въ предметъ для духовно-нравственнаго назиданія пасомыхъ. Онъ равно заботился о благѣ какъ всей своей паствы, такъ и объ отдѣльныхъ ея членахъ. Поэтому, Назіанзскій періодъ

¹⁾ I, 255.

²⁾ II, 40.

дѣятельности св. Григорія можетъ быть названъ временемъ нравственно-практической его дѣятельности въ отличіе отъ Константинопольскаго періода, догматико-полемическаго.

Въ пастырской дѣятельности св. Григорія въ данный періодъ наше вниманіе останавливаетъ его поведеніе во время общественныхъ бѣдствій.

373-й годъ былъ очень тяжелымъ для Назіанза. Засуха и моровое повѣтріе предшествовавшаго года разстроили экономическое благосостояніе жителей. Необычайный градъ въ 373 г. совершенно опустошилъ поля и жатву. Предстоялъ голодъ. Самочувствіе народа было весьма подавленное. Горе паствы было невыразимо. Престарѣлый ея пастырь Григорій-старшій, за свою почти пятидесятилѣтнюю службу сроднившійся съ народомъ и не видѣвшій средствъ помочь ему, былъ такъ пораженъ бѣдствіемъ, что безмолвствовалъ отъ скорби и только возносилъ къ Богу горячую молитву о помилованіи людей. Бѣдствующая, унывавшая паства ждала слова утѣшенія, ободренія и наставленія. Св. Григорій выступаетъ съ своимъ пастырскимъ Словомъ ¹⁾. Въ немъ, указавъ на непорядокъ выступленія на кафедрѣ сына въ присутствіи отца и на преимущество мудраго отцовскаго слова въ сравненіи съ его, обильнымъ, но малоопытнымъ, ораторъ приступаетъ къ разъясненію главнаго вопроса откуда происходятъ въ мірѣ несчастія, неурожаи, тлетворные вѣтры, грады и др. бѣдствія? Испытывая праведные суды Божіи, онъ находитъ, что бѣдствіями Богъ наказываетъ нечестивыхъ за грѣхи и даетъ познать силу Свою въ злостраданіяхъ. Средство для привлеченія милости Божіей—слезное раскаяніе въ грѣхахъ, злихъ нашихъ обвинителяхъ, и хожденіе по путямъ Божіимъ. Но къ страданіямъ насомыхъ пастырь не можетъ быть глухъ. Однако, предаваясь скорби и своимъ примѣромъ поучая народъ сокрушенію о грѣхахъ и исправленію жизни, пастырь является спо-

¹⁾ 15-е—II, 40

ручникомъ Божьяго человеколюбія, превосходящаго людскія беззаконія, ибо перенесеніе бѣдствій тогда благодѣтельно, когда ведетъ къ исправленію. «Не то тяжело, чтобы терпѣть удары но гораздо тяжелѣе не умѣломудриться подъ ударомъ». Пастырь является стражемъ Божьяго вразумленія. Посему и св. Григорій, исполняя должность стража, открыто исповѣдуется Богу грѣху своей паствы и подвигаетъ ее на добродѣланіе. Особенное вниманіе онъ удѣляетъ богатымъ людямъ, купцамъ, скупщикамъ хлѣба и жизненныхъ припасовъ, выкидающимъ тяжелыхъ временъ для своего обогащенія. Вичуя ихъ сребролюбіе, этотъ идолюскій порокъ, и уподобляя ненасытимости богачей соломониной пѣвицы, онъ зоветъ ихъ къ милосердію. Слово оканчивается общимъ призывомъ къ усердной молитвѣ Богу съ обѣщаніемъ исправиться ¹⁾). Такимъ образомъ, общественное бѣдствіе даетъ пастырю удобный случай призвать людей къ очищенію отъ нравственныхъ пороковъ, вызвать у нихъ покаянное чувство и уврачевать ихъ сердца указаніемъ на единственный источникъ благоденствія—Божіе милосердіе, которое привлекается только покаяніемъ и исправленіемъ.

Но помянутымъ бѣдствіемъ испытанія Назіанзенцевъ далеко не кончились. Вскорѣ народъ, обѣдѣнный отъ неурожаевъ и градобитій, возмущился противъ своихъ властей изъ-за насильственного сбора податей, казавшихся ему особенно обременительными въ это бѣдственное для него время. Возмущеніе вызвало строгія мѣры правительства, и зачинщикамъ мятежа грозила строгая кара. Испуганный народъ прибѣгаетъ къ защитѣ своего епископа, надѣясь, что изъ-за уваженія къ личнымъ его качествамъ, градоправитель не откажетъ въ его ходатайствѣ и пощадитъ ихъ. Народъ даже укрылся отъ наказанія въ храмѣ. И св. Григорій не только не отказался отъ защиты и ходатайства, но принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ему, «убоному пастырю», возвратитъ на истинный путь мало

¹⁾ Словъ 1-е.—II, 40—57

стадо, съ которымъ въ радости радоваться, и въ печали стенать повелѣваетъ законъ пастырскаго служенія ¹⁾. Въ Словѣ, произнесенномъ въ присутствіи градоправителя и властей, св. Григорій высказываетъ замѣчательное пастырское благоискусство, примиряя враждующія стороны и обѣимъ преподавая нравоучительныя наставленія. «Бѣдствія, говоритъ проповѣдникъ, обычное явленіе въ жизни человѣческой, постоянно измѣняющейся и самою измѣняемостью приводящей насъ къ постоянному Божьему промысленію о насъ. Благоденствіе человѣческое такъ же ненадежно, какъ писанное на водѣ, или какъ круженіе вѣтра. Довѣряться ему нельзя, и тѣ поступаютъ благоразумно, кои и въ счастье и въ несчастьѣ, во всякое время и при всякомъ случаѣ, ограждаютъ себя благою надеждою, помнятъ при ясномъ небѣ о ненастьѣ и во время бури о кормчѣмъ, а не обращаются къ Богу только во время наказаній. Посему, не должно падать духомъ. Что касается настоящей причины бѣдствія, то нужно покоряться начальствующимъ, существующимъ для общаго благоустройства. Власти установлены Богомъ и истощать ихъ милосердіе опасно. Своими противленіями имъ люди только примѣшиваютъ къ меду полынь». Значеніе властей ораторъ выясняетъ сравненіемъ. «Одинъ Христосъ, говоритъ онъ, но для однихъ Онъ спасеніе, для другихъ—погибель. Одинъ начальникъ, но неисполняющіе своихъ обязанностей, а негодующіе на начальство, похожи на тѣхъ. Кто, погрѣшая противъ законовъ борьбы, винилъ бы раздавателя награды, или кто обвинялъ бы врача за прижиганія и надѣзныя, необходимыя по свойству болѣзни». Такими разсужденіями св. Григорій показалъ народу, что онъ самъ виновъ въ своихъ несчастьяхъ, а къ сердцу градоправителя стѣрылъ доступъ для своихъ послѣдующихъ словъ.

Обращаясь, далѣе, къ властямъ, онъ указываетъ на то, что они сами подчинены его пастырскому вліянію и потому сло-

ву пастыря должны внимать. По мысли св. Григорія, для начальствующаго спасеніе заключается въ самомъ отношеніи къ власти и мечу, даннымъ не столько для дѣйствованія, сколько для угроженія. Имѣя надъ собою Высочайшаго Начальника — Бога и помня о своемъ отвѣтѣ предъ Нимъ, въ рукахъ начальника величайшее благо — «быть богомъ, ничего не сдѣлавъ, ибо въ человѣкѣ всего болѣе божественно то, что онъ можетъ благодѣлать»... «Не пропускай же случая къ обоженію», увѣщаетъ онъ. Земля носитъ много чужихъ долговъ... Мы все виновны. Поэтому, простимъ, чтобы и насъ простили, отпустимъ, чтобы и самимъ испросить отпущеніе». Приведя своихъ просителей къ «наилучшему изъ начальниковъ», пастырь проситъ дозволенія у него побѣдить его... человѣколюбіемъ ¹⁾.

Ходатайство св. Григорія имѣло успѣхъ и примирило враждующихъ. Да и чего не можетъ сдѣлать ревность пастыря, озаренная Божіею благодатью? Какъ прекрасно и глубокопоучительно это Слово, дышащее истинною пастырскою любовью къ враждующимъ! Какъ оно дѣйственно своимъ вѣрнымъ психологическимъ анализомъ ихъ душевныхъ состояній!

Третьимъ несчастьемъ для Назіанзіицевъ, послѣ голода и мятежа, явилась перепись народа, порученная иѣкому Юліану, школьному товарищу св. Григорія. Пастырская заботливость о народѣ не замедлила проявиться и здѣсь. Нечего и говорить, какое важное значеніе для тяготившагося непо-мѣрными и неравномѣрно распределенными налогами между богатыми и бѣдными классами населенія Назіанза, истощеннаго неурожаями и эпидеміей скота, имѣлъ вопросъ о переписи и соответствующемъ ей уравниніи податей. Взиманіе податей всегда было камнемъ претыканія и соблазна, часто служившимъ поводомъ къ междоусобнымъ распрямъ и кровопролитіямъ. Уравнивать подати между слоями населенія значило умиротворить его.

И вотъ св. Григорій пользуется этимъ случаемъ для того, чтобы умиротворить паству. Въ силу школьнаго знакомства съ начальникомъ переписи Юліаномъ, св. Григорій въ трехъ письмахъ къ нему ¹⁾ ходатайствуетъ о справедливомъ и человѣколюбивомъ обложеніи налогами его паствы, проситъ не вмѣнять ему и его паствѣ какихъ-то недоразумѣній съ его родственникомъ Никовуломъ и жалуется, что болѣзнь лишаетъ его возможности лично прибыть для свиданія и бесѣды. Проникнутый уваженіемъ къ св. Григорію, Юліанъ приглашаетъ его тайкомъ пріѣхать въ одинъ изъ близлежащихъ монастырей на совѣщаніе по данному вопросу и, въ особенности, для исправленія прежде допущенныхъ ошибокъ въ переписи. Не имѣя возможности, за болѣзью, воспользоваться такимъ приглашеніемъ для активнаго участія въ дѣлѣ распредѣленія податей, св. Григорій возлагаетъ все на совѣсть Юліана и даетъ ему совѣтъ относительно выбора надежныхъ помощниковъ. Когда же Юліанъ прибылъ въ Назіанзъ, то св. Григорій съ церковной кафедры произноситъ Слово ²⁾, въ которомъ съ высокимъ одушевленіемъ подробно развиваетъ христіанскій взглядъ на задачи жизни и на взаимныя права и обязанности людей. Въ этомъ Словѣ, указавъ на преимущество молчанія, пастырь ставитъ и разбѣраетъ вопросъ: въ чемъ цѣль жизни. «Не въ забавахъ, мелкой славѣ, ложномъ благоденствіи, подобныхъ дыму и сновидѣніямъ, отвѣчаетъ онъ, а въ подвигахъ на позорищѣ міра для стяжанія вѣчныхъ вѣнцовъ, къ каковымъ мы призваны своимъ званіемъ. Мы должны здѣсь стяжать добродѣтели, чтобы наполнить пни горнія области. Это плодоприношеніе, по силамъ каждаго, должно начинаться съ созиданія еще на землѣ святого духовнаго храма Христова, для чего каждый человѣкъ и каждое сословіе должно принести свой даръ. Этотъ даръ—любовь, милосердіе и снисхожденіе.

¹⁾ 56, 57 и 58—VI 144—146.

²⁾ II, 120

которые должны царствовать во взаимныхъ отношеніяхъ людей, и тогда чрезъ оказанное нами малое добро мы обогатимся тамъ». Послѣ этихъ общихъ правилъ и наставленій, пастырь обращается къ производящему перепись съ напоминаніемъ о важности дѣла, ему порученнаго, о необходимости въ веденіи его помнить заповѣди Христовы, ибо «Богъ всегда входитъ въ важнѣйшія распоряженія правительствъ». Отсюда и онъ — переписчикъ — только слуга Божій, перепись же есть особый видъ служенія Ему, почему онъ и долженъ быть достойнымъ сей великой чести. Памятованіе о переписи первой, при рожденіи Христа, и переписи послѣдней, — «въ книгу живыхъ», должно быть руководящимъ началомъ для него при совершеніи своего дѣла ¹⁾).

Нельзя не замѣтить, какъ умѣло пользуется св. Григорій всякимъ поводомъ въ пастырской жизни для того, чтобы обратить его въ случай пастырскаго назиданія, попеченія и извлеченія изъ него урока или наставленій. И, при томъ, все это дѣлаетъ онъ безъ всякой натяжки, искусственности, вычурности. Нравственное приложеніе является у него логическимъ выводомъ изъ хода рѣчи, а, потому, и убѣдительнымъ и дѣйственнымъ.

Заботясь о своей паствѣ, св. отецъ не оставлялъ попеченія о людяхъ и лицахъ, особенно нуждавшихся въ его поддержкѣ. Нашего вниманія заслуживаетъ, напримѣръ, отношеніе св. Григорія къ нищимъ, бѣднымъ и нуждающимся, этимъ кліентамъ Церкви по преимуществу. И эту сторону пастырскаго служенія прекрасно освѣщаютъ творенія св. отца. Изъ нихъ мы видимъ, что по любви къ бѣднымъ и въ особенности къ прокаженнымъ, довольно многочисленнымъ, болѣе всего возбуждающимъ жалость и оставляемымъ людьми безъ личнаго участливаго состраданія, св. Василий Великій въблизи Кесаріи устроилъ богадѣльню, прозванною по его имени

Василиадою и привлекавшую вниманіе даже императорѣвъ. Глубоко сочувствуя заботамъ друга, св. Григорій всемірно заботился о привлеченіи къ ней вниманія христіанъ, преимущественно же состоятельныхъ, благодаря приношеніямъ которыхъ только и жило это учрежденіе. Для этой цѣли св. Григорій произнесъ «Слово о любви къ бѣднымъ», одно изъ своихъ лучшихъ словъ, блестящее ораторскимъ остроуміемъ и полное оживляющихъ его бытовыхъ чертъ ¹⁾. Въ немъ какъ прекрасно описаніе важности и величія любви, наивысшей изъ добродѣтелей, такъ трогательно изложеніе внутренняго и внѣшняго положенія нуждающихся, а въ особенности прокаженныхъ, которыхъ всѣ стараются избѣжать. Къ прокаженнымъ, по мысли св. отца, по преимуществу должно быть сострадательными. «Это тѣло, говоритъ ораторъ, когда хорошо ему, поднимаетъ войну, а когда воюю противъ него, подвергаю въ скорбь... Это—ласковый врагъ и коварный другъ. Но хотя я винилъ его, однако о немъ мы должны заботиться, и особенно должно плакать и собогѣзновать о тѣлесныхъ страданіяхъ братій нашихъ», такъ невыразимо тяжело страждущихъ и отъ физической боли и отъ нравственной муки при всеобщемъ пренебреженіи къ нимъ. «Кто нѣжнѣе отца? Но для сихъ отверженныхъ закрыто и родительское сердце» ²⁾. Обличая современное ему общество въ преступномъ равнодушіи къ этимъ несчастнымъ, пастырь противопоставляетъ горемычную жизнь несчастныхъ съ пресыщенной жизнью окружающихъ ихъ людей и ублажаетъ тѣхъ, кто помнитъ заповѣдь о благотвореніи и ею покупаетъ себѣ вѣчныя блага. При этомъ, онъ не забываетъ опровергнуть мысли тѣхъ, которые въ ниспосланныхъ страждущимъ несчастьяхъ хотятъ видѣть карающую руку Божію, а въ своемъ благоденствіи—милость Божію, ибо «судьбы Божіи

¹⁾ II. 3—39.

²⁾ Ib. 8—9

неисповѣдимы». Слово оканчивается призывомъ къ сердечному вниманію къ бѣднымъ.

Должно присовокупить, что призывая другихъ къ благоутверженію, онъ самъ не оставался зрителемъ нищеты: считая личное имущество епископа достояніемъ бѣдныхъ, онъ продалъ самое цѣнное, что было лично у него,—риторическія книги, чтобы раздать нищимъ вырученное ¹⁾. Чтобы вполне оцѣнить значеніе этой жертвы, должно вспомнить, какъ глубоко любилъ св. Григорій занятіе риторскимъ искусствомъ и какъ дороги были ему, поэтому, эти книги.

Было бы весьма ошибочнымъ думать, что указанными случаями всецѣло исчерпывается вся пастырская дѣятельность св. Григорія въ разсматриваемое время ²⁾. Хотя онъ и любилъ уединеніе и всемѣрно старался обезпечить себѣ возможно большее безмолвіе, но онъ не отказывался, какъ мы видѣли, отъ жизни, не считалъ не соответствующимъ своему сану и стремленію входить въ нужды пасомыхъ. Если мы обратимся къ многочисленнымъ письмамъ св. Григорія, то будемъ изумлены его отзывчивостью на всевозможныя требованія, ему предъявляемыя. Нѣтъ, кажется, положенія, нѣтъ дѣла, въ которое св. Григорій не внесъ бы частичку своей дѣятельной любви къ нуждающимся въ ней. Изъ сохранившейся его переписки, относящейся къ этому времени, мы видимъ, напримеръ, что св. Григорій проситъ Амфилохія, судебного ходатая, принять на себя зашитъ дѣла Еввалія и Никовула ³⁾. Когда же Амфилохію угрожало наказаніе за ошибку по службѣ, онъ ходатайствуетъ о немъ предъ ипархомъ Софроніемъ, о томъ же проситъ брата Кесарія, знакомаго съ придворными

¹⁾ VI, 94.

²⁾ См., напр. Слово на память св. муч. Маккавеевъ (II, 58), произнесенное, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ Кесаріи; оно важно, какъ памятникъ литературическаго характера и ораторскаго таланта св. Григорія (Барсовъ, ц. соч. 340).

³⁾ Письма 9-е и 10-е; VI, 99—100.

сферами, и знаменитаго ритора Θεμιστοклія, «царя краснорѣчія» ¹⁾).

Или вотъ онъ укоряетъ св. Григорія Нисскаго за намѣреніе оставить должность чтеца и заняться риторствомъ, а потомъ утѣшаетъ его, когда онъ, по проискамъ еретиковъ, подвергся изгнанію ²⁾. Аерія и Алипія онъ убѣждаетъ исполнить волю матери, завѣщавшей часть имѣнія Назіанской Церкви ³⁾. Начальника переписи Юліана проситъ объ освобожденіи отъ налоговъ членовъ клира ⁴⁾. Симпликію убѣждаетъ прекратить распри съ Церковью изъ-за раба ⁵⁾. Семейный разладъ племянника Никовула изъ-за его недовольства малымъ ростомъ его жены Алипіаны улаживаетъ остроумными доводами ⁶⁾. Виталіана убѣждаетъ оставить дурное сообщество, препятствующее ему быть у него ⁷⁾. Язычника Евтропія располагаетъ къ христіанству своею перепискою съ нимъ ⁸⁾. Рекомендуетъ высокопоставленнымъ лицамъ и ходатайствуетъ предъ ними о нуждахъ обращающихся къ нему по многоразличнымъ поводамъ ⁹⁾. Каждому ходатайству св. Григорій умѣетъ придать обоснованность, умѣетъ сказать и найти подходящее сближеніе, которое, не умаляя авторитета просящаго, побуждало-бы къ исполненію своею естественностью и простотою. Достоинство, благородство и чистыя намѣренія просящаго были достаточною порукою для благополучнаго разрѣшенія ходатайствъ. Такъ, въ заботахъ объ удовлетвореніи всевозможныхъ нуждъ людскихъ протекала жизнь св. Григорія.

Въ 374 году умеръ столѣтній отецъ св. Григорія, Григо-

¹⁾ Письма: 28—31; VI. 116.

²⁾ Письма: 16, 64, 65, 66

³⁾ Письмо 53

⁴⁾ Письмо 57

⁵⁾ Письмо 72.

⁶⁾ Письмо 17

⁷⁾ Письмо 54.

⁸⁾ Письма. 62—63

⁹⁾ Письма 24, 25, 26, 27, 30, 45 и др.

рій старшій, 45 лѣтъ прослужившій Церкви въ священномъ санѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ и въ средѣ епископовъ и въ окрестностяхъ Назіанза за свою благочестивую жизнь. Смерть онъ встрѣтилъ въ молитвенномъ положеніи и съ молитвою на устахъ ¹⁾. «Умеръ счастливый, благочадный архіерей и отецъ архіерея, добрый пастырь, кроткими нравами воспитавшій Христу большую часть стада» ²⁾, написалъ сынъ отцу въ надгробіе. Своего отца «ушедшаго въ послѣдній путь, съ котораго уже не возвратится» ³⁾, Григорій похоронилъ въ имъ же самимъ устроенной церкви, и его памяти посвятилъ похвальное Слово, произнесенное въ присутствіи св. Василія, прибывшаго отдать послѣдній долгъ почтенному старцу и утѣшить скорбящаго друга.

Въ этомъ словѣ, составленномъ по правиламъ похвальныхъ того времени словъ, довольно пространномъ, сынъ излагаетъ біографію отца, останавливаясь на выдающихся ея моментахъ и выводя изъ нихъ уроки благочестія. Пастырская дѣятельность почившаго, его участіе и авторитетъ въ дѣлахъ Кесарійской Церкви, его аскетическая личная жизнь съ ночными бдѣніями и трудами, его вліяніе на паству особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе оратора. Въ Слово имѣется обращеніе къ высокому гостю, на судъ котораго ораторъ отдаетъ свое произведеніе, и къ матери, которую онъ утѣшаетъ бременностью тѣла, предназначеннаго къ разрушенію, и естественностью смерти, страшной только именемъ, а не самымъ дѣломъ. «Одна для насъ жизнь, говорилъ онъ, стремиться къ жизни, одна смерть—грѣхъ, потому что онъ губитъ душу» ⁴⁾. Для матери другимъ утѣшеніемъ въ разлукѣ должно служить и скорое свиданіе съ почившимъ въ загробной жизни.

¹⁾ II, 115.

²⁾ V, 304—305.

³⁾ VI, 143.

⁴⁾ II, 118.

Между прочимъ, въ этомъ Словѣ интересно сравненіе отца съ Авраамомъ, матери съ Саррою, а себя съ Исаакомъ ¹⁾.

Свою скорбь по случаю смерти отца св. Григорій вылилъ въ письмѣ къ Амфилохію, опечаленному разлукою съ сыномъ, поставленнымъ во епископа Иконійскаго. Св. Григорій, по мнѣнію Амфилохіа, не принялъ мѣръ отговорить его отъ принятія епископскаго сана. «Тебя печалуетъ, что похищенъ у тебя сынъ и удостоенъ почести за добродѣтель. А мнѣ не горько, что отецъ пошелъ въ послѣдній путь, съ котораго уже не возвратится и я не увижу его болѣе! Послѣ этого ни мало не жалуюсь, не требую должнаго уваженія, зная, что собственныя свои несчастья не даютъ времени позаботиться о чужихъ, а нѣтъ человѣка, столь дружеслюбнаго и любомудраго, писалъ св. Григорій, чтобы былъ выше страданій и сталъ утѣшать другого, когда самъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи» ²⁾.

Высказанная св. Григоріемъ въ похвальномъ Словѣ отцу мысль о близости срока переселенія и матери скоро осуществилась. Нонна, любившая болѣе всего храмъ и храмовыя молитвенныя собранія, предстоятелемъ въ копѣхъ она видѣла столько долгихъ лѣтъ то мужа, то сына, въ храмъ же, близкомъ и родномъ ей, «сложила съ себя любезное сыну тѣло, держась за священныя доски трапезы». «Прииди, услышала она голосъ, и, охотно отрѣшившись отъ тѣла, со словами: «будь милосердъ, Христе Царю», она переселилась духомъ на небо» ³⁾. Матери св. Григорій надгробное похвальное Слово не говорилъ, но посвятилъ ей 35 эпитафій и множество мелкихъ элегическаго содержанія стихотвореній.

Тайна смерти, дважды открывшаяся ему въ такой короткій промежутокъ, наложила на уста его печать молчанія и на-

¹⁾ II, 16

²⁾ 55 e—VI, 143

³⁾ V, 306—3. 3

вела на рядъ новыхъ чувствованій. Предъ нимъ открывалась новая эра его жизни. Св. Григорію казалось, что его обязанности и земный интересъ со смертію дорогихъ лицъ окончились. Сохраняемый въ жизни какъ будто нарочито для того, чтобы проводить на мѣсто вѣчнаго упокоенія брата, сестру, отца и мать и напутствовать ихъ надгробными рѣчами, теперь онъ, думалось ему, можетъ всецѣло предаться уединенію и безмолвію, къ которымъ стремился давно, но воспользоваться коими ему препятствовали дорогія чувства—сыновнее почтеніе къ родителямъ и родственная любовь къ брату и сестрѣ. Къ тому же, отношенія св. Григорія къ Назіанзской каѳедрѣ не были для него формально обязательными. Въ продолженіе краткаго времени онъ имѣлъ о ней «нѣкоторое попеченіе, но имѣлъ, какъ человѣкъ сторонній и о Церкви чужой» ¹⁾. Всегда желавшій уступить престолъ желавшимъ, а самому всю жизнь быть ученикомъ ²⁾, св. Григорій теперь это же самое объявилъ и епископамъ, отъ глубины сердца прося у нихъ, какъ дара, поставить кого-нибудь епископомъ осиротѣвшей каѳедры. Онъ приводилъ въ доказательство, что не принималъ управленія Церковью по выбору и гласному нареченію и что имъ лелѣется давняя мысль—бѣжать отъ дѣлъ и друзей. Но напрасно онъ старался убѣдить епископовъ: одни по великой къ нему привязанности, другіе, быть можетъ, по высокомудрію, хотѣли взять надъ нимъ верхъ. На св. Григорія посыпался рядъ жалобъ и упрековъ, что онъ оставляетъ Церковь безъ попеченія. «Клиръ вопіетъ, многіе бранятъ, какъ человѣка, который ни во что ставитъ дѣла церковныя» ³⁾.

Св. Григорій не выдержалъ такого натиска любви къ нему паствы и согласился временно остаться. Но тяжелая болѣзнь

¹⁾ VI, 20.

²⁾ II, 120.

³⁾ VI, 153; пнч. б. м. 68-е

не позволившая ему свидѣться съ уважаемымъ защитникомъ православія—Евсевіемъ Самосатскимъ, во время его слѣдованія въ Фракійское заточеніе ¹⁾, бремя управленія при церковныхъ нестроеніяхъ, личное подавленное состояніе, потрясенное перенесенными ударами, отсутствіе надежды на заботы епископовъ о замѣщеніи Назіанзской «малой и бѣдной кathedры», а, главное, тоска по пустынноческой жизни—были причиной того, что св. Григорій въ 375 году «бѣглецомъ пошелъ въ Селевкію, ко храму прославляемой дѣвы Феклы, разсуждая что, можетъ быть, такимъ средствомъ, когда утомить епископовъ время, они убѣдятся отдать бразды Назіанзской Церкви другому» ²⁾. Но, несмотря на отдаленность Селевкии отъ Назіанза, св. Григорій не нашелъ въ ней желаемого успокоенія: ни одна изъ ожидаемыхъ выгодъ не осуществилась. Болѣзни не оставляли его, дѣла, которыхъ онъ думалъ избѣжать, «какъ къ сроку, явились къ нему въ великомъ множествѣ» ³⁾. Тричетыре года, проведенные въ монастырѣ св. Феклы, не были временемъ отдыха жалующься на болѣзнь, препятствующую ему видѣться съ церковными дѣятелями, онъ зоветъ ихъ къ себѣ, заочно даетъ совѣты, поддерживаетъ ихъ въ борьбѣ съ еретиками, проситъ обо всемъ писать ему и под.

Тяжелыя заботы и печальныя церковныя обстоятельства навѣвываютъ на его душу мрачныя думы. «Тѣломъ я боленъ, старость надъ головою, заботъ скопилась куча, дѣла задавили, въ друзьяхъ нѣтъ вѣрности, церкви безъ пастырей, доброе гибнетъ, злое наружи, надобно плыть ночью, нигдѣ не свѣтятъ путеуказательные огни. Христосъ спитъ. Что мнѣ надобно претерпѣть? Одно для меня избавленіе отъ золь—смерть. Но тамошнее страшно, если гадать по настоящему

Измученный путникъ жаждетъ упокоенія. Но промыслъ

¹⁾ Письмо 59-е, VI, 147

²⁾ VI, 21.

Божій указываетъ ему совершить еще рядъ дѣяній, которыя, являясь блестящею страницею въ книгѣ его жизни, отмѣчены въ исторіи Церкви періодомъ героической борьбы за православіе и составляютъ одно изъ ея прекрасныхъ сказаній.

ГЛАВА 3-я.

„Ясный знакъ, что человекъ не держится
правой вѣры, если онъ не согласенъ въ вѣрѣ
съ Григоріемъ“ (Ex Rufini—Migne, c. c. s. gr.
t. 35, c. 365).

«Когда Владыкѣ нашей жизни угодно стало и то, чтобы
явилъ я Слово и Духъ на другихъ чуждыхъ, необработанныхъ,
поросшихъ терніемъ нивахъ, тогда я, малая капля, наполнилъ
великій народъ» ¹⁾), — такъ говоритъ св. Григорій о своей дѣя-
тельности въ Константинополѣ.

Что представлялъ собою Константинополь того времени?
«Природа не произвела *двухъ солнцевъ*, но два Рима, два
свѣтила для цѣлой вселенной, древняя и новая держава. Они
тѣмъ только различаются между собою, что одинъ тамъ, гдѣ
возсіяваетъ солнце, а другой—на Западѣ. Но что до красоты,
они въ красотѣ не уступаютъ другъ другу; и если спросить
объ ихъ вѣрѣ, одинъ съ давняго времени шелъ добрымъ пу-
темъ; другой былъ прежде правошественъ, но теперь не та-
ковъ, напротивъ же того, погрязъ въ безднѣ гибели послѣ
того, какъ городъ Александрія послалъ отъ себя мерзость
запустѣнія—Арія» ²⁾).

Такими словами характеризуетъ св. отецъ значеніе Кон-
стантинополя среди тогдашняго міра и его положеніе на пра-
вославномъ Востокѣ. Наслѣдовавъ отъ перваго Рима идею
преимущественнаго господства среди остальныхъ городовъ все-
ленной и перенесши на себя центръ тяжести тогдашняго по-

¹⁾ IV, 261

²⁾ VI, 21

литического міра, Византія, новый Римъ, наслѣдовала и ту моральную атмосферу, формы быта и жизненнаго уклада, кои господствовали въ прежней столицѣ имперіи. Притокъ богатствъ со всего міра, дворъ съ его роскошью и интригами, раньше нажитыя привычки, такъ же портили нравы въ новомъ Римѣ, какъ и въ старомъ. Знать римская, силою вещей и переселеніемъ перенесенная съ береговъ Тибра на берега Босфора, принесла съ собою и свои прежніе вкусы и строй жизни. Если древняя простота и чистота нравовъ исчезли еще въ Римѣ, то здѣсь, ближе къ Востоку, жизнь проявлялась въ большей полнотѣ и разнообразіи. Изобрѣтеніе удовольствій разнаго рода и страсть къ нимъ, казалось, не знали для себя никакихъ границъ. Подобно римлянамъ, и здѣсь требовали больше всего хлѣба и зрѣлищъ. Театры, цирки, игры составляли насущную потребность всѣхъ классовъ общества. Нравы и привычки современниковъ св. Григорій описываетъ въ такихъ чертахъ: «живя въ великолѣпныхъ домахъ, разукрашенныхъ золотомъ, серебромъ, всякаго рода камнями, дорогой мозаикой и прекрасною живописью, они любили одѣваться въ мягкія, пышныя, воздушныя ткани изъ тонкаго льна и шелку. Роскошно одѣтые, они, обыкновенно, съ важностью возлежали на высокихъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами. Полъ часто и безвременно посыпали благоухающими цвѣтами, а столъ орошали дорогимъ и благовоннымъ муромъ для большаго раздраженія нѣги; юные слуги въ красивомъ порядкѣ и строю, съ распущенными, какъ у женщинъ, волосами, и въ такомъ убранствѣ, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза, предстояли, услуживая и опахивая... Нужно было, чтобы всѣ стихіи — и воздухъ, и земля, и вода — въ изобиліи доставляли свои дары жадному и неблагодарному чреву, какъ будто стыдась, что ихъ не будутъ почитать порочными людьми и рабами чрева, и того, что еще хуже чрева» ¹⁾). Особенною

любовью къ роскоши отличались женщины съ ихъ пристрастіемъ къ дорогимъ камнямъ и золоту, съ цѣпами на рукахъ и ногахъ, помогавшіяся только того, чтобы нравиться многимъ мужчинамъ. Для этой цѣли онѣ «строили у себя на голѣвѣ башни изъ накладныхъ волосъ, вилетали въ кудри золото, украшали ихъ гребнями, расписывали лица, слѣдую примѣру распутныхъ женщинъ, чтобы будучи такою расцвѣченною, розопестрою, сводить съ ума молодыхъ людей» ¹⁾).

Очевидно, языческія начала жизни еще крѣпки были въ обществѣ и въ сознаніи новопросвѣщенныхъ христіанъ и легко могли уживаться съ основами новой религіи, въ которой они часто принадлежали болѣе по имени, чѣмъ по самому духу. Но что всего опаснѣе, такъ это то, что свои мірскіе обычаи люди внесли въ жизнь церковную. Высшимъ наслажденіемъ ставившіе софистическіе споры, греко-римляне, какъ любили называть себя обитатели Византіи, и отъ церковныхъ ораторовъ требовали напыщенныхъ и ласкающихъ слухъ рѣчей, театральныхъ приемовъ, ведя себя и въ церкви, какъ въ театрѣ, рукоплеская имъ или иными способами шумно выражая свое одобреніе или порицаніе оратору. Съ другой стороны, и среди духовенства, для снисканія популярности и для угожденія толпѣ, появлялись, къ сожалѣнію, такіе пастыри, которые потворствовали вѣусамъ ея.

Было бы несправедливо сказать, что греческій народъ только въ этомъ отношеніи къ внѣшней сторонѣ вѣры полагалъ христіанскую религію. Нѣтъ, истины вѣры привлекали греческій умъ даннаго періода и очень много занимали его, хотя этотъ интересъ выражался болѣе въ пытливыхъ теоретическихъ разсудочныхъ опредѣленіяхъ религіозныхъ положеній, чѣмъ въ сердечномъ влеченіи къ усвоенію и воплощенію ихъ въ жизни. «Народъ греческій, говоритъ профессоръ Барсовъ, по природному складу своихъ духовныхъ силъ по преимуществу

спиритуалистическій, образованный классически, развившійся на философіи, ораторской діалектикѣ, не могъ сосредоточиться всѣми своими духовными силами на христіанствѣ, когда оно въ качествѣ доктрины предстало предъ нимъ во всемъ своемъ привлекающемъ и поражающемъ величіи: для образованнаго генія въ этомъ ученіи представилась новая свѣжая и обильная пища» ¹⁾). Но бѣда въ томъ, что всѣ принялись разсуждать о вѣрѣ, а не жить по вѣрѣ. Не жизнь по вѣрѣ, а опредѣленіе вѣроучительныхъ истинъ было цѣлью богословскихъ занятій. Изъ области сердца и ума религія стала достояніемъ только ума и умствованія. Изъ письма св. Григорія къ св. Василию о спорѣ на пиру съ однимъ монахомъ по поводу неточнаго Василиева выраженія о Св. Духѣ можно уже видѣть, какъ интересовали и занимали общество тогдашніе теоретическіе религіозные вопросы ²⁾). Св. Григорій Нисскій оставилъ намъ классическую картину страсти современниковъ къ словопреніямъ, заразившимъ весь Востокъ. «Иные вчера и сегодня,—разсказываетъ онъ,—оторвавшись отъ трудовыхъ занятій, стали какими-то внезапными преподавателями богословія, иные, быть можетъ, бѣглые слуги, не разъ бичеванные, съ важностью любомудрствуютъ у насъ о непостижимомъ. Все въ городѣ наполнено такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это — торгующіе платьемъ, денежные мѣнялы, продавцы съѣстного. Ты спросишь объ оwoлахъ, а онъ любомудрствуетъ тебѣ о Рожденномъ и Нерожденномъ. Хочешь узнать о цѣнѣ хлѣба, а онъ отвѣчаетъ тебѣ, что Отецъ больше, а Сынъ у Него подъ рукою. Если скажешь, что пригодна баня, рѣшительно говоритъ, что Сынъ изъ ничего. Не знаю, какъ надлежитъ назвать это зло бредомъ или сумасшествіемъ, или какою повальною болѣзнію, которая производитъ помѣшательство въ разсудкѣ» ³⁾). Самъ св. Григорій

¹⁾ „Св. Григорій Бог., какъ проп.“—Хр. Чтеніе 1886, II, 347.

²⁾ VI, 130

³⁾ Св. Грн. Нис. творенія, п.д. 1862 г., т. IV, 336—347

Богословъ объ этой же страсти къ богословствованію сурово отзывается въ Словѣ 1-мъ о богословіи. «Нынѣ всѣ етали вдаваться въ нелѣпыя и странныя мудрованія и игратья ими, какъ шашками. Оставивъ всѣ пути благочестія, они имѣють въ виду только одно — задать или рѣшить какой-нибудь вопросъ, и походятъ на зрѣлищныхъ борцовъ... Всякая площадь оглашается ихъ рѣчами. На всякомъ пиршествѣ они наводятъ скѣку пустословіемъ; во всякомъ женскомъ теремѣ, этомъ убѣжищѣ простодушія, нарушаютъ предложеніемъ вопросовъ спокойствіе и поспѣшностью въ словѣ похищаютъ цвѣтъ стыдливости» ¹⁾.

Такъ, во всѣ сферы жизни проникла страсть къ словопреніямъ и волновала умы и сердца: Результатомъ постоянныхъ споровъ о вѣрѣ само собою появилось то явленіе, которое св. отецъ называетъ «двуязычіемъ и непостоянствомъ». «Нынѣ одинъ престолъ, одна вѣра, завтра подуетъ противный вѣтеръ. и престолы и вѣра будутъ у насъ разные. Любовь къ спорамъ дѣлаетъ (спорящихъ) то такими, то другими, какъ приливы и отливы на морѣ» ²⁾. Привычка спорить безъ конца, безъ разумѣнія того, что доступно и что недоступно изслѣдованію и выше силъ человѣческихъ, совсѣмъ унизили самый предметъ вѣры. Изъ церквей споры перешли на улицы, на зрѣлища, сдѣлались тѣмъ же, чѣмъ были «ристанія на коняхъ». и стали достояніемъ театральныхъ представленій такого города, «который обыкль обращать въ забаву и достойное похвалы, не говоря уже о смѣшномъ самомъ по себѣ» ³⁾.

Это «языкоболіе» не признанныхъ богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми, обильно питалось существованіемъ въ Константинополѣ многочисленныхъ сектъ, оспаривавшихъ другъ у друга право на

¹⁾ III, 3—4

²⁾ IV, 35.

³⁾ II, 193—195; 146; 131; VI, 39

точное опредѣленіе догматовъ вѣры. Правда, при началѣ господствовавшей въ IV вѣкѣ ереси аріанской, Константинополь былъ предохраненъ отъ нея своимъ святителемъ Александромъ; его преемникъ Павелъ, много разъ ссылавшійся и, наконецъ, умерщвленный еретиками, былъ такимъ же ревнителемъ православія, какъ и св. Аѳанасій Великій въ Александріи. Но затѣмъ, на протяженіи почти сорока лѣтъ ¹⁾, константинопольская кафедра, при могущественной поддержкѣ аріанствующихъ императоровъ, была захвачена въ свои руки аріанами. Главная церковь города, св. Софія, могла считаться какъ бы «цитаделью демона, гдѣ онъ укрѣпился и помѣстилъ своихъ воиновъ, тамъ собиралось воинство лжи, защитники заблужденій, столпы ада, легіоны нечистыхъ духовъ и фурій, потому что, по справедливости, такъ можно было назвать аріанскихъ женщинъ, защищавшихъ секту свою съ неистовствомъ, достойнымъ Іезавели» ²⁾).

Съ водвореніемъ аріанъ въ Константинополь, какъ и повсюду, гдѣ они брали верхъ, православныхъ подвергали не только безчестіямъ, оскорбленіямъ и угрозамъ, но и всякимъ насиліямъ, до отбиранія имѣнія, ссылки и умерщвленія. Церкви осквернялись избіеніемъ епископовъ и членовъ клира. Надъ однимъ же пресвитеромъ съ клириками была совершена изумительная по обстановкѣ казнь: ихъ посадили въ корабль и, зажегши его, предали огню и волнамъ ³⁾. Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ число православныхъ въ Византіи уменьшалось изъ года въ годъ, а число еретиковъ увеличивалось. Первые должны были скрываться для совершенія богослуженія, послѣдніе торжествовали. «Положеніе было достойное слезъ, замѣчаетъ св. отецъ: православные были изгнаны, извержены, разсѣяны по всѣмъ горамъ и хол-

¹⁾ Сократъ „Церк. Исторія“, V кн., 7 гл., 395

²⁾ III, 161—162.

³⁾ III, 138; II, 227

мамъ, какъ бываетъ съ неимѣющими пастыря... Какое-то неблаговедріе настало для Церкви» ¹⁾).

Участь православія въ столицѣ имперіи не могла не печалить сердца іерарховъ, и они изыскивали средства къ тому, чтобы собрать, укрѣпить и возстановить Константинопольскую Церковь. На политическомъ горизонтѣ обстоятельства начали благопріятствовать тому. 9 августа 378 года, послѣ рѣшительной битвы съ готами при Адрианополѣ, разбитый императоръ Валентъ былъ сожженъ въ сельской хижинѣ, куда онъ скрылся со свитой отъ преслѣдованія. Его преемникомъ западный соправитель Граціанъ избралъ испанца Θεодосія, пріобрѣтшаго въ области военного искусства славу удачными походами, а въ области религіозной заявившаго себя православнымъ и поборникомъ Никейской вѣры, что онъ потомъ и подтвердилъ указомъ въ февралѣ 380 года.

Воцареніе Θεодосія окрылило надежду православныхъ на благоустроеніе Константинопольской Церкви. Соборъ Антиохійскій обратилъ свое вниманіе на епископа Григорія, свободного отъ каѳедры и проживавшаго въ Селевкіи, «какъ на мужа краснорѣчивѣйшаго и благочестіемъ превосходившаго всѣхъ современниковъ, коего, по общему приговору, и перевели на епископію Константинопольскую» ²⁾. Θεодоритъ относитъ назначеніе это къ вліянію «божественнаго Мелетія» ³⁾, а самъ Григорій—къ волѣ своего друга, св. Василія Великаго и желанію Петра Александрійскаго ⁴⁾. «Меня приглашали, говорить онъ,—многіе и изъ пастырей и изъ овецъ, приглашали быть помощникомъ народу, защитникомъ слову, души безводныя, но еще зеленѣющія, освѣжить струями благочестія, съ питательностью елєя подлить свѣтъ въ свѣтильникъ, а много-

¹⁾ IV, 19

²⁾ Сократъ, Ц. Ист. 5, 6—7

³⁾ Церк. Ист. 5, 8

⁴⁾ VI, 29; IV, 43

оборотливыя слова, сплетенія языковъ борзыхъ, которыми губится простота вѣры, эти паутиныя ткани, гнилыя узы, смѣшныя для крѣпкихъ, но связывающія легкомысленныхъ, разрѣшить и расторгнуть твердымъ ученіемъ, чтобы могъ избѣжать сѣтей всякій, кто попалъ въ нихъ» ¹⁾).

Въ этомъ общемъ всѣхъ обращеніи къ себѣ св. Григорій увидѣлъ десницу Божию, призывающую его изъ уединенія на службу Церкви. «Обо мнѣ думали, что я значу нѣчто предъ Богомъ, какъ человѣкъ извѣстный жизнью и словомъ, хотя всегда велъ я сельскую жизнь» ²⁾). Горя ревностью о славѣ Божіей и о торжествѣ православія, ибо носились слухи о какомъ-то соборѣ епископовъ, вводившихъ новоявленное ученіе, и о томъ, что еретики рвутъ стадо» ³⁾), св. Григорій, подкрѣпляемый ночными видѣніями и ужасающими страхованіями холоднаго моря ⁴⁾), спѣшить въ Константинополь, «не по доброй волѣ, но насильно увлеченный другими и ведомый благодатью Св. Духа» ⁵⁾).

Вниманію св. Григорія предлежала «паства, имѣющая только малое сѣмя жизненнаго дыханія въ своемъ умирающемъ организмѣ»; паства малочисленная; но «Богъ, вѣдь, смотритъ не на число, а на сердце... А этотъ остатокъ былъ драгоцѣнный. Собственно, это была не паства, а малые слѣды паствы, безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ, разсѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь. Всякій, кому какъ случалось, находилъ себѣ надзирателя и пастыря, промышлялъ о своемъ спасеніи. Она подобна была стаду, которое разогнали львы, погубила буря, разсѣялъ мракъ,—паства, достойная многихъ слезъ» ⁶⁾).

¹⁾ VI, 22

²⁾ VI, 22

³⁾ VI, 81

⁴⁾ VI, 75.

⁵⁾ IV, 22.

⁶⁾ IV, 19

Но эта малая паства, почти безплодная нива, заслуживала полного вниманія со стороны ревнителя вѣры. «Ибо если такой городъ, око вселенной, могущественнѣйшій на сушѣ и на морѣ, какъ бы взаимный узелъ Востока и Запада, куда отовсюду стекаются и откуда, какъ съ общаго торжища, исходитъ все важнѣйшее въ вѣрѣ,—если сей городъ, и притомъ, отовсюду возмущаемый толикимъ множествомъ языковъ, утвердить и укрѣпить здравымъ ученіемъ, то дѣло Церкви Христовой будетъ прочно поставлено и заботы трудившагося не будутъ напрасными» ¹⁾. Св. Григорій болѣе, чѣмъ кто-либо другой сознавалъ и значеніе и важность предстоящаго ему пастырскаго служенія, понималъ необычайную трудность его, когда ему, «малому кораблю, приходится вступать въ бой съ кораблемъ тяжело нагруженнымъ» ²⁾. И если возводимый Богомъ и добрыми Божіими служителями на чужой престолъ, онъ рѣшилъ подвергнуть себя опасности «въ первый разъ напечатлѣвать въ этомъ городѣ благочестіе», то только потому, что, какъ предполагалъ онъ въ мечтаніяхъ своего суетнаго сердца, «коль скоро пріобрѣтетъ могущество этого престола, ибо видимость придаетъ много вѣса, то онъ тотчасъ приведетъ въ согласіе, къ несчастію, отдѣлившихся другъ отъ друга, подобно уставщику пѣвчихъ, который, ставъ въ срединѣ двухъ ликовъ, и одному предписывая законъ тою, а другому—другою рукою, дѣлаетъ изъ нихъ одинъ ликъ» ³⁾. Великость задачи не смущала своею трудностью, но скорѣе влекла къ себѣ великій духъ св. Григорія. Для себя лично отъ предстоящей ему тяжелой борьбы онъ ничего не ожидалъ, кромѣ опасностей и огорченій. Да и чего хорошаго для временной жизни ждать себѣ тому, «кто всего себя совлекся для Христа» ⁴⁾.

Такова была задача пастырскаго служенія въ Констан-

¹⁾ IV, 26.

²⁾ VI, 74.

³⁾ VI, 48

⁴⁾ VI, 75

тинополѣ. Посмотримъ, какъ разрѣшилъ ее св. Григорій. Въ началѣ 379 года въ шумную блестящую столицу имперіи скромно прибылъ св. Григорій, сопровождаемый немногими лицами. По внѣшнему виду это былъ странникъ, сгорбленный, поникшій въ землю, худо одѣтый, скиталецъ, не имѣющій ничего привлекательнаго для взоровъ, съ некрасивымъ лицомъ, изнуреннымъ постомъ и слезами и обезображеннымъ потеркою одного глаза, съ руками, загрузѣвшими отъ черныхъ работъ, съ жестокимъ и грубымъ каппадокійскимъ произношеніемъ. Но за то это былъ человѣкъ, навывшій обуздывать свое чрево подвигами, страхомъ будущаго и другими злостраданіями¹⁾.

Новоприбывшій не могъ найти для себя ни одного свободнаго храма. Почему, остановившись въ гостепріимномъ и родственномъ ему по духу и по плоти домѣ частнаго лица, племянника Никовула, мужа Алипіаны, дочери Горгоніи, сестры св. Григорія, онъ одну изъ комнатъ этого щедраго на все дома, бывшаго для него тѣмъ же, чѣмъ домъ суманитянины для Елисея, обратилъ въ мѣсто собранія для общественнаго богослуженія, «не безъ опасности для своей жизни скрывая свое гонимое благочестіе»²⁾. Здѣсь св. Григорій устроилъ храмъ, назвавши его Анастасіей, т.-е. Воскресеніемъ, указывая тѣмъ на намѣреніе возстановить въ чистотѣ Никейскую вѣру, попорченную аріанами. Этотъ храмъ въ другомъ смыслѣ онъ называетъ и Вялсеомъ, какъ мѣсто возрожденія православія³⁾. Съ этой малой домашней церкви началась пастырская дѣятельность св. Григорія. Его благоговѣйное богослуженіе и выдающееся краснорѣчіе, вмѣстѣ съ истощаемою отъ него чудотворною силою, мало-по-малу стали привлекать все большее и большее число разсѣянныхъ словесныхъ овецъ. Руководимый Св. Духомъ и сопутствуемый Его благодатнымъ даромъ, св. Гри-

¹⁾ III, 141; IV, 238; VI, 2.

²⁾ II, 252.

³⁾ IV, 271—273.

горій скоро получилъ извѣстность своею горячею молитвою, настолько сильною предъ Богомъ, что не рѣдко она сопровождалась исцѣленіемъ неизлѣчимо больныхъ ¹⁾. Очевидно, что Селевкійское уединеніе принесло ему большую пользу, развивъ въ немъ религіозное чувство, сказавшееся въ глубокой задумчивости и назидательности, которыя теперь особенно сильно проявлялись и въ священнодѣйствіи, и въ бесѣдахъ, и въ частныхъ сношеніяхъ. Его прежній крайній идеализмъ, часто происходившій отъ незнанія человѣческаго сердца и жизни, рядомъ тяжелыхъ жизненныхъ разочарованій теперь охладился въ болѣе трезвое отношеніе къ жизни и людямъ. Хотя въ проповѣдяхъ его все чаще слышится теперь горечь и разочарованіе, однако онъ болѣе сильно и мѣтко подмѣчаетъ недостатки современниковъ.

Затѣмъ, едва ли кто-либо другой изъ его современниковъ обладалъ въ такой степени, какъ онъ, научною компетенціей въ борьбѣ съ разнообразными еретиками и въ положительномъ раскрытіи догматическихъ истинъ. Одаренный рѣдкими дарованіями ума, основательно изучившій Св. Писаніе и духовную литературу, обладавшій громаднымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, «какія до него собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады-Аѳины» развившій въ себѣ величественное и строгое краснорѣчіе,—онъ несъ съ собою самостоятельность мысли и духа и сознаніе своего умственного превосходства. Его краснорѣчіе было сильно и увлекательно, чуждо неясныхъ и неосновательныхъ выраженій; его слогъ былъ правиленъ и чистъ, воображеніе живо, способность произносить удивительная. Онъ былъ грозою для еретиковъ. Едва ли кто обладалъ и такою способностью распутывать хитросплетенія ихъ лжеумствованій и поражать ихъ же оружіемъ, показаніемъ неправоты ихъ діалектическихъ построеній, какъ онъ.

¹⁾ А., 36.

Наконецъ, духъ его проповѣдей, любвеобильный, снисходительный къ немощнымъ, карающій не лицъ, а дѣянія, много способствовалъ тому, что большинство заблуждающихся и колеблющихся радостно толпились у его рѣшетки, слушая сначала его духоносныя слова, а затѣмъ становясь и членами его паствы, и почитателями и соработниками его дѣла. Проповѣдническіе труды положили прочное начало торжеству св. Григорія въ Константинополѣ. Здѣсь произнесены слѣдующія поученія:

«Слово 20-е, о постановленіи епископовъ и о догматѣ Пр. Троицы» — одно изъ первыхъ, сказанныхъ здѣсь св. Григоріемъ ¹⁾.

Новоприбывшему вполне естественно было представить свое исповѣданіе вѣры и выяснить свое отношеніе къ главнѣйшему догмату, оспариваемому тогда, — Св. Троицы. Это онъ и дѣлаетъ въ упомянутомъ Словѣ. Свою рѣчь онъ начинаетъ обличеніемъ болѣзни времени. «Когда смотрю на усиливающуюся болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми, тогда ощущаю потребность высшаго любомудрія и желаю быть одинъ съ самимъ собою». Для богословствованія нужна способность внимать божественнымъ озареніямъ, а это возможно для того, кто «преодолѣвъ въ себѣ земное вещество, обучилъ себя къ тому долговременнымъ любомудріемъ и удостоился Божіей милости. До тѣхъ же поръ не безопасно принимать на себя попеченіе о душахъ и вдаваться въ богословствованіе. Бесѣдовать съ чистымъ можно тому, кто сперва себя самого очистилъ». Опредѣливши, каковъ долженъ быть богословъ, ораторъ предлагаетъ свое ученіе о Богѣ. Мы поклоняемся Отцу и Сыну и Св. Духу, раздѣляя личныя свойства и соединяя Божество. Не смѣшивасмъ Трехъ въ одно, чтобы не впасть въ недугъ

¹⁾ II. 133—142.

Савелліевъ, и Единого не дѣлимъ на три разнородные и чуждые другъ другу, чтобы не дойти до Аріева безумія». Развивая это ученіе о Св. Троицѣ, онъ особенно останавливается на рожденіи Сына,—вопросъ, спорномъ для IV вѣка. «Изъ рожденія тѣлъ во времени нельзя заключать, что и Богъ такъ рождается: ибо что несходно по бытію, то несходно и по рожденію». Разматривая образъ рожденія Сына и опровергая діалектическія возраженія противъ православнаго о томъ ученія, св. Григорій учитъ объ исхожденіи Св. Духа, пользуясь аналогіями души и тѣла и нѣкоторыхъ физическихъ явленій. Указавъ, наконецъ, на непостижимость Божества для пытливаго человѣческаго разума, онъ даетъ прекрасный и благовременный совѣтъ о томъ, какъ познать Бога. «Молись! Восходи посредствомъ дѣлъ, чтобы чрезъ очищеніе пріобрѣтать чистое. Хочешь-ли со временемъ стать богословомъ и достойнымъ Божества? Соблюдай заповѣди и не выступай изъ повелѣній... Трудись тѣломъ для души» ¹⁾. Таково практическое средство, коимъ пастырь врачуетъ болѣзнь пасомыхъ, превратившихъ вѣру въ препирательство.

Защитнику православія, только что выступающему на новомъ поприщѣ, исполнѣ естественно, и даже необходимо, сослаться на какой-нибудь авторитетъ, солидарность съ которымъ давала бы вѣсъ его словамъ. Это и дѣлаетъ св. Григорій въ «Словѣ 21-мъ, похвальномъ св. Аѳанасію Великому»: «Хвала Аѳанасія, буду хвалить добродѣтель», начинается онъ свою рѣчь, давая тѣмъ понять, что не только Аѳанасій самъ по себѣ, но и примѣры и назиданіе изъ его жизни составляютъ предметъ рѣчи. Его начальныя здѣсь мысли — продолженіе, предшествующихъ о необходимости дѣятельнаго восхожденія къ богопознанію. «Кто успѣлъ съ помощью разсудка и умозрѣнія расторгнуть вещество и плотское облако или покрывало, и приблизиться къ Богу, сколь доступно сіе человѣ-

ческой природѣ, и соединиться съ честнѣйшимъ Свѣтомъ,— тотъ блаженъ; а кто приложился къ брѣню, тотъ жалокъ, по причинѣ ослѣпленія, хотя бы онъ и благоуспѣшенъ былъ въ сей жизни. Таковымъ блаженнымъ является св. Аѳанасій, память о которомъ особенно потребна въ городѣ, чтущемъ память многихъ нечестивыхъ учителей вѣры, но забывшемъ вѣру Аѳанасія». Описывая жизнь этого борца за православіе, ораторъ останавливается на тѣхъ чертахъ ея, напоминая о коихъ благовременно для нуждъ даннаго времени: вступленіе св. Аѳанасія на кафедру даетъ поводъ говорить о недостаткахъ священниковъ того времени; борьба съ еретиками напоминаетъ ту пору, когда процвѣтали и прекрасно текли дѣла Церкви, когда «во двory Божіи не имѣло доступа это излишнее сладкорѣчивое и ухищренное богословствованіе, когда простота и благородство слова почиталось благочестіемъ, когда пустословіе не почиталось ученостію и бѣшенство Арія за правое ученіе». «Аѳанасій, этотъ, поистинѣ, человѣкъ Божій, великая труба истины, правильно учить о Троицѣ,—не такъ, какъ теперь, хотя пріеминикъ свиныхъ мясъ—Георгій Каппадокіецъ—сдѣлалъ много вреда и Церкви, и Аѳанасію». Указывая, затѣмъ, на примѣрное вниманіе вѣрующихъ къ Аѳанасію, къ которому (Аѳанасію) они имѣли большее почитаніе, чѣмъ къ святымъ, защищали его отъ преслѣдователей, «охотно преклоняя свои выи подъ мечи», такъ что претерпѣть за Аѳанасія почиталось величайшимъ пріобрѣтеніемъ и ставилось выше постовъ и подвиговъ аскетизма, почему изгнаніе Аѳанасія произвело большой уронъ Церкви,—пастырь переходитъ къ обстоятельствамъ даннаго момента. «Но и насгоящее, какъ разсуждаю, понужденіе ничѣмъ не меньше прежде бывшихъ, потому что имъ отторгнуты отъ насъ всѣ любомудрые, боголюбивые и заранѣе сожительствующіе съ горными мужами, которые, хотя во всемъ другомъ мирны и умѣренны, однакоже не могутъ перенести съ кротостію, когда молчаніемъ предается Богъ, и даже дѣлаются при семъ браннолюбивы и неодолимы...

За ними устремляется не малое число народа, подобно стаду птицъ, улетаая за улетѣвшими впередъ, и даже теперь не перестаютъ улетать» ¹⁾).

Этими выводами св. Григорій опредѣлилъ свой взглядъ на задачу своего пастырскаго служенія въ Константинополѣ и на желательное отношеніе къ нему паствы. Само собою понятно, что эти выводы и призывы, подкрѣпляемые фактами изъ жизни уважаемаго Аѳанасія, не могли остаться безъ вліянія на разрозненную Константинопольскую паству. Соединяя, по примѣру Аѳанасія, жизнь съ ученіемъ, которыя у него не расходятся другъ съ другомъ, св. Григорій желалъ быть, да и былъ «какъ бы магнитомъ, который неизъяснимою силою естества привлекаетъ къ себѣ желѣзо и приспособляетъ самое твердое изъ веществъ». Слушатели внимали энергичному слову пастыря. и одни изъ нихъ начали возвращаться въ Церковь, а другіе стали ближе присматриваться къ необычному проповѣднику, учившему и словомъ и примѣромъ жизни. На Григоріевы собранія начали приходить еретики съ цѣлью наблюдать за его пастырскою дѣятельностью, въ надеждѣ, не найдутъ ли за нимъ такого, что дамо бы имъ случай унижить его.

Дѣлу дальнѣйшаго умиротворенія паствы и соединенія съ отдѣлившимися посвящены слѣдующія два Слова о «Мирѣ» ²⁾, прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ и изобилующія многими нравоученіями, изъ коихъ остановимся на немногихъ.

Въ Словѣ первомъ, указавъ на благо мира, пастырь обращается къ своимъ соглядатаямъ и призываетъ ихъ къ единенію. «Гдѣ вы, снисходительные судьи собственныхъ дѣлъ и строгіе истязатели чужихъ? Гдѣ вы, сами покрытые глубокими ранами, а насъ укоряющіе за всякій багровый знакъ? Будьте теперь причастниками нашихъ тайнъ васъ призываемъ въ сонмъ свой и ненавидимые предаемъ себя на судъ врагамъ, чтобы вамъ остаться посрамленными и побѣжден-

¹⁾ II, 162.

²⁾ II, 174—200.

ными, когда самый недугъ нашъ убѣдитъ васъ въ нашемъ здоровіи» ¹⁾. Призывая къ единенію, пастырь условіемъ его ставитъ единомысліе въ вѣрѣ, каковую излагаетъ «догматически, а не состязательно... для пользы, а не для тщеславія», чтобы тѣ, которые возстаютъ противъ него въ народныхъ собраніяхъ и только во враждѣ къ нему единомысленные, познали, что «Григорій и его малое стадо едино въ мысляхъ, единымъ духомъ воодушевлены и живутъ, и чтобы не собирали его маловажныхъ паденій. Ибо верхъ бѣдствій находить себѣ защиту не въ собственной крѣпости, но въ чужомъ безсиліи ²⁾».

Во второмъ Словѣ проповѣдникъ рѣшаетъ вопросъ, почему христіане, чтители мира, немилосердно враждуютъ? «Въ мирѣ живутъ разбойники, заговорщики... Но у насъ нѣтъ согласія и союза, никогда не можемъ сойтись въ одномъ, не видимъ даже способа уврачевать такую болѣзнь, но какъ будто и учимъ и учимся злонравію, а не добродѣтели, много трудимся надъ тѣмъ, чтобы поджигать раздоръ; объ единомысліи же мало заботимся, или вовсе не заботимся»... Причины сего въ неустойчивости исповѣданія. «Весьма забавна переменчивость во мнѣніяхъ... Когда насъ уловляютъ, тогда мы благочестивы и православны: живо прибѣгаемъ къ истинѣ». Основаніе же неустойчивости—взаимная излишняя подозрительность и страсть къ обвиненію въ ереси, порождаемая любовью къ спорамъ. «Нынѣ у насъ блудникъ, кто вчера былъ Іосифъ. Нынѣ Іуда, или Каиафа, кто вчера Илія или Іоаннъ. Ибо до сего доходитъ любовь къ спорамъ, подобная пламени, пробѣгающему по соломѣ и обнимающему цѣлую окрѣпость». Пастырь призываетъ паству къ исправленію. «Для чего терпимъ сіе, братіе, и долго-ли будемъ терпѣть? Когда отрезвимся отъ упоенія, снимемъ съ глазъ чешую, воззримъ на свѣтъ истины? Какая это тьма, какое сраженіе среди мрака, какая буря, не

¹⁾ II, 176

²⁾ II, 183

позволяющая различать въ лицѣ друзей противника! Нигдѣ нѣтъ у насъ ни слова, ни друга, ни сподобника, ни ангела предстателя, ни Бога. И сверхъ сего сами себѣ заграждаемъ Божіе человѣколюбіе». Онъ обращаетъ вниманіе вѣрующихъ на то, что ссоры и разногласія Церкви сдѣлались достояніемъ зрѣлищъ и насмѣшекъ толпы. И не то беспокоитъ его, что онъ лично подвергается осмѣянію: «бранятъ-ли меня или удивляются мнѣ, въ обоихъ случаяхъ остаюсь такимъ, каковъ былъ; не то, что злые языки говорятъ худо, потому что не научились говорить добраго. Но гораздо страшнѣе сего то, что обвиненіе не останавливается на насъ однихъ, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство»... Таковы результаты привычки спорить. Ею поддерживаются раздоры. Обязанность вѣрующихъ—оставаться въ мирѣ, хотя бы за сіе пришлось и потерпѣть. А такъ какъ миръ въ церковномъ обществѣ обусловливается внутреннимъ миромъ отдѣльных членовъ, то «каждому надлежитъ стараться быть въ мирѣ съ самимъ собою и владычествовать надъ своими страстями». Взаимная уступчивость—охрана мира. «Уступимъ въ иной малости, чтобы получить взаимнѣе важнѣйшее единомысліе. Не будемъ подражать жаднымъ любителямъ пиршествъ или купцамъ, изъ которыхъ одни безъ мѣры обременяютъ себя предложенными снѣдами, а другіе нагружаютъ корабли и надрыываютъ себѣ чрево или утопаютъ прежде, нежели насладятся своею ненасытностью, терпя великія потери за малое пріобрѣтеніе»¹⁾).

Вскорѣ по прибытіи въ Константинополь, св. Григорій произнесъ и свои знаменитыя «Пять Словъ о Богословіи», лучшія изъ всѣхъ его словъ по изложенію и обработкѣ, къ чему онъ, въ виду величія предмета и важности историческаго момента, приложилъ все тщаніе, находясь къ тому же въ періодѣ наивысшаго расцвѣта своего таланта и полной зрѣлости и силы своей могучей мысли.

¹⁾ II, 199.

Въ Словѣ Первомъ, составляющемъ какъ бы вступленіе во всѣ эти Слова, идетъ рѣчь о томъ, что не всякій не во всякое время и не предъ всякимъ можетъ разсуждать о Св. Троицѣ. По мысли оратора, догматами вѣры нельзя играть, какъ шашками; богословствованіе—не примѣрная борьба зрѣлищныхъ борцовъ, награждаемая аплодисментами: оно—не ремесло. Къ нему должно относиться благоговѣйно. И при томъ запрещается не богословствованіе, а безвременность и несоблюденіе мѣры. «Если же твоему языку необходимо должно господствовать, то рази Пивагореево молчаніе, Орфеевы бобы, Платоновы идеи, Эпикурово безбожіе и его атомы, Аристотелевъ немногобъемлющій промыселъ, рази надменность стоиковъ, пророчество и шутовство циниковъ» ¹⁾).

Во Второмъ Словѣ трактуется о Богѣ и Его свойствахъ—непостижимости и неизреченности Его Существа. Здѣсь витія восходитъ на гору богословствованія, желаетъ и вмѣстѣ боится вступить внутрь облака бесѣдовать съ Богомъ. Хотя Платонъ еще сказалъ, что разумѣть Бога трудно, а изречь невозможно, но св. Григорій дополняетъ, что «не трудно, а и невозможно уразумѣть». Затѣмъ, онъ смѣло направляетъ свою мысль въ область такихъ вопросовъ, предъ трудностью которыхъ отступали другіе мыслители. Смѣлость умозрѣнія соединяется у него съ вдохновенными выраженіями, безъ опасеній, что злонамѣренныя перетолкуютъ его отдѣльныя слова въ ущербъ смыслу. Что такое Божество, которое не тѣло, хотя бы и пятое—ангельское? Гдѣ Богъ существуетъ и др.? ²⁾).

Третье Слово содержитъ ученіе о Единосущіи Лицъ Св. Троицы и о Божествѣ Сына. Останавливаясь на послѣднемъ изъ трехъ древнѣйшихъ опредѣленій Бога—безначаліи, многоначаліи и единоначаліи,—ораторъ дополняетъ его ученіемъ о Троичности и переходитъ къ ученію о Личныхъ Свойствахъ Сына и Духа, разрѣшая вопросы: «когда было рожденіе и

¹⁾ III, 3—11.

²⁾ III, 12—41

исхождение, почему Сынъ и Духъ не собезначальны Отцу, какимъ образомъ рожденіе безстрастно, какой Отецъ не начиналъ быть Отцемъ — съ цѣлью «изъ хитрослововъ сдѣлать своихъ совопросниковъ вѣрными и изъ именующихся христіанами» ¹⁾).

Въ Четвертомъ Словѣ дается правильное толкованіе тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыми «святотатцы истины, скрадывая смыслъ написаннаго, склоняють на свою сторону многихъ и возмущають путь истины», — разумѣтся ученіе Аріанъ о Логосѣ. Выяснивъ, что «Божество неименуемо», св. Григорій изъясняетъ имена Сына, приписываемыя Ему и по Божеству и по человѣчеству ²⁾).

Пятое Слово трактуетъ о Св. Духѣ, «ученіе о Коемъ не безъ затрудненій». Смѣло устанавливая Божество Духа, проповѣдникъ призываетъ къ почитанію Его Единосущнымъ Отцу, указывая и подобія горнему въ дольнемъ, «хотя сіе крайне стыдно и даже бесполезно». Разрѣшеніе недоумѣній о Единствѣ и Троичности посвящена большая часть этого Слова ³⁾).

Въ ближайшемъ отношеніи къ Словамъ о Богословіи стоятъ два Слова: «О соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи» и «Противъ Аріанъ и о самомъ себѣ».

Въ первомъ изъ нихъ, высказавъ порицаніе природной горячности слушателей, въ силу которой они вскакивали съ мѣстъ и производили шумъ во время произнесенія словъ, а за храмомъ раздѣлялись на партіи, св. Григорій старается направить «на царскій путь» ихъ природные таланты, увѣщеваетъ ихъ не быть лѣнливыми на добро, но горѣть духомъ, хотя и не воспламеняться съ безразсудствомъ и самолюбіемъ. Порядокъ нуженъ всюду: тѣмъ болѣе онъ нуженъ въ церковномъ собраніи. Посему, каждый долженъ знать свое мѣсто и не предвосхищать правъ другого. «А у насъ, если пріобрѣли

¹⁾ III, 42—63.

²⁾ III, 63—83.

³⁾ III, 84—109

хотя малыя познанія, надобно уже высокоумствовать, дѣлаться ругателями и безбожниками... Поэтому, держись рѣченій о Божествѣ, какія принялъ съ воспитаніемъ, а исканія о Немъ предоставь мудрѣйшимъ» ¹⁾). Должно замѣтить, что это разграниченіе участія въ богословствованіи мудрѣйшихъ отъ простолюдиновъ составляетъ особенность ученія св. Григорія, обусловливаемую нуждами его времени.

Въ «Словѣ противъ Аріанъ» Григорій, указавъ на чистоту своихъ намѣреній и дѣйствій, разрѣшаетъ рядъ недоумѣній, вызванныхъ его ученіемъ и поведеніемъ ²⁾).

Такова одна сторона пастырской дѣятельности св. Григорія въ Константинополѣ. Но, по мнѣнію его, въ дѣлѣ насажденія и утвержденія правой вѣры имѣетъ значеніе не одна только проповѣдь пастыря, но и его дѣла, «это безмолвное увѣщаніе» ³⁾), его поведеніе, образъ жизни и отношеніе къ другимъ людямъ. И эта мысль нашла въ самомъ св. Григоріи блестящее подтвержденіе. Такъ какъ на людей производятъ впечатлѣніе не столько слова, сколько дѣла пастыря, то къ этой сторонѣ пастырской дѣятельности св. Григорія мы и перейдемъ. Посмотримъ, какъ онъ жилъ въ Константинополѣ.

Блестящія ораторскія дарованія, высокое интеллектуальное развитіе, глубокое богословствованіе въ духѣ православія привлекли вниманіе византійцевъ къ св. Григорію столько же, какъ и его образъ жизни, его внѣшность, совершенно противоположные тому, что привыкли видѣть жители богатой столицы, надъ великолѣпіемъ которой старались море и суша, соперничая между собою въ надѣленіи ея своими дарами, — Востокъ и Западъ, несшіе ей свои дары. Для нихъ и страшно и смѣшно было видѣть на столь высокомъ мѣстѣ, каково предстоятельство Церкви столичной, хотя и малой, согбеннаго старца, нисколько не заботящагося о своей внѣшности и имѣв-

¹⁾ III, 110—134.

²⁾ III, 135—149.

³⁾ IV, 159.

шаго одежду, отъ коей вѣяло полями Селевкійскаго уединенія. Они привыкли видѣть иныхъ епископовъ и представителей духовенства, такихъ, которые вели свѣтскій образъ жизни, одѣвались въ великолѣпныя одежды, выѣзжали на отличныхъ коняхъ, блистательно высясь на колесницахъ, имѣли богатый столъ и искусныхъ поваровъ, которые устраивали торжественные выходы и приемы, въ чемъ старались соперничать съ консулами, правителями областей и знатнѣйшими изъ военачальниковъ, роскошествуя на это изъ достоянія бѣдныхъ.

Пастыри, «любили ходить на священный, или именинный, или похоронный обѣдъ, чтобы вечеромъ отвести нагруженный корабль, одушевленный гробъ — свое пресыщенное чрево — домой, съ тѣмъ, чтобы завтра снова спѣшить на богатый пирь». Пастыри интересовались псовой охотой, конскими ристалищами и зрѣлищами ¹⁾. Въ отношеніи двора и высшихъ сановниковъ они вели себя подобострастно: предъ высшими пресмыкались, какъ рабы, льстили, угождали, «цѣловали окровавленные руки и ласкали подбородки, чтобы добиться небольшой милости» ²⁾. Въ отношеніи низшихъ и подчиненныхъ они были «какъ звѣри» — дерзки, немилостивы. Сами получившіе престолы то за золото, то за другія услуги, часто омерзительныя и постыдныя ³⁾, они того же требовали отъ подчиненныхъ. Неудивительно, что изъ-за каждаго престола поднималась борьба страстей, интригъ, или что часто престолъ епископскій доставался вчерашнему мѣнялѣ, торгашу, участнику конскихъ ристалищъ, иногда даже не крещенному. Такіе пастыри весь свой путь ознаменовывали насиліемъ. Въ отношеніи вѣры они были «худые корчемники, мѣшавшіе истину съ ложью»; изъ-за личныхъ выгодъ они готовы были и соглашаться съ кѣмъ угодно и раздирать Церковь. Ачность и ненасытимость ихъ были удивительныя, и, вмѣстѣ съ дру-

¹⁾ IV, 37; III, 141.

²⁾ VI, 65.

³⁾ III, 138

гими пороками, давали обильную пищу для театральных зрѣлищъ и представлений ¹⁾).

Совѣтъ иначе велъ себя Григорій. Въ главномъ городѣ имперіи онъ чувствовалъ себя одинаково, какъ и въ пустынѣ онъ былъ чуждъ и мертвъ для свѣта, съ которымъ вступалъ въ общеніе только тогда, когда призывала его къ тому высокая обязанность пастырскаго званія. Онъ жилъ совершенно просто, не запасаясь на завтрашній день и мало чѣмъ отличаясь отъ звѣрей, у «которыхъ нѣтъ ни сосудовъ, ни запасовъ». Его трапеза «немного дороже была трапезы птицъ небесныхъ» ²⁾). Онъ не тщеславился грузомъ стола и приправами для безчувственнаго чрева; его приправа — соль ³⁾). Своему чреву, этому мѣшку, онъ не служилъ, своей истертой одежды и некрасиваго склада лица онъ не стыдился. Онъ не заботился о томъ, чтобы понравиться или быть забавнымъ для собесѣдника; дешевой популярности онъ не искалъ, изъ дома въ домъ съ ласкательствомъ не ходилъ, народныхъ собраній не посѣщалъ. Угрюмый и печальный онъ сидѣлъ больше дома, въ безмолвіи занимаясь самимъ собою и дѣлами разстроенной столичной Церкви ⁴⁾). О богатой обстановкѣ, величавой поступи, торжественныхъ выходахъ, при коихъ ему, «какъ звѣрю, давали широкую дорогу», онъ меньше всего заботился. Онъ не искалъ себѣ и своему дѣлу поддержки у двора и вельможъ, почему дворовъ царскихъ не попиралъ, ходатаевъ не засылалъ», на внѣшнюю силу не опирался ⁵⁾). Золото и драгоценные камни для него были не дороже песка, въ которомъ они родятся; годовыми ежегодными доходами онъ не интересовался и не высчитывалъ ихъ. Безполезный въ этомъ отношеніи себѣ и другимъ, какъ безденежный ⁶⁾), онъ не покорыстовался

¹⁾ II, 148. 188. 193; VI, 47; I, 54

²⁾ III, 170.

³⁾ VI, 25.

⁴⁾ III, 141—143. 124 170.

⁵⁾ VI, 28. 25.

⁶⁾ III, 196, VI, 30

на что-либо отъ народа и не приумножалъ своей собственности. Онъ не дѣлалъ нашествія ни на чьи престолы, крови таинственной не смѣшивалъ съ кровью, проливаемою убійцами, никого не осиротилъ и не превращалъ дома молитвы въ мѣсто погребенія; онъ никого не изгонялъ, никого даже не оскорбилъ. Со всѣми онъ былъ простъ, со всѣми равенъ и одинаково всѣмъ доступенъ ¹⁾. Даже къ врагамъ вѣры—еретикамъ онъ былъ мягокъ и снисходителенъ, обличая немощи, а не лица, и въ вопросахъ онъ держался того мнѣнія, что «больше надо преклоняться къ человѣколюбію и чаще извинять, нежели обвинять, потому что злему человѣку очень легко обвинить и добраго, а доброму трудно обвинить и злого... Кто не расположенъ ко злу, тотъ не способенъ и къ подозрѣнію» ²⁾. Своихъ личныхъ враговъ у него не было, да и быть не могло. «Тѣ, которые говорятъ обо мнѣ худо или хорошо, разсуждалъ онъ, не перемѣнять меня, — подобно тому, какъ примѣшивающіе или мѣро къ грязи, или грязь къ мѣро,—такъ, чтобы я сталъ огорчаться хулами, какъ внутренно измѣнившійся... Бранятъ меня, или удивляются мнѣ, въ обоихъ случаяхъ остаюсь такимъ, каковъ былъ... Какъ пѣна приражается къ камню, и вѣтры къ соснѣ..., такъ и ко мнѣ приражаются людскія рѣчи, и я такъ почти любомудрствую самъ въ себѣ. Если обвинитель живъ, то обвиненіе падаетъ не столько на меня, сколько на его слова, хотя и хулитъ онъ мое имя. А если онъ справедливъ, то обвиню лучше себя, а не говорящаго обо мнѣ. Ибо я самъ причиною того, что онъ говоритъ, а не говорящій причиною того, что я таковъ» ³⁾.

Безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ смѣло говорить каждому клеветнику: «скажи мнѣ мои неправды» ⁴⁾, дѣлая такимъ открытымъ вызовомъ ихъ безотвѣтными. Такова была чистота жизни новаго Константинопольскаго пастыря.

¹⁾ IV, 37, 192; III, 136; VI, 46

²⁾ VI, 159—161 II, 153

³⁾ II, 193—4.

⁴⁾ III, 139.

Легко предположить, какимъ контрастомъ являлась аскетически-настроенная жизнь св. Григорія въ отношеніи къ жизни тогдашняго духовенства, какимъ укориженнымъ осужденіемъ ихъ нравамъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ нравовъ свѣтскаго общества, было его поведеніе, какимъ жалкимъ было ихъ мудрованіе о предметахъ вѣры въ сравненіи съ логически-построенными и блестяще произнесенными словами о богословіи и другими его бесѣдами, въ коихъ основательное знаніе слова Божія, философское и риторическое образованіе воплощены были въ ораторскую рѣчь. Не трудно предвидѣть, чего могъ ожидать себѣ «чужеземный и пришлый» проповѣдникъ, скоро стяжавшій славу «безпокойнаго и сумасброднаго» человѣка въ глазахъ тѣхъ, для кого благочестіе было дѣломъ прибытка и личное благополучіе являлось мѣриломъ отношеній ко всему окружающему ¹⁾).

«Пришедши туда»,—повѣствуетъ св. Григорій,—встрѣтилъ я множество бѣдствій. Сначала городъ пришелъ въ волненіе и возсталъ противъ меня, будто бы вмѣсто Единаго Бога ввожу многихъ боговъ» ²⁾). Народъ, въ теченіе сорока лѣтъ слышавшій всевозможныя лжеумствованія о Св. Троицѣ, бывшій свидѣтелемъ многообразныхъ препирательствъ вокругъ этого вопроса и ничего твердо не усвоившій, былъ взволнованъ ученіемъ св. Григорія. Нѣтъ сомнѣнія, что и заподозрѣваніе въ многобожіи, и самое волненіе народное было подогрѣто и раздуть его врагами, желавшими устрашить безпокойнаго проповѣдника. Поэтому, когда его соперникъ, аріанскій епископъ Демофилъ былъ выставленъ своими приспѣшниками, какъ невинный страдалецъ, угнетаемый св. Григоріемъ, то народъ всегда и всюду легко возбуждаемый въ защиту гонимыхъ, легко возстановился былъ противъ св. Григорія, особенно если толпѣ умѣло было привито высокое мнѣніе о себѣ, какъ хранителѣ вѣры, что не трудно: тогда она почтетъ для себя

¹⁾ III, 143 IV, 35

²⁾ VI, 23

позоромъ не удержать въ чемъ-либо верха. Такимъ путёмъ была приготовлена почва для перваго открытаго возмущенія, направленнаго къ устраненію св. Григорія изъ Константинополя.

21 апрѣля 379 года, когда Григорій въ ночь Воскресенія Христова готовился итти въ собраніе православныхъ и клириковъ, чтобы совершить крещеніе надъ оглашенными, изъ храма св. Софіи, «какъ бы изъ бойницы діавола, вышла толпа сластолюбцевъ и винопійцевъ, безчестныхъ женъ и безстыдныхъ дѣвъ, и все это лукавое воинство бѣсовъ, въ сопровожденіи монаховъ и черни», ринулось на церковь св. Григорія и произвело въ ней погромъ ¹⁾. «Поруганы жертвенники, прервано тайнодѣйствіе; я стоялъ,—описываетъ св. Григорій,—между священнодѣйствующими и посреди мечущихъ въ меня камнями и въ защиту отъ камней употреблялъ молитву»... ²⁾. «Забыты стыдливость дѣвъ, скромность монаховъ, бѣдствіе нищихъ, которыхъ жестокость лишила милосердія... Умолчу о камняхъ, этомъ угощеніи, какое сдѣлали для меня они, и укорю развѣ за то, что были неудачны въ выборѣ цѣли и мѣтили въ тѣхъ, въ кого попасть было напраснымъ убійствомъ» ³⁾. «Потомъ началось пьянство, потекло вино, явились даже изъ пустынь паны... О, эта ночь! Какія тогда совершались дѣла! Ибо кто опишетъ огонь, камни, убійства, раны?...» ⁴⁾.

Этимъ разгромомъ испытанія для св. Григорія не окончились. Виновникомъ происшедшаго враги выставили самого же св. Григорія, котораго и «представили правителямъ города, какъ убійцу», очевидно, взваливая на него отвѣтственность за произведенное ими-тою ночью убійство. Свысока и надменно посмотрѣли начальники на обвиняемаго, не имѣвшаго сильныхъ покровителей, и только своимъ защитительнымъ

¹⁾ III, 161—163.

²⁾ VI, 159

³⁾ VI, 24.

⁴⁾ III, 163

словомъ ему удалось, при помощи Божіей, доказать свою невиновность.

Возмущеніе, произведенное толпою и монахами, было велико. «Все было потрясено, какъ будто Церковь благоденствуетъ въ другихъ отношеніяхъ» ¹⁾. Ученіе св. Григорія начали сравнивать и оцѣнивать съ точки зрѣнія другихъ авторитетовъ, и его дѣлу грозило разореніе. «Да и какъ устоитъ корабль, или городъ, или воинство, или полнота лика, или дружелюбный домъ, когда въ немъ больше разрушающаго (элемента), нежели укрѣпляющаго? Это самое и было тогда съ христіанскимъ народомъ. Благородное порожденіе сіе еще не окрѣпло, не приобрѣло смѣлости, не отрѣшилось отъ дѣтскихъ пеленъ, не оперлось еще нѣжною стопою на землю, какъ уже на глазахъ родителей было посѣчено, брошено на землю, истерзано волками, жаждавшими моего безчадія» ²⁾. Въ такомъ положеніи было дѣло созиданія св. Григоріемъ столичной Церкви. Нужно было много вѣры въ правоту своего дѣла, много мужества, чтобы не опустить рукъ и продолжать строеніе разрушаемаго. Велики были смиреніе, кротость и терпѣніе св. Григорія, чтобы молчаливо перенести буйное нападеніе и оставить насильниковъ безнаказанными. «Важнымъ почитаю наказать тѣхъ, которые насъ обидѣли, — отвѣчалъ онъ своимъ друзьямъ, рекомендовавшимъ ему обратиться къ содѣйствію судебной власти, — говорю, важнымъ, потому что и это полезно къ исправленію другихъ. Но гораздо выше и божественнѣе сего — терпѣливо перенести обиду... и тѣмъ показать народу примѣръ великодушія... Первое заграждаетъ уста пороку, а второе убѣждаетъ стать добрыми, что гораздо лучше и совершеннѣе, чѣмъ не быть только злыми» ³⁾.

Такимъ мудрымъ самопожертвованіемъ насаждалъ св. Григорій доброе сѣмя въ народѣ, личнымъ примѣромъ своимъ

¹⁾ VI, 24

²⁾ VI, 25

³⁾ VI, 159.

сильнѣе всякихъ словъ показывая путь исполненія Евангельскихъ заповѣдей. Остается удивляться его снисходительному обращенію съ врагами: любовью, какъ огнемъ, онъ расплавлялъ ихъ ледяную злобу и предубѣжденіе противъ него. Какъ прекрасно его наставленіе по этому поводу. «Наказать, уничтожить легко, но это не безопасно... Уцѣломудривая страхомъ, препобѣдимъ челоуѣколюбіемъ и обяжемъ къ благоговѣнію, истязывая болѣе совѣстью, нежели гнѣвомъ» ¹⁾. Само собою понятно, что сердце народное не могло оставаться безчувственнымъ къ такому идеальному пастырю, и рѣшетка алтарная должна была сдерживать все большее и большее число почитателей св. Григорія.

Когда оказалось, что возмущеніе черни не привело къ желаннымъ результатамъ, а скорѣе послужило къ славѣ безвинно гонимаго пастыря, тогда враги окружили св. Григорія множествомъ мелкихъ издѣвательствъ, часто больно поражающихъ людей, лишенныхъ великости духа. А враговъ у св. Григорія было много и среди епископовъ Константинопольскихъ, именовавшихъ себя православными единственно изъ опасенія лишиться своихъ кафедръ, ибо указомъ Θεодосія 28 февраля 380 года предписывалось всѣмъ быть православными, а иномыслящимъ—носить имя еретиковъ и своихъ соборницъ не называть церковными собраніями, подъ угрозой кары Божіей и царской. Такіе епископы, ставъ поневолѣ и по имени только православными, предавались всевозможнымъ порокамъ и были, въ сущности, злѣйшими врагами и Церкви, и обществу. Дѣятельность св. Григорія была для нихъ прямо опасною и роковою, почему они всемѣрно старались вредить ему, распространяя о немъ неблагопріятные слухи и оспаривая его дѣятельность.

Какая надменность, — говорили они, — какъ будто всегда одна вѣра, что такъ слишкомъ стѣсняешь догматъ истины. «ступая все по одной скучной стезѣ! Для чего же тебѣ и на-

¹⁾ VI, 160

родъ привлекать говорливымъ своимъ языкомъ?» ¹⁾). Подобныя рѣчи, очевидно, имѣли силу для тѣхъ образованныхъ греко-римлянъ, которые, извѣрившись во всякой религіи, скептически относились къ неизмѣняемости догматовъ вѣры. Они полагали, что во всякой религіи есть доля истины, почему не видѣли нужды въ излишней борьбѣ за тѣ или иныя незначительныя реченія и въ преслѣдованіи предающихся худымъ мудрованіямъ. Такимъ оставалось еще откровенно сказать то, что договорилъ за нихъ св. Григорій: «мы—рабы времени и народныхъ прихотей, отдаемъ ладью свою всякому подувшему вѣтру; у насъ ученіе, на подобіе хамелеоновъ или полиповъ, принимаетъ непрестанно новый цвѣтъ, а ты—неподвижная наковальня» ²⁾).

Такъ думающимъ св. Григорій отвѣтилъ словомъ о богословіи, въ которомъ доказалъ, что въ дѣлахъ вѣры не можетъ быть чего либо безразличнаго, или неважнаго, или постоянно измѣняемаго, согласно вкусамъ времени и толпы.

«У тебя городъ малъ, и не городъ, а пустое, скучное и малолюдное селеніе»,—говорили другіе, территоріальную незначительность паствы поставляя однимъ изъ убѣдительныхъ доводовъ несостоятельности св. Григорія. «Если это худо, отвѣчалъ онъ, то я здѣсь болѣе пострадалъ, нежели самъ дѣйствовалъ. И ежели терплю не по своей волѣ, то я несчастенъ; а ежели терплю добровольно, то я философъ... Я веду себя по старинѣ, по-философски, такъ что по мнѣ одно небо и одно для всѣхъ, одна земля и общая всѣмъ мать и гробъ... Не порицаютъ же дельфина за то, что онъ живетъ не на сушѣ, а вола—что не въ водѣ? Если же вы превозносите стѣнами, дворцами, статуями и столпами, то тогда надо предать смерти всѣ тѣ многіе города, коихъ вы превосходите великолѣпіемъ своего города» ³⁾).

¹⁾ VI, 25.

²⁾ VI, 25.

³⁾ III, 139—140.

«Проповѣдникъ чужеземный, пришлый, изъ незнатнаго отечества, можетъ быть, изъ людей слишкомъ ограниченныхъ и плотолюбцевъ... Къ тому же и живетъ онъ по-нищенски, не имѣетъ хорошаго знакомства»,—осуждали св. Григорія третья.

«Что же, апостолы развѣ не чужеземцы были для многихъ народовъ и городовъ, которые они просвѣтили свѣтомъ вѣры?—возражалъ онъ.—Или и ихъ укори, или и меня не обвиняй... У всѣхъ одно отечество,—горній Іерусалимъ, одинъ родъ—персть, одно благодородство—добродѣтель»... «Что же касается образа жизни, то, вѣдь, пьянымъ всегда кажется, что пьяны не они, а—резвые, которые и ходятъ-то на головахъ, и вертятся. И больнымъ, потерявшимъ вкусъ, медъ кажется горькимъ. Поэтому, если застигнутому бурей кораблю, или пожираемому пламенемъ дому подаемъ помощь, спѣша на лодкахъ, или съ воинствомъ, или съ огнегасительными снарядами, ты, добрѣйшій, безъ сомнѣнія, назовешь насъ или морскими разбойниками, или желающими овладѣть городомъ и домами, а не помощниками и защитниками?! Докажи сперва, что такъ думаютъ о насъ люди, находящіеся въ здоровомъ состояніи, и потомъ совѣтуй намъ перемѣниться, или осуждай... Не такимъ кажусь для многихъ, но такимъ кажусь для Бога, и не кажусь, но весь открытъ предъ Нимъ, Который иначе смотритъ на наше дѣло, нежели какъ смотрятъ люди... Сдѣлаться-ли мнѣ хуже, чтобы больше угодить тебѣ? Если я стою прямо, а тебѣ кажется, что я падаю, ужели должно мнѣ для тебя оставить прямое положеніе? Я живу не больше для тебя, чѣмъ и для себя, и во всемъ имѣю совѣтниками разумъ и Божіе оправданіе... А что до мнѣнія другихъ, то если оно за насъ,—примемъ его; если же противъ насъ, дадимъ ему дорогу, и изъ того, что мы дѣйствительно, ничего не убавимъ для того, чтобы сдѣлать на показъ... Развѣ въ одномъ виновенъ я — худо наблюдаю чужіе недостатки, не подсматриваю, не высмѣливаю, не высмѣиваю... Дадите мнѣ эту неправду»... ¹⁾).

¹⁾ III, 136—149; 171—173.

Первыя нападенія враговъ св. Григорій еще былъ въ состояннн сносить. Хотя неожиданность сдѣланныхъ противъ него выступленій и изумила его, «какъ внезапный громъ поражаетъ ухо, или какъ молнія, облиставающая непривычный глазъ», но надежда, что дѣла примутъ счастливый оборотъ и что въ слѣдующій разъ не случится того, что произошло,—не покидала его. «Хотя онъ принялъ столько камней, сколько иному во всю жизнь не придется получить розъ, однако, онъ находилъ еще силы терпѣть и сносить ихъ» ¹⁾. Эти силы и ободреніе онъ черпалъ въ тѣхъ молитвенныхъ собраніяхъ, которыя происходили у него въ храмѣ Анастаси и которыя онъ описалъ потомъ въ поэмѣ, подъ заглавіемъ «Сонъ о храмѣ Анастасіи, который былъ устроенъ въ Константинополѣ». Здѣсь онъ передаетъ о тѣхъ проявленіяхъ вниманія и единенія, которыя вдохновляли его на дальнѣйшую дѣятельность. Вотъ картина этого собранія. «Мнѣ представилось, передаетъ св. Григорій,—что я сажу на высокомъ престолѣ, однакоже съ не поднятыми высоко бровями: гордости я никогда не служилъ. Ниже меня сидѣли старцы и служители въ пресвѣтлыхъ одеждахъ. Изъ народа же одни, какъ пчелы, жались къ рѣшеткѣ, и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣснились въ священныхъ преддверіяхъ, равно поспѣвая и слухомъ и ногами... Иные спѣшили съ пестрыхъ торжищъ, и ихъ торопливые шаги раздавались на улицѣ. Чистыя дѣвы съ благонравными женами внимали съ хоръ. Народъ, раздѣлившись на части, стоялъ и внималъ, восхищаясь рѣчами моими, стараясь не проронить и слова, подобно младенцу, жадными губами сжимающему сухой сосецъ. У всѣхъ было напряженное вниманіе... Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумѣнію; другіе, не довольствуясь начатками, жаждали рѣчи возвышенной и витіеватой, стараясь изслѣдовать всю мудрость—и свою и чужую, благо они имѣли такого пастыря... Съ обѣихъ сторонъ слышались восклица-

¹⁾ VI, 26

нія... Изъ устъ моихъ изливалось ученіе о Единочтимой Троицѣ... Звучнымъ голосомъ, потоками пламенѣющаго духа, порывами вѣтра я низвергалъ противника. Трости скорописцевъ сѣѣшили увѣковѣчить мою рѣчь. Изъ слушателей одни приходили въ восторгъ и хвалили, другіе стояли въ безмолвномъ изумленіи... Но доблорѣчіе улаждало всѣхъ—и своихъ, и пришлыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеко отъ двора овчаго, какъ чтители идоловъ. Жатва зрѣла, колосилась, обѣщала обильный урожай»... ¹⁾).

Вотъ здѣсь-то, въ этомъ многоплодіи своего труда, и черпалъ себѣ силы истомленный непріязнью и интригами враговъ дѣятель на нивѣ Божией. «Гдѣ мои всеночныя пѣснопѣнія, при которыхъ я, какъ одушевленный камень, неизбѣжно утверждалъ свои ноги, или одинъ бесѣдуя со Христомъ, или купно съ народомъ, улаждаясь священными пѣснями? Гдѣ пріятное утомленіе преклоненныхъ колѣнъ, при которыхъ проливалъ я горячія слезы и собиралъ воедино омраченныя мысли?!» ²⁾).

Путемъ проповѣди и примѣрной пастырской жизни неусыпная дѣятельность св. Григорія укрѣпила разсѣянную паству, а его правое ученіе и святая подвижническая жизнь привлекли къ нему сердца горожанъ. Паства его начала увеличиваться, благоустроиться, и скоро обѣщала превзойти своею численностью аріанскую. Дѣятельность св. Григорія привлекла къ себѣ взоры лицъ, сочувствовавшихъ его подвигу: къ нему прибылъ Евagriй Понтійскій, рукоположенный во діакона св. Василиемъ и сдѣлавшійся у св. Григорія архидіакономъ. Вскорѣ св. Григорій былъ утѣшенъ еще болѣе: изъ Сирійскаго уединенія прибылъ въ Константинополь, съ цѣлью послушать св. Григорія и «посидѣть у его ногъ», знаменитый уже въ то время своею ученостью блаж. Іеронимъ, оставившій о св. Григоріи память въ своей книгѣ: «De viris illustribus». Онъ называетъ св. Григорія своимъ наставникомъ, у котораго при

¹⁾ IV, 271—272.

²⁾ V, 34.

изъясненіи Св. Писанія онъ учился этому искусству, сравнивая его по характеру краснорѣчія съ знаменитымъ художникомъ слова и риторомъ Полемономъ ¹⁾. Петръ Александрійскій почтилъ св. Григорія знаками уваженія и одобренія, приславъ ему письмо съ выраженіемъ сочувствія его пастырскому подвигу и съ наименованіемъ его Константинопольскимъ епископомъ ²⁾.

Вскорѣ св. Григорію пришлось перенести гораздо большее прежняго испытаніе и при томъ такое, виною въ которомъ онъ долженъ былъ считать только себя самого. На этотъ разъ зависть, «болѣзнь, обычная у служителей алтаря», ³⁾ своимъ орудіемъ избрала нѣкоего максима, челоуѣка, сумѣвшаго войти въ довѣріе къ св. Григорію, стать въ близкія къ нему отношенія и жестоко отплатить ему за ласки и гостепріимство. По происхожденію—гражданинъ города Александріи, по образованію—философъ цинической школы ⁴⁾, Максимъ имѣлъ довольно темное прошлое: «за постыдныя дѣла и за цѣлый рядъ преступленій онъ былъ неоднократно жестоко наказываемъ бичами», что извѣстно было изъ многихъ записей у градоправителей ⁵⁾. Въ періодъ церковныхъ смутъ и раздоровъ, странствуя изъ города въ городъ, онъ явился въ Константинополь и здѣсь, пользуясь довѣрчивостью и расположеніемъ св. Григорія, намѣтилъ послѣдняго жертвою своего честолюбія. Своей внѣшности онъ старался придать приемы циниковъ: одѣвался въ бѣлый плащъ, носилъ длинные волосы, которые завивалъ и красилъ въ золотой цвѣтъ. Съ длинною палкою онъ ходилъ по улицамъ города, жилъ, гдѣ и какъ попало, ѣлъ, что приходилось. Будучи челоуѣкомъ глубоко порочнымъ, терзаемый чувственностью, честолюбіемъ и завистью, онъ

¹⁾ С, СХVII

²⁾ VI, 29.

³⁾ VI, 28.

⁴⁾ II, 220.

⁵⁾ VI, 27—32.

старался придать себѣ видъ ни въ чемъ не нуждающагося философа, выше всего ставящаго истину. Въ глаза онъ открыто восхищался св. Григоріемъ и его краснорѣчіемъ, «повидимому дѣлался благомыслящимъ и весьма вѣрнымъ»; онъ безстыдно льстилъ ему и старался войти къ нему въ довѣріе. Свои рубцы на тѣлѣ онъ выдавалъ за исповѣдническія раны отъ аріанъ; свои философскія воззрѣнія онъ выставялъ совпадающими съ Григоріевыми. Наконецъ, свое появленіе въ Константинополѣ онъ связывалъ съ именемъ лица, уважаемаго св. Григоріемъ,—Петра Александрійскаго. Всѣ эти обстоятельства расположили къ нему сердце человѣка, вовсе непривычнаго и совершенно не знакомаго съ хитростями и происками и привыкшаго уважать совѣмъ другого рода хитрость—мудрость. Самъ не лживый и въ другихъ менѣе всего склонный заподозрѣвать ложь, св. Григорій, александріецъ по образованію и образу философскаго умосозерцанія, не подозрѣвалъ хитрости и обмана. Сдѣлавшись своимъ человѣкомъ въ домъ св. Григорія, Максимъ былъ часто приглашаемъ къ столу; они вмѣстѣ читали, разсуждали, обдумывали мѣропріятія церковныя. Св. Григорій до того увлекся Максимомъ, что произнесъ «Слово въ похвалу философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія» ¹⁾, въ которомъ витіеватыми выраженіями восхвалялъ его «мудрость и исповѣдничество».

Между тѣмъ, Максимъ за спиною св. Григорія строилъ хитрый планъ захвата престола Константинопольскаго и смѣщенія св. Григорія съ кафедры, «которою онъ никогда не владѣлъ и которой никто ему не давалъ». Петру Александрійскому Максимъ сообщаетъ объ измѣнѣ св. Григорія по вопросу о Меленіанскомъ расколѣ и тѣмъ возстановляетъ его противъ св. Григорія. Кромѣ того, онъ успѣваетъ привлечь на свою сторону Петра обѣщаніемъ возвысить его кафедру предъ Константинопольскою, въ случаѣ, если тотъ поможетъ ему

¹⁾ II, 217—236.

завладѣть ею. Петръ вступаетъ въ сдѣлку и присылаетъ на помощь Максиму семь человѣкъ своихъ довѣренныхъ ¹⁾. Затѣмъ, обѣщаніемъ выгодъ Максимъ склоняетъ къ измѣнѣ одного изъ пресвитеровъ св. Григорія, человѣка, «который не былъ забытъ имъ или пренебреженъ, но всегда пользовался первенствомъ и въ почестяхъ и въ сопрестоліи». Необходимое для подкупа негодныхъ людей золото онъ обманнымъ образомъ выманилъ у нѣкоего пресвитера, прибывшаго изъ Фасса для покупки проконнійскаго мрамора на храмъ. И вотъ, въ темную ночь, когда св. Григорій лежалъ больной, толпа заговорщиковъ является въ церковь въ сопровожденіи александрійцевъ-соучастниковъ и нанятыхъ моряковъ, и начинается постриженіе (посвященіе) Максима во епископа Константинопольскаго. Но довершить начатаго имъ не пришлось: клирики, замѣтивъ происходившее въ церкви, пришли въ негодованіе, подняли шумъ, созвали народъ и выгнали Максима изъ храма. «Разгорѣлся самый сильный пожаръ: сколько стеклось людей чиновныхъ, сколько стороннихъ и даже сомнительной вѣры». Заговорщики удалились въ жилище свирѣльщика и тамъ закончили посвященіе: «совершилось посѣченіе густыхъ кудрей» ²⁾.

Это событіе произвело на всѣхъ тягостное впечатлѣніе: не было человѣка, который бы не сочувствовалъ св. Григорію и не раздражался бы безчестнымъ поступкомъ Максима. «Весь городъ скорбѣлъ о происшедшемъ, всѣ были смущены»; всякій рассказывалъ о Максимѣ ненавистные слухи въ оужденіе его жизни, присочиняя и свое, чтобы дополнить портретъ проходимца. «Но никогда не стану разглашать ихъ я,—добавляетъ пострадавшій,—хотя я и потерпѣлъ обиду, однако замыкаю уста»,---характеризуя еще разъ свое личное отношеніе къ обидчикамъ ³⁾.

¹⁾ VI, 29.

²⁾ VI, 30—31.

³⁾ VI, 32.

Горе и скорбь св. Григорія были больше тѣхъ, которыя можно было облегчить сѣтованіемъ о происшедшемъ. Онъ былъ поруганъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Измѣна пресвитера, наглость Максима, безсовѣстность подкупленной толпы глубоко возмущали его. Онъ видѣлъ, какъ непрочно то дѣло, ради котораго онъ пожертвовалъ собою. Зависть и злоба людскія могутъ-ли быть побѣждены самоотверженіемъ одного подвижника-страдальца? Горькія думы толпились въ головѣ св. Григорія. Виновень-ли онъ, что его вчерашній другъ измѣнилъ ему? Личина вѣры и притворныя слова оболестили его. «Но это—добрая немощь. Кто вѣренъ, тотъ всѣмъ вѣроимчивѣе». Правда, онъ принялъ и пріютилъ Максима. Но Церковь Константинопольская находилась въ такомъ положеніи, что «не мало значило собирать и солому». Стѣсненные обстоятельства не даютъ той свободы, какую можно имѣть во время изобилія. «Для меня,—замѣчаетъ св. Григорій,—очень важно было, что и пещь ходитъ на моемъ дворѣ и учить Христа, а не Иракла» ¹⁾. «Что же касается Максима,—оправдывалъ св. Григорій свое поведеніе въ этомъ дѣлѣ,—то таковъ духъ времени: всякій смѣлъ на все»!.. Такихъ Максимовъ было много. «Подобно грибамъ, вдругъ выбѣгаютъ изъ земли и мудрецы, и олагородные, и епископы, хотя и не трудились прежде на свою долю надъ чѣмъ-нибудь добрымъ... Кидайся внизъ головою всякій; и не учась, стрѣлай изъ лука... Довольно захотѣть, а знать дѣло—вовсе не нужно» ²⁾.

Общая симпатія къ св. Григорію и взрывъ негодованія къ Максиму не остановили послѣдняго въ его стремленіи во что бы то ни стало сдѣлаться епископомъ Церкви Константинопольской. Онъ переноситъ свои происки далѣе. Къ столицѣ приближался царь Θεодосій, задержанный на пути войною съ варварами. «Съ толпою египтянъ» Максимъ встрѣчаетъ царя въ Салоникахъ, рекомендуется столичнымъ епископомъ, потер-

¹⁾ VI, 33.

²⁾ V, 226

пѣвшимъ отъ аріанъ, къ которымъ, какъ извѣстно, царь не благоволилъ, ищетъ защиты, проситъ царскаго указа на водвореніе на каедрѣ. Но Θεодосій «съ страшными проклятіями и съ великимъ гнѣвомъ» прогоняетъ Максима. Тогда онъ отправляется въ Александрію и требуетъ отъ Петра, «у котораго было двойное перо», исполненіе обѣщанія, тѣснить его, грозить ему самому сверженіемъ. И только заступничество градоначальника, изгнавшаго Максима, успокоило волненіе, «если только злонравіе когда-либо можетъ быть покойнымъ» ¹⁾).

Тяжело было св. Григорію перенести тогдашнее бѣдствіе. Оно обратило его думы къ излюбленному уединенію, и онъ началъ обдумывать планъ своего возвращенія на родину. Но это колебаніе и раздвоеніе въ мысляхъ было замѣчено его почитателями, которые установили даже негласный надзоръ за нимъ, охраняя его и отъ возможнаго покушенія приверженцевъ Максима, и отъ неожиданнаго выѣзда изъ столицы. Къ тому же, самъ св. Григорій «поворотилъ свою корму назадъ не слишкомъ искусной рукой». Въ скорби отеческаго сердца у него вырвалось прощальное слово: «Блюдите всецѣлую Троицу, какъ предалъ вамъ, возлюбленнымъ чадамъ, самый щедрый отецъ; помните, любезнѣйшіе, и мои труды». Это завѣщаніе произвело цѣлую бурю въ народѣ, «который поднялся на подобіе роя, выгоняемаго дымомъ изъ улья». Всѣ—мужчины, женщины, дѣвы, юноши, старцы,—всѣ начали вопить, кипя злобою на враговъ и любовью къ пастырю. «Начинаютъ заклинять, молятъ не бросать ихъ, не предавать паствы на расхищеніе волкамъ». Приближалась рѣшительная минута одержать верхъ или паствою, или народной любви. Безгласный, онъ не могъ не остановить шума, не пообѣщать исполнить просимое: одно было невозможно, а другого удерживалъ страхъ. «Задыхались отъ жары, всѣ обливались по-

томъ». Женщины кричали, дѣти плакали. Всякій клялся, что умереть въ храмѣ, но не уйдетъ безъ желаннаго слова. Наконецъ, чей-то голосъ прекратилъ колебанія св. Григорія. «Ты вмѣстѣ съ собою изводишь и Троицу!»¹⁾ Напоминаніе цѣли всей жизни Григоріевой—утвержденіе вѣры побудило его дать слово, хотя и не клятвенное:—побыть у нихъ до пріѣзда ожидаемыхъ епископовъ, до выбора законнаго замѣстителя ихъ кathedры. У обѣихъ сторонъ осталась тѣнь надежды: народъ воображалъ, что св. Григорій уже согласился остаться у нихъ навсегда; самъ онъ разсуждалъ, что обѣщалъ побыть у нихъ не долгое только время. Замѣтимъ, что это было первое открытое народное признаніе св. Григорія епископомъ на Константинопольской кathedрѣ.

Измученный борьбою духъ и истощенное подвигами болѣзненное тѣло св. Григорія требовали уединенія и отдыха. «Всегда имѣю обычай облегчать труды такими отдыхами»,—говорилъ онъ,—«потому что и тетива, постоянно натянутая, не выдерживаетъ напряженія; а надобно спускать ее со стрѣлы, чтобы можно было снова натянуть, и что бы она не была бесполезною для стрѣлка, но годилась въ случаѣ употребленія»²⁾. Для поправленія силъ св. Григорій удалился на короткое время въ село вблизи города и здѣсь, на берегу моря, предался любимому уединенію и созерцанію. «Желалъ бы я стать или легкокрылымъ голубемъ, или ласточкой, чтобы бѣжать изъ человѣческой жизни, или поселиться въ какой-либо пустынѣ и жить въ одномъ убѣжищѣ со звѣрями, кои вѣрнѣе людей»,—думалъ онъ³⁾. «Тамъ, взойдя на верхъ какого-нибудь высокаго столба, громогласно сталъ бы взывать всѣмъ живущимъ на землѣ: смертные люди, долго-ли вамъ, оставаясь игрою сновидѣній, блуждать на землѣ безъ цѣли?»⁴⁾. Мысль

¹⁾ VI, 36.

²⁾ II, 243

³⁾ IV, 263.

⁴⁾ IV, 263.

его отъ малоцѣнности жизни и суетности настоящаго переходила къ размышленію «о человѣческой природѣ» ¹⁾. «Бто я былъ? кто я теперь? что я буду? Въ чемъ смыслъ жизни? Куда приведешь и куда поставишь, Безсмертный, великую тварь? Мы—ничего не знающія однодневныя твари..., и ничего не имѣемъ мы, кромѣ гибнущей жизни... Не видѣлъ я ни одного блага, которое бы совершенно изъято было отъ скорби» ²⁾. «О семъ плачу, и не знаю ясно, что дастъ мнѣ завтрашній день. Приведетъ-ли меня Богъ обратно къ прежнимъ правиламъ жизни, снявъ съ меня бремя, или изринетъ меня отсюда несчастливцемъ, погруженнымъ въ скорби? Сѣдая голова и покрытое морщинами тѣло преклонились уже у меня къ вечеру скорбной жизни... Но доселѣ не испивалъ я столь сильныхъ и многочисленныхъ горестей» ³⁾... «Царь мой, Христосъ! Не оставь меня пасть подъ ударами противниковъ»,—молился онъ ⁴⁾.

Отдыхъ св. Григорія продолжался недолго. У него неостало терпѣнія жить далѣе въ разлукѣ съ паствою. Хотя шумъ и толкотня большого города, вмѣстѣ съ своими правами и обычаями, были ему непріятны, однако онъ боялся оставлять надолго паству безъ руководства, «какъ соломѣ, приближающуюся къ огню»... «Прихожу назадъ съ великою охотою,—говоритъ онъ въ «Словѣ по возвращеніи изъ села», ноги сами шли... Для тѣхъ, кто страдаетъ любовью, и одинъ день разлуки составляетъ цѣлую человѣческую жизнь... Когда я былъ вмѣстѣ съ вами, мало чувствовалъ силу любви, а когда разлучился, узналъ любовь, сего улаждающаго мучителя... Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. И пастухъ скорбитъ объ оставленной овцѣ, и птичка горюетъ о гнѣздѣ... Такъ и я боюсь, чтобы кто-нибудь, вчера и третьяго дня

¹⁾ IV, 212

²⁾ IV, 217.

³⁾ IV, 237.

⁴⁾ IV, 245

бывшій нашимъ, найдя дверь не запертою... не расхитилъ словеснаго стада»... «Много теперь стало пастырей, которые расхищаютъ, разсыпаютъ и разрушаютъ чужой трудъ, потому что всегда легче повредить, нежели создать или сохранить»¹⁾...

Но цѣлью «Слова» не было только подѣлиться съ слушателями своими чувствами въ разлукѣ. Ревностный и пекущійся о душахъ народа пастырь имѣетъ цѣль высокую. Событія послѣдняго времени нанесли глубокую рану организму его малой Церкви. Нужно было узнать, какъ велико зараженіе, какія чувства волнуютъ народъ, какой урокъ взяли они себѣ отъ испытанія; нужно было нанести рѣшительный ударъ врагамъ Церкви и объединить паству вокругъ себя. Все это дѣлаетъ онъ въ помянутомъ Словѣ, на нашъ взглядъ, однимъ изъ примѣчательныхъ въ пастырскомъ его служеніи. «Дадимъ другъ другу отчетъ, что мы сдѣлать успѣли въ продолженіе разлуки»? Пастырь можетъ требовать отъ паствы не только долга, но и роста, не только таланта, но и прибытка. «Итакъ, покажите вѣру отъ дѣлъ, покажите плодородіе земли вашей... точно-ли не напрасно я сѣялъ... Прибытокъ вашъ, а не мой. Если же и мой, то потому, что онъ вашъ». Пастырь выражаетъ увѣренность, что пасомые не будутъ пристыжены своимъ отвѣтомъ²⁾. Переходя, затѣмъ, къ самому себѣ и замѣтивъ, что обычно всѣ проповѣдники Божіи совершали дѣла предъ народомъ, а молились—въ уединеніи, онъ говоритъ, что созерцаніе моря, то тихо и кротко покоящагося и плещущагося въ берега, то бурно волнующагося, завывающаго, разбивающагося о неподвижные скалы и утесы на мелкія и высоколетающія брызги и выбрасывающаго на берегъ содержимое моря, дало ему урокъ для любомудрія. «Не море-ли жизнь наша и дѣла человѣческія? И въ ней много соленого, непостояннаго и неожиданнаго. «И только утвердившіеся на скалѣ,

¹⁾ II, 237—254

²⁾ II, 237

«на камнѣ»—безопасны. А таковымъ можетъ быть только любомудрый, только онъ истинно благороденъ во всѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ. «По подобію изображаемаго любомудраго мужа раземотримъ самихъ себя». Пастырь вопрошаетъ, чѣмъ оскорбятъ рѣшившіеся во что бы то ни стало очернить его и его дѣло? «Назовутъ меня невѣждою?—но я знаю одну мудрость—бояться Бога. Укорятъ-ли въ бѣдности?—но она—мое избыточество. Назовутъ убѣжавшимъ изъ отечества?—но для меня отечество вездѣ и всюду. Низложатъ съ престола?—съ какихъ? Развѣ почитаю блаженными тѣхъ, которые восходятъ на нихъ? Лишатъ предсѣдательства? Но когда и кто изъ благомыслящихъ дорожилъ имъ? Погоня за мѣстомъ—стать справа, слѣва, выше, ниже,—она то и производитъ весь беспорядокъ въ Церквахъ. Отнимутъ имущество?—какое? Если мое, то его нѣтъ; если церковное, то изъ-за него-то и вся брань. Какъ ужасно мѣнять Бога на серебряники. Отдалять отъ друзей? Но истинные друзья познаются въ несчастіи». Отсюда, злоухищренія враговъ напрасны и бесполезны. «Не только не почитаю страшнымъ чего-либо изъ настоящихъ событій, но даже забываю о себѣ, плачу объ оскорбившихъ меня, нѣкогда членахъ паствы, которую они едва не продали, даже прежде, нежели она собрана во едино». Рядомъ обличеній онъ караетъ, далѣе, подстрекателей возмущенія. «Какъ они воздвигли жертвенникъ противъ жертвенника? Какъ простоту пастырей употребили въ пагубу паствѣ? Ибо не пасомыхъ стану порицать за неопытность, но васъ (руководителей) винить за вашу злобу. Какое найду живящее средство? Какую обвязку? Какъ соединю раздѣленное? Одинъ способъ: Троица Святая! Твое сіе дѣло... Ты возстанови и научи единомыслію» ¹⁾...

Тому же событію, ночному покушенію Максима и его результатамъ, посвящено и другое Слово: «На память мучени-

¹⁾ II, 253.

ковъ и противъ аріанъ» ¹⁾), по содержанію сходное съ разсмотрѣннымъ.

Въ этихъ «Словахъ» и въ этомъ личномъ отношеніи къ событіямъ знаменитый пастырь предсталъ во всемъ своемъ нравственномъ величіи, вызвавъ къ себѣ новыя и большія симпатіи. Однихъ влекло къ нему правое ученіе о Св. Троицѣ, «на время изгнанное, а теперь возвращенное въ свое отечество»; другіе шли къ нему, какъ къ подвижнику, третьихъ соединяло съ нимъ общеніе во взглядахъ. Что же касается до народа, то «этотъ благородный плодъ чревоболѣнія» ²⁾ св. Григорія такъ же стекался къ нему, «какъ идутъ въ бездождіи къ влагѣ, отъ тьмы къ свѣту». Малая вначалѣ паства его стала расти и увеличиваться, такъ что св. Григорій скоро сталъ «однимъ изъ богатыхъ землевладѣльцевъ». «Только нива его представляла пеструю картину: иные изъ злаковъ только недавно перестали быть дикими, иные изъ земли показывали ростокъ, эти завязывали стебель, а тѣ были въ молокѣ; нѣкоторые уже становились пшеницею и даже хлѣбомъ». Но вся она веселила сердце добраго и самоотверженнаго сѣятеля на нивѣ Божіей ³⁾.

Даже еретики и разномыслящіе были въ конецъ побѣждены и ученіемъ и жизнію духовнаго пастыря. Однихъ плѣняла сила ученія, другихъ дѣлалъ кроткими способъ его полемики: «онъ велъ рѣчь безъ вражды, не столько съ укоромъ, сколько съ сѣрдобоіемъ, сѣтовалъ, а не поражалъ, и не превозносился, какъ другіе, скоротечнымъ и непостояннымъ преимуществомъ предъ ними»; изъ своего превосходства онъ не дѣлалъ щита для самопревозношенія. Какъ защитникъ Слова кроткаго сострадательнаго, не наносящаго никому ударовъ, свою кротость и благоприличіе онъ соблюдалъ и въ ученіи. Его слова создавали такое настроеніе, что и побѣжденнымъ не позорно

¹⁾ III, 160—164

²⁾ VI, 37

³⁾ IV, 41.

было оставаться, но славнѣе было по искреннему убѣжденію дать надъ собою верхъ его убѣжденіямъ. Кромѣ того, въ сношеніяхъ съ иномыслящими еретиками онъ не прибѣгалъ къ содѣйствію земной власти, чѣмъ существенно отличался отъ современной ему практики борьбы съ ересями. Таковъ былъ обычай св. Григорія. «Такъ было начертано на моихъ скрижаляхъ»,—говоритъ онъ ¹⁾).

Наконецъ, являясь противникомъ «языкоболія», онъ выработалъ «другой законъ обученія—не признавать единственнымъ путемъ къ благочестію легко приобретаемой и зловерной привычки метать неочищеннымъ языкомъ оскверненному и чуждому Христа уху таинственныхъ ученій и обращать въ шутку того, что приобретается съ трудомъ». Онъ училъ доказывать благочестіе всего болѣе исполненіемъ заповѣдей и смиреніемъ плоти силою духа. Путь слова—путь съ обѣихъ сторонъ окруженный стремнинами, на который, едва вступить, тотчасъ упадешь, и упадешь прямо въ ворота ада ²⁾). Простою вѣрою безъ мудрованія скорѣе всего привлекается Богъ. «Если бы вѣра и спасеніе были достояніемъ только мудрыхъ, то крайне бѣденъ былъ бы нашъ Богъ». Посему, не витіеватыя измышленія и богословскія умствованія должны быть предметомъ вниманія вѣрующихъ, но простая вѣра, сопутствуемая дѣлами.

Таковъ былъ благовременный урокъ, преподанный св. отцомъ любящимъ словопренія греко-римлянамъ.

Въ то время какъ св. Григорій трудился надъ устроеніемъ церковныхъ дѣлъ Константинопольской каѳедры, къ столицѣ приближался, послѣ побѣдныхъ торжествъ, самодержецъ Θεодосій, уже крестившійся, въ виду болѣзни, отъ православнаго Солунскаго епископа Асхолія, напередъ освѣдомившись о томъ, къ какому исповѣданію онъ принадлежитъ ³⁾). Торжественное всту-

¹⁾ IV, 39.

²⁾ VI, 40

³⁾ Сократъ, Церк. ист., 5, 6

плёніе императора въ столицу состоялось 24 ноября 380 года, наполнивъ общео радостью сердца православныхъ.

Первою заботою царя было возстановить миръ, водворить единодушіе и распространить церкви. Онъ немедленно, поэтому, приказалъ главѣ аріанъ Демофилу или принять Никейскій Символъ, или передать церкви православнымъ. Собравъ своихъ единомышленниковъ, Демофилъ, ошибочно основываясь на словахъ Господа:—«если гонять вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другой»,—рѣшилъ уйти изъ города и за его стѣнами продолжать свои собранія. Это было въ первый же день вступленія царя въ столицу. Въ отношеніи къ св. Григорію царь былъ весьма благосклоненъ. При первомъ же свиданіи онъ почтилъ его милостивымъ вниманіемъ и бесѣдою. Подробности этого свиданія скрыты скромностью св. Григорія. «Было-бы слишкомъ стыдно, если бы подумали, что такія вещи дорого цѣню и я, для котораго дорого только одно—Богъ. Но вотъ чѣмъ заключилъ онъ свой разговоръ со мной, повѣствуетъ св. отецъ: чрезъ меня Богъ даетъ тебѣ и твоимъ трудамъ этотъ храмъ—главный, во имя св. Софіи, Божіей премудрости» ¹⁾).

Обѣщанія царя были настолько заманчивыми, что казались невѣроятными. Сердце самого св. Григорія они наполнили чувствомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ. Въ городѣ же они породили массу раздоровъ. Аріане не хотѣли такъ легко оставить насиженные мѣста, какъ это сдѣлалъ Демофилъ. Они рѣшили умереть, но не уступать. «Блжніе страстей было сильно и ужасно». Но вотъ, въ назначенное время состоялось торжественное введеніе православныхъ въ обладаніе главнымъ храмомъ. «Народу собралось, какъ песокъ морской, какъ туча. Все было занято имъ: улицы, дома, всякое мѣсто; мужчины, женщины, дѣти, старцы старались поближе разсмотрѣть шествіе. Вездѣ суета, рыданія, слезы, вопли,—точная копія взятія приступомъ города». Враги бросали гнѣвные взгляды

¹⁾ VI, 42.

на св. Григорія и умоляющіе на царя, которые рядомъ шли въ храмъ, сопровождаемые войсками. Утро было мрачное, темное. Надъ городомъ стояло темное облако. Враги поспѣшили истолковать сокрытіе солнца въ свою пользу, считая настоящее торжество Богу неугоднымъ. Это вселяло и тайную печаль въ сердце св. Григорія. Но вотъ, какъ только процессія приблизилась къ рѣшеткѣ храма, и полилась хвалебно-благодарственная къ Богу пѣснь, сквозь расторгшіяся тучи возсіяло солнце и освѣтило храмъ. У всѣхъ проявились и лица, и сердца. «Многіе считали это чудомъ, замѣчаетъ св. отецъ, я же не имѣю причины не вѣрить имъ» ¹⁾. Всѣ въ равной мѣрѣ, и простолюдины и чиновные, выражали желаніе и требованіе, чтобы св. Григорій былъ признанъ епископомъ. «Первою и самою важною, и лучшею для города наградой отъ державной власти будетъ, если Константинопольскому престолу данъ буду я» ²⁾. Весь храмъ оглашался какъ бы невѣроятными раскатами грома. Не имѣя силъ говорить народу, св. Григорій поручаетъ пресвитеру успокоить собраніе и призвать его къ благодарной молитвѣ, отложивъ занятіе дѣлами на другое время. Такое чувство мѣры въ св. Григоріи понравилось царю, и онъ одобрилъ его поступокъ, передавъ вскорѣ въ его вѣдѣніе и прочіе храмы города. Это было вторичное призваніе Григорія на кафедру. Правда, для полноты недоставало каноническаго утвержденія собора. Но такое было отложено до созыва Второго Вселенскаго Собора, который царь выразилъ желаніе устроить въ слѣдующемъ же 381 году.

Актомъ ввода Григорія въ кафедральный храмъ состоялась знаменательная передача православнымъ аріанами своихъ полномочій на церковь Константинопольскую, коею они владѣли около сорока лѣтъ ³⁾. Все это совершилось тихо, мирно, безъ кровопролитій. Православной общинѣ, приведенной въ благо-

¹⁾ VI, 43.

²⁾ VI, 44

³⁾ Сократъ, 5, 7

устроенный видъ трудами, энергіей, талантами и подвигами св. Григорія, недоставало лишь сочувствія общественной власти. И вотъ, таковая явилась и дополнила торжество Церкви, какъ бы принося искупительную жертву за дѣянія предшествующихъ царствованій — Констанція и Валента. Можно было надѣяться, что теперь Константинопольская Церковь, огражденная отъ враговъ и внутри и снаружи, будетъ цвѣсти и плодотворить. Но, какъ показала послѣдующая исторія, истинный врагъ ея всегда находитъ себѣ помощниковъ и успѣваетъ похищать миръ у Церкви.

Мирное разрѣшеніе спорнаго вопроса съ аріанами обязано было, конечно, личному характеру св. Григорія, который совѣтовалъ царю воздержаться отъ насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ нимъ. Но такая миролюбивая политика его встрѣтила несочувствіе той части его приверженцевъ, которая, не имѣя духа Григоріева, ожидала, что онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, начнетъ прежде всего сводить счеты съ своими противниками, т. е. «гнать, толкать, свирѣпствовать». Но мы уже знаемъ отношеніе св. Григорія къ несогласнымъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Такихъ же взглядовъ держался онъ и теперь. И теперь онъ признавалъ законнымъ не принуждать, но убѣждать. Онъ хотѣлъ, чтобы его любили, а не боялись. «Ибо невольное, сдерживаемое силою, при первомъ удобномъ случаѣ, какъ ручей весенній, прорветъ преграду. А добровольное навсегда твердо. И повиновеніе писанному закону, если оно свободно, имѣетъ большую цѣну, чѣмъ насильственное». Уступчивость и миролюбіе св. Григорія были болѣе обычнаго. Такъ, на примѣръ, когда при приѣмѣ храмовъ открыто было такое обстоятельство, которое, казалось, обязывало св. Григорія подвергнуть виновныхъ взысканію, именно, не оказалось ни имущества, ни драгоценностей, ни денегъ, ни даже отчета въ расходованіи того, чѣмъ цари и жертвователи обогащали храмы, то онъ и здѣсь не сталъ входить въ розысканія, къ чему принуждали его и что на-

стойчиво совѣтовали. Онъ полагалъ, что такіе розыски въ конечномъ результатѣ повели бы къ униженію Церкви, почему онъ рѣшилъ. «пусть ищутъ дать отчетъ тѣ, у кого было что, а не тѣ, кому что слѣдуетъ получить». Имѣвшіе пристрастіе къ богатству порицали Григоріевъ поступокъ, но бывшіе выше этой страсти одобряли его. «Если вообще худа ненасытимость, говорилъ св. Григорій, то еще хуже быть непасытымъ лицу духовному». Очевидно, если бы всѣ такъ разсуждали о деньгахъ, то не было бы безпорядка въ Церквахъ ¹⁾).

Кромѣ того, благосклонное отношеніе царя къ св. Григорію возлагало, какъ думали, на послѣдняго извѣстныя обязанности. Ожидали, что онъ будетъ стараться упрочить свое положеніе обычнымъ въ то время заискиваніемъ у Двора, низкопоклонничествомъ предъ чинопочаствующими, отважится, быть можетъ, на подкупъ или другія постыдныя дѣла. Ничего подобнаго св. Григорій не позволялъ себѣ. Мы знаемъ, какую цѣну въ его глазахъ имѣли почетъ, слава, богатство. И теперь онъ вовсе не думалъ являться ко Двору, но продолжать слѣдовать своимъ прежнимъ правиламъ. Напротивъ, теперь то въ особенности онъ хотѣлъ показать, что упроченіе православія и своего положенія онъ приписываетъ не милости людской и не счастливому стеченію обстоятельствъ, но исключительно Божьему промысленію. Поэтому, «къ вратамъ царевымъ» онъ не припадалъ, дворовъ вельможъ не зналъ, и хотѣлъ снискать уваженіе тѣмъ, чтобы его рѣдко видѣли. Большую часть времени онъ посвящалъ Богу и своему внутреннему очищенію, а двери сильныхъ земли онъ предоставилъ другимъ ²⁾). Какъ мы видѣли, все свое вниманіе онъ обращалъ на благоустройство приходской церковной жизни, на заботы «о нищихъ, монахахъ, дѣвахъ, служащихъ при храмахъ, о странникахъ, прохожихъ, узникахъ, о псалмопѣніяхъ, о всепоющихъ слезахъ, — обо всемъ, что веселитъ Самого Бога.

¹⁾ VI, 47.

²⁾ VI, 45.

когда совершается благочинно» ¹⁾. Свидѣтельствомъ такихъ заботъ св. Григорій остались его «Похвала дѣвству, совѣты дѣвственникамъ, посланія къ монахамъ, къ дѣвамъ, на любомудренную нищету, на терпѣніе» и другія добродѣтели ²⁾. Храмъ пророка Іліи, по случаю устроенія при немъ св. Григоріемъ страннопріимницы, получилъ названіе «Вдовьяго», являясь памятникомъ заботъ святителя о бѣдныхъ сиротахъ и вдовахъ. Нѣкогда противники его смѣялись надъ нимъ, говоря, что у него недостаетъ народа для наполненія однихъ притворовъ. «А теперь у насъ, замѣчаетъ онъ, полнотъ не только храмъ, но полны и многіе храмы» ³⁾.

Чтобы окончательно выяснить свои отношенія ко Двору и вообще властямъ, св. отецъ въ скоромъ времени по вступленіи въ управленіе городскими церквями произнесъ, въ присутствіи Двора, «Слово о самомъ себѣ къ говорившимъ, что онъ желаетъ Константинопольскаго престола» ⁴⁾. Въ немъ, высказавъ свое удивленіе необычайной любви константинопольцевъ къ рѣчамъ его, иноземца, и усматривая причину ея въ своемъ любомудріи, проповѣдникъ бичуетъ зависть, этотъ ядъ для страждущихъ ею, какъ одну изъ самыхъ постыдныхъ страстей. Эта же зависть служитъ причиною злостраданій и его и паствы. Но было бы обидно и несправедливо думать въ отношеніи самого пастыря, что онъ перенесъ столько злостраданій изъ-за честолюбія, или подобныхъ ему расчетовъ. Нѣтъ, онъ страдалъ для защиты Церкви отъ враговъ, Церкви дотолѣ вдовствовавшей и безмужной. Какъ дѣлающій добро ради самого добра, онъ не думаетъ теперь, съ достиженіемъ благоденствія, измѣняться, что бы ни говорили завистники и каковы бы ни были обстоятельства. Сочувствующихъ его стремленіямъ онъ восхваляетъ за вѣрное исповѣданіе Троицы и

¹⁾ VI, 47.

²⁾ V, 44—106

³⁾ VI, 47; V, 287.

⁴⁾ III, 165—175.

за готовность свою вѣру засвидѣтельствовать добрыми дѣлами. Этихъ добрыхъ дѣлъ онъ желаетъ отъ всѣхъ пасомыхъ. «Цари, покажите примѣры въ добродѣтели! Будьте богами для вашихъ подданныхъ. Ваша сила—въ добродѣтели, а не въ золотѣ и войскѣ», обращается онъ къ Двору. Къ вельможамъ, благороднымъ, гражданамъ онъ взываетъ объ облагороженіи нравовъ и борьбѣ со страстями.

Какъ видно, св. отецъ на церковной кафедрѣ чувствовалъ себя пастыремъ людей всякихъ сословій—и царей, и подданныхъ, и высокихъ, и низкихъ, ко всѣмъ обращаясь съ пастырскимъ назиданіемъ. Иныхъ отношеній святитель не признаетъ. Чтобы представить себѣ, какое великое дерзновеніе высказывается въ такомъ образѣ поведенія, достаточно припомнить, каковы были условія того времени, что привыкли слышать повелители вселенной и какая участь могла ожидать дерзновеннаго обличителя нравовъ. Судьба одного изъ ближайшихъ преемниковъ св. Григорія по Константинопольской кафедрѣ св. Іоанна Златоуста служить нагляднымъ показателемъ истинности сказаннаго.

Въ то время, когда св. Григорій упрочивалъ положеніе въ столицѣ православія, аріане не оставляли своихъ замысловъ устранить съ дороги непріятнаго по своей дѣятельности епископа и сорганизовали на него новое покушеніе. Однажды, когда святитель оставался дома, по случаю болѣзни, не разъ посѣщавшей его въ послѣднее время, въ его комнату вошло нѣсколько простолюдиновъ и съ ними молодой человѣкъ въ страшно возбужденномъ состояніи. Появленіе ихъ было такъ неожиданно, что они застали епископа на своемъ одрѣ и успѣвшимъ только немного свѣсить ноги. Простолюдины, наговоривъ много словъ благодарности Богу и Царю за этотъ счастливый день, ушли, а юноша своимъ безысходнымъ горемъ, слезами, ломаніемъ рукъ и припаданіемъ къ ногамъ епископа вызвалъ даже слезы у него самого. И только вошедшіе слуги объяснили, что этотъ юноша—его убійца, и что если св. Григорій остался живымъ, то только потому, что находится подъ

особымъ покровомъ Божиимъ. Очевидно, въ самый моментъ исполненія преступнаго замысла ангель-хранитель защитилъ подвижника. «Да спасетъ тебя Богъ, а мнѣ, спасенному, уже не важно показать себя милостивымъ къ убійцѣ! Дерзость сдѣлала тебя моимъ. Смотри же, не посрами меня и Бога», — вотъ отвѣтъ св. Григорія, вызвавшій въ народѣ новый взрывъ добрыхъ къ нему расположений, когда огласилось происшедшее ¹⁾.

Вскорѣ св. Григорій еще разъ блистательнымъ образомъ доказалъ, что онъ не помнитъ обидъ и всегда готовъ первымъ идти навстрѣчу миролюбивымъ отношеніямъ. Это сказалось въ возобновленіи сношеній съ Египтомъ. Понятно, что послѣ неудачнаго покушенія Максимова, между св. Григоріемъ и Петромъ Александрійскимъ, поддерживавшимъ Максима, добрыя отношенія нарушились. Однако, пользуясь прибытіемъ въ Византію египетскихъ судовъ съ хлѣбомъ, св. Григорій привѣтствуетъ прибывшихъ «Словомъ къ пришедшимъ изъ Египта», ²⁾ восхваляя ихъ не только за хлѣбъ вещественный, коимъ они снабжали столицу, но и за духовно-правое ученіе. «Народъ мой! вотъ я даю десницу общенія при столькихъ свидѣтеляхъ и древнюю клятву отражаю новою расположенностью. Вы вступили не къ чужимъ иноземнымъ, но къ своимъ... Узнайте, что мы—ваши, какъ распознаютъ своихъ по клеймамъ оружія».

Проповѣдническая дѣятельность Григорія на Константинопольской кафедрѣ не ограничилась разсмотрѣнными доселѣ словами: ему принадлежитъ еще нѣсколько произведеній того же характера. Именно, Слова: а) «въ похвалу св. священномученика Кипріана, говоренное на другой день его памяти», въ коемъ прославляются подвиги мучениковъ вообще и Кипріана въ частности ³⁾;

б) на Евангельскія слова: «Егда сконча Іисусъ словеса

¹⁾ VI, 46.

²⁾ III, 150—159

³⁾ II, 201—216

сим» (Мф. 19, 1),—единственная гомилія, одна, какъ думаютъ ¹⁾, изъ множества бесѣдъ, произнесенныхъ Григоріемъ безъ записи и составляющая часть цѣлаго ряда толкованій на Евангелія, замѣчательная ученіемъ о дѣвствѣ и супружествѣ ²⁾;

в) «На Богоявленіе или Рождество Спасителя» ³⁾;

г) «На святые свѣты явленій Господнихъ»—(6 января 381 года) ⁴⁾—и

д) «На Святое Крещеніе» (7 января) ⁵⁾—всѣ три важныя въ литургическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Въ первомъ изъ нихъ говорится о христіанскомъ провожденіи праздниковъ, во второмъ—сопоставляются христіанскія таинства съ языческими и выясняется превосходство первыхъ предъ послѣдними, въ третьемъ говорится о таинствѣ крещенія и о необходимости не откладывать совершенія его иногда только по суетнымъ соображеніямъ;

е) «На Святую Пятидесятницу, произнесенное 16 мая 381 года» ⁶⁾,—о значеніи седмичнаго числа и о Св. Духѣ, по поводу Македонской ереси.

Чтобы закончить обзоръ Константинопольскаго періода папстырской дѣятельности св. Григорія, намъ остается разсмотрѣть послѣдній актъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ томъ же 381 году. Разумѣемъ Второй Вселенскій Соборъ и отношеніе къ нему св. Григорія.

15 мая 381 года въ Константинополѣ открылъ свои засѣданія Второй Вселенскій Соборъ, состоявшій исключительно изъ епископовъ восточной половины имперіи, зараженной аrianствомъ ⁷⁾. На составѣ Собора сказалось тоже стремленіе царя привести къ союзу и единомыслію къ вѣрѣ Церкви, раз-

¹⁾ Барсовъ—Хр. Чт. 1866. II, 352.

²⁾ III, 166—175.

³⁾ III, 176—192.

⁴⁾ III, 193—207.

⁵⁾ III, 208—224.

⁶⁾ IV, 3—17.

⁷⁾ Сократъ. Ц. Цел. 5, 8; Θεοδότης, Ц. Цел. 5, 6—8.

рознесенныя слабостью Констанція и нечестіємъ Валента: были приглашены на Соборъ епископы Иллирійскаго округа, учившіе, что Сынъ Божій подобосущенъ Отцу, а Духъ—твореніе. Соборъ открылъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Мелетія Антиохійскаго, какъ занимавшаго старѣйшую кафедру, такъ и извѣстнаго своими высокими нравственными качествами ¹⁾). Историкъ Θεодоритъ повѣствуетъ, что при первомъ представленіи царю собравшихся епископовъ, Θεодосій самъ узналъ Мелетія на основаніи бывшаго ему ранѣе сновидѣнія и оказалъ ему особые знаки вниманія ²⁾).

Почтенный вниманіемъ царя и довѣріемъ епископовъ, собравшихся въ количествѣ около 150 человекъ, Мелетій открывалъ соборныя занятія, не дождавшись пріѣзда александрійскихъ епископовъ. Сдѣлавъ неудачную попытку примиренія съ собою Македоніанскихъ епископовъ, рѣшительно отказавшихся признать Единосущіе Отца и Сына и согласившихся скорѣе быть аріанами, чѣмъ православными ³⁾), Соборъ занялся дѣлами Константинопольской кафедры. Попытка Максима циника свергнуть св. Григорія была осуждена и самъ онъ былъ отлученъ отъ Церкви. Вопросъ о замѣщеніи столичнаго престола не потребовалъ долгихъ разсужденій. Вниманіе всѣхъ было обращено на св. Григорія. Его выдающіяся дарованія, его самоотверженная пастырская дѣятельность на пользу столичной Церкви, двукратное избраніе народомъ и царемъ, его, наконецъ, дружескія связи съ многими выдающимися епископами и самимъ предсѣдателемъ Мелетіемъ были причиною того, что утвержденіе на кафедрѣ не встрѣтило никакихъ возраженій. Самъ же онъ «сколько ни вопіялъ и ни жаловался на сіе, однако, для пользы церковнаго благоустроенія, рѣшился принять это утвержденіе». Вѣроятно, такому рѣшенію его много способствовало и то мирное теченіе дѣлъ на Соборѣ,

¹⁾ VI, 48.

²⁾ II. Ист. 5, 7

³⁾ Сократъ, 5, 8

которое царило на немъ при Мелетіи. Св. Григорій надѣялся, что церковное единеніе и дисциплина будутъ теперь упрочены, что недостатки церковной жизни, такъ глубоко печалившіе его, будутъ устранены и что Церковь заживетъ счастливою мирною жизнью.

Но вскорѣ Мелетій, «исполненный измѣряемыхъ и неизмѣряемыхъ лѣтъ, этотъ медоименный и медонравный мужъ» ¹⁾, умеръ, сдѣлавъ предъ смертью много увѣщаній о примиреніи и наставленій о продолженіи соборныхъ совѣщаній. Его напутствовали надгробными похвалами «всѣ, кто только владѣлъ даромъ слова» ²⁾. Но едва его останки были вынесены изъ столицы для погребенія въ его епископіи ³⁾, какъ на Соборѣ поднялись споры и раздоры: съ духомъ Мелетія отлетѣлъ въ ангельскій сонмъ и миръ, царившій въ собраніи епископовъ. Мѣсто предсѣдателя Собора занялъ св. Григорій, не безъ указанія, вѣроятно, самого Мелетія.

Теперь прежде всего возникалъ вопросъ о замѣщеніи кафедры Мелетія, — вопросъ, какъ казалось св. Григорію, не требовавшій совѣщаній, но созданный мятежными и злонамѣренными людьми, послужившій камнемъ недоразумѣній и вызвавшій цѣлую бурю на Соборѣ. Дѣло въ томъ, что въ Антиохіи съ шестидесятихъ годовъ IV вѣка было одновременно два епископа—Мелетій и Павлинъ, имѣвшіе каждый свой кругъ друзей и враговъ, принадлежащіе къ разнымъ направленіямъ тогдашней богословской науки и съ разными симпатіями къ другимъ Церквямъ. Мелетій, вначалѣ склонный къ аріанству, былъ сторонникомъ антиохійскаго богословскаго ученія и поборникомъ идеи независимости Восточной Церкви отъ Западной, за что въ Римѣ проклинали его, какъ еретика, а въ Александріи не хотѣли имѣть общенія съ нимъ. Но весь Востокъ, особенно Сирія и Малая Азія, питалъ къ нему ува-

¹⁾ VI, 48

²⁾ Θεοδορίτῃ, II Ист 5, 8.

³⁾ VI, 49—50.

женіе. Св. Василій Великій также относился къ нему дружественно.

Павлинъ держался стороны александрійствующихъ, пользовался симпатіями никейцевъ, былъ поставленъ въ епископа Антіохіи выходцемъ съ Запада Лациферомъ, поддерживалъ связи съ Римомъ и пользовался его покровительствомъ. Въ Антіохіи была у него своя, хотя и небольшая, но отдѣльная община. Обѣ стороны крайне враждовали другъ съ другомъ. Эта долго продолжавшаяся вражда мелетіанъ и павликіанъ, крайне прискорбная и унижительная для вѣрующихъ, раздѣлившая Востокъ на двѣ половины, была нѣсколько устранена соглашеніемъ, состоявшимся на Антіохійскомъ Соборѣ (вѣроятно—378 г.), по которому оба епископа, Мелетій и Павлинъ, остаются въ своемъ санѣ до смерти, но послѣ смерти кого-либо изъ нихъ мѣсто другого не замѣщается и такимъ путемъ восстанавливается единство. Соглашеніе было удостовѣрено клятвою.

Теперь, когда, за смертію Мелетія, наступило время выполнить клятвенное обѣщаніе и устранить домашній споръ Восточной Церкви, св. Григорій выступилъ съ своимъ предложеніемъ признать оставшагося въ живыхъ Павлина епископомъ антіохійскимъ и тѣмъ умиротворить эту Церковь. Кромѣ того, тѣмъ самымъ достигалось примиреніе и съ Церковью Западною. Свое предложеніе онъ находилъ мѣрою наилучшею и наиболѣе соответствующею къ прекращенію бѣдствій. Но такъ какъ Соборъ состоялъ изъ приверженцевъ Мелетія и послѣдователей антіохійскаго направленія, то молодые епископы, а за ними и старые, высказались противъ признанія Павлина, видя за нимъ торжество Рима. Послѣ того, какъ много было наговорено и за и противъ, св. Григорій сказалъ: «Друзья, мнѣ кажется, что не всѣ вы равно постигаете дѣло и хотите, чтобы слово мое касалось не того именно, о чемъ надлежитъ теперь разсуждать, но какъ можно далѣе уклонилось отъ необходимаго вопроса. У васъ идетъ разсужденіе объ одномъ

городѣ, и это для того, чтобы произвести теперь еще больше спора. А у меня слово о дѣлѣ, гораздо болѣе важномъ и общемъ. Потоками Своей драгоцѣнной Крови Господь запечатлѣлъ весь кругъ земли, который теперь восколебленъ и раздѣленъ на двѣ части... Пока живъ былъ Мелетій и оставалось неизвѣстнымъ, примутъ ли его когда-нибудь епископы западные, было извинительно нѣсколько и оскорбить въ мѣру этихъ защитниковъ законовъ. Теперь же примите предложеніе старца, превышающее мудрость юныхъ, кипящихъ суетною славою, — предоставьте престолъ Павлину... Настала рѣшительная минута или сохраниться нашему священному догмату, или отъ раздоровъ пасть невозвратно... Пусть (западные) побѣдятъ насъ въ маломъ, чтобы самимъ одержать важнѣйшую побѣду и спасти міръ» ¹⁾. Доказательствомъ искренности своего предложенія онъ добровольно предложилъ желающимъ занять его престолъ.

Внесенное предсѣдателемъ предложеніе о способѣ разрѣшенія антиохійскаго вопроса вызвало цѣлую бурю страстей. Каждый кричалъ свое. «Это было стадо галокъ, собравшихся въ кучу, буйная толпа молодыхъ людей... Они походили на ось, которая мечется туда и сюда, и вдругъ всякому бросаются въ глаза» ²⁾. Такъ выходитъ дѣло въ Григоріевомъ описаніи соборнаго совѣщанія. «Но не стадомъ галокъ, въ сущности, были отцы Собора, отвергая Павлина, — говоритъ профессоръ А. Лебедевъ, — а, напротивъ, высокопарящими орлами, съ выси серьезнаго пониманія церковныхъ дѣлъ усматривавшими, какъ опасно было уступить Западу даже въ маломъ, тому Западу, который въ это время началъ уже показывать свои хищническіе когти» ³⁾.

Можетъ быть, члены Собора стояли ниже св. Григорія въ пониманіи нуждъ Церкви и въ желаніи вселенскаго единства,

¹⁾ IV, 51—52

²⁾ VI, 53.

³⁾ Всел. Соборы IV—V вв. М. 1879, стр. 128

но фактъ тотъ, что предложенія его они не приняли, ошибочно подозрѣвая его, александрійца по направленію и западника по симпатіямъ, дѣйствующимъ въ партійномъ духѣ, въ чемъ, впрочемъ, обвинять его мы не въ правѣ.

Какъ бы то ни было, но между предсѣдателемъ и членами Собора произошелъ разрывъ: они перестали понимать другъ друга. Епископы избрали преемникомъ Мелетію пресвитера Флавіана, а св. Григорій, одержимый притомъ же болѣзнью, пересталъ посѣщать соборныя засѣданія, ибо «вступать въ совѣщанія съ такими людьми не пожелалъ бы никто изъ имѣющихъ страхъ Божій и уваженіе къ епископскому престолу» ¹⁾. Между тѣмъ, Соборъ, продолжая свои занятія по составленію Символа, не удовлетворилъ, быть можетъ, — догадывается тотъ же профессоръ, — другого желанія св. Григорія, — точнѣе формулировать ученіе о Св. Духѣ, назвавъ Его Богомъ ²⁾, и принялъ рядъ снисходительныхъ уступокъ еретикамъ въ дѣлахъ вѣры, чему св. Григорій не могъ сочувствовать, хотя относился къ еретикамъ, какъ людямъ, мягко. Все это углубляло пропасть, раздѣлявшую стороны, все больше и больше. «Имъ не нравился вводителъ новыхъ ученій, но и они не понравились благоразумному». Въ глазахъ св. Григорія Соборъ, допустившій къ общенію нѣкихъ, двусмысленно вѣровавшихъ, сталъ «сбродомъ хриstopродавцевъ, единокорныхъ только на худое, желавшихъ склонить его сѣдину къ такому, чего исполнить онъ не могъ». «Скорѣ рѣки потекутъ вверхъ, и огонь приметъ направленіе, противоположное обычному своему стремленію, нежели я измѣню чему-либо въ моемъ спасеніи» ³⁾.

И вотъ, св. Григорій и Соборъ, эти «Лотъ и Авраамъ», идутъ въ разныя стороны. Случившіяся недоразумѣнія настроили душу св. Григорія на обычный у него въ такихъ случаяхъ ладъ: онъ сталъ усиленно думать объ уединеніи и приготовле-

¹⁾ VI, 53.

²⁾ Цит. соч. 133

³⁾ VI, 55.

нѣи къ переселенію изъ этой жизни. Поэтому, онъ не только устранился «отъ худыхъ бесѣдъ и собраній», но ушелъ даже изъ епископскаго дома, къ огорченію не только расположенныхъ къ нему членовъ Собора, каковыхъ было не мало изъ числа епископовъ Понтійскаго округа, но и народа, не желавшаго разставаться съ любимымъ пастыремъ. «Сколько было терзаній! Сколько слезъ! Въ громкихъ восклицаніяхъ умоляли всѣ остаться, заклиная, оплакивая, какъ уже умершаго. Кому оставляешь народъ свой? Кто воспитаетъ твое насажденіе?— вопрошали пасомые. Умри съ нами,—просили иные»¹⁾).

Св. Григорію было страшно тяжело. Онъ крѣпился, однако. Прибытіе египетскихъ епископовъ, приглашенныхъ содѣйствовать миру, ускорило развязку. Новоприбышіе, освѣдомленные о положеніи и ходѣ дѣлъ на Соборѣ, сочли своимъ долгомъ «во всемъ противодѣйствовать совѣщавшимся, проявившимъ наглость какъ теперь, такъ и въ другое время». Такимъ образомъ, Соборъ сдѣлался ареною сведенія личныхъ счетовъ, частью старыхъ. Въ своихъ частныхъ бесѣдахъ съ св. Григоріемъ члены его не скрывали своей затаенной цѣли: привести во что бы то ни стало въ затрудненіе противную сторону. Посему, и въ разсужденіяхъ водились не только разумомъ, сколько раздраженіемъ. «Какъ вепри, сошлись они, остря другъ на друга свирѣлые зубы и искошая огненные очи»²⁾).

На самаго св. Григорія новоприбышіе, единомышленныя ему по направленію и отношенію къ Символу Никейскомѹ, «повѣляли чѣмъ то грознымъ и западнымъ». Въ дѣлѣ утвержденія его на престолѣ они «усмотрѣли нѣчто горькое» — нарушеніе 15-го правила Никейскаго Собора, каковымъ правиломъ запрещалось епископу въ видахъ честолубивыхъ переходить съ одной каведры на другую. Такъ какъ Григорій, разсуждали таковыя, былъ посвященъ въ епископа Сасимскаго, то епископомъ Константинопольскимъ быть не могъ. Правда, другой

¹⁾ VI, 55—56

²⁾ VI, 56

Вселенскій Соборъ самымъ избраніемъ его на другую каѳедру тѣмъ самымъ отмѣнилъ дисциплинарное правило своего предшественника, однако египетскіе епископы не признавали соборныхъ опредѣленій, состоявшихся ранѣе ихъ прибытія. Мало того, и Мелетій, и Соборъ Антиохійскій, ввѣрившіе св. Григорію управленіе столичною каѳедрою, знали истинный смыслъ и цѣль правила—устраненіе повода къ расчетамъ честолюбія, и однако не допускали подобной мысли въ отношеніи св. Григорія, менѣе всего повиннаго въ честолюбивыхъ замыслахъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, «съ меня началось это правило»,—съ грустью вспоминалъ потомъ св. Григорій ²⁾.

Чаша терпѣнія Григоріева переполнилась. Заподозриваніе его въ честолюбіи помогло ему разорвать всѣ узы, «хотя едва ли возможно было убѣдить въ чемъ-либо добромъ людей, зараженныхъ любоначалиемъ». Уже если подвергаютъ сомнѣнію избраніе его, чистота намѣреній котораго доказана перенесеніемъ скорбей, золь, брани, угощенія камнями, то какая цѣль была оставаться дальше въ содомскомъ огнѣ и епископскомъ омраченіи. «Два раза спотыкаться о тотъ же камень, по пословицѣ, свойственно однимъ безумнымъ» ³⁾. Онъ видѣлъ, что на Соборѣ идетъ раздоръ не за слово вѣры, а за частныя и мелочныя притязанія ⁴⁾, и рѣшилъ разрубить узелъ,—оставить этотъ мятежный городъ и для успокоенія пожертвовать своею каѳедрою, этою завидною, но опасною высотой. Выбравъ удобную минуту, онъ вышелъ на середину Собора и сказалъ трогательную рѣчь: «Вы, которыхъ собралъ Богъ для совѣщанія о вещахъ богоугодныхъ, вопросъ обо мнѣ почитайте второстепеннымъ. Мое дѣло не заслуживаетъ вниманія такого Собора. Устремите мысли свои къ тому, что важнѣе; соединитесь, скрѣпите, наконецъ, взаимныя узы любви... Пусть я буду

¹⁾ Θεοδωρίτης „Церк. Ист.“, 5, 8.

²⁾ IV, 273.

³⁾ VI, 165.

⁴⁾ VI, 169.

Юною, хотя и не виновенъ въ бурѣ; жертвую собою для спасенія корабля. Возьмите и бросьте меня по жребію. А вы съ этой минуты положите начало единомыслію... Долго - ли будутъ смѣяться надъ нами, какъ надъ людьми неукротимыми, которые научились только одному — дышать ссорами?. Даю законъ стоять за законы... Я не радовался, когда восходилъ на престолъ, и схожу съ него добровольно. Одинъ за мною долгъ — смерть... Все отлаю Богу... Прощайте и вспоминайте о трудахъ моихъ!¹⁾

Отказъ св. Григорія произвелъ расколъ въ членахъ Собора. Многихъ это ужасно поразило. «Одни поспѣшно ушли вонъ, какъ стрѣлы молніи, другіе затыкали уши, всплескивали руками, не хотѣли и слышать объ отказѣ и видѣть другого вмѣсто меня». Многіе епископы, непричастные къ закулиснымъ интригамъ, были рѣшительно противъ принятія такой жертвы отъ св. Григорія, каковы — св. Амфилохій Иконійскій, св. Григорій Нисскій, св. Кириллъ Іерусалимскій. Но жаждавшіе нестроеній и одержимые честолюбивыми замыслами взяли перевѣсъ, и Соборъ «почтилъ его безпрекословнымъ согласіемъ». «Такъ отечество вознаграждаетъ друзей»²⁾, заключаетъ св. отецъ повѣсть о самомъ себѣ.

Съ смѣшанными чувствами радости и горя покинулъ св. Григорій Соборъ. Съ одной стороны, онъ радовался, что снялъ съ себя иго служенія, противъ воли и желанія наложившее на него обязанность разбираться въ хитросплетеніяхъ злобы, что ненавидѣла душа его; съ другой стороны, ему жаль было народа. «Да и кто не сокрушается о сиротѣющихъ дѣтяхъ?» Борьба, ожесточенная по своимъ проявленіямъ, безцѣльная по содержанію, преступная по идеѣ, требовала отъ него громаднаго напряженія силъ. Онъ не могъ съ спокойною совѣстью посвящать себя этой борьбѣ, затрачивать силы и время для

¹⁾ VI, 57

²⁾ VI, 58

дѣла, коего не выносила его душа. И вотъ, «изнемогъ пастырь, долгое время боровшійся съ губительными волками и препиравшійся съ пастырями: нѣтъ уже бодрости въ его согбенныхъ членахъ; онъ едва переводитъ дыханіе, подавленный трудами и общимъ безславіемъ. Соль обуяла... Епископы состязуются за священные престолы, встаютъ другъ на друга; это—неукротимые воители, возглашающіе: миръ, и хвалящіеся кровью... Всякій сталъ двоедушень... Предлогомъ споровъ—Троица, а истинною причиною — невѣроятная вражда... Зло разливается широкою волною... Сѣдину старыхъ затмеваетъ дерзость юныхъ... Погибла вѣра въ Бога... Какой обманъ! Епископы на словахъ были друзья, а на дѣлѣ—враги!.. О, алтари, о метанія камней и всѣ труды, какія совершали я дотолѣ съ начала подвижничества! Куда, къ кому обратиться, чѣмъ стать ближнимъ? Если свѣтильники слѣлались таковы, если свѣтъ таковъ, то—какова тьма?»¹⁾—думалось разбитому и тѣломъ и духомъ св. Григорію.

Изъ собора епископовъ св. Григорій отправился къ царю, чтобы испросить у него согласія на свое удаленіе изъ столицы и съ кафедры, которую официально занималъ лишь нѣсколько бурныхъ недѣль. Держа себя предъ дворомъ, вообще, съ сознаніемъ пастырскаго достоинства, онъ и теперь произнесъ предъ императоромъ рѣчь, насколько остроумную, настолько же богатую своимъ содержаніемъ и пастырскимъ духомъ. «Щедродаровитый царь, говорилъ онъ, прошу и я у тебя милости: не золота, камней, богатыхъ мѣстъ для родни, о чемъ обычно просятъ тебя... Для меня этого мало, ибо я считаю себя стоящимъ болѣе важнаго... Дозволь уступить немного зависти: желаю чтить престолы, только издали... Я изнемогъ, видя вражду всѣхъ, даже друзей, потому что не могу обращать взоровъ ни на что, кромѣ Бога... Прикажи епископамъ быть согласными, если не изъ страха Божія, не

¹⁾ VI, 71—73, 80.

изъ страха наказанія, то ради угожденія тебѣ... Отъ епископовъ же требуй сѣдинъ и слѣдовъ пота для Бога»¹⁾).

Эта рѣчь подвижника вызвала только рукоплесканія со стороны самодержца и его свиты. Однако, Θεодосій не внялъ тѣмъ мыслямъ, кои заключались въ этой прощальной ему рѣчи: онъ не поддержалъ и не удержалъ св. Григорія. Очевидно, характеръ св. Григорія не согласовался съ придворной обстановкой: онъ былъ слишкомъ аскетиченъ и слишкомъ непрактиченъ для столичнаго епископа. Его простая сельская жизнь въ столицѣ среди знати, его скромная убогая одежда, его отказъ участвовать въ придворныхъ торжествахъ, — все это подвижничество и само по себѣ являлось молчаливымъ укоромъ для суетнаго свѣта, а въ соединеніи съ огненными рѣчами его было почти невыносимымъ для Двора. Добродѣтельный человѣкъ не всегда и не всюду является удобнымъ и желательнымъ. Уже по тому одному, что Θεодосій изъ списка кандидатовъ на его мѣсто, представленнаго Соборомъ, не выбралъ ни одного, а назначилъ преемникомъ ему сенатора Нектарія, некрещеннаго, обладавшаго единственнымъ пріятнымъ для Двора качествомъ — осанистымъ видомъ и общительнымъ характеромъ, можно заключить, что внѣшнія достоинства предпочтены были великости духа.

Св. Григорію оставалось преодолѣть еще послѣднее препятствіе — любовь къ себѣ народа, препятствіе тѣмъ болѣе тяжелое для него самого, что и онъ искренно любилъ этотъ народъ, всецѣло преданный ему и ни въ чемъ неповинный. Какъ любящій и самоотверженный пастырь, онъ всячески старался облегчить пасомымъ разлуку съ нимъ и помочь имъ перенести это испытаніе. Ничто не останавливаетъ его въ стремленіи успокоить совѣсть пасомыхъ, для чего онъ всецѣло только на одного себя беретъ вину разлуки и тѣмъ до конца несетъ свой крестъ. Всѣхъ онъ старается успокоить, чтобы равно

душно приняли его уходъ и не оказывали ему сопротивленія. Онъ употреблялъ для этого ласки, похвалы, просьбы. Однихъ онъ убѣждаетъ сдѣлать это изъ любви къ нему; другихъ — по раздраженію на дурной его поступокъ. Будучи такимъ врачомъ, который самъ не боленъ ¹⁾, онъ готовъ принять на себя даже не имѣющее основаній обвиненіе въ дурномъ поступкѣ, лишь бы свое удаленіе представить для виновниковъ его въ благопріятномъ для нихъ самихъ видѣ. Онъ ссылается и на свою старость, и на болѣзнь, и на непригодность для столицы. «На что вамъ нуженъ старикъ робкій, ослабѣвшій, умирающій ежедневно, безпокойный, ибо старость ворчлива? На меня непріятно дѣйствуетъ то, что пріятно для другихъ, и увеселяюсь тѣмъ, что для иныхъ огорчительно. Посему, не удивился-бы, если бы меня, какъ человѣка безпокойнаго, связали и признали сумасброднымъ» ²⁾. Только человѣкъ много и глубоко любящій можетъ такъ заботиться о спокойствіи другихъ въ то время, когда сердце его разрывается на части отъ причиняемаго ему огорченія тѣми, для кого онъ жертвуетъ собою. Все это вмѣстѣ съ тѣмъ служить объясненіемъ того поступка св. отца, въ которомъ, по его словамъ, многіе склонны были видѣть вспыльчивость, излишнюю обидчивость или, вообще, неровность характера: онъ былъ выше такихъ мелочныхъ недостатковъ и дѣйствовалъ обдуманно и сознательно.

Свою пастырскую дѣятельность въ Константинополѣ Григорій закончилъ «Прощальнымъ Словомъ» ³⁾. Слишкомъ много любви и вниманія видѣлъ онъ отъ пасомыхъ, слишкомъ много разговоровъ было вокругъ его имени. Однихъ онъ долженъ былъ утѣшить, предъ другими оправдаться въ своихъ дѣйствіяхъ, а всѣмъ вообще преподать свое послѣднее пастырское назиданіе. Съ другой стороны, много стало пастырей и достойныхъ и недостойныхъ. Идеалъ пастыря и его служенія

¹⁾ VI, 66.

²⁾ IV, 33—35.

³⁾ IV, 18—40

въ сознаніи многихъ потускнѣлъ, помрачился. Нужно было и словомъ и дѣломъ возстановить этотъ идеаль и указать отличительныя черты пастырей достойныхъ отъ недостойныхъ. И вотъ, св. отецъ въ послѣдній разъ выступаетъ на кафедрѣ, чтобы произнести прощальное Слово, выдающееся своею художественною красотою, простотою, стройностью, искреннимъ элегическимъ чувствомъ, проникающимъ въ душу и такъ сильно дѣйствующимъ, что безъ слезъ невозможно читать эту лебединую пѣснь любвеобильнаго самоотверженнаго старца-пастыря.

«Какими находите дѣла мои, любезные пастыри и сопастыри? Какимъ представляется вамъ мое странствованіе и его плоды?» — вопрошаетъ онъ. Изобразивъ, затѣмъ, достойное слезъ прежнее положеніе Церкви Константинопольской, онъ съ чувствомъ мѣры изображаетъ цвѣтущее настоящее ея состояніе, относя это благодѣтельное измѣненіе къ милости Божіей, какъ награду за возстановленіе правильнаго ученія о Св. Троицѣ, подобно тому какъ прежнее неустройство, неблаговедріе было вразумленіемъ за искаженіе сего ученія. Этотъ плодъ, возвращенный при его участіи, онъ приноситъ собранію, присоединяя кратко и то ученіе, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ. Указавъ на свою безкорыстную дѣятельность, онъ взываетъ къ совѣсти всѣхъ о предъявленіи ему обвиненій, если они есть, давая вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ наставленій о пастырскомъ служеніи и, въ частности, о выборѣ себѣ преемника, который долженъ возбуждать зависть, а не сожалѣніе. Себѣ же пастырь спрашиваетъ одной лишь награды за труды—«увольнительное писаніе съ добрымъ свидѣтельствомъ, если угодно». Еще разъ обличивъ недостатокъ христіанской любви и правильнаго пониманія духа пастырскаго служенія у тѣхъ, кои толкали его къ мѣрамъ мщенія по отношенію къ прежнимъ обидчикамъ Церкви, или которые осуждали его за сельскую жизнь въ столицѣ, св. отецъ заканчиваетъ рѣчь «прощаніемъ» со всѣмъ, что было такъ мило и дорого его пастырскому сердцу, что поддерживало его въ

тяжелой одинокой непосильной борьбѣ съ тѣмъ царствомъ ада, которое онъ нашелъ въ Константинополѣ, съ своей стороны охотно примиряясь съ тѣми, кто были виновниками его злоключеній.

«Прости, Анастасія, воскресившая намъ ученіе, мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ мы водрузили скинію, сорокъ лѣтъ блуждавшую по пустынѣ!.. Простите, и прочіе храмы!.. Простите, Апостолы, мои учителя въ подвижничествѣ! Прости, кафедра, эта завидная и опасная высота! Прости, соборъ архіереевъ и іереевъ, ликостоянія назореевъ, честность дѣвъ, благопристойность женъ, толпы вдовъ и сиротъ, очи нищихъ, устремленныя къ Богу и къ намъ! Простите, любители моихъ словъ, эти народныя собранія и стеченія, и эти трости, пишущія явно и скрытно, и эта рѣшетка, едва выдерживающая стѣсняющихся къ слушанію!.. Простите, цари и царскіе дворцы, служители, домочадцы! Плещите руками! Умолкъ языкъ, для васъ непріязненный и вѣщій! Хотя онъ и не вовсе умолкнетъ, и будетъ еще препираться рукою и черниломъ... Прости, градъ великій и христоролюбивый!.. Приступите къ истинѣ, перемѣните жизнь свою, хотя поздно. Читте Бога болѣе, нежели сколько обыкли. Простите, Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ терпимъ нападеніе. Не утратятъ Бога удалившіеся отъ престоловъ, но будутъ имѣть горнюю кафедру, которая гораздо выше и безопаснѣе этихъ кафедръ. Простите, ангелы, надзиратели сея церкви! Прости мнѣ, Троица, мое помышленіе и украшеніе. Чада, помните, какъ побивали меня камнями!» ¹⁾

Вскорѣ, затѣмъ, св. Григорій оставилъ Константинополь. Это было въ 381 году.

Такъ закончилась многотрудная и многополезная пастырская дѣятельность св. Григорія въ столицѣ имперіи.

Немного времени она продолжалась, не полныхъ три года, но она богата своими результатами. Если Церковь Кон-

¹⁾ IV, 40.

стантинопольская не была вполне уничтожена еретиками, которые изъ шестидесяти слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со времени Перваго Вселенскаго Собора, въ теченіе сорока лѣтъ непрерывно владѣли этою Церковью; если изъ развалинъ и разоренія она была воскрешена и восстановлена, если изъ запущенной она стала плодоносящей,—то честь такого восстановления принадлежитъ героической пастырской самоотверженной дѣятельности св. Григорія, показавшаго на своемъ примѣрѣ, что можетъ сдѣлать даже одинъ пастырь-ратоборецъ, если онъ съ живою вѣрою въ Бога и искреннею любовію къ своему пастырскому дѣлу приступаетъ къ служенію. Правда, Григоріевыхъ трудовъ не оцѣнили и не оказали ему нравственной поддержки. Тяжело это. Но, вѣдь, пастырство—бремено. Поэтому, пусть пастырь и не рассчитываетъ на эту поддержку, и запасается самоотверженіемъ.

Въ своемъ лицѣ св. Григорій оставилъ всѣмъ пастырямъ высочайшій примѣръ пастырскаго смиренія и самопожертвованія для сохраненія мира и благосостоянія Церкви и идеаль пастырской дѣятельности, въ коемъ пастыри найдутъ для себя и много уроковъ и много утѣшеній въ ихъ многотрудномъ и тернистомъ жизненномъ пути.

Г Л А В А 4-я.

«Gregorius vir eloquentissimus
hic grammaticae poeticesque laude
florebat» (Ex Hieronymo, ex Suida—
Migne, p. c. s. g. t. XXXV, c. 305—306).

Первымъ дѣломъ св. Григорія, по оставленіи Константинополя, было почтить память своего нѣжно любимаго друга — св. Василия Великаго, незадолго передъ тѣмъ скончавшагося. Съ нимъ связывали его самыя глубокія и горячія чувства любви и дружбы, не ослабѣвшія и послѣ того испытанія, какое явилось для этихъ чувствъ въ насильственномъ посвященіи и назначеніи св. Григорія въ Сасимы. Твердый, практическій, здравый умъ св. Василия и раньше властно владѣлъ надъ нѣжнымъ и способнымъ къ высоко задушевному переживаніямъ женственнымъ организмомъ св. Григорія. Время примирило его съ произведеннымъ надъ нимъ насиліемъ. Онъ увидѣлъ въ немъ проявленіе Промысла Божія, и покорился. И въ Константинополь св. Григорій отправился «не безъ воли Василия», видѣвшаго въ немъ единственно пригоднаго человѣка для великой задачи, предстоящей тамъ пастырю въ тотъ моментъ, а скорѣе, нужно думать, по настоящему его совѣту¹⁾. Теперь, блистательно выполнивъ долгъ послушанія, св. Григорій удовлетворяетъ своему сердечному желанію и спѣшитъ въ Каппадокію, на могилу своего друга, чтобы поклониться его праху и выплакать свою душу въ обширномъ «Надгробномъ Словѣ», представляющемъ образецъ панегирическаго искусства²⁾. «Недоставало еще, чтобы Великій Василій, предлагавшій мнѣ многіе предметы для словъ, нынѣ самого себя предложилъ пред-

¹⁾ IV, 43.

²⁾ IV, 41—113

метомъ слова», — такъ начинаетъ свою рѣчь св. отецъ. Упомянувъ о томъ, что онъ приступаетъ къ прославленію великаго мужа послѣ всѣхъ другихъ по той причинѣ, что все сіе время занятъ былъ попеченіями объ истинномъ ученіи, подвергшемся опасности, и будучи противъ воли пресельникомъ, ораторъ даетъ столь блестящую характеристику св. Василия, что, читая ее, не знаешь, чему болѣе удивляться, добродѣтелямъ ли и подвигамъ св. Василия, или превосходному описанію ихъ св. Григоріемъ ¹⁾).

Шагъ за шагомъ описываетъ онъ жизнь св. Василия, начерчивая свѣтлый и величественный образъ каппадокійскаго архинастыря. Самомалѣйшія черты его біографіи не опущены безъ вниманія, давая богатый матеріалъ для его характеристики. Настырская дѣятельность св. Василия, въ особенности его злостраданія отъ Валента и аріанъ, очерчены такъ картинно и художественно, что, навсегда оставаясь славною страницей въ жизни Василия, они вѣнчаютъ оратора ореоломъ геніальнаго художника слова.

«Сіе тебѣ, Василій, отъ меня даръ. Кто же восхвалитъ меня, который, удрученный старостью, болѣзнью и скорбью, послѣ тебя оставлю жизнь?» — такъ заканчиваетъ онъ похвалу св. Василию ²⁾). Какъ видно изъ тона всей рѣчи, мысль о смерти все чаще и чаще занимала душу св. Григорія. Это и понятно: тяжелыя жизненныя разочарованія всегда настраиваютъ душу человѣка на элегическій ладъ, обращаютъ мысль къ цѣли и смыслу жизни, и заставляютъ невольно думать о концѣ жизни.

Отдавъ послѣдній долгъ памяти св. друга и прибывъ въ Аріанзъ, св. отецъ всецѣло предался своимъ печальнымъ думамъ, навѣяннымъ на него пережитымъ на Константинопольской каѳедрѣ. Мысль добровольнаго изгнанника невольно возвращалась къ мѣсту и свидѣтелямъ его подвиговъ и любила

¹⁾ Проф. Н. Барсовъ, цит. соч., стр. 356

²⁾ IV, 112—113

привѣтствовать изъ дальняго уединенія знакомаго мѣста, дорогія лица и памятные сердцу сцены. Въ большинствѣ этихъ воспоминаній изливается скорбь наболѣвшаго чувства благородной и любящей души, незаслуженно оскорбленной въ самыхъ лучшихъ своихъ привязанностяхъ. Правда, — недругамъ и завистникамъ онъ простилъ все обиды и даже забылъ о существованіи ихъ ¹⁾, но чувство скорби по поводу распространяющагося господства зла надъ добромъ и безсилія борьбы съ нимъ не покидало его до конца жизни. Особенно сильны были эти чувства въ ближайшее къ пережитому время, когда первоначальная радость по поводу свободы отъ невыносимой атмосферы зависти, происковъ, интригъ, окружавшихъ престолъ ²⁾, уступила мѣсто холодному разсудочному анализу и обнажила свѣжую душевную рану.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ онъ, «дышанціи мертвецъ, полумертвый, полущисѣченный, влекущій жизнь болѣзненную, неблагоуспѣшную, сокрушенный старостью, болѣзнью и скорбями» ³⁾, какую онъ получилъ награду за свои труды? Разрывъ со всемъ дорогимъ и увольненіе, право на каковое онъ выстрадалъ и душою и тѣломъ ⁴⁾. Свою скорбь о храмѣ Анастасіи онъ изливаетъ въ знаменитомъ «Снѣ» о немъ ⁵⁾. Тяжесть разлуки съ друзьями видна изъ письма его къ Амазонію. Если кто изъ общихъ нашихъ друзей спроситъ у тебя: гдѣ теперь Григорій? что дѣлаетъ? — смѣло отвѣчай, что любимудрствуетъ въ безмолвіи, совсѣмъ забывъ обидчиковъ. А если тотъ же человекъ еще спроситъ тебя: какъ же онъ переноситъ разлуку съ друзьями? то не отвѣчай уже смѣло, что любимудрствуетъ, но скажи, что въ этомъ онъ малодушествуетъ. Ибо у всякаго своя слабость: а я слабъ въ отношеніи дружбы и къ друзьямъ... Однимъ только послужишь мнѣ..., а именно, если ста-

¹⁾ VI, 166.

²⁾ VI, 165.

³⁾ VI, 59; IV, 111, 113

⁴⁾ IV, 33.

⁵⁾ VI, 271—274

нешь о мнѣ помнить и увѣришь письмами, что это дѣйствительно такъ» ¹⁾). Высоко цѣнившій дружбу св. отецъ въ отношеніи друзей открыто признается въ своемъ малодушіи и слабости къ нимъ.

Но какія реальныя послѣдствія получились въ результатъ самоотверженной дѣятельности его въ Константинополѣ? И своимъ дѣломъ, и своими наставленіями онъ хотѣлъ ясно доказать, каковы должны быть пастыри вообще, а для даннаго времени въ частности; онъ особенно заботился о томъ, чтобы его преемникъ былъ энергичнымъ продолжателемъ его трудовъ и обладалъ возможнымъ совершенствомъ. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, преемникомъ ему избрали человека даже некрещеннаго, неопытнаго въ церковномъ управленіи, такого, которому, по словамъ св. отца, «и не надлежало бы приближаться къ спасительнымъ дверямъ: тотъ предпочтенъ его тайнодѣйствіямъ» ²⁾). Затѣмъ, безпорядки на соборныхъ совѣщаніяхъ съ уходомъ св. Григорія не прекращались, какъ это видно изъ письма послѣдняго къ экзарху Софронію съ просьбою всемѣрно позаботиться о водвореніи мира среди враждующихъ ³⁾). Всѣ эти обиды и нестроенія вызывали слезы у св. Григорія. Давъ обѣщаніе, при прощаніи съ паствою, громить порокъ и и порочныя склонности если не языкомъ, то рукою и черниломъ ⁴⁾, теперь въ уединеніи онъ исполняетъ свое обѣщаніе. Въ рядѣ сатиръ и поэмъ: «О различіяхъ въ жизни и противъ лжеіереевъ», «Къ епископамъ», «Къ Константинопольскимъ іереямъ и къ самому Константинополю», «На свое удаленіе», «На возвращеніе», «Къ себѣ самому» ⁵⁾ и др. онъ даетъ просторъ своимъ чувствамъ негодованія на недостойныхъ пастырей и на зависть, помѣшавшую ему до конца умиротворить Церковь.

¹⁾ VI, 166,—82-e.

²⁾ VI, 63.

³⁾ п. 87-e—VI, 169.

⁴⁾ IV, 39.

⁵⁾ VI, 60,—78

«Увеселяйся, кому угодно, моими страданіями, писалъ онъ. Хотя я и старъ и извѣдалъ много бѣдствій, однако же и моя старость, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не видала такого бѣдствія, какое видитъ теперь... Іереи, приносящіе безкровныя жертвы! Законы! Цари, украшающіеся благочестіемъ! Взываю къ вашему благочестію: каково поступила со мною зависть? За что разлучили меня съ чадами, меня, который подвизался долгое время, озарялъ ихъ небесными ученіями и изъ камня источалъ имъ потокъ? Какое въ этомъ правосудіе?... Вожди народа возстали другъ противъ друга, ополчась вмѣсто орудія гнѣвомъ и завистью и кипя презорствомъ, какъ свирѣпымъ огнемъ; они возстали, и раздѣлилась цѣлая вселенная. Какъ укрощающій львовъ или разсвирѣпѣвшихъ кабановъ, я оскорбленій не прекратилъ, а, какъ человѣкъ тонкій, самъ затоптанъ. Если бы я сталъ мученикомъ, то скорѣе освободился бы отъ опасности... Но нѣтъ возможности переносить благодушно обиду, которая такое долгое время непрестанно предъ глазами... Тяжелы были бы здѣшнія неудачи, если бы Богъ въ послѣдствіи не оборачивалъ костей другою стороною... ¹⁾). Зависть. Это звѣрь, исполненный яда, позорный столбъ, собраніе всякаго зла. Она поставила меня ниже худыхъ. Боже, ужели и тамъ (за гробомъ) будутъ первенствовать злые? Нѣтъ никакого различенія между добромъ и зломъ, между благоразумною сѣдиною и безразсудною юностью, богобоязненною жизнью и между жизнью распутною... Одинъ законъ: тому имѣть преимущество, кто всѣхъ порочнѣе... Но пусть идутъ своимъ путемъ, а я поищу себѣ Ноева ковчега, чтобы спастись въ немъ отъ ужасной смерти. Я не дерзкій воитель... Удаляюсь и буду утѣшаться спокойствіемъ... Радуюсь, что избѣжалъ зависти и послѣ великой бури привязываю вервь къ тихой пристани» ²⁾). Таковы были думы и чувствованія добровольнаго отшельника.

Письма св. Григорія этого періода, являясь цѣннымъ біо-

¹⁾ Образъ взятъ изъ обычной тогда игры въ кости

²⁾ VI, 61. 74. 63. 72. 75.

графическимъ матеріаломъ, даютъ намъ точную картину его душевныхъ переживаній, завѣтныхъ думъ, скорбей и радостей. Изъ нихъ мы узнаемъ, что печальное настроеніе св. отца увеличилось еще болѣе отъ того приѣма, который ожидалъ добровольнаго изгнанника на родинѣ: ему пришлось оправдываться въ своемъ оставленіи Константинополя, какъ Церкви не своей, не ему назначенной, а потому и не подлежащему отвѣтственности за оставленіе, каковое «онъ предпринялъ не слегка и не кое-какъ, но съ большимъ тщаніемъ и разсмотрѣніемъ» ¹⁾. Поэтому, въ виду распространяемыхъ врагами разныхъ нелѣпыхъ слуховъ относительно его жизни и дѣятельности, св. Григорій, не любящій разглашать многое безъ уважительныхъ причинъ, счелъ себя вынужденнымъ изобразить свою многотрудную и скорбную жизнь въ «Стихотвореніи о своей жизни» ²⁾ и тѣмъ опровергнуть различные клеветы и обвиненія, взводимыя на него противниками.

«Когда, оставивъ чужую страну, повѣствуетъ онъ, возвратился я въ отечество и съ удовольствіемъ увидѣлъ родную землю и любезный народъ, тогда, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ очевиднымъ образомъ исполнившееся надъ собою прекрасное и подлинное божественное слово, изреченное Господомъ, что всякій пророкъ кажется достойнымъ чести только на чужой сторонѣ» ³⁾.

Кромѣ того, св. Григорій испыталъ недобрыя чувства со стороны нѣкоторыхъ «двуличныхъ и двуцвѣтныхъ пресвитеровъ», лицемерно и худо относившихся къ нему. «Спрашиваешь, каковы мои дѣла, пишетъ онъ Прокопію, отвѣчу тебѣ словами аѳинскихъ пословъ лакедемонянамъ, сказавшихъ: какъ къ рабамъ — весьма милостивы, а какъ передъ свободными — надменны. Это же и я долженъ написать. Со мною обходятся челоувѣколюбивѣе, нежели какъ съ людьми отвер-

¹⁾ Къ Филагрію II 84—VI, 167—8.

²⁾ VI, 5—60

женными, но презрительнѣе, нежели какъ съ людьми, готовящимися предстать предъ Бога... Болѣзнь еще мучить меня, а друзья не перестаютъ дѣлать мнѣ зло и, сколько можно, вредить» ¹⁾).

Отъ мелкой зависти мелкихъ людишекъ не спасли св. отца ни высокій нравственный характеръ, ни великія заслуги предъ Церковью. Лъстивые и раболѣпные во время нахождения его на престолѣ, теперь, когда онъ оставилъ его, они готовы презирать его, и даже оказывать состраданіе и покровительство, за которыми худо скрывается злорадованіе. Но тѣмъ хуже укусы этихъ насѣкомыхъ, чѣмъ они меньше и многочисленнѣе.

Болѣзненное состояніе Григорія, о которомъ онъ упоминаетъ въ приведенномъ письмѣ, было очень серьезно. Онъ прибылъ въ родовое имѣніе разбитымъ и физически и нравственно. Необычайное напряженіе всѣхъ душевныхъ силъ въ пережитыхъ волненіяхъ, при аскетическомъ образѣ жизни, совсѣмъ разстроило его здоровье. Особенно ослабѣли его ноги, отказавшіяся носить тѣло подвижника. Онъ не могъ уже свободно передвигаться и долженъ былъ пользоваться услугами носилокъ и заботами родственниковъ ²⁾ или благочестивыхъ женщинъ, посвятившихъ себя уходу за болящимъ ³⁾).

Какъ же переносить свою болѣзнь и страданія старецъ?— Съ удивительнымъ терпѣніемъ, безъ намека на ропотъ и недовольство. Героическій духъ благодушно взираетъ на немощь тѣла. «Стражду отъ болѣзни и изнемогаю тѣломъ... Разслабили мои члены и ноги ходятъ нетвердо» — жалуется онъ ⁴⁾. «Болѣзнь держитъ меня на привязи и для многаго дѣлаетъ меня неудободвижимымъ или, говоря правду, совсѣмъ неподвижнымъ. Потерплю сіе, хотя со скорбію, однако же перенесу. Да и

¹⁾ п 103—VI, 179.

²⁾ VI, 221—п. 160, къ Олимпію

³⁾ VI, 241—п 183, къ Кастору

⁴⁾ V, 9.

чего горестнаго не переносить человѣкъ?» — пишетъ онъ одному другу, Кастору ¹⁾).

Причину своей болѣзни онъ видитъ въ злоухищреніяхъ врага рода человѣческаго, старающагося сломить вѣру праведника. «Опять пришелъ ты ко мнѣ, коварный; и, сколько понятно, пришелъ для того, чтобы истерзать во мнѣ глубину моего сердца. Тебѣ хочется, чтобы отъ сильныхъ и многократныхъ потрясеній этой жизни палъ во мнѣ священный образъ. Пришелъ ты съ убійственными замыслами и излилъ на меня, бѣднаго, весь ядъ горькой своей злобы... Но какъ ни преслѣдуешь ты меня, докучливый демонъ, никогда не преклоню предъ тобою колѣнъ моего сердца. Поражай кожу, человѣкоубійца, но душа неуязвима» ²⁾). Поэтому и главнымъ лѣкарствомъ святителя въ тѣлесныхъ недугахъ была горячая, усердная молитва. «Повели мнѣ, Христе, стать, наконецъ, здоровымъ! Твое слово для меня врачество... Помоги Твоему слугѣ! Возстанови меня и не отринь Твоего священника. Умилосердись, Христе! Если неудобно Тебѣ исцѣлить меня, то дай силу къ перенесенію подвиговъ. А если измѣнилъ я Тебѣ во время бѣды, то да обуреваюсь еще» ³⁾).

Не пренебрегалъ страдалецъ и обычными человѣческими средствами лѣченія: онъ посѣщалъ Ксанксаридскія минеральныя воды ⁴⁾ и купальню одной обители ⁵⁾. Чистый воздухъ, тѣнистая роща и сельское уединеніе были для него не менѣе цѣлительны, чѣмъ теплыя воды. «Я пророжу время среди поля, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, и тамъ поправляю свое здоровье», — писалъ онъ Виктору ⁶⁾. Идиллія сельской жизни дѣйствовала на него благотворно. «Вчера, сокрушенный своими страданіями, сидѣлъ я одинъ, вдали отъ людей, въ тѣнистой

¹⁾ VI, 241.

²⁾ V, 32—34.

³⁾ V, 9—34

⁴⁾ II 112—VI, 183

⁵⁾ VI, 221

⁶⁾ VI 215

рощѣ... Въ страданіяхъ люблю я такое врачество... Вѣтерки жужжали и вмѣстѣ съ поющими птицами съ древесныхъ вѣтвей ниспосылали добрый сонъ даже и слишкомъ изнемогшему духу. А на деревьяхъ любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики, оглашали весь лѣсъ своимъ щебетаніемъ. Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ея рощѣ, омывала мои ноги» ¹⁾).

Но недолго пришлось Григорію скрываться въ уединеніи и пользоваться цѣлительною тихою пристанью. Дѣла родной Назіанзской Церкви были плачевны. Несмотря на энергичныя представленія св. Григорія, съ 375 года, со времени удаленія его въ селевкійское уединеніе и до настоящаго времени, — конца 381 года, въ теченіе шести лѣтъ Назіанская каѳедра не имѣла своего предстоятеля. Равнодушіе-ли областного митрополита, отсутствіе ли достойныхъ лицъ, или бѣдность и незначительность каѳедры были тому причиною, но вдовствующая Церковь была не возглавлена и подвергалась нападеніямъ еретиковъ - аполинаристовъ. Воспользовавшись возвращеніемъ св. Григорія на родину, митрополитъ Тіанскій Теодоръ, къ округу котораго во время отсутствія св. Григорія перешла Назіанзская Церковь изъ Кесарійскаго діоцеза, призывалъ его къ вторичному управленію Назіанзскою Церковью ²⁾). Но множество трудовъ, коихъ требовало запущенное состояніе Церкви, не соотвѣтствовало физическимъ силамъ св. Григорія, еще не возстановленнымъ. Тѣмъ не менѣе, польза Церкви были главнѣйшею заботою его жизни: онъ жилъ не для себя, а для другихъ. Поэтому и теперь, видя, что въ немъ нуждаются, онъ снова всецѣло отдаетъ себя Церкви. Приведши на память, что Назіанскую Церковь, не связанную съ нимъ никакимъ опредѣленіемъ, онъ оставилъ не по забвенію о Богѣ и не изъ презрѣнія къ малому стаду, онъ говоритъ: «наконецъ, побѣжденъ я и сознаю надъ собою побѣду, болѣзненную для тѣла,

¹⁾ IV, 212.

²⁾ VI, 193

но не худую, можетъ быть, для души. Отдаю Церкви это смиренное тѣло, пока будетъ оно въ силахъ, признавая для себя лучшимъ скорѣе потерпѣть что-нибудь во плоти, нежели страдать духомъ и приводить въ страданіе многихъ, которые возымѣли о мнѣ худое мнѣніе, потому что сами страдаютъ»¹⁾ Но и отдавая себя на временное служеніе Церкви, онъ все-таки рѣшительно заявляетъ, что онъ рукоположенъ въ Сасимы, а не Назіанзъ, что считать его епископомъ Назіанза нѣтъ основаній и что эта Церковь должна имѣть своего епископа, въ которые онъ настоятельно и рекомендуетъ Евладія пресвитера, своего родственника, извѣстнаго ему по своимъ нравственнымъ качествамъ²⁾).

Свѣдѣній о пастырскомъ служеніи св. Григорія во время вторичнаго управленія Назіанскою Церковью сохранилось очень мало. Къ церковно-учительной дѣятельности его этого періода относятся два слова: 1) «На недѣлю новую, на весну и на память мученика Маманта»³⁾, произнесенное 16 апрѣля 383 г., въ которомъ содержится прекрасная аналогія духовной и физической весны; и 2) «На св. Пасху»⁴⁾, въ которомъ благовѣствуется о воссоединеніи человѣка съ Богомъ и о его спасеніи.

Предметомъ особыхъ пастырскихъ трудовъ св. отца въ это временное управленіе Назіанскою Церковью были, какъ уже замѣтили мы, еретики аполлинаристы, о которыхъ стоитъ сказать нѣсколько словъ въ виду того, что они считали св. Григорія своимъ единомышленникомъ.

Главное заблужденіе христологической системы Аполлинарія Лаодикійскаго состояло въ ученіи о томъ, что въ лицѣ Богочеловѣка не было человѣческаго ума или духа, а вмѣсто него было Божество Единороднаго, что Сынъ Божій, воплотившись.

¹⁾ Письмо 90; VI, 171—2

²⁾ II, 146—VI, 212.

³⁾ IV, 112—122

⁴⁾ IV, 123—149

воспринималъ тѣло и анимальную душу, но не воспринималъ духа человѣческаго, специфической части человѣческаго существа, что, поэтому, Сынъ Божій не вочеловѣчился, а воплотился. Уничтожая человѣческую личность во Христѣ, аполлинаристы приближаются къ идеализму александрійской школы, дававшему въ образѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ перевѣсъ Божественному предъ человѣческимъ, и считаясь поборниками Никейской вѣры, находились въ общеніи съ столпами православія—Аѳанасіемъ и Василиемъ Великими, Григоріемъ Богословомъ, пока ихъ заблужденія не были выяснены ¹⁾. Тѣмъ и опасны были эти еретики, что, прикрываясь общеніемъ съ помянутыми отцами, навлекали отъ аріанъ обвиненіе православныхъ въ аполлинаризмѣ.

Когда св. Григорій, для поправленія своего здоровья, на время отлучался изъ Назіанза на Ксанксаридскія воды, поручивъ управленіе Церковью пресвитеру своему Кледонію, эти еретики сдѣлали рѣшительную и смѣлую попытку завладѣть Назіанскою Церковью. Пользуясь услугами двухъ проѣзжавшихъ епископовъ, низложенныхъ на Восточномъ и Западномъ соборахъ (т. е. II Вселенскимъ), аполлинаристы, «эти злые и во злѣ погибшіе люди, воспротивясь всѣмъ царскимъ постановленіямъ и вашимъ приказамъ, возложили имя епископа на одного человѣка, между ними нечестиваго и подозрительнаго, ничѣмъ, какъ думаю, столько не обнадеживаемые, сколько моею мертвостью»,—такъ писалъ св. Григорій съ водъ начальнику Второй Каппадокіи Олимпію, донося ему о случившемся и испрашивая его помощи для обузданія наглецовъ ²⁾. Кажется, это единственный случай въ настырской практикѣ Григорія, когда онъ измѣняетъ своему принципу снисходительнаго отношенія къ еретикамъ и обращается къ гражданской власти за содѣйствіемъ. «Если это сносно, продолжаетъ св. отецъ, то да перенесетъ твоя гвердость, перенесу и я, какъ

¹⁾ А. Лебедевъ „Всеі Соборы“, стр. 68-72

²⁾ Письмо 112-е. VI. 182-183

и переносилъ неоднократно. А если тяжело и нестерпимо для самихъ благочестивѣйшихъ царей, то соблаговоли наказать за то, что ими сдѣлано, хотя и не такъ строго, какъ заслуживало бы ихъ високоуміе».

Уже изъ послѣднихъ словъ св. отца видно, что онъ, будучи вообще противникомъ исключительнымъ мѣръ противъ еретиковъ, обратился въ данномъ случаѣ къ начальнику области за содѣйствіемъ только потому, что того требовало положеніе дѣла.

Въ отсутствіе св. Григорія еретики для своего большаго успѣха разглашали въ Назіанзѣ, что и самъ св. Григорій принимаетъ ихъ въ общеніе съ собой. Единомысліе св. Григорія съ ихъ лжеученіемъ аполлинаристы доказывали ссылкой на то, что онъ не отвергъ поставленнаго Аполлинаріемъ епископа Антіохійскаго Виталія, по представленіи имъ своего исповѣданія. Доказательства были настолько вѣски и соблазнъ настолько великъ, что послужили для св. Григорія причиною многихъ огорченій. Кледоній умолчалъ о безпорядкахъ, произведенныхъ въ порученной ему Церкви, самъ, быть можетъ, усомнившись въ Правовѣріи своего епископа. Узнавъ о происшедшемъ, св. Григорій увидѣлъ себя вынужденнымъ пресѣчь зло самымъ энергичнымъ и доказательнымъ для немощныхъ способомъ, чтобы во услышаніе всѣхъ опровергнуть разглазованія еретиковъ о его единомысліи съ ними и чтобы тѣмъ самымъ возстановить миръ въ Назіанзской Церкви. «Зная мысли и нечестіе всѣхъ аполлинаристовъ и видя ихъ неслосное високоуміе, думалъ я,—пишетъ онъ,—что своимъ великодушіемъ сдѣлаю ихъ кроткими и смягчу понемногу, что, повидимому, и общали они моимъ надеждамъ. Но незамѣтнымъ образомъ, какъ оказалось, сдѣлалъ я ихъ еще худшими, и неблаговременнымъ любомудріемъ нанесъ вредъ Церкви; ибо кротость не приводитъ въ стыдъ людей негодныхъ». Вотъ мотивы обращенія больного Григорія къ Олимпію за содѣйствіемъ ¹⁾.

¹⁾ VI, 182—183.

Но ревностный пастырь не могъ успокоиться надеждою на воздѣйствіе начальника области. Къ окружному митрополиту онъ шлетъ письмо и двухъ пресвитеровъ Евлалія и Келевсія ¹⁾. Въ письмѣ онъ настоятельно проситъ, въ виду исключительныхъ условій Назіанзской Церкви, дать ей епископа, который охранялъ бы ее отъ еретиковъ, давалъ бы помощь и былъ бы ея главою. «А меня болѣзнь удалила отъ дѣлъ церковныхъ и я теперь ни къ чему не годенъ,—жаловался онъ,—непрестанно нахожусь при послѣднемъ дыханіи, еще болѣе тягочусь дѣлами. Остановить дерзость еретиковъ не моимъ уже лѣтамъ и не моей немощи, а твоему только возможно искусству и твоей силѣ. А если не буду услышанъ, то мнѣ остается всенародно провозгласить, что Церковь нуждается въ епископѣ». Посылаемые къ митрополиту пресвитеры Евлалій и Келевсій имѣли задачей непосредственно познакомить митрополита съ тѣмъ разстройствомъ, каковое внесли аполлинаристы въ Церковь, и лично отъ лица общины выразить просьбу о дарованіи епископа.

Не оставилъ св. Григорій безъ обличенія и аполлинаристовъ. Вынужденный, по настоянію врачей, продолжать леченіе, св. Григорій въ двухъ Посланіяхъ къ Кледонію опровергаетъ лжеученіе аполлинаристовъ и выясняетъ обстоятельства своихъ сношеній съ Виталіемъ ²⁾. Изъ самаго тона и выраженій Посланій видно, какъ глубоко возмущенъ былъ св. отецъ наглостью еретиковъ, удачно оклеветавшихъ его и возмутившихъ наставу. «Хочу знать,—пишетъ онъ,—что это за нововведеніе въ Церкви, по которому всякому мимоходящему позволительно паству, хорошо обученную, расторгать и расхищать, внушая ей разбойническія и странныя ученія? Если бы тѣ, которые наступаютъ на насъ нынѣ, и могли осудить насъ за что-нибудь касательно вѣры, то имъ не надлежало отваживаться на такіа дѣла, не вразумивъ предварительно насъ..., вѣра

¹⁾ 124-е—VI, 193

²⁾ IV, 158—176.

которыхъ проповѣдана письменно и не письменно, здѣсь и въ отдаленныхъ странахъ, съ опасностями и безъ опасностей... Какъ одни рѣшаются на такое дѣло, а другіе молчатъ? И не то еще тяжело, что они лжеученіе свое вливаютъ въ умы простодушныхъ, но то, что и на насъ клеветуютъ, называя единомысленниками и согласными съ ними, надѣваютъ приманку на уди и чрезъ этотъ обманъ злобно выполняютъ свою волю, и нашу простоту, по которой мы смотрѣли на нихъ, какъ на братій, а не на чужихъ, обращаютъ въ пособіе своей злобѣ» ¹⁾).

Такими словами отрещивается св. Григорій отъ единомыслія съ еретиками, для принятія коихъ въ общество онъ совѣтуетъ Кледонію не довѣряться словеснымъ заявленіямъ о принятіи ихъ церковію, а требовать соборныхъ посланій, какія обычно давались воссоединившимся. Самое же лжеученіе Аполлинарія онъ опровергаетъ въ первомъ Посланіи доводами о невозможности соединенія въ Богочеловѣкѣ двухъ противоположныхъ субстанцій—Бога и плоти—безъ посредствующаго начала, каковымъ служитъ умъ, который, съ одной стороны, сожительствоуетъ плоти, а съ другой—есть образъ Божій. «Душа обща всѣмъ живымъ существамъ,—доказывалъ онъ.—Если Онъ—человѣкъ, имѣющій душу, то, не имѣя ума, можно еще сомнѣваться, принялъ ли Онъ душу человѣка, а не коня, вола или другого животнаго неразумнаго». Если, затѣмъ, Христосъ, отвергнувъ умъ, воспринявъ неполную человѣческую природу, то и возстановилъ неполную, а умъ, какъ начало грѣха наиболѣе нуждается въ искупленіи ²⁾).

Что касается исповѣданія Виталія, которое, изложенное въ общихъ выраженіяхъ о вочеловѣченіи, не внушало особыхъ подозрѣній, но будучи обличено папою Дамасомъ, огорчившимся за самый обманъ, какому и онъ подвергся по довѣрчивости, оказалось еретическимъ, то теперь еретики, по словамъ св.

¹⁾ IV, 158—9.

²⁾ IV, 162.

Григорія, «должны усрамиться и стереть съ дверей это свое великое и удивительное предначертаніе и воззваніе православія», и нуждаются въ реабилитаціи ихъ Вселенскимъ Соборомъ. Посему, напрасно Кледоній колебался и запрашивалъ св. Григорія относительно его образа мыслей. «Ты зналъ,— писалъ онъ ему,— что я никогда ничего и не предпринималъ и не могу предпочитать Никейской вѣрѣ..., но при помощи Божіей, держусь и буду держаться сей вѣры... Посему, держащихся иного ученія отвращайся и почитай чуждыми Богу и Вселенской Церкви» ¹⁾).

Такимъ разъясненіемъ Кледонію о его легкомысленной до вѣрчивости словеснымъ завѣреніямъ еретиковъ и исповѣдниковъ своей вѣры св. Григорій возстановилъ миръ въ Назіанзской церкви, хотя его старанія о единомысліи во многомъ парализовались тѣмъ, что дѣлали и предпринимали противъ него люди, не понимавшіе его.

Но описанными злоключеніями испытанія св. Григорія не кончились. Сѣмя сомнѣнія въ его православіи было брошено, и св. отца начинаютъ подозрѣвать въ аполлинаризмъ его собратья—епископы, изъ коихъ одинъ, Елладій Бесарійскій, причинилъ ему много огорченій. Если этотъ епископъ въ своемъ образѣ мыслей склонялся къ Антіохійской школѣ, симпатизировавшей аріанству, то заподозриваніе никейцевъ въ аполлинаризмъ было обычнымъ явленіемъ такого разряда людей. Какъ бы то ни было, но Елладій черезъ ближайшихъ помощниковъ и сослуживцевъ св. Григорія устроилъ надъ нимъ нѣчто въ родѣ негласнаго надзора, что, конечно, слишкомъ тяжело отзывалось на самочувствіи болѣзненнаго старца. Его заподозривали въ томъ, что онъ не настолько боленъ, чтобы часто оставлять кафедру ради леченія и пользованія водами, или чтобы лечиться сельскою жизнью въ Аріанзѣ, откуда и управлять церковью чрезъ довѣренныхъ лицъ.

¹⁾ IV, 169.

«Вотъ и мы, Каппадокіяне, такъ сказать, взбунтовались,— писалъ св. Григорій Θεодору Тіанскому,— зло доселѣ неслыханное и невѣроятное... Да перестанетъ входить въ изслѣдованія о моихъ дѣлахъ господинъ, мой боголюбивѣйшій епископъ Елладій, ибо доискивается сего не духовными средствами, но околичностями, показывающими сварливость, не по строгости церковныхъ правилъ, но въ удовлетвореніе гнѣву, что обнаруживаютъ время и многое вмѣстѣ со временемъ приведенное въ дѣйствіе безъ всякаго къ тому основанія. Ибо надобно такъ сказать и не огорчить. Если бы имѣлъ я столько тѣлеснаго здоровья, чтобы могъ править Церковью въ Назіанзѣ, гдѣ первоначально провозглашенъ, а не въ Сасимахъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ тебя неправильно, то я не настолько жалокъ и не свѣдущъ въ Божественныхъ постановленіяхъ, чтобы сталъ или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни, имѣя въ виду награды, уготованныя трудящимся по Богу и употребляющимъ въ дѣло ввѣренный имъ талантъ... Но *пселику и тѣломъ я боленъ, какъ веѣмъ это извѣстно, и по причинѣ, мною сказанной, не боюсь важныхъ послѣдствій отъ сего удаленія, но вижу, что церковь подъ моимъ правленіемъ терпитъ вредъ въ самомъ главномъ, и по разстроенному здоровью приходитъ почти въ разстройство; то и прежде просилъ и теперь прошу боголюбивѣйшихъ епископовъ... дать Церкви главу, достойную и моего желанія и вашихъ молитвъ... Итакъ, да будетъ сіе тебѣ извѣстно; то же внуши и прочимъ епископамъ, чтобы они согласились и дали свои голоса и не обременяли моей старости, вѣря клеветамъ» ¹⁾).

Такую настойчивую просьбу св. Григорія, дважды повторенную, о снятіи бремени правленія, сдѣлавшагося непосильнымъ по состоянію здоровья и по нуждамъ Назіанзской Церкви, нельзя было оставлять безъ удовлетворенія. И вотъ, къ великой ра-

¹⁾ п. 139, VI, 207—208.

дости св. старца, преемникомъ ему избранъ былъ хорепископъ Евлалій. Свои чувства по этому поводу онъ выразилъ въ письмѣ къ св. Григорію Нисскому, который могъ думать, что другой епископъ провозглашенъ помимо воли Григорьевой. «Я не въ такомъ у нихъ презрѣніи, и они не такъ ко мнѣ непріязненны,—говоритъ онъ.—Напротивъ того, много умоляя ради своей мертвости и вмѣстѣ страшаясь принять на себя бремя—управлять Церковью, оставшеюся безъ надзора, испросилъ я у нихъ эту милость, не противную правиламъ и для меня успокоительную—дать Церкви пастыря. И вашими молитвами данъ пастырь, достойный вашего богочестія, котораго и отдаю на твои руки: это достоуважаемый Евлалій, боголюбивый епископъ, на рукахъ котораго желалъ бы я умереть» ¹⁾).

Однако, служеніе Церкви св. Григорія не прекратилось послѣ officialнаго замѣщенія его епископомъ Евлаліемъ и удаленія его отъ дѣлъ управленія. Не занимая всю свою жизнь опредѣленнаго престола, онъ былъ предупредительнымъ слугою всѣхъ престоловъ. Слишкомъ велики были его дарованія и огненная ревность о благѣ церкви, чтобы такой свѣтильникъ скрылся въ Аріанскомъ родовомъ тѣнистомъ саду. Онъ и самъ болѣлъ болѣзнями Церкви, и непрестанно заботился о ея торжествѣ надъ врагами; призывали его на помощь и другіе.

Такъ, въ 382 году императоръ Θεодосій чрезъ вельможу Прокопія приглашалъ св. Григорія на соборъ въ Константинополь. Св. Григорій рѣшительно отказался, желая «уклоняться отъ всякаго собранія епископовъ, потому что не видалъ еще ни одного собранія, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ и болѣе избавляло отъ зомъ, нежели увеличивало ихъ. Любопытность и любоначалье ихъ (епископовъ) выше всякаго описанія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ссылается на болѣзнь, «отъ которой онъ всегда почти при последнемъ издыханіи и ни на что не можетъ опредѣлить

¹⁾ п. 146—VI, 211.

себя» ¹⁾. Когда же его болѣзни не повѣрили и «снова предписали такое дальнее путешествіе чрезъ Икарія, другого вельможу, то св. Григорій обратился къ областному начальнику Олимпію съ просьбою засвидѣтельствовать его болѣзнь, которой не вѣрятъ и которую онъ радъ благодарить за то, что она даетъ ему возможность избѣжать середины мятежей, столь ненавистныхъ ему ²⁾. Равнымъ образомъ, избѣгаетъ онъ и областныхъ соборовъ. «Соборамъ и собесѣдованіямъ кланяюсь издали — писалъ онъ Θεодору Тіанскому, — съ тѣхъ поръ, какъ испыталъ много дурного» ³⁾.

Но эти отказы отъ участія въ соборныхъ засѣданіяхъ вовсе не означаютъ того, что св. Григорій не принималъ никакого участія въ дѣлахъ Церкви. Когда въ слѣдующемъ 383 году Θεодосій сдѣлалъ новую попытку соборными разсужденіями прекратить религіозные споры аріанъ и евноміанъ, то св. Григорій, совершенно не раздѣляя надеждъ царя умиротворить преніями стороны и считая такую попытку безплодною и бесполезною (что и оправдалось потомъ), принимаетъ свои мѣры къ умиротворенію: двумя письмами къ консуламъ Постуміану и Сатурнину проситъ ихъ содѣйствія къ умиротворенію епископовъ. Признавая соборы благотѣльными учрежденіями Церкви, если и не достигающими своихъ цѣлей, то по злоупотребленію ими негодныхъ людей св. Григорій проситъ этихъ свѣтскихъ лицъ направить русло совѣщаній на надлежащій путь, помѣшавъ потоку страстей сдѣлать соборъ ареною сведенія личныхъ счетовъ епископовъ между собою.

«Поелику теперь опять соборъ епископовъ, — писалъ онъ первому, — то прими отъ меня слѣдующій совѣтъ. Ничего не почитай столь приличнымъ твоему начальствованію, какъ чтобы умирены были Церкви, хотя бы для сего нужно было съ особою строгостью наказывать мятежныхъ. А если кажусь стран-

¹⁾ п. 107.—VI, 179.

²⁾ п. 110.—VI, 181.

³⁾ п. 142.—VI, 210

нымъ, что удалившись отъ дѣлъ, не покидаю заботъ, не дивись этому. Хотя уступилъ я престолъ и высоту сана желающимъ, однако же не уступилъ съ этимъ и благочестію; но думаю, что теперь-то и покажусь для тебя достойнымъ довѣрія, даже болѣе прежняго, какъ служащій не собственному своему, но общему благу» ¹⁾).

Чистоту своихъ заботъ о церковномъ умиротвореніи св. отецъ, какъ видно изъ приведеннаго, долженъ былъ доказывать своимъ безкорыстнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ. Какъ это характерно для той среды, съ какой онъ имѣлъ дѣло.

Въ письмѣ къ Сатурнину св. Григорій выразительно подчеркиваетъ свою заботу о Церквахъ. «У меня при Божьей помощи, все идетъ хорошо, кромѣ только одного, что беспокоюсь о Церквахъ, которыя въ такомъ смятеніи. И если чѣмъ можешь помочь имъ, не облѣнись и словомъ и дѣломъ возстановить общее согласіе, потому что опять соборъ епископовъ, и опасно, чтобы и нынѣ еще намъ не остаться въ стыдѣ, если и этотъ соборъ будетъ имѣть такой же почти конецъ, какъ и прежній» ²⁾).

Такъ близко къ сердцу принималъ аріанскій отшельникъ дѣла Константинопольскихъ соборовъ, зорко слѣдя за ходомъ борьбы съ еретиками! Всей душой онъ болѣлъ за тѣ нестроенія, которыя царствовали на собраніяхъ епископовъ, къ позору Церкви, и за тѣ ошибки, которыя допускали руководители церковной политики въ отношеніи еретиковъ.

.Замѣчателенъ и тотъ поворотъ, который произошелъ въ душѣ и мысляхъ св. Григорія въ отношеніи къ еретикамъ въ послѣдній періодъ его жизнедѣятельности. Этотъ поворотъ, какъ результатъ цѣложизненной борьбы съ ересями, настолько поучителенъ для нашего времени, что заслуживаетъ вниманія. Св. Григорій, какъ мы видѣли, не ожидалъ пользы отъ соборныхъ препирательствъ послѣ того, какъ всякія недоразумѣнія

¹⁾ п. 151—VI, 215—216.

²⁾ п. 152—VI, 216—217.

были выяснены. Съ своей стороны, онъ просилъ вліятельныхъ при дворѣ лицъ,—консуловъ Постуміана и Сатурнина,—приложить всѣ усилія къ умиротворенію партій. Мало того, въ виду допущенной его преемникомъ Нектаріемъ нетактичности, выразившейся въ предоставленіи еретикамъ права свободныхъ собраний и пропаганды своихъ лжеученій, св. Григорій въ Посланіи къ нему излагаетъ свой взглядъ на положеніе вещей.

«Повидимому,—пишетъ онъ,—настоящая жизнь наша во всемъ оставлена безъ Божія попеченія, которое охраняло Церкви во времена, намъ предшествовавшія. И у меня до того упалъ духъ отъ бѣдствій, что я не считаю несчастіями собственныхъ скорбей жизни сей, хотя онѣ весьма тяжки и многочисленны, и приключившись кому иному, показались бы неудобовыносимыми. Но смотрю на одни общія страданія Церквей, объ уврачеваніи которыхъ если не заботиться въ настоящее время, то дѣло дойдетъ до совершенной безнадёжности. Еретики аріане, евдоксіане..., спорливые послѣдователи Македонія, домашнее наше зло—Евномій..., дерзкіе аполлинаристы, не знаю, кѣмъ подвигнутые къ безумію, какъ будто получивъ на то свободу, выставляютъ на показъ свой недугъ, собирая Церкви, какъ будто, дѣлаютъ сіе по праву... Твоя святость попустила имъ присвоить себѣ наравнѣ съ нами власть имѣть свои собранія... Между тѣмъ какъ дать имъ такое право значитъ не что иное, какъ признать, что ученіе ихъ истиннѣе нашего... Ибо если дозволяется имъ, какъ благочестивымъ, учить сообразно съ ихъ образомъ мыслей и свободно проповѣдывать содержимое ими ученіе, то не явно ли симъ осуждается ученіе церкви, какъ будто и истина на ихъ сторонѣ? Ибо неестественно быть истинными двумъ противнымъ ученіямъ объ одномъ и томъ же» ¹⁾. Таково мнѣніе св. отца по вопросу о предоставленіи сектантамъ религіозной свободы. Онъ настоятельно совѣтуетъ Нектарію употреблять

¹⁾ VI, 155—157.

все свое вліяніе на царя, чтобы склонить его, — если онъ дѣйствительно желаетъ видѣть пользу отъ своей заботливости о Церквахъ, — къ отнятію дарованныхъ еретикамъ правъ на свободу.

Итакъ, по мнѣнію св. Григорія Богослова, разъ исчерпаны всѣ средства мирной борьбы съ еретиками, зло, для устраненія соблазна, должно быть пресѣчено болѣе ощутительными способами. Этотъ взглядъ св. отца восторжествовалъ въ возстановленіи Θεодосіева указа, изданнаго еще раньше, но не приводимаго дотолѣ въ дѣйствіе, коимъ у еретиковъ отнималась свобода дѣйствій.

Кромѣ указанной борьбы съ еретиками, св. Григорій продолжалъ служить Церкви и другими своими дарованіями. Однимъ изъ такихъ видовъ пастырскаго служенія была для него мѣрная стихотворная рѣчь. Григорій былъ поэтъ. Поэзія, эта учительница народовъ, являясь инстинктивнымъ языкомъ его и проявляясь даже въ проповѣдяхъ, большая часть коихъ — поэмы, которымъ недостаетъ только ритма, уже поэтому самому не была исключительнымъ занятіемъ его въ какой-нибудь опредѣленный періодъ его жизни, слѣдовательно, и въ разсчитываемый. «Безъ сомнѣнія, — говоритъ Манто, — Григорій и прежде писалъ время отъ времени стихотворенія, но эта отрывочная поэзія его имѣла характеръ совершенно частнаго занятія и не предлагалась публикѣ въ какомъ-нибудь болѣе или менѣе значительномъ сборникѣ»¹⁾. Но аскетическое удаленіе отъ міра, коему Григорій всецѣло предался по замѣщеніи его катедры Евлагіемъ и снятіи съ себя бремени отвѣтственнаго управленія Церковью Назіанза, «предоставляло, по мнѣнію Шенка, самое благопріятное условіе для сосредоточенія духовнаго поэта въ себѣ самомъ и для безпрепятственнаго выраженія въ стихотвореніяхъ высокопоэтичнаго настроенія

¹⁾ А. Говоровъ „Св. Григорій Богословъ, какъ хр. поэтъ“, Казань, 1886, стр. 182.

души его» ¹⁾. Періодъ Аріанскаго уединенія, смѣнившій полную трудовъ и тяжкихъ испытаній эпоху практическаго общественнаго служенія предстоятеля Церкви, предоставлялъ свободу, ширь и просторъ для полета его поэтическаго таланта.

Мы уже видѣли, въ какой восторгъ приводили слушателей художественно-поэтическія проповѣди св. Григорія въ Константинополѣ. Это и понятно. Элліны, гордые своимъ національнымъ образованіемъ и избалованные своими классическими авторами, съ своей художественно-литературной жилкой, и въ самомъ христіанствѣ искали элементовъ, сродныхъ съ унаслѣдованными ими литературно-эстетическими традиціями и отвѣчавшихъ ихъ природнымъ склонностямъ. И если они находили слѣды родного имъ прекраснаго греческаго ума въ изложеніи христіанской вѣры и нравоученія, то они и увлекались имъ прежде всего, и понимали его глубже. Въ этомъ случаѣ христіанскій поэтъ могъ разсчитывать на прекрасное и дивное соединеніе двухъ элементовъ, — сверхъестественнаго и естественнаго. Истины христіанской религіи имѣютъ сильное вліяніе на душу человѣческую сами по себѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда излагаются въ простотѣ вѣры и безъ всякой искусственности. Но если тѣ же истины будутъ представлены изысканному и избалованному классическимъ метромъ уху образованнаго грека въ высокохудожественномъ стихотворномъ изложеніи, не уступающемъ прославленнымъ свѣтскимъ поэтамъ, то тѣмъ дѣйственнѣе и неотразимѣе будетъ вліяніе ихъ и на умъ и на душу его.

Св. Григорій зналъ такое обольщающее вліяніе своего поэтическаго дара на образованныхъ христіанъ и ясно видѣлъ благіе результаты такого вліянія. И этотъ свой даръ, отъ Бога ему ниспосланный и личнымъ трудомъ усовершенствованный и обогащенный изученіемъ классическихъ авторовъ и науки построенія поэтической рѣчи, онъ принесъ

¹⁾ Ibid. 183.

на служеніе Церкви. Всякая побѣда его поэтическаго ума, была и побѣдою епископа. Поэтически излагая христіанское ученіе въ цѣляхъ ли наученія, или въ цѣляхъ распространенія и сохраненія его въ чистотѣ и неповрежденности, или, наконецъ, въ цѣляхъ полемическихъ, для опроверженія еретиковъ и защиты отъ нападенія враговъ, онъ тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе распространялъ свое литературно-просвѣщенное вліяніе на общество, содѣйствуя торжеству вѣры и Церкви.

Но обольщающее вліяніе поэзіи было извѣстно и еретикамъ. Они хорошо знали вліяніе на душу и воображеніе стихотворной рѣчи, по достоинству цѣнили ее и широко пользовались ею для своихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, Аріій составилъ много пѣсней и изложилъ свое ученіе въ *Θάλλεια*—сборникѣ, тогда весьма распространенномъ и уважавшемся въ народѣ; македоніане имѣли въ стихотворномъ изложеніи Новый Завѣтъ; Аполлинарій, будучи поэтомъ и знатокомъ метрической рѣчи, написалъ новую псалтирь. «Стихотворныя пѣсни аполлинаристовъ распѣвали и мужчины какъ на пирахъ, такъ и за работою, и женщины за ткацкими станками, потому что Аполлинарій написалъ много идиллій на всякій случай—на случай труда и отдыха, на дни праздничные и иные, и всѣ его идилліи клонились къ прославленію Бога», говоритъ историкъ ¹⁾. Поэтому, ритмическое изложеніе вѣроученія въ цѣляхъ его пропаганды не было новостью.

О своихъ побужденіяхъ заниматься стихосложеніемъ самъ св. Григорій говоритъ слѣдующее: «Видя, что въ нынѣшній вѣкъ пишутъ рѣчью не мѣрною, легко сливающеюся съ пера, и большую часть времени проводятъ въ трудахъ, отъ которыхъ нѣтъ иной пользы, кромѣ пустой говорливости, такъ что въ заключеніе всего является не меньше бредней, чѣмъ морского песку,—видя все сіе, всего болѣе восхитился я тою одною мыслію, чтобы бросивъ всякое другое слово, держаться

¹⁾ Созоменъ, Церк. ист., VI, 25 (428 стр.).

только словесъ богодухновенныхъ и въ нихъ искать убѣжища отъ всякаго суетнаго ученія ¹⁾... Если дарованіе поэтическое— не обычное, не дюжинное свойство людей, а всеобщее увлеченіе спорами и изложеніемъ своихъ вѣроучительныхъ опредѣленій загрязнило, такъ сказать, прозу, то поэзія, какъ рѣдкій и не всѣмъ доступный родъ словеснаго искусства,— думалось св. отцу,—тѣмъ самымъ возвыситъ то ученіе, которое онъ будетъ излагать.

Содержаніемъ своихъ поэтическихъ рѣчей св. Григорій беретъ только богодухновенное писаніе, представляющее единственно-надежную опору въ множествѣ суетныхъ ученій. «Да и какъ тебѣ, человѣкъ, пиша по дальнимъ понятіямъ, изрѣчь несомнѣнное слово?»—спрашиваетъ онъ ²⁾. Итакъ, область религіозно-нравственная, въ отличіе отъ языческой, является сферою поэтическихъ произведеній св. Отца.

Были и иные мотивы занятій поэзіей, каковыхъ мотивовъ св. Григорій насчитываетъ четыре:

Первый мотивъ. «Хотѣлъ я, трудясь для другихъ, тѣмъ самымъ связать мой грѣхъ, чтобы вмѣстѣ и писать, и заботясь о [мѣрѣ, писать немного». Мотивъ—характера, такъ сказать, дисциплинарно-субъективнаго, имѣющій ближайшее отношеніе къ самому поэту. Цѣня всего больше самособранность духа, св. Григорій неоднократно, какъ увидимъ ниже, налагалъ на себя въ видахъ аскетическихъ молчаніе, особенно въ дни поста. Отсюда, метрическое изложеніе, «не такъ легко сливающееся съ пера», было средствомъ, сдерживающимъ многословіе, обуздывающимъ языкъ и мысль и побуждающимъ говорить немного, но глубоко и обдуманно ³⁾.

Второй мотивъ. «Молодымъ людямъ и всѣмъ, которые всего болѣе любятъ словесное искусство, какъ бы пріятное какое врачество, хотѣлъ я дать эту привлекательность въ убѣжде-

¹⁾ VI, 82.

²⁾ VI, 82.

³⁾ VI, 28.

ни къ полезному, горечь заповѣдей подсластивъ искусствомъ. Въмѣсто пѣсней и игры на лирѣ, даю тебѣ (христіанское юношество) позабавиться сими стихами, ежели захочешь иногда и нозабавиться, только бы не нанесъ кто тебѣ вреда, похитивъ у тебя прекрасное» ¹⁾. По убѣжденію св. отца, изящная словесность представляетъ высоко-художественное наслажденіе, доставляя и отдыхъ умственнымъ способностямъ, и увеселяя душу. Она способствуетъ развитію въ человѣкѣ идеальныхъ сторонъ его природы, отвлекая его духъ отъ низменнаго, животнаго, прозаичнаго. Она возвышаетъ духъ къ Богу и къ всему прекрасному, къ истинѣ, добру, красотѣ. Но гдѣ было взять этой словесности христіанскимъ юношамъ, такъ недавно получившимъ только свободу исповѣданія? До начала IV вѣка, подъ огнемъ жестокихъ преслѣдованій, некогда было и помышлять о религіозно-поэтическомъ творествѣ. Изящныя науки, какъ и всякое искусство, являясь достояніемъ общечеловѣческаго духа, изучались въ языческихъ школахъ. Но это изученіе было не безопасно для чистоты нравовъ и исповѣданія. Изъ примѣра Аѳинскихъ школъ мы видѣли, каковы были нравы въ языческихъ школахъ и какихъ принциповъ должны были держаться христіанскіе юноши, чтобы, собирая цвѣтъ наукъ, не потерять вѣры. Далѣе, самое содержаніе языческой изящной литературы, опоэтизировавшей человѣческія страсти, часто постыдныя и всегда предосудительныя, было весьма опасно для юношескаго сердца. Примѣръ Юліана вѣроотступника, на языческой литературѣ воспитавшаго въ себѣ любовь къ язычеству, былъ такъ яркъ и свѣжъ, что доказательствъ большей убѣдительности не требовалось. Всѣ эти опасенія св. Григорій перенесъ на собственномъ опытѣ, въ теченіе десяти лѣтъ путешествуя по языческимъ школамъ съ образовательною цѣлью.

Между тѣмъ, «натянута тетива требуетъ послабленія»,

¹⁾ VI, 83.

говорить онъ. И вотъ, любвеобильное сердце пастыря, горя желаніемъ дать истинно-прекрасное, изящное наслажденіе христіанскому юношеству и тѣмъ предохранить его отъ соблазновъ и паденій, берется старческою рукою за перо и въ чудныхъ легкихъ строфахъ питаетъ здоровую пищу и умъ, и сердце, и воображеніе юношества. Его пѣснь воспѣваетъ Божество, прославляетъ добродѣтель, обличаетъ порокъ, въ изящныхъ олицетвореніяхъ передаетъ высокое ученіе вѣры. Благотворѣйная мысль и ясный трезвый взглядъ на жизнь и чело-вѣка дополняютъ содержаніе его музыки.

Далѣе, св. Григорій указываетъ и практическую, такъ сказать, сторону стихосложенія: «горечь заповѣдей подсластить искусствомъ», или, какъ онъ говоритъ, «сдѣлать пріятное колесницею для полезнаго и добраго». Польза такого намѣренія весьма очевидна. «Какой вредъ видишь ты,—обращается онъ къ ревнителю строгости,—въ томъ, что молодые люди чрезъ благопристойное наслажденіе приводятся въ общеніе съ Богомъ? Ихъ трудно вдругъ перестроить. Пусть же будетъ въ нихъ нѣкоторая благородная смѣсь. Когда же доброе со временемъ окрѣпнетъ, тогда, отнявъ красное слово, какъ подпорку у свода, соблюдемъ въ нихъ самое доброе. Что можетъ быть полезнѣе этого»,—полемизируетъ св. отецъ? ¹⁾

Великій пастырскій духъ и ревность сказались въ этой величайшей воспитательной мѣрѣ. «Вмѣсто пѣсенъ и игры даю тебѣ позабавиться этими стихами»... Пятнадцать столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, а наше юношество не имѣетъ ничего подобнаго. И самые стихи св. Григорія доселѣ не нашли себѣ переводчика-поэта, несмотря на величайшую нужду въ нихъ и на ихъ многостороннее значеніе.

Третій мотивъ примыкаетъ ко второму. «Не хочу, чтобы чужіе имѣли предъ нами преимущество въ словѣ» ²⁾). Язычники, какъ и еретики, могли хвалиться предъ христіанами

¹⁾ VI, 84.

²⁾ Ibid.

ссылкою на своихъ поэтовъ, обезсмертившихъ греко-римскій геній; могли презрительно относиться къ христіанству, якобы неспособному создать чего-либо равнаго ихъ наслѣдству въ области изящнаго. Этотъ пробѣлъ и восполняетъ св. Григорій, создавая вмѣстѣ съ другими отцами и учителями Церкви—св. Ефремомъ Сириномъ, Амвросіемъ Медиоланскимъ и др.;—богатую изящную литературу, воплотившую въ себѣ соединеніе греческаго геніальнаго ума съ богооткровенною истиною.

Наконецъ, четвертый мотивъ—характера субъективнаго, примыкаетъ къ первому: «Изнуряемый болѣзною, находилъ я въ стихахъ отраду, какъ престарѣлый лебедь, пересказывая самъ себѣ вѣщанія свиряющихъ крыльевъ»,—говоритъ св. Григорій ¹⁾. «Поэзія—врачество отъ скорби»—любимое его выраженіе ²⁾. Онъ неоднократно свидѣтельствуетъ о благотѣльномъ вліяніи на него поэтическихъ занятій. Напримѣръ: «Какъ скоро воспѣлъ мнѣ сіе (о ничтожествѣ всего въ сравненіи съ Богомъ) любезный умъ, утѣлилась моя скорбь... Поздно пришелъ я домой изъ тѣнистой рощи, и иногда смѣюсь надъ разсуждающими иначе, а иногда, если умъ въ борьбѣ съ самимъ собою, томлю скорбію сердце»,—говоритъ онъ въ заключеніе поэмы «О человѣческой природѣ» ³⁾.

При живости чувства и при строгости къ оному себѣ, для св. Григорія было самымъ пріятнымъ занятіемъ провѣрять самого себя, осматривать состояніе души своей, оплакивать силу грѣха и страстей. Поэтому-то значительная часть его стихотвореній есть изображеніе собственныхъ переживаній, думъ, чувствъ, словомъ—«О себѣ самомъ».

Стихотворенія св. Григорія съ внутренней стороны отличаются силою и теплотою чувства, живостью, игривостью, блескомъ и одушевленною образностью. Съ формальной или внѣшней стороны они написаны обычными въ то время мет-

¹⁾ VI, 83.

²⁾ VI, 5.

³⁾ IV, 216.

рическими размѣрами — дактилическимъ гекзаметромъ, элегическимъ двуступишемъ и ямбическимъ триметромъ, смотря по тѣмъ законамъ симметріи, какія представлялись художественному чутью поэта въ моментъ творчества.

По характернымъ свойствамъ поэтической природы и литературнымъ формамъ, проф. Говоровъ раздѣляетъ стихотворенія Григорія на два большіе класса: 1) лирико-эпическія и 2) собственно лирическія, подраздѣляя на категоріи: 1-й — на гномическія, историческія, дидактическія и сатирическія, 2-й — на элегіи, гимны, эпитафіи и эпиграммы ¹⁾.

Количество стиховъ у св. Григорія насчитывается около 18 тысячъ, что въ сопоставленіи съ свидѣтельствомъ бл. Иеронима о 30 тысячахъ строкъ всѣхъ его твореній ²⁾, является вполне вѣроятнымъ: кромѣ словъ, посланій и писемъ, всѣ остальные творенія Григорія изложены мѣрою рѣчью ³⁾.

Что касается до степени художественности самой формы его стихотвореній, до гармоніи ритма, изящества вкуса въ выборѣ метровъ и чисто поэтическаго чутья къ специфическому значенію cadaго размѣра, то въ этомъ отношеніи напрасно завистливые соперники поэта старались найти какой-либо предлогъ къ упрекамъ ему и не напрасно получали за это въ отвѣтъ: «Охуждаешь размѣръ стиховъ; и справедливо, потому что не наблюдаешь размѣра, пиша ямбами, производя на свѣтъ какіе-то выродки стиховъ. Какой слѣпецъ узнавалъ видящаго? За что же охуждаешь мою рѣчь, дѣла ближняго измѣряя своею мѣрою? Не сходятся между собою предѣлы Мидянъ и Фригіянъ; не одинаковъ полетъ у галокъ и орловъ» ⁴⁾.

По внутреннему своему содержанію стихотворенія св. Григорія Богослова могутъ быть раздѣлены на догматическія,

¹⁾ Проф. А. Говоровъ „Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ“, Казань 1886, стр. 35 и др.

²⁾ De viris III c CXVII

³⁾ Migne, t 35, 36, 37.

⁴⁾ VI, 83—84.

нравственныя и историческія. Такое раздѣленіе, сдѣланное Миче-
немъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій св. Григорія, является
вполнѣ естественнымъ и наиболѣе простымъ; оно принято и
преосвященнымъ Филаретомъ ¹⁾).

Бъ догматическимъ относятся: пѣснопѣнія таинственныя:
«О началахъ, о Сынѣ, о Св. Духѣ, о Промыслѣ, о душѣ, о
человѣческой природѣ—въ IV томѣ русск. изд.; о Промыслѣ,
о вочеловѣченіи, 1 и 2 противъ Аполлинарія, о книгахъ Св.
Писанія, чудеса, притчи и др.—въ V т. Бъ историческимъ:
большая поэма о своей жизни (т. VI, 1—60); къ Констан-
тинопольскимъ іереямъ (ib.) на удаленіе свое и возвращеніе,
Сонъ о храмѣ Анастасіи (т. V, 271—5), посланія къ раз-
нымъ лицамъ и др. Бъ нравственнымъ: громадное количество
остальныхъ, изъ коихъ сатирическія поэмы (къ епископамъ,
о епископахъ, о лже-іереяхъ, къ завистникамъ, на Максима,
на лицемѣрныхъ монаховъ, на дѣвственницъ, на богатѣлю-
бцевъ, на женщинъ, любящихъ наряды и мн. др.) имѣютъ гро-
мадный интересъ, свидѣтельствуя о пастырской ревности Гри-
горія по богоугодной жизни и о его скорбяхъ по поводу укло-
ненія современниковъ его отъ нравственной чистоты.

Не вдаваясь въ частнѣйшій разборъ поэтическихъ произ-
веденій св. Григорія по разрядамъ и категоріямъ, что вы-
вело бы насъ далеко за рамки нашей работы, скажемъ кратко,
что въ общемъ они заключаютъ въ себѣ совершеннѣйшій об-
разецъ того, какія мысли по преимуществу должны занимать
христіанскій умъ въ настоящей жизни, и какъ нужно побѣдо-
носно выходить изъ борьбы съ различными душевными по-
мыслами. Обращая взглядъ больше на самого себя и замѣчая
борьбу желаній и страстей, стѣсняющихъ быстрый полетъ ума
къ горнему, поэтъ признаетъ земную жизнь суетною, но ми-
рится съ нею, видя Божіе промысленіе о каждомъ человѣкѣ
и ожидая будущей жизни, приготовленіемъ къ которой слѣ-

¹⁾ Истор. уч. объ отц. цер. т. II, стр. 175.

жить подвижническая жизнь на землѣ¹⁾. Удаляясь отъ общенія съ людьми праздными, загрязняющими русло богомыслия и любомудрія, поэтъ представляетъ яснѣйшій примѣръ постоянного хожденія предъ Богомъ, по утру и по вечеру²⁾, въ болѣзни и въ пути³⁾, является предъ лице Господа то съ хвалебно-молитвенными пѣснями, то съ сокрушенно-покаянными, и умирительно просительными⁴⁾. Богообщеніе—вотъ единственно высочайшая цѣль, стремленіемъ къ которой живо былъ проникнутъ поэтъ и на пути къ которой встрѣчалъ сильное препятствіе въ немощахъ человѣческихъ и въ противодѣйствіи враговъ спасенія. Взираетъ ли онъ на Бога, или на себя, или на міръ, онъ съ сердечнымъ умиленіемъ проситъ Его содѣйствія на всѣхъ стезяхъ своей жизни, глубоко скорбитъ о своемъ безсиліи, огорчается противодѣйствіемъ враговъ духовнаго совершенства⁵⁾. Отсюда, преимущественнымъ колоритомъ поэтическихъ произведеній Григорія является чувство глубоко-молитвеннаго настроенія, принимающаго разнообразное выраженіе—то искренняго умиленія, то глубокаго смиренія, то твердой вѣры и сыновняго упованія⁶⁾.

Указанное преобладаніе молитвеннаго элемента и покаяннаго чувства, воплощенныхъ въ личныхъ переживаніяхъ, было причиною неотразимаго вліянія Григоріевой поэзіи какъ на современниковъ, такъ и на послѣдующую церковно-богослужебную практику. О первомъ вліяніи прекраснаго говорятъ слова Шлоссера, что св. Григорій своей эпопеей «О жизни своей» сдѣлалъ ненужнымъ Гомера; своими гимнами, элегіями и ямбами—лириковъ; своей трагедіей «О страждущемъ Христѣ»—древнихъ драматурговъ⁷⁾. Что касается вліянія на церковно-богослу-

¹⁾ V, 36

²⁾ V, 8—9.

³⁾ Ibid, 10—32.

⁴⁾ V, 15, 18, 19, 21 и др.

⁵⁾ V, 25, 28—29

⁶⁾ Арх. Порфирій „О стихотв. св. Григорія Богослова“ пзъ Трудовъ К. Д. А. за 1863 г., стр. 18.

⁷⁾ Говоровъ 3, 18.

жебную практику, то еще св. І. Златоустъ, какъ извѣстно, составилъ изъ общеупотребительныхъ гимновъ сборникъ для обращенія его между православными, въ противовѣсъ аріанскому антиѳонному пѣнію, какъ о томъ свидѣлствуетъ Сократъ ¹⁾. По мнѣнію Шубаха, это были именно гимны, принадлежащіе св. Григорію Богослову ²⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Іеронимъ, св. Прокль и др. воспитались на поэзіи св. Григорія. «Исповѣдь» бл. Августина—аналогія Григоріевой «О жизни своей». Знаменитый гимнъ св. Амвросія Медиоланскаго «Тебѣ Бога хвалимъ»—обработка «Пѣсни къ Богу» ³⁾. Мелодіи церковныхъ пѣснописцевъ Космы Майюмскаго, Іоанна Дамаскина и др. имѣютъ несомнѣнные слѣды заимствованій у св. Григорія. Напр., «Слово на св. Пасху» заключаетъ много стиховъ, буквально вошедшихъ въ литургическій обиходъ: «Нынѣ спасеніе міру, видимому и невидимому... Христосъ изъ мертвыхъ—возстаньте... Христосъ изъ гроба—освобождайтесь отъ узъ грѣха... Нынѣ отверзаются врата ада, истребляется смерть... Съ ними (ангелами) вѣщаю вамъ такъ: Пасха, Господня Пасха... Праздниковъ праздникъ и торжество торществъ... Вчера предпразднственное веселіе, а нынѣ празднуемъ самое воскресеніе»... и др. ⁴⁾. «Слово на Богоявленіе или на рождество Спасителя» начинается такъ: «Христосъ рождается: Славьте. Христосъ съ небесъ: выходите въ срѣтеніе. Христосъ на землѣ: Возноситеся. Воспойте Господеви вся земля... да возвеселятся небеса... Христосъ отъ Дѣвы» ⁵⁾... Въ «Словѣ на св. Пятидесятницу» читаемъ: «Мы празднуемъ пятидесятницу, пришествіе Духа, совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды, таинство» ⁶⁾...—содержаніе первой вечерней стихиры на этотъ

¹⁾ Сократъ „Церк. Исторія“, VI, 8.

²⁾ А. Говоровъ, ц. соч., стр. 310.

³⁾ V, 5.

⁴⁾ IV, 123.

⁵⁾ III, 193.

⁶⁾ IV, 7.

праздникъ. Молитвы «утреннія и вечернія»¹⁾—первообразы таковыхъ же нашихъ молитвъ. «Молитва въ болѣзни»²⁾ послужила образцомъ для составленія нашего молитвословія «О недугующихъ». «Запрети болѣзни, запрети словомъ Своимъ»—церковь повторяетъ за св. Григоріемъ и доселѣ. Изъ «Молитвы шествующаго въ путь»³⁾ въ церковной молитвѣ «О путешествующихъ хотящихъ» буквально повторяются мѣста о посланіи Ангела путеводителя, о изведеніи и невредимомъ возвращеніи домой.

Таковы святыя гимны и псалмы св. Григорія, которымъ минули тысячелѣтія; при каждомъ своемъ повтореніи они сохраняютъ всю свою новизну и прелесть, свидѣтельствуя о духовности своего пѣвца.

Другимъ видомъ пастырскаго служенія св. Григорія нужно признать его *письма*, столько же многочисленныя⁴⁾, сколько разнообразныя по содержанію, относящіяся къ лучшимъ произведеніямъ словесности. Св. Григорій любилъ писать письма и умѣлъ писать ихъ. Ни одно изъ нихъ не написано небрежно, но каждое обработано мастерски. Они большею частью кратки, но въ томъ-то онъ и полагалъ ихъ достоинство, судя впрочемъ о длинѣ рѣчи по содержанію, а не по числу буквъ. «Писать лаконически не то, какъ ты объ этомъ думаешь,—наставляетъ онъ Никовула,—не просто написать немного словъ, но въ немногихъ слогахъ заключить многое»⁵⁾. Въ другомъ письмѣ къ тому же Никовулу, на просьбу послѣдняго научить, какъ писать письма, онъ даетъ рядъ наставленій, коимъ должно удовлетворять хорошее письмо. Отъ послѣдняго требуется, чтобы оно было не слишкомъ длинно, не слишкомъ коротко: «мѣрю для письма служить необходимость; оно дол-

¹⁾ V. 8—9.

²⁾ V. 9.

³⁾ Ibid, 10

⁴⁾ Всего 238

⁵⁾ ц. 18—VI, 107.

жно быть ясно, для чего нужно избѣжать слова книжнаго и болѣе приближаться къ слогу разговорному, чтобы могло угодить и неученому и ученому; далѣе, нужно писать пріятно: не вовсе сухо и жестоко, не безъ искусства, т.-е. когда письмо не лишено мыслей, пословицъ, изреченій, остротъ. Но въ употребленіи ихъ нужна осторожность: безъ нихъ письмо грубо, а при излишествѣ ихъ оно напыщено¹⁾. Наконецъ оно должно быть естественно¹⁾).

Всѣмъ этимъ требованіямъ письма св. Григорія вполнѣ удовлетворяли: онъ никогда не упоминалъ о предметахъ пустыхъ, недостойныхъ вниманія; когда же пишетъ даже объ обыкновенныхъ предметахъ, рѣчь его ясна, остроумна и изящна; языкъ обработанный, но не изысканный; тонъ выдержанный, свидѣтельствующій о глубокомъ сознаніи авторомъ своего достоинства. Таковы онѣ съ внѣшней стороны.

Что касается внутренней стороны, то письма, какъ переписка частная, интимная, не предназначавшаяся при написаніи къ опубликованію, и нараставшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ различныхъ состояніяхъ духа, при различныхъ положеніяхъ,—вводятъ насъ въ самую душу пастыря, открываютъ намъ завѣсу его святая святыхъ, сокрытую отъ постороннихъ взоровъ офиціальными отношеніями. Въ нихъ излилась вся высокая душа великаго пастыря; въ нихъ запечатлѣлись всѣ его завѣтныя думы, наблюденія, скорби, радости.

Поэтому, письма св. Григорія цѣнны или, лучше сказать, безцѣнны въ двухъ отношеніяхъ: какъ автобіографическій матеріалъ для правильнаго пониманія личности его, и какъ незамѣнимый матеріалъ для сужденія объ одной изъ главнѣйшихъ обязанностей пастыря—частнаго душепопеченія. Въ первомъ случаѣ, письма знакомятъ насъ съ наклонностями, привязанностями, домашними занятіями и съ преобладающимъ на-

¹⁾ п. 19,—VI, 108—109.

строеніемъ души его. Здѣсь изъ тысячи мелочныхъ штриховъ создается цѣльный образъ, характерный для даннаго лица, и тѣмъ болѣе достовѣрный, что онъ, по происхожденію, не преднамѣренный, случайный. Письма—мозаичный портретъ автора. Во второмъ случаѣ намъ открывается область нравственно-педагогическаго водительства пасомыхъ ко спасенію, сообразно настроенію, положенію и нуждамъ каждаго,—достигаемая не внѣшне-официальными мѣрами, а частными, интимными.

Эта сторона дѣятельности пастыря, драгоцѣнная для нашего изслѣдованія, не можетъ быть такъ скоро опредѣлена и формулирована, какъ другія стороны: она, можно сказать, не имѣетъ своей точно намѣченной и разграниченной области, а соприкасается со всѣми формами пастырскаго служенія, входя во всѣ его отправленія. Это есть тотъ драгоцѣнный духъ, та степень личнаго участія, которую вкладываетъ пастырь отъ себя въ дѣло духовнаго совершенствованія паствы, въ связи ли съ исполненіемъ прямыхъ обязанностей своего служенія, или независимо отъ нихъ. Обязанность эта безусловно важна въ дѣлѣ воспитательнаго воздѣйствія на паству. Здѣсь пастырь становится непосредственно лицомъ къ лицу къ своей паствѣ, раскрываетъ предъ ней свою душу. Здѣсь онъ является не какъ ученый или ораторъ, а какъ близкій человѣкъ, наставникъ-руководитель, отецъ-воспитатель.

По причинѣ интимности и сердечности своего характера, эта сторона дѣятельности обычно остается въ тѣни отъ наблюдателя въ сравненіи съ другими проявленіями пастырской дѣятельности—управленія, учительства и священнодѣйствія, и можетъ быть раскрыта только въ письмахъ. Въ нихъ предъ взоромъ наблюдателя живо встаетъ во всемъ своемъ величіи нравственный образъ пастыря-воспитателя, заботящагося о благѣ и мирѣ всѣхъ церквей, о сохраненіи истинной вѣры, о единомысліи братіи, и проявляющаго глубокую сострадательность и попеченіе о несчастныхъ и нуждающихся, великодушіе при собственныхъ несчастяхъ, нестяжательность, строгое воздержаніе, ми-

ролюбивое обращеніе съ людьми, въ особенности же съ врагами, пламенную дружбу съ достойными людьми, душу богато-одаренную, неистощимую на добро и любовь.

Нужно замѣтить, что предметомъ пастырской заботливости св. Григорія являлась не одна только забота о спасеніи душъ пасомыхъ, но и участіе въ ихъ временныхъ нуждахъ, дѣла любви и милости, настолько драгоцѣнные, насколько онѣ были проникнуты христіанскимъ духомъ. Обращаясь къ многочисленнымъ письмамъ, написаннымъ св. Григоріемъ за послѣдній періодъ, во время уединенія, послѣ оставленія управленія, мы видимъ, что этотъ способъ пастырскаго служенія онъ особенно развилъ въ это время. Ко всѣмъ, кто только можетъ помочь, онъ обращается съ своими письмами: къ приближеннымъ царя, начальникамъ областей, епископу столичной Церкви, окружному митрополиту, ученымъ и др. частнымъ лицамъ ¹⁾. Всѣ нуждающіеся находятъ въ немъ своего заступника; цѣлые города, возмущившіеся противъ жестокости властей, оклеветанный епископъ, лишенный сана священникъ, попавшій суду діаконъ, дѣва, вдова, потерявшій на службѣ свое здоровье воинъ, учащіеся, сироты, люди невинно оклеветанные, притѣсняемые и т. д. ²⁾, всѣ находятъ у него защиту и покровительство. Однихъ онъ ободряетъ ³⁾, другихъ утѣшаетъ ⁴⁾, третьихъ примиряетъ ⁵⁾, этихъ поощряетъ къ внутренней жизни, тѣхъ поддерживаетъ въ гоненіяхъ ⁶⁾, за весьма многихъ ходатайствуетъ, испрашиваетъ милостей ⁷⁾, съ учеными онъ поддерживаетъ ученую переписку, обмѣниваясь и посылая имъ книги и рекомендуя имъ юношей ⁸⁾. Онъ то убѣждаетъ и на-

¹⁾ п. 85, 73, 92, 139, 156, 151, 152, 167 и мн. др. (VI т.).

²⁾ п. 139, 232, 111, 141, 117, 140, 238, 143, 144 и мн. др. (VI т.).

³⁾ п. 177, 180, 216.

⁴⁾ п. 182, 195, 200, 213.

⁵⁾ 65—68, 90, 106—107, 112, 122, 139, 151, 152, 154, 156.

⁶⁾ 188, 204—206, 59

⁷⁾ п. 74—76, 86, 109, 111, 115, 116—119, 123, 139, 143, 144, 148, 155, 157, 147, 164, 173, 187, 193, 194, 196—201, 211, 226, 227, 235 и др.

⁸⁾ п. 145, 180, 231, 238.

ставляетъ въ любомудренной жизни ¹⁾, то обличаетъ за допущеніе въ посты зрѣлищъ, за неправильное толкованіе заповѣди апостольской о яденіи и за нечистое общеніе съ женщинами ²⁾. Съ друзьями онъ поддерживаетъ дружественную переписку ³⁾, тяготясь разлукою съ ними ⁴⁾, заочно бесѣдуя о вѣрѣ и радуясь обращенію ихъ въ христіанство ⁵⁾. Нѣтъ такого дѣла, въ коемъ не сказалось бы благотворное участіе святителя: семейная радость по случаю бракосочетаній ⁶⁾, семейное горе по случаю внутреннихъ раздоровъ ⁷⁾, развода ⁸⁾, равно находятъ въ немъ то благожелательствующаго друга, то авторитетнаго примирителя.

Заботы о людяхъ, посвятившихъ или желающихъ посвятить себя любомудренной жизни, были для него любимѣйшими. Старицу Феклу, поселившуюся съ дѣтьми около обители св. мучениковъ въ Карвалахъ и лишившуюся брата, а затѣмъ и личнаго руководства св. Григорія, онъ утѣшаетъ письмами. «Благодарю Бога, что увидѣлъ я твердость твоей вѣры въ христіанство и похвальное уединеніе и любомудрое отшельничество» ⁹⁾. Ритора Евдоксія, пользуясь случаемъ, убѣждаетъ къ любомудренной жизни. «Называясь риторомъ, скорѣе по **всему** годенъ ты въ риторы, только не по нравамъ... Не останавливайся въ любомудріи на томъ, что уже пріобрѣлъ, и быть вторымъ въ дѣлѣ второстепенномъ не предпочитай первенству въ важнѣйшемъ... Прейдемъ отсюда, станемъ мужами, бросимъ грезы, не будемъ останавливаться въ тѣняхъ»... ¹⁰⁾. Оморфонію выражаетъ радость по поводу его любомудренной

¹⁾ п. 135, 136, 137, 138, 215, 217, 223, 224.

²⁾ п. 93, 94, 190.

³⁾ п. 87, 174, 229, 236.

⁴⁾ п. 82—84, 166, 167, 186.

⁵⁾ п. 188, 204—206, 59, 63, 185.

⁶⁾ п. 171, 172, 191, 192, 219.

⁷⁾ п. 134, 17.

⁸⁾ п. 113, 114.

⁹⁾ п. 213—215.

¹⁰⁾ п. 135—VI, 202—203.

жизни. «Слышу, что живешь отшельнически; о, если бы ты сталъ у насъ Иоанномъ Крестителемъ или Илією Кармилигомъ» ¹⁾. Но ободряя ли, или утѣшая, св. Григорій всегда имѣетъ въ виду духовно-нравственную сторону дѣла и всегда присовокупляетъ назиданіе. Болящаго Филагрія онъ утѣшаетъ въ несеніи недуга ссылкой на свое примѣрное терпѣніе, на ученіе о терпѣніи классиковъ — Анаксарха, Епиктета, Сократа — и на ихъ личные примѣры, ободряетъ духъ его напоминаніемъ о совмѣстномъ толкованіи въ Матазѣ псалмовъ, посылаетъ ему книги, примиряетъ его съ своимъ положеніемъ ²⁾. Св. Григорія Нисскаго, лишившагося супруги Θεοσ-віи, онъ спѣшитъ лично навѣстить, чтобы умиротворить душу его, взволнованную потерю, но, задержанный въ Евфиміадѣ, шлетъ ему письмо ³⁾. Немессія, правителя Каппадокіи, рядомъ писемъ убѣждаетъ въ превосходствѣ христіанской вѣры, въ чемъ и успѣваетъ, склонивъ ученаго адвоката къ крещенію. Но перемѣщеніе его изъ Каппадокіи не дало св. Григорію возможности докончить начатое дѣло. Тогда онъ посылаетъ ему цѣлое стихотвореніе, посвященное вопросамъ вѣры, укрѣпляя поспѣянное въ его душѣ ⁴⁾. Богатаго юношу Аделфія поощряетъ къ духовной жизни и укрѣпляетъ его въ правилахъ нравственности. Когда же онъ соблазняется обращеніемъ съ дѣвами, обличаетъ и наставляетъ его ⁵⁾. По случаю брака дочери Діокла, высказываетъ свой взглядъ на порядокъ празднованія браковъ ⁶⁾. Не имѣя возможности быть на бракѣ дочери Прокопія — Олимпіады, извиняется, шлетъ благожеланія и совѣты Олимпіадѣ объ обязанности жены-христіанки ⁷⁾. Въ письмахъ къ Θεодору развиваетъ ученіе о клятвѣ ⁸⁾.

¹⁾ п. 210—VI, 262.

²⁾ п. 174—181

³⁾ п. 182.

⁴⁾ 184—187:—V, 215.

⁵⁾ п. 188—190

⁶⁾ п. 192.

⁷⁾ п. 171—V, 203.

⁸⁾ п. 220.

Вотъ нѣсколько чертъ изъ пастырской попечительности св. Григорія. Много онъ заботился и о матеріальномъ благоденствіи всѣхъ, кто обращался къ нему.

Особенно много заботъ выпало на долю св. Григорія по устроенію сиротъ-родственниковъ, оставшихся на его рукахъ послѣ смерти сестры Горгоніи и ея мужа Алипія,—племянницы Алипіяны съ мужемъ Никовуломъ. Заботливость св. Григорія объ этомъ семействѣ не знала границъ. Онъ входилъ во всѣ ея нужды, оказывалъ помощь во всѣхъ ея невзгодахъ. Внучатому племяннику Никовулу онъ старается дать самое лучшее воспитаніе. Отправляя его въ свою «митрополию наукъ»—Кесарію Каппадокійскую, онъ проситъ епископа ея Елладія принять участіе въ судьбѣ ученика. «Вотъ тебѣ и напоминаніе о нашей дружбѣ,—дрожайшій сынъ Никовулъ, о которомъ забочусь преимущественно предъ всѣми моими родными»,—пишетъ онъ Елладію. «Великую сдѣлаешь мнѣ милость, представивъ его ревностнѣйшимъ изъ наставниковъ, а еще большую окажешь милость, пріучивъ нравъ его къ добродѣтели» ¹⁾. О томъ же проситъ и начальника города Африкана ²⁾. Когда же наставникомъ Никовулу былъ избранъ Стагирій, онъ пишетъ ему: «ты образуетъ въ словѣ, а я въ нравахъ... Много у меня съ тобою общаго, но одно все замѣняетъ,—это дражайшій сынъ нашъ Никовулъ; дѣлая ему добро, докажешь и свою ученость и нашу дружбу» ³⁾. Софисту Евстахію, обидѣвшемуся, почему не ему порученъ былъ Никовулъ, св. Григорій отвѣчаетъ указаніемъ на его занятіе только софистикой, приносящею часто вредъ юношамъ, а не добродѣтель ⁴⁾, и успокаиваетъ его посылкою къ нему Проніа ⁵⁾. Евдоксію ритору онъ поручаетъ еще остальныхъ дѣтей Нико-

¹⁾ п. 126.

²⁾ п. 127-е.

³⁾ п. 128-е VI, 196

⁴⁾ п. 129—ib.

⁵⁾ п. 131—VI, 199

вула-отца, убѣждая смотрѣть и за Никовуломъ-сыномъ, расположеннымъ къ лѣни ¹⁾). Затѣмъ, когда дѣти Никовула были отправлены учиться скорописи въ г. Тіуны, онъ проситъ еп. Θεодосія «отечески и благосклонно воззрѣть на нихъ и помѣститъ ихъ вблизи церкви» ²⁾). Онъ искренно радуется, когда Никовулъ исправился и началъ успѣвать въ наукахъ ³⁾).

Приведенные для образца примѣры Григоріевой заботливости свидѣлствуютъ, какъ сердечно и внимательно оказывалъ онъ свою помощь. При этомъ онъ любилъ доводить ее до конца. Когда, напр., то же семейство Никовула было замѣшано въ дѣлѣ возмущившихся рабовъ и ему грозило тяжелое наказаніе, обращеніе въ рабство,—св. Григорій употребилъ всѣ силы, чтобы спасти невинно оклеветанныхъ. Онъ ходатайствуетъ за нихъ предъ правителемъ области Олимпіемъ и его чиновникомъ Астеріемъ ⁴⁾). Когда же оба они оставили свои должности ⁵⁾, св. Григорій проситъ и ихъ замѣстителей—Григорія Архонта и его чиновника Екивогія—оказать покровительство теперь уже осиротѣвшей семьѣ Никовула, подвергшейся самымъ затруднительнымъ обстоятельствамъ ⁶⁾). Такъ какъ дѣло это было перенесено въ Константинополь, то св. отецъ проситъ участія въ немъ Нектарія патріарха. «Чтобы ты сдѣлалъ, если бы я самъ лично имѣлъ дѣло? Очевидно, приложилъ бы все свое стараніе избавить меня отъ обиды... Ту же милость окажи мнѣ въ лицѣ благонравнѣйшей моей племянницы... Самая большая для меня милость—скорость благодѣянія»,—писалъ онъ ему ⁷⁾).

Заботился онъ и о другихъ своихъ родственникахъ—Евфиміи, Елладіи, Евлаліи, дѣвѣ Амазоніи, Евстратіи, Валенти-

¹⁾ 132—134, ib

²⁾ 140—VI, 209.

³⁾ 138—VI, 219

⁴⁾ 161—162, 163, 165.

⁵⁾ п. 166—167.

⁶⁾ п. 168—169—VI, 228—229

⁷⁾ 170—VI, 230.

ніанъ ¹⁾). Однимъ онъ писалъ рекомендательныя, другимъ защительныя письма. Но, повторяемъ, заботы о родственникахъ не были исключительными: всякому нуждающему св. Григорій готовъ былъ оказать помощь, поддержку, покровительство, преподать наставленіе и совѣтъ ²⁾).

Письма св. Григорія, глубокосодержательныя въ отношеніи къ пастырской дѣятельности, представляютъ, какъ мы выше сказали, и единственный матеріалъ для біографіи св. отца. Изъ нихъ мы узнаемъ, напр., что въ послѣдніе годы жизни его любовь къ уединенной созерцательной жизни достигла своего полного развитія. Не говоря уже о Аріанзскомъ сельскомъ уединеніи, постоянномъ мѣстопребываніи его по возвращеніи изъ Константинополя, св. Григорій часто удалялся въ монастыри, въ коихъ предавался любимымъ подвигамъ аскетизма.

Такъ напр., въ постъ св. čtyрeдeсятици 382-го года, онъ удалился изъ Назіанза въ обитель Ламиса, гдѣ и наложилъ на себя подвигъ молчанія въ теченіе поста. О причинахъ, побудившихъ его наложить на себя этотъ подвигъ, св. Григорій такъ говоритъ: «Было время, когда я имѣлъ очень много твердости въ нравахъ. Христось Царь велъ меня на противника, а въ сердцѣ у меня была вѣра, тверже адаманта; отовсюду ограждался я крѣпкими стѣнами, не оскверненный умъ свой назидалъ Словомъ Божиимъ, извергалъ соленую горечь книгъ, эту фальшивую красоту, а кипучую плоть изнурялъ многими и частыми трудами. Отнялъ у чрева наглость пресыщенія и неразрывное съ нимъ неистовство, утвердилъ око, пересилилъ гнѣвъ, связалъ члены, заградилъ смѣхъ. Все покорилося тогда Слову, все у меня умерло. Голая земля была у меня ложемъ, боль въ бокахъ, жесткія одежды служили пособіемъ къ бдѣнію и извлекали у меня слезы. Днемъ сгибалъ я свой хребетъ, а во всенощныхъ пѣснопѣніяхъ стоялъ въ прямомъ положеніи, не зная свойственной людямъ привязан-

¹⁾ 75, 181, 120, 141, 184.

²⁾ Напр., дѣло Сакердота—п. 196, 211. VI, 252—262

ности къ удобствамъ жизни. Такъ было тогда. А теперь, когда постигла меня болѣзнь и изнурила старость, впалъ я въ новое злостраданіе. У меня неукротимый и добродѣчивый языкъ; онъ-то всегда предавалъ меня множеству напастей руками завистника. А для того, чтобы не давать врагу торжества, умолкни, умолкни, любезный языкъ; и ты, перо мое, пиши слова безмолвія, рассказывай глазамъ вѣщанія сердца»... «Когда связалъ я плоть на 40 дней, тогда привелъ въ непоколебимость умъ, жилъ вдали одинъ отъ всѣхъ, собравшись весь въ себя, чтобы научиться соблюдать мѣру въ словахъ. Надѣюсь, что послѣ сего изъ устъ моихъ не выльется лишняго слова... Языкъ всего пагубнѣе для людей. Это—конь, всегда убѣгающій впередъ, это самое уготованное оружіе. Ничто не удержитъ языка, скорого на слово,—ни человекъ, ни снѣгъ, ни потокъ, ни каменный утесъ. Много срамнаго изрыгаетъ языкъ—ложь, похотливыя слова, убійство. Кто исчислить всѣ тѣ огорченія, какія причиняетъ языкъ? Злого дѣлаетъ добрымъ, а добраго погубить, и все это опять переиначить. О! если бы онъ тотчасъ омертвѣлъ у людей злыхъ... Слово, какъ скоро сорвется съ многозвучнаго языка, неудержимо буйствуетъ и не возвращается назадъ. Примѣтивъ, что стремительность бѣглаго слова не знаетъ ни вѣса, ни мѣры, я избобрѣлъ наилучшее врачество—совершенно удержалъ слово въ высокоумномъ сердцѣ, чтобы языкъ мой научился наблюдать, что ему можно говорить и чего нельзя. Укрощая же слово, ты укрощаешь и волненіе гнѣва»¹⁾).

Вотъ мотивъ, побудившій подвижника наложить на себя обѣтъ молчанія. Своимъ примѣромъ обузданія языка онъ имѣлъ въ виду не столько свои личныя немощи, но, главнымъ образомъ, тѣ злоупотребленія языкомъ и словомъ, кои обычны были въ то время. Самымъ дѣломъ онъ хотеть научить окружающихъ его, какъ опасно давать языку свободу

¹⁾ „На безмолвіе“, IV, 187—291.

при его силѣ, и какъ необходимо полагать дверь своимъ устамъ. «Таковы, любезнѣйшій, поученія моего безмолвія; такъ говоритъ тебѣ моя рука, выражающая мысли» ¹⁾. И онъ былъ вѣренъ этому своему принципу. Въ Ламисскомъ уединеніи св. Григорія посѣтилъ Келевсъ архонтъ, градоначальникъ Назіанза. Отшельникъ не нарушилъ для него своего подвига. Архонтъ обидѣлся. Св. Григорій по сему случаю рассказываетъ ему въ письмѣ басню о ласточкахъ и лебедяхъ, съ цѣлью примѣромъ лебедей, поющихъ мало и при немногихъ лицахъ, отучить его отъ говорливости ²⁾. «Если кто принимаетъ это—прекрасно; а если нѣтъ, то молчаніе и тѣмъ для меня выгодно, что не отвѣчаю другимъ ³⁾»,—вотъ какую пользу видѣлъ онъ въ молчаніи. Свой обѣтъ св. отецъ снялъ вмѣстѣ съ постомъ къ Пасхѣ: «Со Христомъ умертвилъ я языкъ, когда постился; и разрѣшилъ вмѣстѣ съ Воскресшимъ. Такова тайна моего молчанія» ⁴⁾. Разрѣшилъ духоноснымъ «Словомъ на Пасху» ⁵⁾, о коемъ упоминалось выше.

Другимъ мѣстомъ аскетическихъ подвиговъ св. Григорія была обитель Саннавадаинская, возглавляемая блаженнымъ Лавкадіемъ. Когда сей старецъ умеръ, св. Григорій утѣшилъ осиротѣвшее братство замѣчательно теплымъ письмомъ, въ коемъ высказалъ взглядъ на сѣтованіе объ умершихъ. «Для имѣющихъ умъ нѣтъ повода къ слезамъ въ томъ, что случилось по смотрѣнію Божію... Совѣтую вашему благолѣпію, взирая другъ на друга, имѣть всегда предъ очами его (почившаго); ибо того желаю, чтобы каждый и каждая изъ васъ отпечатлѣвали въ себѣ жизнь блаженнаго... Да отпечатлѣваются въ жизни вашей его чистота, негнѣвливость, смиренномудріе, дѣятельное любомудріе, непрестанное стремленіе

¹⁾ Ibid

²⁾ Письмо 92--VI, 172.

³⁾ п. 96--VI, 175.

⁴⁾ п. 98--ib

⁵⁾ Слово 45--IV, 123

души къ Богу, неразвлекаемость прелестями міра сего, чтобы, видя сіе, другъ въ другѣ изобразить ему памятникъ въ себѣ самихъ»—писалъ онъ ¹⁾).

Это письмо, а также и аналогичныя ему 213, 214 и 215, наглядно показываютъ, какимъ путемъ св. отецъ каждый случай жизни умѣлъ и старался использовать въ видахъ пастырскаго назиданія.

Третьимъ любимымъ мѣстомъ его уединенія была обитель св. мучениковъ въ Карвалахъ. Мирное пребываніе здѣсь св. отца было прервано поступкомъ Валентиніана, поселившаго около нея какихъ-то женщинъ. «Самымъ нечестивымъ образомъ гонять насъ изъ Карвалы, гонять не словомъ—но самымъ дѣломъ и весьма жестоко,—жаловался онъ.—Ибо гораздо было бы лучше объявить приказъ объ удаленіи явнымъ предписаніемъ, нежели нарушать святость нашей жизни поселеніемъ женщинъ прямо противъ насъ и присовокупленіемъ ежедневнаго позора и хулы отъ свободно ругающихся надъ избравшими такую жизнь, какова наша» ²⁾).

Св. отецъ оставилъ намъ свидѣтельства той внутренней борьбы съ помыслами и аскетическихъ его подвиговъ, коими подвижникъ шелъ на пути духовнаго совершенствованія. «Блаженъ, кто ведетъ пустынную жизнь и не имѣетъ общенія съ привязанными къ землѣ, но обожилъ свой умъ»—восклицалъ онъ ³⁾). Борьба съ привязанностью къ землѣ заставляла св. отца и уходить въ пустыню, и полагать печать своему языку, и усиливать свои подвиги. «Чего тебѣ хочется, спрашиваю душу свою? Что для тебя важно и что маловажно изъ высоко цѣнимаго смертными? Хочешь владычествованія богатствъ? Этого не дамъ тебѣ: это тебѣ получить не полезно. Или ты хочешь престоловъ и начальства, этого кратковременнаго киченія? Не хочешь ли связать себя бракомъ? Не желаешь ли

¹⁾ п 195: VI, 251

²⁾ п 212; VI, 263.

³⁾ IV, 224

этой сладостной болѣзни—заботы о благочадіи? Не хочешь ли гремѣть словомъ и собирать вокругъ себя зрителей? Хочешь ли славы и чести?... Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Поелику я—душа-владычица сопряжена съ тобою пищеваромъ, то скажи: чего ты хочешь себѣ? Я должна тебѣ немногимъ, хотя стараешься вынудить у меня многое. Хочешь ли имѣть столъ, благоухающій отъ мира и излишнихъ поварскихъ ухищреній, слышать нѣжные звуки музыки, видѣть пляски юныхъ отсковъ и круженія дѣвъ, неблагочинно обнаженныхъ, чтобы еще болѣе разгорячить вино, омрачающее умъ? Если этого хочешь ты отъ меня, то скорѣе получишь удавку. Пусть скроетъ тебя ущелье, одеждою пусть будетъ у тебя или верблюжій волосъ, или даже кожа, покровъ древней наготы. Для ложка бери, что случилось. Трапеза—изъ тѣхъ даровъ, которые земля предлагаетъ каждому. А устроивъ тебѣ помѣщеніе и напитаю тебя охотно. Хочешь ты ѣсть?—Бери себѣ хлѣбъ, если случится, даже и постный. А для варенья безъ мѣры дамъ тебѣ соль и дикий лукъ—некупленный овощъ; другою лучшею приправой да будетъ у тебя голодъ. Хочешь пить? Предъ тобою струится вода, всегда черезъ край льющаяся чаша, питье, не производящее опьяненія... А если хочешь и пороскошничать, то не пожалѣемъ укуса. Тебѣ и этого недостаточно? Ты неутоимо и ненасытно хочешь черпать удовольствіе дырявою бочкою? Ищи же себѣ другого попечителя, а у меня нѣтъ досужаго времени лелѣять своего домашнего врага, который бы уязвилъ меня, какъ окостенѣвшая отъ стужи и потомъ въ нѣдрѣ моемъ отогрѣтая змѣя» ¹⁾).

Хотя и вся жизнь св. Григорія была постояннымъ подвижничествомъ, тѣмъ не менѣе, теперь, когда столько перенесъ подвиговъ, борьбу съ своею плотью онъ не считалъ оконченною. «Гибельная плоть—корень многовидныхъ страстей, подруга дальняго міра, противница небесной жизни. Плоть—мой

¹⁾ V, 166—168.

врагъ и другъ, пріятная война, невѣрное благо, брєніе, грязная цѣпь, неукротимый звѣрь, негодная кипучесть, гробъ и узы царя твоего—небеснаго образа, который получилъ я отъ Бога. Еще ли не положишь конца безстыднымъ порокамъ, не покоришься духу и сатанѣ, о, окаянная злоумышленница?! Окажи мнѣ уваженіе, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду къ душѣ моей!.. Посѣтите-жъ меня, наконецъ, очистительный источникъ слезъ и бдѣніе тѣла и ума, чтобы устудился во мнѣ пламень, омылась зловонная гнилость мучительныхъ страстей! Откажись отъ пресыщенія, чрево; изсохните, преклонныя къ землѣ колѣна; пепелъ да будетъ мнѣ хлѣбомъ, жестокое вретище да покрываетъ изнѣженные члены, служа огражденіемъ обуреваемой душѣ!.. Таковы мои врачества отъ неразумія»¹⁾).

Но поборанія плоти все еще весьма сильны и беспокоютъ подвижника, оскверняя его душу. «Наступила старость, ослабли члены. Если же возставшая плоть, явно или тайно, приходитъ еще въ бѣшенство и, что всего прискорбнѣе, таинника небесныхъ жертвъ дѣлаетъ нечистымъ, то заклинаю тебя, плоть, державою великаго Бога или чернымъ для нечестивцевъ днемъ, удержишься отъ наглости!»²⁾ Чѣмъ выше подвигался св. Григорій по степенямъ умерщвленія въ себѣ страстныхъ движеній грѣха, чѣмъ чище становилась его душа, тѣмъ замѣтнѣе для подвижника было самое наималѣйшее уклоненіе отъ всецѣлаго служенія Богу. Творенія послѣднихъ лѣтъ жизни даютъ намъ яркую картину того душевнаго состоянія, которое переживалъ подвижникъ. Она весьма поучительна.

Если человѣку любомудрому всегда свойственно глядѣть внутрь самого себя и возможно чаще свѣрять свою жизнь съ закономъ нравственнымъ, чтобы оплакивать уклоненія отъ него, то въ исключительные періоды жизни, особенно когда проявляются зловѣщіе признаки разрушенія темницы духа—

¹⁾ V, 23—24.

²⁾ Ibid., 25

тѣла, вполне естественно оглянуться на весь пройденный путь, подвести итогъ, исправить что можно, оплакать, прибѣгнуть къ милосердію Божію, исповѣдавъ Его величіе и свою человѣческую немощь. Въ элегіяхъ св. Григорія эта заключительная стадія жизненнаго подвига вылилась замѣчательно рельефно, живописно, глубоко.

Въ самомъ дѣлѣ, позади жизнь, исполненная потерь, испытаній и горестей; впереди—смерть безъ родственныхъ утѣшеній, безъ теплаго участія близкихъ сердцу. Въ настоящемъ—печальное одиночество, мучительное чувство отъ болѣзненныхъ страданій, горькое сознаніе своего недостойнства предъ Богомъ; въ будущемъ—нагота души. Результатомъ всей пережитой жизни осталась ужасная борьба двухъ началъ, борьба, раздирающая душу, не дающая успокоенія. Какая же цѣль человѣческой жизни? Куда онъ стремиться?—Ити къ Богу и быть Богомъ. «Несомнѣнно, что человѣкъ есть тварь и образъ великаго Бога. Какъ отъ Бога всякій испелъ, такъ къ Богу и идетъ, если вождемъ своей жизни имѣетъ Христа, и совлекишисъ плоти и противободствующей дебелости, хочеть стать Богомъ и духомъ, чтобы чистыми очами ума созерцать самую истину и устами воспѣвать празднственную пѣснь» ¹⁾).

«Но не соблюлъ я досточтимыхъ таинствъ Божіихъ, хотя душа моя и посвящена въ тайны небеснаго восхожденія. Грубая персть гнететъ меня долу; не возмогъ я изникнуть изъ грязи и обратить око къ свѣту. Много на сердцѣ суетныхъ попеченій блуждающаго ума: они отдаляютъ отъ меня Христа, Который не терпитъ общенія съ чуждою для него душею... О, если бы приставлена была какая-нибудь дверь и къ глазамъ и къ устамъ моимъ, чтобы и видѣлъ и слышалъ я одно полезное... Какой же это править мною законъ? Отчего я на землѣ сталъ узникомъ плоти?... Я, образъ Божій вовлекаюсь въ грѣховность, худшее во мнѣ несправедливо проти-

¹⁾ IV, 248.

вится лучшему... Ибо два, точно два во мнѣ ума: одинъ добрый, а другой худшій» ¹⁾. «Часто заносилъ я ногу, чтобы шествовать къ небу, но тяжкія и снѣдающія сердце заботы низлагали меня на землѣ» ²⁾. «Вотъ путникъ пришелъ къ крутоберегой рѣкѣ и хочетъ ее перейти; но вдругъ поколебалась мысль; онъ медлитъ своей переправой; долго борется, стоя на берегу; не разъ заносилъ онъ ногу свою въ воду и не разъ отступалъ назадъ»... ³⁾. «Всегда я въ пути... то простираюсь вверхъ, то снова возвращаюсь назадъ съ большимъ прежняго срамомъ. Едва лишь сдѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ, тотчасъ слѣдуетъ паденіе. Долга моя жизнь, а не хотѣлось бы разставаться съ жизнью. Желаю уврачеванія» ⁴⁾. Причина тому немощь человѣка. «Кто я былъ? Сперва заключался я въ тѣлѣ отца, потомъ приняла меня мать, а потомъ я, сынъ срама, сталъ нѣчто сомнительное, безвидное, коему матерняя утроба служила гробомъ. И вотъ мы отъ гроба и до гроба живемъ для тлѣнія. Ибо въ этой самой жизни вижу одну трату лѣтъ, которая приносить мнѣ гибельную старость. Одно непреложно для однодневныхъ существъ—страданія. Безсиліе, нищета, рожденіе, смерть, вражда, злые люди—эти звѣри моря и суши,—всѣ скорби—вотъ жизнь! И какъ много я видѣлъ напастей, такъ не видалъ ни одного блага, которое бы совершенно было изъято отъ скорби» ⁵⁾. «Нѣтъ ничего немощнѣе человѣка... Жизнь это дикій потокъ, это волнуемое море, то здѣсь, то тамъ воскипающее отъ непрестанныхъ порывовъ вѣтра. Если вѣрно уставить вѣсы и взвѣсить все, что въ жизни пріятнаго и что прискорбнаго, то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая съ благами жизни побѣжитъ наверхъ. Война, трудъ, разбойники, имѣніе и пр.—все это дѣтскія игрушки въ мно-

¹⁾ IV, 248—252.

²⁾ 207.

³⁾ 194.

⁴⁾ 208.

⁵⁾ 212—214.

готрудной жизни. Посмотри и на пріятность жизни—пресыщеніе, пѣніе, смѣхъ, бракъ, гробъ; дѣти—тревожная скорбь, красота—невѣрная приманка, богатство и нищета—сугубое зло,—все это шаръ, летающій изъ рукъ въ руки у молодыхъ людей...»¹⁾. «Богатство—невѣрно, престолъ—киченіе сновидца; бѣдность—узы, красота—блескъ молніи, слова—летучи, слава—воздухъ, сила—достояніе дикаго вепря; все здѣшнее—смѣхъ, пухъ, тѣнь, роса, паръ, сонъ». Что за жизнь? «Человѣкъ есть Божія игра, кубарь, ходящій подъ ударами... Мы—легкое дуновеніе вѣтра»...

«Всякій въ этой жизни полагается на что-нибудь иное—на благородство крови, на прахъ и настоящую пышность; они ищутъ себѣ какого-нибудь ничтожнаго помощника. Я одинъ оставленъ Тебѣ Единому, Царь царей. Ты моя величайшая сила! У меня нѣтъ попечительной супруги, которая избавила бы меня отъ заботъ и своими ласками утѣшала бы сѣтующаго. Не веселятъ меня мѣлыя дѣти, кои ободряютъ старость. Не утѣшаютъ меня ни единокровные, ни друзья. Одно было у меня чудное утѣшеніе—общество мужей совершенныхъ и христоносныхъ. Но и они, ратоборствуя за Тебя, раздѣлились; ревность Божія незаконно расторгла законъ и согласіе любви, отъ которой осталось одно имя. Какъ иной, спасаясь отъ льва, набѣгаетъ на лютаго медвѣдя и, убѣжавъ отъ медвѣдя, съ радостью укрывается въ домъ и опирается рукою о стѣну, но тамъ неожиданно поражаетъ его змѣя: такъ и мы, избѣжавшему много страданій, нѣтъ врачества отъ бѣдствій... Что ни встрѣчаю, все-то болѣзненнѣе прежняго. Умилосердись, Христе, надо мною»!²⁾.

Подвижникъ подвергается искушеніямъ діавола и борется съ нимъ. «Царь мой Христосъ. Приди къ зовущему. Спаси меня. Стражду отъ брани, звѣрей, пламени, вѣтровъ, и на небо возвожу взоры... Меня не связало супружество, этотъ

¹⁾ IV, 218. 190.

²⁾ VI, 223, 242, 246—7, 292, VI, 203.

потокъ жизни, эти узы, тягчайшія изъ всѣхъ; меня не плѣнили прекрасныя волны шелковыхъ одеждъ; не любилъ я долгихъ трапезъ, великолѣпныхъ домовъ; серебро и золото предоставилъ я другимъ. Не важно для меня получить награды отъ царя при дворѣ, увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, ловить тѣнь и осязать ее... Но избѣжавъ всего этого, не избѣжалъ я невѣроятной вражды непріязненнаго, который съ лицомъ дружелюбнымъ строить мнѣ козни» ¹⁾. «Сѣдая голова и покрытое морщинами тѣло' преклонились уже у меня къ вечеру скорбной жизни. Но доселѣ не испивалъ я столь спльныхъ и многочисленныхъ горестей... Теперь, когда собрался я съ разумомъ и касаюсь уже предѣла жизни, какъ бы отъ упоенія нетверды стали стопы мои, и я, несчастный, иду излучинами, меня изнуряетъ брань съ пресмыкающимся змѣемъ. То простираю умъ къ Богу, то опять увлекаюсь въ худую слитность міра, и не малую часть души моей искажилъ смутный міръ... Сего-то грѣха боюсь и трепещу день и ночь, видя, какъ душа ниспадаетъ отъ Бога на землю, больше и больше сближается съ перестью, которой желалъ я избѣжать. Такъ на берегахъ осенней рѣки гордящуюся сосну или вѣчно-зеленый чинаръ, подрывшись подъ корни, погубилъ сосѣдній ручей... И на мою душу, цвѣтущую для Христа-Царя, напалъ жадный и неукротимый врагъ, завистливый велиаръ»...

«Бѣги отъ меня, злобный звѣрь, челоуѣкоубійца! Отойди. у меня въ сердцѣ Христосъ! Подкрѣпи снова въ небесныхъ надеждахъ, и мнѣ, угасающему, мнѣ, жаждущей свѣтильнѣ въ свѣтильникѣ, удѣли нѣсколько влаги, нѣсколько капель елея, чтобы я сподобился вѣчной жизни... Ахъ, помогите мнѣ, ангелы предстатели! Умоляю васъ, друзья, избавьте меня отъ него!» ²⁾

«Долго ли мнѣ сидѣть у гноиша? Какъ будто всѣ блага жизни заключены въ одномъ утѣшеніи—изо-дня-въ-день то

¹⁾ IV, 230—231.

²⁾ IV, 237, 245; V, 27.

принимать въ себя, то извергать отмѣренное... Всѣмъ я посвященъ. Другую даруй мнѣ жизнь и другой міръ, для котораго охотно несу всѣ тяжести трудовъ... Лучше бы мнѣ умереть, когда Ты заключилъ меня въ матернюю утробу... Лучше бы не вступать во врата жизни, чѣмъ, послѣ столькихъ скорбей, понести еще наказаніе, тяжелѣйшее здѣшняго. Одно благо— это небесныя надежды... Я умеръ для міра, а міръ умеръ для меня. Я—дышащій мертвецъ; моя жизнь въ иномъ мірѣ; я воздыхаю подъ дебелою плотью, которую мудрые прекрасно называютъ мракомъ ума... Оставивъ все, я имѣю одно—крестъ, свѣтлый столпъ моей жизни... Оставивъ весь міръ и всякое здѣшнее бремя, направляю парусъ въ небесную жизнь» ¹⁾).

Подвижника гнететъ земная суета. Все земное суетно. «Гдѣ крылатыя рѣчи? Въ воздухѣ. Гдѣ цвѣтъ моей юности? Погибъ. Гдѣ слава? Скрылась въ неизвѣстности... Теперь я, одинокій странникъ, скитаюсь на чужой сторонѣ, влача скорбную жизнь и дряхлую старость; не имѣю у себя ни престола, ни града, ни чадъ, хотя обремененъ заботами о чадахъ, и непрестанно скитаясь, день за днемъ провожу на ногахъ... Гдѣ сброшу съ себя это тѣло? Какая земля и какая страннолюбивая могила укроетъ меня въ себѣ? Кто положитъ перстъ на мои померкающія очи? Покину все земное счастье, даже сладостный солнечный свѣтъ, самое небо, звѣзды. Все это оставляю тѣмъ, которые послѣ меня. А самъ, съ повязкой на головѣ, какъ мертвецъ и бездыханный, возлягу на одрѣ, получу ненадолго похвалу, потомъ камень и подъ нимъ неумирающее тлѣніе. Впрочемъ не отъ этого смущается мое сердце; трепещу единственно правдивыхъ Божіихъ вѣсовъ» ²⁾).

Мысли о близкомъ концѣ жизни и предстоящемъ судѣ Божіемъ все болѣе и болѣе занимаютъ душу аскета. «Послѣдній подвигъ жизни близокъ, худое плаваніе кончено; уже вижу и казнь за ненавистный грѣхъ, вижу мрачный тартаръ, пламень

¹⁾ IV, 220—221, 234, 298.

²⁾ IV, 268; V, 21.

огненный, позоръ обличенныхъ дѣлъ. Но умиласердись, Блаженный, и даруй мнѣ хотя вечеръ добрый, взирая милостиво на остатки моей жизни»... «Цвѣтъ опалъ, приблизилось время жатвы. Побѣлѣли у меня волосы; гүмно призываетъ къ себѣ колосья; уже нѣтъ незрѣлости въ ягодѣ, близко собираніе гроздовъ. О, мой злой день! Какъ избѣгну его? Что со мною будетъ!»¹⁾

Мысль о пастырскомъ назиданіи своимъ примѣромъ и здѣсь является господствующею. «Пусть самъ я понесу свой жребій, — говоритъ онъ, — но вамъ, которые будете жить послѣ меня, даю заповѣдь: нѣтъ пользы въ настоящей жизни, потому что жизнь эта имѣетъ конецъ... Я сѣтую; болѣзнь обдержитъ мои члены... Впрочемъ, не столько сѣтую по причинѣ болѣзни, но гораздо болѣе озабочиваютъ меня малодушные; боюсь, чтобы изъ нихъ кто-нибудь не преткнулся, видя мои бѣдствія... Вспомни сіе, Великій, и помоги Своему служителю, не доведи меня до позорнаго конца жизни!»²⁾

Съ точки зрѣнія преподаванія пастырскихъ наставленій мы должны, въ силу сказаннаго самимъ Григоріемъ, глядѣть и на всѣ остальные его «Плачи» и «Покаянныя пѣсни», столь обильныя и богатыя раскрытіемъ внутренней духовной жизни св. отца.

Подвиги поста, молитвы, самоуглубленія и оплакиванія грѣховъ въ теченіе 6—7 лѣтъ Аріанскаго періода жизни приготавливали душу Григорія въ избранный сосудъ Божій и сдѣлали его достойнымъ лицезрѣнія св. Троицы, во славу Которой онъ такъ много потрудился въ жизни. Въ послѣднее время онъ усиленно взывалъ къ Богу о прекращеніи своей жизни, чтобы скорѣе войти въ тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ. «Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою сѣдую голову и пошли добрый конецъ жизни. Я утружденъ жизнью, едва перевожу дыханіе на землѣ, уязвляемый множествомъ бѣдствій отъ враговъ и отъ друзей, что и огорчаетъ меня чрезмѣрно.

¹⁾ V, 32.

²⁾ Ibid., 32, 35.

Потому плачу и припадаю къ Твоимъ колѣнамъ. Подай мертвецу Твоему кончину жизни, подай утружденному отдохновеніе и возведи меня къ легчайшей жизни, для которой терплю скорби и тысячи горестей»... ¹⁾

«Прощай міръ, прощай многотрудный, и пощади тѣхъ, которые будутъ послѣ меня ²⁾. Восхитивъ въ ангельскіе лики, приближь путника къ Небесному Чертогу, гдѣ слава единого великаго Бога, сіяющаго въ Трехъ Свѣтахъ» ³⁾.

Молитва праведника была услышана. Около 390 года, на 61 году жизни, онъ мирно почилъ въ Аріанзѣ.

Тѣло его было предано землѣ не въ Аріанзѣ, а въ Назіанзѣ, вмѣстѣ съ могилами его родителей. Его свѣтозарный духъ пріобщился къ Свѣту Невечернему, а святая мощи были оставлены землѣ, какъ залогъ правоты и чистоты его ученія. Въ 950 году онѣ были перенесены въ Константинополь и поставлены въ церковь св. Апостоловъ.

«Кто вспомняетъ о Григоріи, котораго воспиталъ каппадокійцамъ небольшой Діокесарійскій городъ?» — задавалъ онъ себѣ тревожный вопросъ. «Кто же восхвалитъ меня, который послѣ тебя, Василій, оставляю жизнь, если и доставлю слову нѣчто достойное похвалы?» — говорилъ онъ въ надгробномъ словѣ своему другу. Онъ почтилъ надгробными словами отца, брата Кесарія, сестру Горгонію, своего друга Великаго Василия, св. Аванасія Великаго. Но надгробнаго слова ему самому намъ не сохранила исторія, хотя живы были его знаменитые современники: св. Григорій Нисскій, св. Іоаннъ Златоустъ и др.

Какъ бы предчувствуя такой пробѣлъ, св. Григорій написалъ два надгробія—себѣ самому и на общую гробницу своего семейства.

«Здѣсь лежитъ любезный сынъ Григорія и Нонны, служитель Священной Троицы, Григорій, который мудростью уловилъ

¹⁾ IV, 258, 267.

²⁾ V, 27.

³⁾ IV, 258, 267.

мудрость и въ юности еще имѣлъ одно только бѣгство — пренебесную надежду».

«Я — одинъ камень — покрываю двоихъ знаменитыхъ Григоріевъ, родителя и сына, два равныхъ свѣтила, двухъ іереевъ. А этотъ камень заключилъ подъ собою благорожденную Нонну съ великимъ ея сыномъ Кесаріемъ. Такъ раздѣлили они между собой и сыновей и гробы. Но у всѣхъ одинъ былъ путь — въ горнее; у всѣхъ одна была любовь — къ жизни небесной» ¹⁾.

По духовному завѣщанію главной наслѣдницей своего имущества св. Григорій сдѣлалъ Церковь Назіанзскую, съ условіемъ, чтобы имущество его шло на благотворительныя цѣли. Затѣмъ перечисляются въ немъ и другіе наслѣдники его имущества. «Тѣхъ изъ моихъ рабовъ, которымъ я далъ свободу по личной волѣ или волѣ родителей, я объявляю отнынѣ вполнѣ свободными, а имущество ихъ объявляю неотъемлемою ихъ собственностью». Въ завѣщаніи не забыты никто изъ родственниковъ, близкихъ, сослужителей и слугъ. Всѣ они надѣлены то имуществомъ, то деньгами, то одеждами. Всѣ рабы или рабыни получили свободу или отданы Церкви ²⁾.

Такъ окончилось земное странствованіе того пастыря, коего «и жизнь была, по словамъ Руѣина, какъ нельзя быть неукоризненнѣе и святѣе; и краснорѣчіе — какъ нельзя быть блистательнѣе и славнѣе; и вѣра — какъ нельзя быть чище и правильнѣе, и вѣдѣніе самое полное и совершенное» ³⁾.

Если бы теперь, обозрѣвъ цѣложизненный пастырскій подвигъ св. Григорія, мы задали себѣ вопросъ: чѣмъ же руководился онъ въ своей пастырской дѣятельности, какая черта была главною и существенною, то должно отвѣтить, что это была любовь, чистѣйшая любовь къ людямъ и ревность объ ихъ совершенствованіи, ярко свѣтившіяся во всѣхъ его дѣлахъ и поученіяхъ, питаемая и поддерживаемая аскетическими

¹⁾ V, 319, 314.

²⁾ А. П. Лебедевъ, „Собраніе ц. ист. соч.“, т. X, стр. 453—4.

³⁾ Арх. Филаретъ. „Истор. ученіе объ отцъ церкви“, т. II, стр. 167.

подвигами, удалявшими изъ его души всякое страстное омраченіе. Онъ былъ всегдашнимъ слугою для всѣхъ, въ немъ нуждавшихся; онъ самоотверженно шелъ туда, гдѣ нужна была его помощь; онъ смиренно терпѣлъ безчестіе за имя Христово, подражая тѣмъ, къ сословію коихъ принадлежалъ уже при жизни.

Св. Церковь причислила Григорія Назіанза къ лику святыхъ, празднуя его память 25 и 30 января.

Святой Григорій оставилъ намъ значительное количество своихъ сочиненій, состоящихъ изъ словъ, писемъ и стихотвореній. Несомнѣнно принадлежатъ ему 45 словъ, 4 посланія, 158 стихотвореній и 238 писемъ. Трагедія «Страждущій Христосъ», долгое время приписываемая св. Григорію, принадлежитъ другому автору ¹⁾.

Сочиненія его цѣлювались самымъ высокимъ уваженіемъ въ Церкви, и еще при его жизни ихъ стали переводить на другіе языки. Они были предметомъ самаго внимательнаго изученія. Ни на чьи сочиненія не написано такъ много толкованій, какъ на творенія св. Григорія.

Церковь наименовала св. Григорія именемъ «Богослова», тѣмъ высокимъ именемъ, которымъ она почтила одного только Іоанна между апостолами и евангелистами. Этимъ она оцѣнила характеръ его ученія. Послѣ перваго Богослова, св. Григорій столь глубоко и высоко постигъ тайны Божества, сколько возможно постичь ихъ человѣку при свѣтѣ откровенія. Его мысль, какъ и мысль перваго Богослова, обращена была къ предвѣчному Слову. Древніе говорили: «Григорій—умъ—*νοῦς*: онъ зритъ безпредѣльнаго». Его возвышенность помысловъ, восходящая во внутреннее святилище Божьяго естества (насколько это доступно человѣку),—такая собственность св. Григорія, которою въ одинаковой мѣрѣ съ нимъ никто не обладалъ. Если онъ обращается къ разсудку, чтобы съ его помощью разрушить неправильныя построенія разсудка, то идея

¹⁾ Количество писемъ и стихотвореній насчитываютъ разное: писемъ до 243 и стихотвореній—до 408. Мы слѣдовали арх. Филарету.

ума о Безпредѣльномъ всегда съ нимъ, и отъ того всѣ разсужденія его, какъ бы зрѣніе ума. Св. Григорій употреблялъ разсудокъ на то, чтобы какъ можно точнѣе выражать мысли, откровенія о такой тайнѣ, какъ тайна св. Троицы ¹⁾. При всей образности выраженій и игрѣ словоопредѣленій, слова его съ изумительною точностью выражаютъ боговдохновенныя мысли о Тріипостасномъ. Поэтому-то и самые разномыслящіе не смѣли спорить о вѣрованіи св. Григорія. Богословъ имѣлъ полное право говорить новокрещенному: «если ты написалъ исповѣданіе вѣры въ Тріединого несогласно съ моимъ ученіемъ, поди сюда и дай мнѣ переписать: я искусно напишу» ²⁾.

И по требованію обстоятельствъ, и по особенной любви къ богословствованію, св. Григорій почти непрестанно обращался въ области догматическихъ предметовъ. Можно сказать, что онъ былъ Богословомъ по призванію свыше. «Когда я былъ отрокомъ и нѣсколько разумѣнія имѣлъ въ груди, тогда, слѣдуя какому-то прикровенному разуму и похвальнымъ обычаямъ, восходилъ я горѣ къ свѣтозарному престолу и неблуждающими стопами шель по царскому пути» — говоритъ онъ о себѣ ³⁾. Умосозерцаніе было отличительною чертою его духа. Потому-то онъ и любилъ уединеніе, что въ немъ свободно могъ уноситься мыслью въ надмірныя сѣферы. «Желалъ бы я стать или легкокрылымъ голубемъ, или ласточкой, чтобы бѣжать изъ человѣческой жизни, или поселиться въ какой-нибудь пустынѣ. Тамъ желалъ бы провести свою однодневную жизнь безъ заботъ, имѣя одно преимущество предъ звѣрями—умъ, который вѣдаетъ Божественное и небожественное. Тамъ собиралъ бы я свѣтъ къ свѣту... и, отринувъ весь міръ, бѣжалъ бы къ небу, гдѣ окрестъ Неизреченнаго Тройственнаго Свѣта сіяютъ многія красоты» ⁴⁾. А такъ какъ истины вѣры Христовой пред-

¹⁾ Арх. Филаретъ, п. соч 190.

²⁾ III, 262.

³⁾ IV, 243.

⁴⁾ IV, 263—264.

ставляютъ самый возвышенный матеріалъ для чистаго умо-созерцанія, то въ умопредставленіи ихъ св. Григорій погружался всецѣло, находя въ этомъ истинное наслажденіе. Поэтому-то и рѣчь о догматахъ у него—не сухая матерія, а проявленіе особеннаго воодушевленія, высшаго всякаго человѣческаго чувства. При изложеніи догматовъ онъ мало или вовсе не занимается филологическимъ разсмотрѣніемъ изреченій Св. Писанія. Въ этомъ отношеніи его ученикъ бл. Иеронимъ далеко превзошелъ своего учителя, но за то духъ Св. Писанія является живымъ началомъ богословствованія св. Григорія, и изъ этого духа онъ извлекаетъ каждую мысль.

По характеру и направленію своего догматическаго умозрѣнія св. Григорій принадлежитъ къ александрійской школѣ, къ тому новому ея направленію, представители котораго были поборниками идеи осуществленія теоріи соединенія философіи съ религіей, подъ условіемъ ограниченія разума и строгаго подчиненія его авторитету вѣры, при чемъ знаніе должно было не преобладать надъ вѣрою, а служить ея интересамъ, помогать въ изслѣдованіи и рѣшеніи вопросовъ христіанскаго вѣроученія, давая послѣднему только форму, но не касаясь сущности его содержанія. Въ своихъ теологическихъ изысканіяхъ св. Григорій остается вѣрнымъ этому направленію, впервые осуществленному св. Аванасіемъ. Вѣра и знаніе, религія и наука всюду являются необходимыми элементами его богословія. Главное и преобладающее онъ отдаетъ вѣрѣ: она служитъ основаніемъ его знанія, руководитъ и управляетъ его философскимъ мышленіемъ и созерцаніемъ.

Одною изъ отличительныхъ чертъ богословствованія св. Григорія является слѣдованіе ученію о вѣрѣ и гносисѣ, согласно которому внутренняя, философская сторона христіанства должна быть удѣломъ немногихъ совершенныхъ, вѣра же простыхъ должна довольствоваться внѣшнею стороною — буквальнымъ смысломъ писанія и исторіей спасенія. Вѣра, какъ основаніе знанія и дѣятельности, необходима для всѣхъ, но строить зда-

ніе на этомъ основаніи—удѣлъ ученыхъ христіанъ, избранныхъ. Въ словѣ 32-мъ «О соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи и о томъ, что не всякій челоуѣкъ и не во всякое время можетъ рассуждать о Богѣ» эта мысль развита подробно и картинно съ опроверженіемъ возможныхъ возраженій. «Не любопытствуй о естествѣ Отца, объ осуществленіи Единороднаго Сына, о славѣ и силѣ Духа, объ Единствѣ въ Трехъ Божествѣ, объ единой свѣтлости, о нераздѣльномъ естествѣ и исповѣданіи, о нераздѣльной славѣ и надеждѣ вѣрующихъ. Держись реченій, которыя приняты тобою съ воспитаніемъ, а слово предоставь мудрѣйшимъ. Довольно, чтобъ въ тебѣ было основаніе, а надстраиваетъ пусть художникъ. Безъ чего нельзя быть христіаниномъ, то—полезнае доступнаго немногимъ. Одни изъ вѣрующихъ богаты дарами созерцанія, другіе скудны умомъ и бѣдны языкомъ. Но послѣдніе имѣютъ всѣ средства спастись. Путь непробитый и недоступный оставь другимъ, а иди протоптаннымъ, который спасъ многихъ... Скудный въ словѣ и знаніи, опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой ладѣ, выше борзого на языкъ глупца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ доводу ума, а крестъ Христовъ, который выше всякаго слова, упраздняетъ силою въ словѣ, гдѣ слабость доказательства служить умаленіемъ истины» ¹⁾).

Очевидно, причиною разграниченія св. Григоріемъ вѣрующихъ на младенцевъ по вѣрѣ и на мужей совершенныхъ послужила тогдашняя страсть къ спорамъ, выносившая на улицу предметы вѣры, несмотря на *disciplina arcani*—неразглашаемость тайнъ вѣры для непосвященныхъ.

Это уваженіе къ вѣрѣ нисколько не унижаетъ знанія. Христіанское «вѣруй» такой же принципъ христіанства, какъ и всякіе принципы въ другихъ дисциплинахъ, напримѣръ, «самъ сказалъ» у пифагорейцевъ ²⁾. Но имъ вовсе не запрещается

¹⁾ III, 125, 127, 129.

для христіанъ научное образованіе. Въ словахъ «обличительныхъ на Юліана» св. Григорій считаетъ науку достояніемъ общечеловѣческаго ума, а не греческаго только, и для себя лично искусство краснорѣчія предпочитаетъ всѣмъ прочимъ благамъ міра. «Все, что кружится на землѣ и улаживаетъ людей, не болѣе, какъ сновидѣніе,—богатство, знатность породы, славу, власть—я оставилъ желающимъ. Одно только удерживаю за собою—искусство слова и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство» ¹⁾).

По способу изложенія богословскаго ученія методъ св. Григорія есть догматико-полемиическій, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшій нуждамъ времени, требовавшему отъ богослова IV в. изложенія христіанскаго ученія совмѣстно съ обличеніемъ лжеученій. Эту задачу богослова своего вѣка св. Григорій ясно сознавалъ и для ея разрѣшенія установилъ особый методъ своего богословствованія; по которому онъ излагаетъ сначала свое ученіе, а потомъ опровергаетъ доводы еретиковъ или наоборотъ. При чемъ онъ останавливается только на тѣхъ христіанскихъ догматахъ, которые отличаются особою таинственностью, или служатъ предметомъ особаго интереса современнаго общества, каковы о св. Троицѣ, о Сынѣ, о Духѣ.

Природныя способности св. Григорія и искусство въ словѣ, въ соединенніи съ глубокимъ пониманіемъ основъ вѣры на основаніи Св. Писанія и Преданія, сообщили ему необычайную смѣлость, которая отличаетъ богословствованіе св. Григорія. Его умъ нерѣдко направляется къ рѣшенію такихъ вопросовъ, предъ трудностью которыхъ другіе отцы отступаютъ.—«Почему въ Богѣ именно Три лица, а не больше или меньше? Какимъ образомъ при Троичности Богъ Одинъ? Чѣмъ занята была мысль Бога до сотворенія міра?» ²⁾—на всѣ

¹⁾ I, 126

²⁾ IV, 177—189.

эти вопросы умъ св. Григорія не довольствуется отвѣтомъ— не знаю, а усиливается и въ эту глубь внести лучъ свѣта.

Смѣлость умозрѣнія высказывается у св. Григорія и въ языкѣ. Онъ говоритъ, какъ вдохновенный, говоритъ сильно, рѣшительно, не боясь за то, что люди злонамѣренно перетолкуютъ его слова въ ущербъ ихъ смыслу: «Ангелъ — струя свѣта; душа — частица Божества, человѣкъ — Богъ» ¹⁾).

Пламенный и необыкновенно даровитый любитель созерцанія, св. Григорій является въ немъ самостоятельнымъ. Во все, во что онъ ни воудилъ, онъ вдумывался глубоко, все перерабатывалъ въ лабораторіи своего любознательнаго ума, и усвоялъ до того, что его ученіе, будучи вселенскимъ, есть въ то же время его собственное ученіе; будучи плодомъ Духа, оно, въ то же время, есть плодъ и его собственного умосозерцанія.

Главная и существенная особенность его умозрѣнія состоитъ въ томъ, что о чемъ бы онъ ни разсуждалъ изъ ученія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, — мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи стоитъ на первомъ планѣ, и при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ почти всегда выводитъ его изъ затрудненія. Это его уголъ зрѣнія на предметы, при которомъ ученіе его получаетъ возвышенность. Григорій — умъ и по жизни, умъ и по своему ученію.

Для своихъ возвышенныхъ созерцаній онъ съ любовью искалъ и соотвѣтствующихъ формъ въ словѣ: высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова. «Я — органъ Божій, и въ благозвучныхъ пѣснопѣніяхъ приношу славословіе Царю, предъ Которымъ все трепещетъ. Пою же не Трою, не свиную голову, не неистовство страстей, но воспѣваю царствующаго въ горнихъ великаго Бога, воспѣваю пѣсни ангельскихъ ликовъ, стройность міра, нетлѣнную славу Христовыхъ страданій. Для всего этого языкъ мой долженъ быть какъ

¹⁾ I, 49; IV, 187 197, IV, 193.

гусли» ¹⁾). Поэтому-то св. Григорій выработалъ въ себѣ свой оригинальный возвышенный языкъ, необычайно трудный для перевода. Его рѣчь слагается изъ словъ и выраженій отборныхъ, имѣющихъ опредѣленный обдуманый строй и указывающихъ на заботливость Богослова о томъ, чтобы, какъ вся его рѣчь, такъ и каждое слово, были достойнымъ выраженіемъ высокихъ мыслей. Эта тщательность въ выборѣ выраженій и служить объясненіемъ того факта, что въ разновременно написанныхъ трудахъ объ одномъ и томъ же предметѣ онъ буквально повторяетъ не только отдѣльныя выраженія, но и цѣлыя отрывки. Что для другого писателя свидѣтельствовало бы о его слабости, то у св. Григорія было результатомъ разнавсегда тщательно сдѣланнаго предпочтенія одной формы предъ другими ²⁾).

Ораторскія дарованія св. Григорія также безпримѣрны во многихъ отношеніяхъ, такъ что его сравнивали съ лучшими витіями того времени. Къ внѣшнимъ достоинствамъ ихъ, кромѣ указанной возвышенности, силы мыслей, чистоты и точности выраженій, нужно отнести: а) игру образовъ и выраженій. «Св. Григорій чрезвычайно любитъ объясненія чрезъ сравненія и примѣры. Пастырь душъ—пастухъ овецъ; жизнь человѣческая—море; еретикъ—вино, смѣшанное съ водою; его привязанность къ св. Василию—прилипчивость полипа; св. Василій—орелъ; св. Аѳанасій—магнитъ и алмазъ. Пословицы и антитезы встрѣчаются весьма часто. Въ обличеніяхъ еретиковъ часто слышится иронія и сарказмъ, хотя и смягченные любовью. Однако, любовь Григорія къ искусственной художественности рѣчи и способность его къ такой рѣчи вовсе не развиваются на счетъ простоты и ясности въ изложеніи, особенно въ словахъ правоучительныхъ» ³⁾).

¹⁾ IV, 289—290.

²⁾ „Св. Григорій Бог., какъ учитель вѣры“, П. Шалфеевъ. „Хр. Чт.“ 1861 г., I, 273.

³⁾ Проф. Барсовъ, ц. с. 361 стр. (Хр. Чт. 1886, 11).

б) Библейскій тонъ рѣчи, достигаемый какъ указанною жизненностью сравненій и живостью рѣчи, такъ и обиліемъ искусно вплетаемыхъ цитатъ изъ Св. Писанія, свидѣтельствующихъ о любви къ нему и знаніи его ораторомъ. Не только цѣлыя мысли, но часто одно слово, одно выраженіе собственной мысли словами Св. Писанія придаетъ рѣчи невыразимо прекрасно библейскій обликъ и тонъ.

в) Тематизація словъ. Въ установленіи типа тематизованнаго слова св. Григорію принадлежитъ первенство въ проповѣднической литературѣ IV в. Тематизація сказывается въ единствѣ предмета рѣчи, преднамѣчаемаго въ началѣ каждаго слова или еще раньше намѣченнаго (ученіе о Св. Троицѣ напр.). Поэтому, мысль его, при своей гениальной плодovitости, течетъ вполнѣ свободно, въ строгой логической ассоціаціи, всегда въ болѣе или менѣе остроумныхъ и своеобразныхъ комбинаціяхъ, мало уклоняясь въ сторону отъ непосредственнаго предмета рѣчи.

г) Наконецъ, указанный выше тщательный выборъ словъ и выраженій и отдѣлка словъ даютъ основаніе думать, что св. Григорій не выступалъ на кафедрѣ безъ приготовленія, не имѣлъ обыкновенія говорить импровизаціи. Напротивъ, самая отдѣлка словъ показываетъ, что духовный ораторъ желалъ говорить вполнѣ достойнымъ образомъ, приготовлялъ, обрабатывалъ слова для церковной кафедры; заботясь о томъ, чтобы никакой діалектикѣ, какихъ много было въ тогдашней публикѣ, частью еще языческой, не могъ заставить оратора краснѣть хотя бы то и за одно выраженіе. Поэтому, и по тону, и по формѣ рѣчи св. Григорія—не бесѣды, но въ полномъ смыслѣ ораторскія слова.

Съ внутренней стороны проповѣдническое слово св. Григорія отличается особою торжественностью, священнымъ величіемъ, духовною властью, доходящею до пророческой смѣлости. Приноситъ ли онъ благодареніе или славословіе Богу, излагаетъ ли онъ ученіе, препирается ли съ еретиками, обличаетъ ли

прочность слушателей, сѣтуеть ли о бѣдствіяхъ Церкви, изливаетъ ли скорбь своей многоплачевной и многострадальной жизни, торжественный тонъ слышится у него наравнѣ съ тономъ строгости и умиленія. Одинаково онъ возводитъ духъ читателя на нѣкоторую высоту, отрѣшая его отъ суеты текущей жизни съ ее мелочными помышленіями, надеждами, и удерживаетъ на этой высотѣ. При такомъ постоянно повышенномъ настроеніи духа, св. Григорій является на кафедрѣ съ истиннымъ величіемъ пророка Божія. Какъ ни глубоко было его смиреніе, въ какихъ бы скорбныхъ обстоятельствахъ онъ ни находился, слово его никогда не переставало быть величественнымъ, заповѣдующимъ, убѣждающимъ. Рѣчь его изъ умиленной исповѣди часто обращается въ величественную проповѣдь покаянія, и голосъ оратора звучитъ такимъ величіемъ и силою, что невольно преклоняется предъ нимъ всякій слухъ, какъ будто внимая не человѣческому, а Божественному разумленію и обличенію. «Вамъ угодно, чтобы я говорилъ...» — читаемъ въ словѣ 19 по случаю народной переписи. — «Произнесу не что-либо нѣжное, пріятное и усладительное, но скажу что-нибудь весьма мужественное и сильное, отъ чего вы могли бы сдѣлаться лучшими, какъ возведенные отъ плоти къ духу и достаточно возвысившіеся умомъ. Сынове человѣчестіи, доколѣ жестокосердіи, вскую любите суету» ¹⁾, и далѣе онъ обличаетъ суету человѣческую. Даже въ обличительныхъ словахъ, препирая еретиковъ, онъ торжествуетъ надъ ними не только логическою силою доводовъ, но и величіемъ духа, отрывающимся въ словѣ.

При чтеніи произведеній такого оратора, у читателя невольно получается настроеніе возвышенное, чуждое мелкихъ словопреній и состязаній; онъ невольно плѣняется истинами вѣры и нравственности. Если таково дѣйствіе рѣчей св. отца на читателя, то легко можно вообразить, каково было дѣй-

¹⁾ II, 122.

ствіе ихъ на слушателей. Они, какъ мы видѣли, приходили въ восторгъ, шумно выражали его, прерывали рѣчь возгласами одобренія, лънули къ оратору.

Вліянію рѣчи Григорія на слушателей много способствовала его властность и убѣжденность въ своемъ посланничествѣ. Онъ самъ свидѣтельствуесть о себѣ: «Я—органъ Божій», «языкъ мой, какъ гусли» ¹⁾). Слово Григорія—слово истины, вѣдѣнія благодатнаго озаренія, слово человѣка, призваннаго къ благо-вѣствованію и имѣющаго на себѣ помазаніе. И это не тщеславное заявленіе, но слово правды, засвидѣтельствованное аскетическимъ образомъ жизни святителя. «Прощальное слово»—прекрасное доказательство сему. Св. Григорій зналъ значеніе своего слова, уважалъ и читилъ оное, стараясь быть достойнымъ носителемъ его и заботясь о развитіи его. Очищать умъ и слово было непрестанною его заботою. Постомъ, и безмолвіемъ онъ приготавлилъ себя къ изреченію «того великаго вѣдѣнія полезнаго и вреднаго, которое вложилъ въ него Богъ».

Въ силу сказаннаго, св. Григорій есть истинный духовный витія, примѣръ и образецъ для подражанія проповѣдникамъ всѣхъ временъ.

Наконецъ, нравственное ученіе св. Григорія Богослова имѣетъ ту отличительную особенность, что оно основывается у него на христіанскихъ догматическихъ принципахъ, изъ коихъ вырастаютъ метафизическія основы морали, какъ дерево изъ своего корня. Вопросъ о постулатахъ или метафизическихъ принципахъ морали, этотъ первый вопросъ какъ всякой этической системы, такъ равно и христіанскаго нравоученія, находитъ у св. отца свое надлежащее разрѣшеніе. Онъ уясняетъ нравственный смыслъ догматовъ и ихъ отношеніе къ общей нормѣ христіанской жизни. Онъ указываетъ общее отношеніе человѣка къ бытію, выясняетъ связь его съ

¹⁾ I, 250.

другими личностями, ставить ему определенную цѣль жизни, раскрываетъ смыслъ существованія, его назначенія и его будущей участи. Въ этомъ отношеніи всѣ его творенія относятся къ этическимъ, такъ какъ моральныя наставленія и разсужденія разсѣяны у него по отдѣльнымъ произведеніямъ, потому что специальной нравственной системы св. Григорій не оставилъ. «Какъ всякая вещь имѣетъ свой болѣйшій или менѣйшій отличительный признакъ, такъ и мои рѣчи имѣютъ отличительными свойствами назидательность въ мысляхъ и догматѣ» — характеризуетъ онъ Никовулу свои писанія, собирая ихъ по его просьбѣ ¹⁾.

Основанія нравственности указываются Григоріемъ слѣдующія:

а) Теологическое. Личное бытіе Бога и всегдашняя зависимость отъ Него всѣхъ разумныхъ существъ по преимуществу служить основаніемъ ихъ нравственности, такъ какъ индивидуальная жизнь каждаго укрѣпляется въ Божествѣ и относится къ Нему, какъ одна изъ периферій къ своему центру. «Памятовать о Богѣ необходимѣе, нежели дышать. Богъ начало и конецъ всякаго дѣла» ²⁾). Единство лицъ въ Св. Троицѣ обязываетъ всѣхъ къ единомыслію, представляя совершеннѣйшій идеалъ для сотвореннаго. «Единомысліе ведетъ начало отъ Троицы» ³⁾. Оно есть выраженіе любви и согласія, къ коему обязываются и всѣ, живущіе въ Богѣ ⁴⁾.

б) Онтологическое—изъ ученія о человѣкѣ, какъ созданномъ по образу Божію и призванному къ духовному союзу съ Богомъ. Человѣкъ—соединеніе духа Божія и персти земной; его душа—струя Божества. Посвященіе души Богу—его первая, высшая жертва. Но эта жертва есть дѣло свободнаго личнаго проявленія самого человѣка, чтобы онъ, ставши самопроиз-

¹⁾ п. 121—VI, 191.

²⁾ V, 177.

³⁾ II, 198.

⁴⁾ I, 186

вольнымъ дѣлателемъ добра, борьбою и подвигомъ пріобрѣлъ вѣнецъ ¹⁾). Въ борьбѣ и подвигѣ сущность основной проблемы нравственной жизни, состоящей (проблемы) въ нравственномъ самовоспитаніи духа и умерщвленіи страстныхъ влеченій плоти, загрязняющихъ жилище души ²⁾).

в) Космологическое—изъ признанія не самослучайности міровой жизни, а движенія по извѣстнымъ законамъ Божьяго о немъ промысленія. Только въ этомъ убѣжденіи человѣкъ черпаетъ силу для борьбы со зломъ. «Худому только рабу свойственно оказывать уваженіе господину, когда онъ улыбается, и почитать его злымъ, когда наноситъ удары. Христіанину же должно безъ ропота принимать, куда ни повернетъ Богъ его кормило» ³⁾). «Нужно вполне довѣриться Богу и Его водительству, потому что предвѣдѣніе Божіе полагаетъ основаніе важныхъ событій» ⁴⁾).

г) Сотеріологическое — въ возсозданіи человѣка и обоженіи его естества чрезъ воплощеніе Сына Божія. Новая жизнь, открывшаяся съ этого момента человѣку, обязываетъ его къ внутреннему обновленію и пересозиданію: «сдѣлаться богомъ. хотя бы и по усыновленію, ради Христа, Который сталъ человѣкомъ ради насъ» ⁵⁾).

д) Эсхатологическое — изъ ученія о будущей загробной жизни и мздовоздаяніи. Какъ жизнь въ тѣлѣ есть отхожденіе отъ Господа и пребываніе въ узахъ и оковахъ, такъ, наоборотъ, жизнь по Богѣ, въ единеніи съ Нимъ—блаженство ⁶⁾). «Поминающій здѣсь Бога выше смерти и по отшествіи нуждается въ исправленіи въ адѣ» ⁷⁾). Полное же блаженство, состоящее

¹⁾ I, 86; V, 107

²⁾ V, 107—108.

³⁾ V, 39.

⁴⁾ IV, 246; II, 210

⁵⁾ V, 107; I, 5.

⁶⁾ IV, 189; I, 213. П. Борисовскій. „Догм. основы христ. морали по твор. св. Григорія Богослова“, „Вѣра и Разъ“, 1894, I, 1, 525.

⁷⁾ II, 46

въ совершенномъ познаніи св. Троицы, возможно только въ будущей жизни ¹⁾), въ духовномъ Іерусалимѣ, этомъ небесномъ отечествѣ христіанина, куда единственный путь — благочестіе ²⁾).

Воспитаніе въ людяхъ благочестія и приготовленіе ихъ въ гражданъ для этого небеснаго Іерусалима составляетъ задачу пастырства, къ ученію св. Григорія о каковомъ мы теперь и переходимъ.

¹⁾ III, 149.

²⁾ I, 248.

Часть вторая.

Св. Григорій Богословъ,

какъ учитель пастырства.

ГЛАВА 1-я.

„Править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, есть искусство — изъ искусствъ и наука изъ наукъ“ (1, 20).

Ученіе св. Григорія Богослова о папствѣ находится въ тѣсной связи съ общимъ міровоззрѣніемъ его на домостроительство спасенія Богомъ рода человѣческаго. Поэтому, чтобы исполнѣ войти въ кругъ идей св. отца по данному вопросу, необходимо хотя кратко изложить точку зрѣнія его сотеріологической теоріи.

Человѣкъ, Божіе твореніе, представляетъ собою въ ряду тварей существо срединное между міромъ вещественнымъ и духовнымъ, соединивъ удивительнымъ образомъ начало того и другого. «Было время, говоритъ Богословъ, когда высокое Слово ума водрузило не существовавшій дотолѣ міръ. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это—земля, небо и море—составило міръ, нуженъ сталъ зритель премудрости, матери всего, и благоговѣйный царь земной. Тогда Слово рекло: небо населяютъ непорочные умы, добрые ангелы... Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ твари, въ которомъ заключалось бы и то, и другое, родъ тварей между смертными и бессмертными,—разумнаго человѣка, который бы увеселялся моими дѣлами, былъ мудрымъ тайникомъ небеснымъ, великимъ владыкою земли, новымъ Ангеломъ изъ персти, пѣснопѣвецъ Моего могущества и Моего ума. Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками со-

ставило мой образъ и удѣлило ему Своей жизни, потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ человѣкъ—образъ Безсмертнаго» ¹⁾).

Отсюда, какъ земля, человѣкъ привязанъ къ здѣшней жизни, а какъ частица Божественнаго, носить въ груди любовь къ жизни будущей ²⁾).

Душа человѣка, какъ струя невидимаго Божества, и по природѣ и происхожденію, «причастна горняго благородства и къ нему поспѣшаетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ» ³⁾),—т.-е. перстью. Какъ Божіе дыханіе и будучи небесною, она только терпитъ смѣшеніе съ перстнымъ. Это—Свѣтъ, заключенный въ пещерѣ, однако Божественный и неугасимый, всегда стремящійся къ своему первообразу ⁴⁾).

Для осуществленія назначеній и изъ самаго состава его естества вытекающей цѣли—быть на землѣ пѣснопѣвцемъ Божьяго могущества и ума и участникомъ вѣчныхъ благъ,—человѣкъ созданъ свободнымъ, хотя Премудрый Творецъ и не предоставилъ его самому себя, но связалъ заповѣдью. «По-елику нетлѣнный Сынъ создалъ Своего человѣка съ тѣмъ, чтобы онъ пріобрѣлъ новую славу, измѣнивъ въ себѣ земное въ послѣдніе дни, и какъ богъ шествовалъ отсюда къ Богу, то и не предоставилъ собственной свободѣ, и не связалъ его совершенно, но, вложивъ законъ въ его природу и напечатлѣвъ въ сердцѣ добрыя склонности, поставилъ среди вѣчно цвѣтущаго рая, хотя въ такомъ равновѣсіи между добромъ и зломъ, что онъ могъ по собственному выбору склониться къ тому или другому, однако же чистымъ отъ грѣха и чуждымъ всякой двуличности» ⁵⁾). Для различенія добра и зла Господь далъ заповѣдь, необходимую для двухъ цѣлей: «Во-первыхъ,

¹⁾ IV, 199.

²⁾ IV, 200.

³⁾ I, 21.

⁴⁾ IV, 197—Слово 7 е о душѣ.

⁵⁾ IV, 200—201.

чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвигъ и за борьбу съ дольнымъ, и, бывъ здѣсь искушена ими, какъ золото огнемъ, получило уповаемое въ награду за добродѣтель, а не только какъ даръ Божій. И, конечно, въ томъ — верхъ благодати Божіей, что добро содѣлано и нашею собственностью, не только всѣяно въ насъ естествомъ, но воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы, преклонной на ту или другую сторону. Во-вторыхъ, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрѣшая отъ дебелости, привлекать къ себѣ и возводить горѣ, чтобы она, ставъ руководительницею для служебнаго вещества и обративъ его въ сослужебное Богу, была для тѣла тѣмъ же, чѣмъ Богъ для души» ¹).

Человѣку предстоялъ славный подвигъ: своимъ свободнымъ произволеніемъ, при помощи Богомъ дарованныхъ силъ, восходить до высшаго совершенства. Но этотъ «царь земной, новый ангелъ изъ персти, извратилъ весь порядокъ, когда, по ухищренію завистливаго человекоубійцы, внявъ убѣдительности женскаго слова, преступилъ заповѣдь и облекся въ кожанныя ризы — тяжелую плоть — и сталъ трупоносцемъ получивъ въ удѣлъ многотрудную жизнь... И этотъ новонасажденный грѣхъ къ злосчастнымъ людямъ перешелъ отъ прародителя... Какъ увлеченный бурными волнами мореходецъ отнесенъ назадъ и, потомъ, или отдавъ парусъ на волю легчайшему вѣянію, или съ трудомъ на веслахъ, пускается снова въ плаваніе, такъ и мы, далеко отплывшіе отъ великаго Бога, опять не безъ труда совершаемъ вождѣленное плаваніе» ²).

Обратное плаваніе оказалось не по силамъ человѣку. Гибельныя слѣдствія грѣха не замедлили сказаться. «Первымъ въ Адамѣ былъ пораженъ умъ, какъ говорятъ врачи о болѣзняхъ», т.-е. исказился образъ Божій, а тѣло взяло перевѣсъ надъ умомъ, увлекая его къ созерцанію дольнаго, чувствен-

¹) I, 21.

²) IV, 201.

наго. Помраченіе ума, непрерывная борьба духа съ плотью, болѣзнь и смерть тѣла, зависимость отъ діавола—вотъ наслѣдіе отъ Адама его дѣтямъ и всему роду человѣческому, «ибо и въ нихъ злобный діаволъ старался насадить зло и смерть» ¹⁾. Стремленіе къ Высочайшему уму и жажда созерцанія Бога, заложенныя въ самой природѣ души, были причиною того, что душа, «иставшая желаніемъ, находясь, какъ бы въ предсмертныхъ мучахъ, и не терпя мученій отъ владычества плоти, пускается въ новое плаваніе, чтобы или изъ видимаго сдѣлать что-нибудь богомъ, или изъ красоты и благоустройства видимаго познать Бога, употребить зрѣніе руководителемъ къ незримому, но въ великолѣпнѣй видимаго не потеряетъ изъ вида Бога» ²⁾. Результатомъ новаго плаванія было идолопоклонство. «Отъ сего-то стали поклоняться кто солнцу, кто лунѣ, кто множеству звѣздъ, кто стихіямъ, кто изображеніямъ людей умершихъ... Иныхъ боговъ оставили на землѣ, другихъ скрыли подъ землей, а иныхъ возвели на небо... Въ содѣйствіе къ обольщенію присоединилась какая-нибудь баснь, сперва принятая съ вѣрою не зложелательными друзьями, потомъ никѣмъ не уличенная во лжи, съ теченіемъ же лѣтъ пріобрѣтавшая новую силу» ³⁾. Даже и избранный Еврейскій народъ «погубилъ умъ, не покорялся пророкамъ, убивалъ ихъ, презиралъ писанный Законъ,—и за все это былъ отвергнутъ».

«Когда же многоразличныя вразумленія—кары, наводненія, войны, неожиданные перевороты въ судьбѣ людей, городовъ, народовъ и пр.,—посылаемыя Богомъ въ прегражденіе возраставшихъ враговъ, оказались недостигающими цѣли, тогда, наконецъ, по причинѣ сильнѣйшихъ недуговъ, стало нужно сильнѣйшее врачество: болѣзнь требовала сильнѣйшаго пособія... И оно было дано. Само Слово Божіе, превѣчное, невидимое... носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною

¹⁾ IV, 202.

²⁾ III, 23—24.

³⁾ III, 24; IV, 202.

душею ради души человѣческой, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха» ¹⁾. Сочетавъ въ Себѣ два естества,—Божеское и человѣческое, и явившись посредникомъ двухъ народовъ, Предреченный Христосъ Богъ даровалъ смертнымъ двойное очищеніе—одно вѣчнаго Духа, и имъ очистилъ въ человѣкѣ прежнее поврежденіе, рожденное отъ плоти, другое — нашей крови. Теперь не богомъ создалъ Богъ человѣка, а поставилъ въ равновѣсіи, удобопреклоннымъ туда и сюда. Потому и поддерживаетъ его многими подпорами ²⁾.

Для удовлетворенія естественному и природному стремленію человѣка къ высшему и начальственному, открывается новое поприще съ новыми благодатными силами, этими «новыми подпорами». Самое званіе христіанина утверждается на вѣрѣ въ Того, «Кто окрылилъ душу, исхитилъ ее изъ міра, Кто присоединилъ къ горнему міру и сдѣлалъ человѣка богомъ и причастникомъ горняго блаженства» ³⁾.

Отсюда, обоженіе человѣка произошло отъ самаго факта соединенія въ Богочеловѣкѣ «иного и иного»: здѣсь то и другое явилось въ сраствореніи—«и Богъ вочеловѣчился, и человѣкъ обожился» ⁴⁾. Оно же разрѣшаетъ и глубочайшую, основную проблему нравственной жизни, состоящую въ постепенномъ самовоспитаніи духа при постоянной борьбѣ съ влеченіями плоти. Возрожденный во Христѣ, человѣкъ, получившій отъ Него «и бытіе и благобытіе», живетъ жизнью не своею личною, но Христовою. «Къ Нему мы переселяемся или, точнѣе сказать, возвращаемся, чтобы, отложивъ ветхаго человѣка, облещись въ новаго, и какъ умерли съ Адамомъ, такъ будемъ жить со Христомъ, со Христомъ рождаемые, распинаемые, погребаемые и совозстающіе» ⁵⁾. Постоянно нося въ

¹⁾ IV, 203, 130.

²⁾ IV, 204—205.

³⁾ IV, 228; I, 24—25.

⁴⁾ IV, 160.

⁵⁾ III, 194.

своемъ сердцѣ образъ Божественнаго Страдальца и твердо уповая на Его помощь, христiанинъ очищается нравственно въ борьбѣ съ собственными страстями, исторгая изъ своего существа привитыя отъиѣ сѣмена порока и развивая въ себѣ ростки жизни высшей, божественной.

Такимъ образомъ происходитъ постепенное обновленіе внутренняго человѣка, пересозиданіе его изъ перстнаго въ духовнаго. «Ибо мнѣ, продолжаетъ св. отецъ, необходимо претерпѣть сіе спасительное ~~измѣненіе~~ ^{измѣненіе}, чтобы, какъ изъ пріятнаго произошло скорбное, такъ изъ скорбнаго вновь изникло пріятное» ¹⁾.

Отнынѣ, задача христiанина—содѣлаться богомъ. «Уподобимся Христу, ибо и Христосъ уподобился намъ; содѣлаемся богами ради Его, ибо и онъ сталъ человѣкомъ для насъ»... ²⁾ Лучшая со стороны человѣка жертва Тому, Кто воспріялъ худшее, чтобы дать людямъ лучшее, это—«если представить Ему самого себя, разумѣющаго силу таинства и содѣлавшагося всѣмъ для Христа, какъ Онъ для насъ» ³⁾. Только путемъ слѣдованія во всемъ примѣру Начальника нашей жизни и Совершителя спасенія Господа Иисуса Христа возможно осуществленіе задачъ духовно-нравственной жизни и благополучное плаваніе къ намѣченной цѣли.

Положивъ основаніе новой жизни, Господь собралъ во едино, вокругъ Себя Своихъ чадъ, какъ наилучшій и чадолубивѣйшій Отецъ. Для тѣхъ, которые добровольно признаютъ Его царемъ, подчиняются Ему, Онъ основалъ на землѣ царство—св. Церковь ⁴⁾ съ тѣмъ, чтобы ~~привлеченіе~~ ^{привлеченіе} духовнаго совершенства и осуществленіе ~~нравственнаго~~ ^{нравственнаго} идеала достигалось не обособленно каждымъ членомъ ея въ отдѣльности, но въ общемъ царствѣ личностей, ~~соединенныхъ~~ ^{соединенныхъ} между собою един-

¹⁾ Ibid.

²⁾ I, 5.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ I, 193; III, 66

ствомъ нравственной цѣли, одинаковостью духовныхъ стремленій, тождествомъ религіозныхъ понятій, взаимною любовью, единомудіемъ и взаимопомощью. Члены Церкви—части одного тѣла.

«Мы, чтители Бога, срослись между собою, стали единомышленны и равночестны, горимъ ревностью не другъ противъ друга, но за одно другъ съ другомъ, стали сострадательны и готовы облегчать взаимныя тяготы, образуя одно стройное тѣло и принося на общую пользу все, чѣмъ кто богатъ»¹⁾. Между членами Церкви должно быть такое же единомудіе, миръ и любовь, какія наблюдаются и въ естественномъ организмѣ. Взаимное исправленіе недостатковъ, поддержка слабыхъ, утѣшеніе изнемогающихъ, братскія, а не властелинскія отношенія должны царствовать среди христіанъ²⁾. Но какъ въ тѣлѣ есть важнѣйшіе органы предъ наименьшими, или какъ въ семьѣ есть старшіе, или руководители для младшихъ, такъ и въ Церкви, для достиженія цѣлей нравственно-воспитательныхъ и церковно-административныхъ, собраніе вѣрующихъ раздѣляется на руководителей—пастырей и воспитываемыхъ—пасомыхъ, на духовно-начальствующихъ и подчиненныхъ.

Такимъ образомъ, въ общей идеѣ церкви заключается и другая частная идея христіанскаго пастыреначалія, какъ института, специально установленнаго для достиженія нравственно-воспитательной цѣли Церкви. «Порядокъ въ церквахъ распредѣлилъ, чтобы одни были пасомые, а другіе—пастыри, одни начальствовали, а другіе были подначальными; кто составлялъ какъ бы главу, кто—руки, кто—ноги... Цѣлое тѣло есть одно изъ различныхъ частей сложенное... Не у всѣхъ членовъ одинъ образъ дѣйствованія, хоть и всѣ одинаково имѣютъ нужду другъ въ другѣ для дружнаго и взаимнаго дѣйствованія. Такъ и у насъ въ общемъ тѣлѣ Христовомъ. Одинъ начальствуетъ и предсѣдательствуетъ, а другой водится и управляется; оба

¹⁾ I, 179.

²⁾ I, 192—193.

дѣйствуютъ не одинаково, но оба дѣлаются едино во единомъ Христѣ. И хотя Духъ одинъ, однако же дарованія не равны... Будемъ уважать и соблюдать сей порядокъ» ¹⁾).

Итакъ, въ церковномъ организмѣ существуетъ два класса или разряда лицъ: пастыри и пасомые.

На ученіи св. Григорія Богослова о первомъ классѣ въ Церкви—пастырствѣ мы и остановимся.

Переходя къ частнѣйшему изложенію этого ученія, мы видимъ, что св. отецъ въ ученіи о пастырствѣ указываетъ намъ:

1) *Самое понятіе о немъ*. Что такое пастырство, по ученію св. отца?

Пастырство—не начальствованіе, каковымъ склонны бывать считать его тѣ люди, которые относятся къ нему такъ же, какъ и къ остальнымъ свѣтскимъ служебнымъ преимуществамъ однихъ людей предъ другими. Такое представленіе о немъ, какъ о чисто внѣшнемъ превосходствѣ, было бы совсѣмъ не совмѣстимо съ духомъ пастырства и оказывало бы неправильное пониманіе его въ самомъ его существѣ, въ его корнѣ. Св. отца глубоко возмущаютъ тѣ люди, которые стремятся къ пастырскимъ должностямъ, какъ къ таковымъ. «Мнѣ стыдно,—говоритъ онъ,—за другихъ, которые, будучи не лучше прочихъ (если еще не хуже),¹⁾ съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло; и прежде, нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываються во святилище, тѣсняются и толкаются вокругъ св. трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцомъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета» ²⁾).

Пастырство—«не начальствованіе, но, правильнѣе сказать, служеніе», основанное на безспорномъ нравственномъ превосходствѣ однихъ предъ другими. Самый фактъ существованія пастырства, какъ института, не противорѣчитъ нравственному

¹⁾ III, 117—118.

²⁾ I, 16.

закону. «Ни мало не странно и не виѣ порядка, что многіе богомудрые изъ подначальныхъ выходятъ на степень начальника; сіе не вопреки правиламъ, какія предписываетъ любомудріе, и не предосудительно, равно какъ и то, что искусному корабельщику даютъ управлять корабельнымъ носомъ... или мужественный воинъ дѣлается начальникомъ отряда» ¹⁾).

Понятіе о пастырствѣ св. отецъ выводитъ изъ аналогіи церковной организаціи съ тѣломъ человѣческимъ (какъ мы упомянули выше). «Какъ въ тѣлѣ, говоритъ онъ, иное начальствуетъ, и какъ бы предсѣдательствуетъ, а иное состоитъ подъ начальствомъ и управленіемъ: такъ и въ церквахъ Богъ постановилъ, чтобы одни, для кого сіе полезнѣе, словомъ и дѣломъ направляемые къ своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; другіе, стоящіе выше прочихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были пастырями и учителями къ совершенію церкви, и имѣли къ другимъ такое же отношеніе, какъ душа къ тѣлу и умъ къ душѣ, дабы и то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно тѣлеснымъ членамъ соединено и сопряжено въ одинъ составъ, совокупно и связано съ союзомъ Духа, представляло одно тѣло, совершенное и истинно достойное Христа—нашей главы» ²⁾).

Такимъ образомъ, изъ признаковъ пастырства должно быть совершенно исключено представленіе о начальствованіи, какъ о чемъ-то виѣшнемъ, чуждомъ его духу.

Уподобленіе далѣе св. отцомъ пастырства «дѣтвовженію, а не начальствованію» ³⁾ точнѣе раскрываетъ предъ нами точку зрѣнія его на этотъ вопросъ: пастырство есть руководительство младшихъ старшими, не опытныхъ опытными.

Какъ таковое, оно должно быть актомъ только свободнаго избранія, какъ со стороны пастыря, такъ и со стороны паствы, или, какъ любить выражаться св. отецъ, «начальствованіемъ

¹⁾ I, 14.

²⁾ I, 13.

³⁾ I, 254.

желающихъ надъ желающими, ибо, по закону нашему, должно водить не насильно и не нуждою, но волею. Если вообще начальство не можетъ утверждаться принужденіемъ, ибо управляемое насиліемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старается освободиться: тѣмъ паче наше, не столько начальствованіе, сколько дѣтovoжденіе, всего болѣе соблюдаетъ свободу. Ибо тайна спасенія—для желающихъ, а не для насилуемыхъ» ¹⁾). Отсюда, если паствы—дѣтovoжденіе, то, какъ таковое, оно можетъ созидаться только на нравственномъ авторитетѣ воспитателя, который, само собою понятно, долженъ обладать совершенствами, ставящими его въ глазахъ воспитываемыхъ на должную высоту.

2) *Необходимость паствы* св. отецъ видитъ въ самой природѣ челоѣка. Паствы нужно «по причинѣ непостоянства и переменчивости устройства природы челоѣческой; почему для него не менѣе трудное дѣло, какъ сохранить въ себѣ достоинство и стройность (гармонію силъ), такъ и вначалѣ благоустроить себя и сдѣлаться достойнымъ воспріятія Божества» ²⁾).

Въ частности, паствы нужно:

а) для начала вѣры, для утвержденія въ ней и возрастанія въ добрыхъ дѣлахъ, «потому что самое необходимое дѣло—благовѣствованіе о спасеніи міра» ³⁾);

б) для дальнѣйшаго нравственного преуспѣянія христіанъ. «Конечно,—разсуждаетъ св. отецъ,—въ томъ, верхъ благодати Божіей, что добро содѣлано и нашею собственностью, но оно не только всѣяно въ насъ съ естествомъ, но и воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы, преклонной на ту и другую сторону» ⁴⁾). Это воздѣлываніе, выращиваніе добра на нивѣ Божіей, борьба съ терніями, препятствующи-

¹⁾ I, 254.

²⁾ I, 235.

³⁾ II, 242.

⁴⁾ I, 21.

щими росту добрыхъ поствовъ, составляетъ назначеніе па-стырства. Работники нужны для всякой нивы; для нивы Божіей такими являются пастыри, каковыя тѣмъ болѣе нужны, что человѣкъ предназначенъ къ безконечному совершенствованію чрезъ отрѣшеніе отъ дебелости плотской и чрезъ постепенное восхожденіе горѣ. Руководительство въ этомъ постоянномъ движеніи къ высшему совершенству, поддержка, помощь—требуютъ существованія пастьрства.

Далѣе, необходимость пастьрства св. отецъ выводитъ изъ сравненія врачеванія тѣлеснаго съ духовнымъ. Пастырь для души нуженъ такъ же, какъ врачъ для больного тѣла. Даже болѣе того, насколько душа важнѣе тѣла, настолько оказы-вается болѣе нужнымъ предѣ врачеваніемъ недуговъ «наблю-дать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное про-изволеніе, и все въ насъ тому подобное; исторгать, что при-росло къ намъ звѣрскаго и дикаго, а на мѣсто сего вводить и укоренять все, что есть кроткаго и благороднаго, установ-лять надлежащее отношеніе между душою и тѣломъ, не по-пуская, чтобы лучшее управлялось худшимъ, что было бы величайшею несправедливостію, но низшее по природѣ под-чиняя начальственному и владычественному, какъ безъ со-мнѣнія требуетъ Божій законъ,—прекрасно поставленный для всего творенія, и видимаго и сверхчувственнаго» ¹⁾).

Дѣятельность пастьря въ возстановленіи въ человѣкѣ об-раза Божія, поврежденнаго грѣхомъ, св. отецъ уподобляетъ работѣ живописца надъ отдѣлкою картины, или корабельнаго строителя надъ мореходнымъ кораблемъ, или плотника надъ созданіемъ дома ²⁾).

Далѣе, «большая часть людей худы, и безъ путеуказателя склонны къ пороку. Немногіе же идутъ къ совершенству» ³⁾. Поэтому, руководство, дѣтководительство или путеуказательство

¹⁾ I, 22.

²⁾ VI, 63--65

³⁾ V, 220.

брайне важно для вѣрующихъ, ибо «кто изъ нихъ находясь подъ надлежащимъ руководствомъ, будетъ не въ силахъ и кто не отважится говорить и подвизаться за истину» ¹⁾).

Упоминаемое св. Григоріемъ дѣтководительство имѣетъ глубочайшее основаніе для своего существованія въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что «человѣкъ такъ же уступчивъ доводамъ разума, какъ мѣдъ—огню» ²⁾; что, поэтому, при надлежащей ревности дѣтводителя, не можетъ быть такого недостатка въ поведеніи врученнаго ему пасомаго, который оказался бы совершенно неисправимымъ и неустранимымъ.

в) Пастырство нужно для порядка въ церковномъ организмѣ, каковой порядокъ, по мысли св. отца, есть необходимое условіе благоустройства всякой организаціи, а церковной въ особенности.

«Не думаю,—говоритъ онъ,—чтобы безначаліе и безпорядокъ были полезнѣе порядка и начальства, какъ для всего прочаго, такъ и для людей; напротивъ того, всего менѣе полезны они людямъ, которымъ угрожаетъ опасность въ важнѣйшемъ. Для нихъ, если не соблюдутъ перваго требованія разума, чтобы не грѣшить, важно второе,—чтобы согрѣшившіе возвращаемы были на истинный путь» ³⁾.

г) Пастырство необходимо, наконецъ, для совершенія богослуженія, этой важной стороны церковно-общественной жизни, почему наличность священства есть явный знакъ милости Божіей къ людямъ, равно какъ отсутствіе его—наказанія.

«Гдѣ и кѣмъ,—вопрошаетъ онъ,—совершалось бы у насъ таинственное и горѣ возводящее богослуженіе, которое у насъ всего превосходнѣе и досточтимѣе, если бы не было ни царя, ни князя, ни священства, ни жертвы, ни всего того, чего, какъ важнѣйшаго, были лишены непокорливые древле въ наказаніе за великія преступленія?» ⁴⁾.

¹⁾ I, 39; VI, 133.

²⁾ V, 86.

³⁾ III, 115—118; II, 126.

⁴⁾ I, 14.

3) По учению св. отца, пастырство имѣтъ *происхожденіе божественное*. Оно, являясь существеннымъ и непремѣннымъ институтомъ въ Христовой Церкви, имѣтъ не случайное происхожденіе, но предначѣненное Самимъ Богомъ.

«Богъ постановилъ быть пастырямъ и учителямъ» ¹⁾, — учитъ онъ. — Онъ же и охраняетъ ихъ ²⁾, и помогаетъ имъ, «Самъ пася пастырей и вода вождей, поддерживаетъ десную руку ихъ, путеводствуетъ ихъ по Своей волѣ и наставляетъ упасти паству Его благоразумно, благоискусно» ³⁾. Господь Самъ «усматриваетъ Себѣ пастыря для начальствованія» ⁴⁾, по Своей волѣ избираетъ его ⁵⁾. Пастырское служеніе, поэтому, есть результатъ «не человѣческой милости, но даръ Божіей благодати» ⁶⁾, и актъ «предпочтенія Христова» ⁷⁾. «Пастырь—органъ Божій, органъ словесный, который настроилъ и въ который ударяетъ Добрый Художникъ—Духъ» ⁸⁾. Но «вѣщать Божію премудрость пастырь можетъ только тогда, когда онъ будетъ имѣть сіе порученіе» ⁹⁾.

Даже избраніе той или иной паствы также не есть дѣло случая или стеченія обстоятельствъ, но — Божьяго промысленія о Своей Церкви. Ибо при таинственномъ сопряженіи пастыря съ паствой участвуетъ «Св. Духъ; Онъ вручаетъ пастырю паству, которая становится ему своимъ народомъ; ее приводятъ пастырю Ангелы» ¹⁰⁾.

4) Изъ понятій о пастырствѣ и его божественномъ происхожденіи отъкрывается *величіе и важность пастырскаго служенія*.

«Пастыри, по учению св. отца,—служители и сотрудники

¹⁾ I, 13.

²⁾ I, 57.

³⁾ I, 67.

⁴⁾ IV, 38

⁵⁾ VI, 126.

⁶⁾ IV, 67—76.

⁷⁾ III, 123.

⁸⁾ I, 250

⁹⁾ III, 119.

¹⁰⁾ I, 257.

Божьяго дѣтководительства и врачеванія человѣческой немощи, возвращающихъ ветхаго Адама туда, откуда онъ ниспалъ, и приводящихъ къ древу жизни, отъ котораго удалилъ людей плодъ древа познанія, безвременно и не благоразумно вкушенный» ¹⁾). Пастырь предназначенъ «быть богомъ, стоять съ ангелами, славословить съ архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра и, даже болѣе, — творить богами» ²⁾). Какъ таковыя, пастыри являются весьма важными по своей дѣятельности. Они — «основанія міра, свѣтъ жизни, опора слова, тайноводители въ жизнь свѣтлую и нескончаемую. Они — христоносцы» ³⁾).

Св. отецъ называетъ пастыря земнымъ Христомъ. «Первое мѣсто дай Богу, а слѣдующее затѣмъ — іерею, земному Христу, руководителю твоей жизни» ⁴⁾). Онъ, іерей — «глава полноты Христовой (Церкви)» ⁵⁾), заботящійся «объ очищеніи образа въ возможно большемъ числѣ людей»; ибо какъ въ сравненіи съ однимъ растеніемъ лучше и больше садъ, въ сравненіи съ одной звѣздою — цѣлое небо и всѣ его украшенія, и въ сравненіи съ членомъ — тѣло: такъ и предъ Богомъ цѣлая и благоустроенная Церковь предпочтительнѣе человѣка» ⁶⁾). «Пастырь — невѣстоводитель, уневѣчивающій Христу души» ⁷⁾).

А такъ какъ созидающіе и возстановляющіе образъ Божій въ людяхъ пастыри суть «боги въ отношеніи къ однодневнымъ тварямъ» ⁸⁾), но посему-то св. отецъ заповѣдуетъ почитать пастырство. «Прежде всего, бойся Бога, чти родителей,

¹⁾ I, 25.

²⁾ I, 49.

³⁾ VI, 67.

⁴⁾ V, 79.

⁵⁾ I, 59—60.

⁶⁾ I, 252—253

⁷⁾ I, 51.

⁸⁾ VI, 69.

объ іерєяхъ говори съ похвалою и имѣй въ уваженіи старцевъ» ¹⁾), ибо пастырское слово, молитвенное или блятвенное, влечетъ за собою или долговременное благо или временную скорбь ²⁾).

5) *Цѣль и задачи пастырскаго служенія* св. Григорій Богословъ опредѣляетъ вышеприведеннымъ сравненіемъ пастырства съ врачеваніемъ. Подобно тому, какъ цѣлью тѣлеснаго врачеванія является возстановленіе физическихъ силъ въ чловѣкѣ, цѣль духовнаго врачеванія—есть та, чтобы окрылить душу, исхитить изъ міра и предать Богу; сохранить образъ Божій, если онъ цѣль; поддержать, если въ опасности; обновить, если поврежденъ; вселить Христа въ сердца Духомъ; короче сказать: «того, кто принадлежитъ къ горнему чину, сдѣлать богомъ и причастникомъ горняго блаженства» ³⁾).

Для достиженія этой общей и высочайшей цѣли, для того, чтобы «представить Господу людей избранныхъ, языкъ святой, царское священіе» ⁴⁾); чтобы не расточить овецъ паствы, не погубить тѣхъ, за кого положилъ душу Пастырь Добрый, не извести ихъ изъ невѣрія въ вѣру, изъ настоящей жизни въ будущее успокоеніе» ⁵⁾), и предать ихъ Богу, ибо предавшійся Ему самъ будетъ въ приобрѣтеніи, потому что Самъ Богъ дѣлается достояніемъ предающагося Ему ⁶⁾); для того, чтобы научить паству шествовать правымъ путемъ, путемъ царскимъ, не уклоняясь ни направо, ни налево, но подъ руководствомъ Духа шествовать узкимъ путемъ, какъ пространнымъ, и оставивъ пути недобрые ⁷⁾), сдѣлать свѣтлою не только душу, но и тѣло, облакающее благовидную душу, чтобы эта двойная

¹⁾ IV, 299.

²⁾ II, 102.

³⁾ I, 24; V, 107

⁴⁾ I, 257, 252.

⁵⁾ II, 125.

⁶⁾ V, 109

⁷⁾ I, 11; V, 108.

одежда-багряница «просвѣчивающая нѣжною сребровидностью» ¹⁾, содѣйствовала человѣку, хотя бы и по усыновленію только «стать богомъ, свѣтоносно предстоять Всевышнему Богу и ликовать съ ангелами» ²⁾:—для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей пастырство должно предпринять рядъ такихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій общаго и частнаго душепопеченія, которыя привели бы заботы пастыря къ достиженію желаннаго результата.

Для этого, прежде всего, должно очистить пасомымъ крылья и дать имъ (пасомымъ) такое ученіе, которое «подниметъ ихъ вверхъ, вознесетъ на эфиръ, какъ легкокрылыхъ птицъ» ³⁾. Затѣмъ, должно «утолять гладъ слышанія Слова Господня» ⁴⁾ предлагать богатое слово, напитывая имъ души и раздробляя алчущимъ хлѣбъ духовный, или, подобно древнему Моисею, «низводя, какъ дождь, пищу съ неба» ⁵⁾; потомъ должно «осолившійся слухъ омыть сладкимъ, удобопіемымъ словомъ», заботясь о томъ, чтобы трапеза была наполнена добрыми яствами, и чтобы никто не остался на пиру вѣры голоднымъ ⁶⁾. Должно, далѣе, преподавать здравое ученіе, созидать духовное цѣломудріе ⁷⁾, «сдѣлать здравымъ въ вѣрѣ народъ» ⁸⁾, чтобы онъ «сталъ, какъ свѣтило въ мірѣ, живоносною силою для другихъ людей, совершенными свѣтами представъ Великому Свѣту, чище и яснѣе, озаряемый Троицей» ⁹⁾.

Помня, что Богъ ничему такъ не радуется, какъ исправленію и спасенію человѣка, чему служить все слово и всякое таинство, пастыри должны «всѣхъ очищать отъ грѣха и убѣ-
лять, какъ снѣгъ, какъ волну» ¹⁰⁾, должны учить жить для

¹⁾ V, 219.

²⁾ V, 167.

³⁾ V, 166.

⁴⁾ III, 150—151

⁵⁾ II, 3

⁶⁾ III, 163—164

⁷⁾ III, 192, 190.

⁸⁾ IV, 29.

⁹⁾ III, 223.

¹⁰⁾ Ibid.

Единого Христа, Имъ утѣшаться, для Него, возносясь отселѣ, отрѣшати сердце отъ земного..., обогащать умъ чистыми представленіями, «касаться даже небесной Троицы, утвердить Ея образъ въ своемъ сердцѣ и чистыми жертвами приуготовлять народъ богоподобный, приносить безкровную, сердечную жертву»¹⁾).

При мысли о сердечномъ жертвоприношеніи св. отецъ цѣль и задачу пастырства приравниваетъ къ строительству «скиніи, честной Божіей Церкви, созидаемой изъ различныхъ украшеній добродѣтели, вносимой въ разной степени — одними меньше, другими — больше, но всѣми одинаково, при строительствѣ Духа слагаемой и сочетаваемой въ дѣло совершенное, въ жилище Христово, во храмъ святой... Для созиданія этой скиніи никто, учитъ св. отецъ, да не будетъ тощъ и безплоденъ, ни одна душа да не окажется лишенною плодородія и чадородія. Но всякій да плодоноситъ Богу по своимъ силамъ и способностямъ²⁾. Здѣсь годна всякая душа. Посему, каждую душу пастырь долженъ научить благочестію, поставляя его не въ томъ только, чтобы часто говорить о Богѣ, но и въ томъ, чтобы больше молчать, ибо языкъ, не управляемый разумомъ, есть претыканіе для людей. Въ этихъ видахъ пастырю приходится внушать пасомымъ держаться той мысли, что безопаснѣе слушать, нежели говорить, возжелѣннѣе учиться, нежели учить, высказывая благочестіе менѣе словомъ, а болѣе дѣломъ, и обнаруживая любовь свою къ Богу въ томъ, чтобы соблюденіемъ заповѣдей убѣгать зла, преуспѣвать въ добродѣтели, духомъ жить, духомъ ходить, собирая себѣ для строительства въ будущей жизни вещества твердыя и прочныя, а не скоро воспламеняющіяся, являясь и здѣсь чистыми и непорочными чадами Божіими среди рода лукаваго и развращеннаго³⁾)... Каждую душу пастырь долженъ очистить, стереть съ нея ржавчину пороковъ, исправить, просвѣтить, освѣтить⁴⁾, изне-

¹⁾ VI, 64.

²⁾ II, 125

³⁾ I, 10—11.

⁴⁾ I, 48.

могшее поднять, падшее возстановить, заблуждающееся обратить, погибшее взыскать и крѣпкое сохранить ¹⁾), употребляя для этого разнообразіе способовъ врачеванія—то человѣколюбіе, то строгость, то смѣшеніе и раствореніе, и человѣколюбія, и строгости; однихъ благодаря, другихъ укоряя, третьихъ обличая ²⁾), но всѣхъ привлекая къ строительству Божію, надстраивая ихъ, какъ художникъ ³⁾), приближая тѣмъ къ Богу и творя ихъ богами ⁴⁾).

6) Изъ соображенія цѣли и задачъ пастырскаго служенія открывается *необычайная трудность его*. «Я не думалъ и теперь не думаю,—говоритъ по этому поводу св. Григорій Богословъ,—чтобы одно и тоже значило—водить стадо овецъ или воловъ, и управлять человѣческими душами. Тамъ достаточно и того, чтобы волы или овцы сдѣлались самыми откормленными и тучными... А о добродѣтели овецъ или воловъ никто не заботится. Но умѣть начальствовать надъ людьми гораздо труднѣе, особенно имѣть такое начальство, каково наше, которое основывается на Божіемъ законѣ и возводитъ къ Богу, въ которомъ, чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности». Трудность эта увеличивается тѣмъ, что «порокъ есть дѣло, удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое; почему всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя бы никто насъ въ томъ не руководствовалъ; напротивъ того, стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя бы и многое къ ней влекло и побуждало» ⁵⁾).

На этомъ пути искорененія пороковъ и насажденія добродѣтелей пастырямъ приходится преодолевать значительныя трудности и препятствія. Если врачующій тѣло бываетъ принужденъ бороться съ прихотями больного и принимать все мѣры къ тому, чтобы «эти прихоти не воспрепятствовали

¹⁾ I, 228, 257.

²⁾ I, 40.

³⁾ III, 125.

⁴⁾ I, 49.

⁵⁾ I, 17—18.

искусству, предписывающему, когда и надъ кѣмъ нужно употреблять прижиганіе, рѣзаніе и другіе, еще болѣе жестокіе способы леченія, то хотя все это оказывается очень труднымъ и тяжелымъ, однако же не столько, какъ врачующему душу наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное произволеніе и все тому подобное исторгать, что приросло звѣрскаго и дикаго, а на мѣсто сего вводить и укоренять все, что есть кроткаго и благороднаго, и устанавливать надлежащее отношеніе между душою и тѣломъ» ¹⁾).

При всемъ томъ, врачеваніе духовное несравненно труднѣе тѣлеснаго, потому что тѣло не изыскиваетъ средствъ воевать съ своимъ врачомъ, какъ дѣлаетъ это душа грѣшника. «Охраняемое врачомъ тѣло,—говоритъ св. отецъ,—каково есть по своей природѣ, таковымъ и остается, само же собою нимало не злоумышляетъ и не ухищряется противъ средствъ, употребляемыхъ искусствомъ, напротивъ того, врачебное искусство владѣетъ веществомъ; развѣ иногда произойдетъ какой-либо временный безпорядокъ отъ воли больного, что, впрочемъ, не трудно предотвратить и пресѣчь ²⁾). Не то во врачеваніи духовномъ. Здѣсь пастырю приходится бороться съ злою волею и ложно понимаемымъ самолюбіемъ грѣшника. «Въ насъ,—говоритъ св. отецъ,—мудрованіе, самолюбіе и то, что не умѣемъ и не терпимъ легко уступать надъ собою побѣду, служатъ величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели и составляютъ какъ бы ополченіе противъ тѣхъ, которые подаютъ намъ помощь. Сколько надлежало бы прилагать старанія, чтобы открыть врачующимъ болѣзнь, столько употребляемъ усилія, чтобы избѣжать врачеванія. Мы храбры противъ самихъ себя и искусны ко вреду своего здоровья. То рабски скрадываемъ свой грѣхъ, утаивая его въ глубинѣ души, какъ нѣкоторый загнившійся и злокачественный струпу, какъ будто, скрывши отъ людей, сокроемъ и отъ великаго

¹⁾ I, 22.

²⁾ I, 22.

ока и суда Божія; то подъ различными предлогами извиняемъ въ себѣ грѣхи и придумываемъ оправданія своимъ страстямъ, то, наконецъ, явно не стыдимся ни грѣха, ни врачующихъ грѣхъ; идемъ, какъ говорится, съ открытою головою на всякое беззаконіе» ¹⁾...

Если и вообще «самоуниженіе отнимаетъ у человѣка большую часть того, чѣмъ онъ есть», то въ дѣлѣ исправленія нравовъ оно вмѣстѣ съ тщеславіемъ бываетъ для людей величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели ²⁾. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ силу указанныхъ противодѣйствій со стороны самого человѣка, пастырю часто приходится «сѣять на камиѣ или говорить въ уши глухому» ³⁾.

Въ силу изложенныхъ доводовъ, духовное лечебное искусство гораздо труднѣе искусства врачевать тѣло. Но оно труднѣе еще и потому, что послѣднее мало заглядываетъ въ глубь, болѣе же занимается видимымъ; напротивъ того, «наше врачеваніе и попеченіе все относится къ потаенному сердца человѣка, и наша брань—съ врагомъ, внутри насъ воюющимъ и противоборствующимъ, который, оружіемъ противъ насъ употребляя насъ же самихъ (что всего ужаснѣе), предаетъ насъ грѣховной смерти» ⁴⁾. Поэтому, «не легко перемѣнить то, что вошло въ обычай и долговременно было уважаемо» ⁵⁾.

Трудность пастырскаго служенія обусловливается еще тѣмъ, что въ дѣлѣ исправленія нравовъ и стяжанія добродѣтели всегда удобнѣе повредить, чѣмъ сохранить ⁶⁾. Поэтому-то, «легче вновь напечатлѣть истину въ душѣ, которая подобна еще не исписанному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ какомъ случаѣ оно сливается

¹⁾ I, 22—23.

²⁾ I, 33.

³⁾ I, 38.

⁴⁾ I, 23.

⁵⁾ III, 102.

⁶⁾ II, 239

и смѣшивается съ первыми. Правда, что лучше идти по битой и гладкой дорогѣ, нежели по шероховатой и непротоптанной, и легче пахать землю, которую неоднократно рѣзали и умягчали плугъ; однако же лучше писать на душѣ, которую не изборозило еще негодное учение, и на которой не врѣзалось глубоко начертаніе порока. Иначе благочестивому краснописцу два будутъ дѣла—изгладить прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія и достойныя сохраненія» ¹⁾).

Для выясненія трудности духовнаго врачеванія св. отецъ пользуется, далѣе, сравненіемъ пастырской дѣятельности съ укрощеніемъ звѣрей. «Трудно сдѣлать ручнымъ или править однимъ звѣремъ,—говоритъ онъ.—Паства—тѣло церкви—этотъ многовидный и многообразный звѣрь,—составленное изъ многихъ большихъ и малыхъ, кроткихъ и свирѣпыхъ звѣрей, разнородное чудовищное существо, сложенное изъ многихъ и различныхъ нравовъ и умовъ... Чтобы управлять такимъ чудовищнымъ существомъ, безъ сомнѣнія, потребовалось бы много труда и усилій» ²⁾).

Отсюда, неудивительно, если пастыри прежде всего подвергаются притѣсненіямъ и нападеніямъ какъ со стороны внѣшнихъ враговъ—отъ язычниковъ и гонителей ³⁾),—такъ со стороны внутреннихъ—отъ своихъ пасомыхъ, которые гонятъ отъ себя, какъ враговъ, тѣхъ, кого надлежало бы любить, какъ благодѣтелей, ненавидя обличающихъ, гнушаясь словомъ праведнымъ, подобаясь тѣмъ, которые, терзаютъ плоть ближнихъ, предполагая нанести тѣмъ большій вредъ своимъ доброжелателямъ, чѣмъ больше зла сдѣлаютъ себѣ ⁴⁾). Отсюда, жизнь ревностнаго пастыря — сплошное «жертвоприношеніе себя самого для пользы другихъ», «постоянное горѣніе въ огнѣ, т.-е. во множествѣ искушеній» ⁵⁾), «ежедневное самопо-

¹⁾ I, 33—34.

²⁾ I, 34.

³⁾ II, 211; VI, 65.

⁴⁾ I 23

⁵⁾ IV, 105, 107; I, 237—8.

жертвованіе для блага паствы» ¹⁾), которая «не успокоевается на мѣстѣ злачнѣ, не воспитывается на водѣ покойнѣ, но ищетъ стремнинъ, пустынь и пропастей, гдѣ можетъ разсѣяться и погибнуть» ²⁾). И если врачи тѣмъ должны переносить извѣстные труды, бдѣнія, заботы, и, какъ сказалъ одинъ изъ ихъ мудрецовъ, изъ чужихъ несчастій собирать себѣ скорби, и все это часто для того только, чтобы больше дней прожилъ на землѣ человѣкъ завѣдомо негодный и порочный... то какой подвигъ предлежитъ врачамъ духовнымъ, коимъ угрожаетъ опасность утратить спасеніе души, души блаженной и бессмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность, или прославляема за добродѣтель»? ³⁾

Въ частности, особенно трудна для пастыря «первая его обязанность — раздаяніе слова Божественнаго, и высокаго... дѣло, не только не простое, но требующее и немалаго духа—каждому давать во время житомѣріе слова и съ разсужденіемъ вести домостроительство спасенія... Такъ что, ежели кто приступаетъ къ дѣлу сему съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное достойнымъ для всякаго ума, то нужно дивиться многоумію, чтобы не сказать—малоумію такого человѣка» ⁴⁾.

Вслѣдствіе изложенныхъ трудностей пастырскаго служенія, всѣ всѣми силами должны вспомошествовать слову и дѣлу пастырскому ⁵⁾. Отъ приступающихъ же къ нему требуются особыя добродѣтели ⁶⁾, не имѣющимъ каковыхъ безопаснѣ слушать и подчиняться, нежели учить и начальствовать ⁷⁾. «Если даже такіе богоизбранные люди, какъ Моисей, Ааронъ, судьи, Давидъ, пророки, апостолы со многими трудами и усиліями проходили каждый въ свое время званіе начальника», то ка-

¹⁾ I, 40.

²⁾ II, 83.

³⁾ I, 26.

⁴⁾ I, 29.

⁵⁾ III, 191—192

⁶⁾ IV, 76.

⁷⁾ VI, 39—40.

ковы труды и подвиги подлежать каждому пастырю ¹⁾? Пастырю нужна не только великая и совершенная вѣра, не только собственная его ревность, выражаемая и дѣйствительно оказываемая словомъ и дѣломъ, но въ большей мѣрѣ—«Божіе содѣйствіе, если онъ хочетъ, чтобы ввѣренныя ему души, которыя для него всего предпочтительнѣе, хорошо были врачуемы, очищаемы и цѣнимы дороже всего» ²⁾).

7) Пастырское служеніе, затѣмъ, не только трудно, но и крайне *отвѣтственно* для его носителей.

«Если дома, города, лики, колесницы, стада, — сравниваетъ св. отецъ,—все терпитъ вредъ отъ невѣжества ими управляющаго, то еще больше колеблется отъ недостойнства вождей и предстоятелей Божіе стяжаніе, тотъ народъ, для котораго Богъ снисшелъ съ небеснаго престола, истощилъ Свою славу въ смертной утробѣ..., въ великую цѣну искупленія предалъ на страданіе Свое тѣло и для избавленія насъ отъ грѣха изліялъ Божественную кровь» ³⁾).

Поэтому, Богъ не оставляетъ пастырей безъ отвѣтственности, если они наносятъ вредъ Его народу или оказываются недостойными. «Принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и людьми—признаю не безопаснымъ»,—говоритъ св. отецъ ⁴⁾).

Недостойныхъ пастырей пусть страшитъ участь сыновъ Аарона и Илія, пусть они всегда будутъ въ памяти пастырей ⁵⁾. Тѣ прещенія ветхозавѣтнымъ священникамъ, которыя изрекаютъ: пр. Исаія на пастырей, учащихъ беззаконію, на «моль костямъ»; блаженный Михей, не терпящій неправедныхъ пастырей; прр. Іоиль и Аввакумъ, оплакивающіе умаленіе достойныхъ руководителей народа; Малахія и Захарія, жестоко укоряющіе священниковъ за презираніе имени Господня; Іезе-

¹⁾ I, 39.

²⁾ I, 23.

³⁾ VI, 68.

⁴⁾ I, 56.

⁵⁾ VI, 68—71.

кіилъ и Іеремія, оплакивають злонравіе предстоятелей,—одинаково относятся и къ новозавѣтнымъ пастырямъ. «Горе пастырямъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы Моей»—говоритъ Господь (Іерем. 23, 1) ¹⁾. «Тѣ, которые хватаются за всякое начальство, должны бояться, чтобы, связавъ имъ руки и ноги, не извергли ихъ изъ брачнаго чертога, какъ вторгшихся въ кругъ возлежащихъ тамъ,—если они, сами не научась быть хорошими пасомыми, обяываются должностію—править паствою, изгнавъ изъ сердца всякій страхъ и его мѣсто замѣнивъ безстыдствомъ» ²⁾...

Пастыри должны опасаться, чтобы о ввѣряемыхъ ихъ попеченію не услышать слѣдующаго: «души ихъ отъ рукъ вашихъ взыщу» (Іез. 3, 18), боязно худо приступающимъ къ пастырству оказаться соломою, приближающеюся къ огню и имъ истребляемою ³⁾.

Такъ страшны угрозы и ужасны наказанія тѣмъ, кто съ готовностію, какъ за самое легкое дѣло, берется за начальствованіе ⁴⁾. Уча добродѣтели и воспитывая добрые нравы въ пасомыхъ «должно бояться, чтобы не оказаться худыми живописцами чудной добродѣтели, особенно же негоднымъ подлинникомъ для другихъ живописцевъ..., чтобы не подойти подъ поговорку: берутся лечить другихъ, а сами покрыты струпами» ⁵⁾. Они должны всегда памятовать о своемъ долгѣ, «что значить имѣть попеченіе о душахъ, и кратковременныхъ ли занятій требуетъ сіе ⁶⁾; должны помнить о долгѣ истиннаго пастыря, заботящагося о спасеніи стада, а не о своемъ кормленіи на счетъ его ⁷⁾. Пастырю придется дать отчетъ не только въ исполненіи долга, но и приобрѣтеніи роста, не только

¹⁾ I, 42—47.

²⁾ I, 51.

³⁾ II, 238.

⁴⁾ I, 50—65.

⁵⁾ I, 19

⁶⁾ I, 39.

⁷⁾ I, 238

таланта, но и прибытка, «показать плодородіе своей нивы, не напрасно ли онъ сѣялъ» ¹⁾. Ибо въ растлѣніи драгоцѣнныхъ членовъ паствы Христовой, или въ нанесеніи имъ какого-либо ущерба будутъ порицаемы и обвиняемы не пасомые, но пастыри ²⁾. Въ разсужденіи же своихъ обязанностей, пастырь долженъ руководиться не мнѣніями человѣческими, но имѣть своими совѣтниками разумъ и Божіи оправданія ³⁾, всемѣрно опасаясь, чтобы по его винѣ «не хромала истина» ⁴⁾, или чтобы по его нерадѣнію не произошло какое-либо зло ⁵⁾.

Сама собою понятна отсюда та боязливость, которая сопровождала св. Григорія Богослова при вступленіи его въ пастырское служеніе ⁶⁾. Онъ видѣлъ въ немъ серьезныя «причины къ самому сильному страху и самую крайнюю опасность для сознающаго и важность преспѣянія и пагубныя слѣдствія прегрѣшенія въ дѣлѣ», когда пришло время отдавать себя въ главѣ полноты Христовой. Такъ какъ избѣжать сего невозможно было, то онъ сдѣлалъ это не съ радостью или охотно, но по необходимости, предпочитая раскланиваться издали съ выгодами служенія и находя пріятнѣе жить съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба и влачить дни въ безопасности и безмятежій, нежели для большихъ выгодъ кидаться въ долговременную и большую опасность. Онъ думалъ, что «для чело-вѣка, поставленнаго высоко, и то уже потеря, если онъ не предприимлетъ большаго, не распространяетъ доблестей своихъ на многихъ, но останавливается на маломъ числѣ людей, и какъ бы большимъ свѣтомъ освѣщаетъ малый домъ или юношескимъ всеоружіемъ покрываетъ дѣтское тѣло. А для чело-вѣка маловажнаго всего безопаснѣе нести малое бремя, не возбуждать смѣха и не увеличивать опасности возложеніемъ

¹⁾ II, 241.

²⁾ II, 253.

³⁾ III, 172

⁴⁾ I, 32.

⁵⁾ IV, 168.

⁶⁾ I, 13.

на себя чего-либо не по силамъ» ¹⁾. Иго служенія онъ принималъ на себя, только уступая передъ угрозами наказанія за неповиновеніе, побѣждаемый страхомъ оказаться непокорнымъ ²⁾, плача и сѣтуя на свое недостойнство. При помазаніи и дарованіи ему Духа, онъ испытывалъ чувство удовольствія, смѣшаннаго съ ужасомъ, ибо съ одной стороны онъ считалъ себя органомъ худымъ и ненастроеннымъ ³⁾, а съ другой видѣлъ въ пастырскомъ званіи нѣчто великое, самодовлѣющее и доставляющее какую-то чудную пріятность ⁴⁾.

8) «Сознаніе важности и отвѣтственности пастырскаго служенія не должно, однако же, *всцѣло удерживать* отъ принятія его лицъ, исполнѣ достойныхъ и призванныхъ къ нему, ибо иногда такъ же благовременно уступить надъ собою побѣду, какъ бываетъ время и для всякаго другого дѣла; и лучше быть честно побѣжденну, нежели, упорно отказываясь, одержать побѣду со вредомъ и незаконно» ⁵⁾. «Какъ домоганіе начальства неданнаго означало бы дерзость, такъ и отверженіе даннаго—непокорность, а и то и другое вмѣстѣ невѣжество... Противъ страха быть начальникомъ подастъ, можетъ быть, помощь законъ благопокорности, потому что Богъ, по своей благодати, вознаграждаетъ вѣру и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто на Него уповаетъ и въ Немъ полагаетъ всѣ надежды. Но неизвѣстно, кто будетъ помощникомъ и какое внушить упованіе въ случаѣ непокорности?» ⁶⁾. Посему, «всею лучше и безопаснѣе соблюдать средину между желаніемъ и страхомъ, и въ одномъ уступить желанію, въ другомъ—Духу... И не вовсе убѣгать служенія, чтобы не отринуть благодать, что было бы опасно; и не брать на себя бре-

¹⁾ I, 59—60.

²⁾ I, 64—65.

³⁾ I, 234—236.

⁴⁾ I, 252.

⁵⁾ I, 61.

⁶⁾ I, 65.

мени выше силъ, что было бы тягостно... Напротивъ этого, благочестно и вмѣстѣ безопасно соразмѣрять служеніе съ силами» ¹⁾).

Различнаго рода искушенія и препятствія въ дѣлѣ пастырскаго служенія не удивительны: «ни что великое не бываетъ безъ искушенія; ибо, по естественному порядку, маловажное сопровождается удобствомъ, а высокое—трудностью. Пусть кричатъ враги и расширяютъ уста свои, какъ псы, лающіе по пустому» — пастырь долженъ твердо и безбоязненно идти своею дорогою, помня, что онъ идетъ по стопамъ Христовымъ ²⁾).

Пусть мысли о высотѣ сана и собственномъ недостоинствѣ не оставляютъ пастыря день и ночь, сушатъ въ немъ мозгъ, истощаютъ плоть, лишаютъ бодрости, не позволяютъ ходить съ поднятыми высоко взорами. Это—страхъ спасительный, удерживающій пастыря отъ опасности самопревозношенія и гордыни, особенно если его пастырскія дѣла явятся благоуспѣшными. «Сіе смиряетъ сердце, сокращаетъ умъ, налагаетъ узы на языкъ, и заставляетъ думать не о начальствѣ, но о томъ, какъ самому избѣгать грядущаго гнѣва, очиститься, умудриться, стать свѣтомъ, руководителемъ»... Величіе, высота, достоинство, чистыя существа—все сіе пусть удерживаетъ его долу и содѣлываетъ смиреннымъ ³⁾). Молитвенная надежда на Божью помощь поможетъ пастырю достойно и непостыдно проходить его высокое и отвѣтственное служеніе ⁴⁾).

Такимъ образомъ, достойное прохожденіе обязанностей возлагаетъ на пастыря долгъ стяжать необходимыя добродѣтели, которыя способствовали бы ему въ его великомъ дѣлѣ.

Къ изложенію ученія св. отца о качествахъ, требуемыхъ отъ пастыря, мы теперь и переходимъ.

¹⁾ I, 253

²⁾ I, 257

³⁾ I, 48—50

⁴⁾ II, 3

Г Л А В А II.

„У насъ цѣль всякаго слова и дѣла—вести къ совершенству тѣхъ, которые намъ ввѣрены“ (1, 218).

Какъ уже замѣчено, величіе и достоинство пастырскаго званія налагаютъ на носителей его извѣстныя обязательства, удовлетвореніемъ коихъ обусловливается самая возможность званія. Св. Григорій Богословъ, излагая мысли объ идеальныхъ качествахъ пастыря, предъявляетъ рядъ требованій, которыя можно классифицировать слѣдующимъ образомъ.

1) Пастырь долженъ имѣть *призваніе* къ пастырскому служенію и быть хорошо подготовленъ къ прохожденію его. «Если ты о Христѣ—мужъ, чувства у тебя обучены и имѣешь ясный свѣтъ вѣдѣнія, то вѣщай Божію премудрость, глаголемую въ совершенныхъ и въ тайнѣ сокровенную, и, при томъ, когда откроется случай и будешь имѣть порученіе»,—такъ [въ общихъ чертахъ св. отецъ характеризуетъ кандидата пастырства ¹⁾].

Частнѣе, подъ призваніемъ онъ разумѣетъ внутреннее душевное расположеніе и готовность посвятить себя на служеніе Богу, сопровождаемая преданностью себя волѣ Божіей, сознаніемъ правоспособности къ прохожденію его и постояннымъ смиреннымъ трудомъ для уготованія себя въ избранный сосудъ Божій.

¹⁾ III, 119.

Это внутреннее соизволеніе человѣка иногда соединяется съ предъизбраніемъ Божиимъ. И какъ изъ согласнаго соединенія свободной воли человѣческой съ Божіей благодатію появлялись великіе и достославные вожди и пастыри церкви, такъ, напротивъ, изъ-за неполной преданности Богу, изъ-за непотребленія всецѣло зла и оставшейся вражды духа и плоти возникали печальные результаты. Отсюда, горе человѣку, если онъ, получивъ право учить другихъ, не чувствуетъ собственного недостойнства..., но дерзновенно считаетъ себя достойнымъ невѣстоводителемъ, уневѣчивающимъ души людей Тому..., Котораго покрываетъ бездна, утаиваетъ тьма, Который просвѣщаетъ умъ, убѣгаетъ отъ быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляется, сколько постигается, и возлюбленнаго своего возводитъ горѣ тѣмъ, что убѣгаетъ и какъ бы вырывается изъ рукъ... Не меньшее горе, очевидно, человѣка, если онъ въ самообольщеніи сочтетъ за призваніе горделивое самопревозношеніе. Такое самомнѣніе отнимаетъ у человѣка большую часть того, что онъ есть, и тщеславіе бываетъ для людей величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели» ¹⁾).

Въ примѣръ пастыря, сочетавшаго въ себѣ достойнымъ образомъ призваніе съ предъизбраніемъ, св. Григорій Богословъ представляетъ самого себя. «Хотя я,—говоритъ онъ,—и призванъ отъ юности, даже къ Нему (Христу) приверженъ есмь отъ ложеснъ, Ему принесенъ въ даръ по матернему обѣту, а потомъ и самъ, когда опасности укрѣпили меня, любовь возросла и помогъ разсудокъ, Воспріавшему и Спасшему меня добровольно отдалъ я все—и имѣніе, и знатность, и самый даръ слова,—однако, боюсь, чтобы связавъ мнѣ руки и ноги, не извергли меня изъ брачнаго чертога, какъ не имѣющаго на себѣ брачнаго одѣянія и нагло вторгшагося въ кругъ возлежащихъ тамъ... Изъ всего этого извлекъ я одну ту пользу, что презрѣлъ все сіе, и нашлось у меня, чему предпочесть

¹⁾ I, 38, 50.

Христа. Слова Божіи сдѣлались для меня сладки, какъ соты меда. Я призывалъ разумъ и далъ гласъ своей мудрости, учился умѣрять гнѣвъ, обуздывать языкъ, уцѣломудривать око, укрощать чрево, попираетъ земную славу... Но, признаюсь, я еще немогъ для брани внѣшней. А потому и обратилъ хребетъ, сокрылъ лице въ бѣгствѣ... Не говорю еще о брани внутренней, которая въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, и которую воздвигаетъ на насъ день и ночь, то явно, то тайно, сіе тѣло смиренія и разсѣянность жизни, мятущая и волнующая насъ посредствомъ чувственности и временныхъ удовольствій, и грязь персти, съ которою мы смѣшаны, и законъ грѣховный, воюющій противъ закона духовнаго. Почему, едва ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долгу естество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго съ тьмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился милости Божіей, или сверхъ того и другого прилагалъ всевозможныя старанія вознестъ взоръ свой горѣ. Но не препобѣждена мною, по возможности, персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостью къ Богу,—не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками, что составляетъ долгъ іерея» ¹⁾).

Примѣромъ же пагубнаго несоотвѣтствія человѣка Божьему предызбранію св. отецъ выставляетъ царя Саула. «Не могу порицать себя за страхъ и сѣтованіе по случаю помазанія»—говоритъ онъ...—«Ибо какъ солнце обличаетъ слабость глаза, такъ Богъ пришествіемъ Своимъ—немошь души, и для однихъ Онъ—свѣтъ, а для другихъ—огонь, смотря по тому, какое вещество и какого качества встрѣчаетъ въ каждомъ. Какъ думать и о Саулѣ? И онъ былъ помазанъ, пріавъ Духа, самъ сталъ духовенъ, даже пророчествовалъ, притомъ весьма не-

¹⁾ I, 51, 55—56.

ожиданно и необыкновенно... Поелику же онъ не всецѣло предалъ себя Духу и не совершенно обратился въ мужа иного, какъ было предречено (1 Цар. 10, 6), но оставалась въ немъ нѣкоторая искра прежняго зла и нѣсколько худого имени, еще продолжалась борьба плоти и духа..., то и былъ онъ отвергнутъ... Изъ сего можемъ познать развѣ то, что благодать не касается людей недостойныхъ и органа худого и ненастроеннаго... Нерѣдко самая благодать, приводя въ киченіе и надмевая, удаляла отъ Бога приближавшихся къ Нему неправо, и мы въ самомъ уже возношеніи бываемъ низлагаемы» ¹⁾).

Отсюда, если пастырство обусловливается избраніемъ и предъизбраніемъ, то «худо и противно порядку всѣмъ желать начальства» ²⁾). Напротивъ того, «хорошо и уклоняться нѣсколько отъ призванія Божія, какъ въ древности поступили Моисей и Іеремія и др., ибо умедленіе предъ Богомъ иногда лучше и драгоцѣннѣе поспѣшности другихъ» ³⁾). «Учиться лучше, нежели учить другихъ; учить—дѣло великое, но учиться—дѣло безопасное» ⁴⁾), ибо ужасна и жалка погибель пастырей недостойныхъ ⁵⁾).

Но мы сдѣлали бы невѣрный выводъ и неправильно истолковали бы мысли св. отца, если бы, ссылаясь на общечеловѣческую немощь, признали для всѣхъ возможнымъ уклоняться отъ пастырскаго служенія. «Равно худо и въ одинаковой мѣрѣ противно порядку,—говорить онъ,—какъ всѣмъ желать начальства, такъ и никому не принимать онаго на себя... Когда бы всѣ стали избѣгать сего начальства, тогда бы прекрасной полнотѣ церкви не доставало бы значительнѣйшаго, и она не была бы уже прекрасною» ⁶⁾). Обращаясь къ примѣрамъ исторіи и

¹⁾ I, 235.

²⁾ I, 14.

³⁾ I, 1, 3.

⁴⁾ I, 36; III, 119.

⁵⁾ IV, 71

⁶⁾ I, 14.

разсматривая самыхъ благоискусныхъ мужей древности, св. Григорій находитъ, что «изъ тѣхъ, кого благодать предъизбрала въ званіе начальника или пророка, одни съ готовностью слѣдовали избранію, а другіе медлили принимать даръ, но ни тѣ, ни другіе не подвергались осужденію, какъ отрекавшіеся за боязнь, такъ и изъявившіе согласіе за ревность. Ибо одни устрашались важности служенія, а другіе повиновались по вѣрѣ въ Призывающаго» ¹⁾. «Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры»,—дополняетъ свою мысль св. отецъ о собственномъ недостойнствѣ,—«похвалите даже мою предусмотрительность» ²⁾. Участь Іоны памятна ему. «Но если для Іоны, можетъ быть, и извинительно было отречься отъ пророческаго служенія, оставалось ли бы какое извиненіе и мѣсто къ оправданію для меня,—говоритъ онъ,—если бы сталъ я долѣе упорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на меня легкаго или тяжелаго, но все же ига служенія? Страшны угрозы, ужасны наказанія за неповиновеніе, равно какъ и за противное сему, если кто не мало не смущается, не отрицается, какъ скоро слегка призываютъ его къ принятію начальства, но съ готовностью, какъ за самое легкое и удобное дѣло, берется за то, въ чемъ не безопасно перемѣнять намѣреніе и принятое поправлять новымъ» ³⁾.

Слѣдуя примѣру св. Григорія Богослова, пастырю лучше всего избрать средину между слишкомъ дерзновенными и между слишкомъ боязливыми,—быть боязливѣе тѣхъ, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всякаго убѣгаютъ. Ему слѣдуетъ прямо и вѣрно держаться среди сихъ страховъ, не домогаясь начальства недавнаго и не отвергая даннаго. «Ибо первое означало бы дерзость, послѣднее же непокорность, а и то и другое вмѣстѣ—невѣжество» ⁴⁾.

¹⁾ I, 65—66.

²⁾ I, 56.

³⁾ I, 64.

⁴⁾ I, 65.

Принимать же самое званіе пастырское слѣдуетъ съ благоговѣніемъ, страхомъ Божиимъ и разсужденіемъ ¹⁾.

Послѣ страха Божія и вѣры въ Призывающаго, лучшимъ средствомъ къ препобѣжденію боязливости пастырскаго званія является, по мнѣнію св. отца, серьезная подготовка и, при томъ, довольно продолжительная. Не та подготовка, когда мы «почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованія свящ. книгъ, если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги..., если ловко умѣемъ надѣть плащъ, или до пояса походить на философа,—мы уже и мудры, и учителя, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные и желаемъ почестей руководителей» ²⁾. Нѣтъ, нужно приготовленіе основательное, безъ котораго непозволительно и даже преступно приступать къ пастырской дѣятельности. «Напротивъ того, лучше другимъ искуснѣйшимъ вручить бразды правленія надъ собою, нежели быть несвѣдущими правителями другихъ, лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный языкъ... Ибо не знающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, лучше—учиться, нежели не зная, учить... А посему, брать на себя трудъ—учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и, по пословицѣ, на большомъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть, надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію, свойственно только людямъ крайне неразумнымъ и дерзкимъ, не благоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества, дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло» ³⁾.

Пастырская подготовка должна сказываться, прежде всего,

¹⁾ I, 235—236.

²⁾ I, 37

³⁾ I, 35—36.

въ извѣстной постепенности въ продолженіи пастырскихъ обязанностей, начиная съ низшихъ и простѣйшихъ, въ опредѣленіи извѣстнаго «предѣла, когда учить и когда учиться», оставленіе какового предѣла въ небреженіи весьма прискорбно и плачевно по своимъ послѣдствіямъ ¹⁾. «Прежде всего нужно сдѣлаться достойнымъ церкви» — учить св. отецъ, — «а потомъ уже алтаря, и прежде достойнымъ алтаря, а потомъ уже — предсѣдательства» ²⁾. «Тотъ же, кто еще младенецъ, питается молокомъ, не прилагалъ старанія и не учился уразумѣвать премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную, — кто еще не сопричтенъ къ Израилю, не вписанъ въ воинство Божіе, не способенъ, какъ слѣдуетъ взять на себя крестъ Христовъ; кто не сталъ, можетъ быть, никакимъ еще почетнымъ членомъ тѣла Христова: — тотъ ужели охотно и съ радостью приметъ, чтобы поставили его во главу полноты Христовой?» ³⁾.

Скороспѣлое возведеніе въ высшіе степени пастырскаго званія св. Григорій Богословъ осуждаетъ, какъ безпорядокъ въ церковномъ строѣ, какъ поруганіе церковнаго чина, какъ недостойный элементъ, приносимый въ церковно-общественную жизнь самоуправствомъ и происками сильныхъ людей. И (наоборотъ, постепенное прохожденіе ступеней церковно-іерархической лѣстницы, съ возрастающимъ самоусовершенствованіемъ и преуспѣяніемъ въ добродѣтели, онъ относитъ къ многообразному челоуѣколюбію и смотрѣнію Божію о людяхъ. «Не хвалю безпорядка и неустройства, какіе у насъ, т.-е. когда спѣшно возводятся на высоту желающіе предствительства» — говоритъ онъ... Хвалю же законъ мореходцевъ, по которому управляющему теперь кораблемъ сперва дано было весло, а отъ весла возведенъ онъ на корму, и исполнивъ первыя порученія, послѣ многихъ плаваній по морю, послѣ долговременнаго наблюденія вѣтровъ, посаженъ у кормила.

¹⁾ I, 36.

²⁾ I, 64.

³⁾ I, 59—60.

Тотъ же порядокъ и въ военномъ дѣлѣ: сперва воинъ, потомъ начальникъ отряда, наконецъ, военачальникъ. И это самый лучший и полезный для подначальныхъ порядокъ. И наше (пастырское) дѣло было бы лучше, гораздо достоуважаемѣе, если бы соблюдалось то же. А теперь есть опасность, чтобы святѣйшій чинъ не сдѣлался у насъ наиболѣе осмѣиваемымъ, потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелью, но пороками, и престолы занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими... Нѣтъ ни врача, ни живописца, который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А предсѣдатель въ церкви удобно выискивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣялъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы во святые и велимъ быть мудрыми тѣмъ, которые ничему не учились, и кромѣ одного произволенія, ничего у себя не имѣютъ, восходя на степень... Такъ быстро возвеличенный въ предсѣдатели становится надменнымъ, думая, что, получивъ могущество, сталъ онъ и премудрѣе,—такъ мало знаетъ онъ себя, до того власть лишила его способности разсуждать ¹⁾). Всякій предстоятель, далѣе, вступая въ тѣсную родственную духовную связь съ врученною ему Богомъ паствою, приноситъ съ собою то или иное духовное наслѣдство: ученіе, вѣру, добродѣтель. Приступающіе же къ сему безъ подготовки и сопутствующей ей опытности, являясь по тому самому священниками чуждыми, незаконными и недостойными сана, ничего не привносятъ съ собою, какъ нисколько не потрудившіеся для добродѣтели, оказываясь вмѣстѣ и учениками и учителями благочестія, и когда сами еще не очистились начинаютъ очищать другихъ. Да и что могутъ привнести добраго тѣ, которые «вчера святотатцы, а нынѣ священники, вчера не смѣвшіе приступить къ святынь, а нынѣ тайноводители, устарѣвшіе въ порокахъ и но-

¹⁾ IV, 65—67 Ср III, 10.

воявленные въ благочестіи, произведеіе человѣческой милости, а не дѣло благодати Духа,—они весь свой путь ознаменовали насиліемъ и гнетутъ самое благочестіе» ¹⁾).

Наконецъ въ сатирѣ «къ епископамъ» св. отецъ зло осмѣиваетъ дерзновеніе неподготовленныхъ и недостойныхъ кандидатовъ пастырства, которые несмотря на свою завѣдомую негодность, смѣло входятъ чрезъ незапертую дверь къ высшимъ іерархическимъ степенямъ. Въ числѣ лицъ, коихъ онъ иронически приглашаетъ къ духовному начальствованію, поименовываются «люди съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ, невѣжды въ небесномъ новопросвѣщенные. Приходите сюда,—иронизируетъ онъ,—всѣ служители грѣха», ставшіе поношеніемъ людей, чревоугодники, лжецы, обидчики, обманщики и под... Приходите смѣло: для всѣхъ готовъ широкій престолъ; приходите и преклоняйте юныя выи подъ простертыя десницы... Никто не оставайся въ дали, земледѣлецъ ли ты, или плотникъ, или кожевникъ, или ловецъ звѣрей, или занимаешься кузнечнымъ дѣломъ; никто не ищи себѣ другого божественнаго вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему. Брось изъ рукъ, кто большую сѣкиру, кто рукоятъ плуга, кто мѣхи, кто дрова, кто щипцы, и всякій иди сюда; всѣ толпитесь около божественной трапезы, и тѣснись, и тѣсня другихъ. Если ты силенъ, гони другого, несмотря на то, что онъ совершенъ, много трудился на престолѣ, престарѣлъ, изможденъ плотью, небожествененъ, презритель міра, живетъ въ Богѣ, мертвецъ между живыми и добрый священникъ Царя» ²⁾).

Изъ примѣровъ Мойсея и Аарона, вошедшихъ внутрь облака, тогда какъ другіе оставались внѣ его, изъ примѣра колѣна Левіина, одного избраннаго на служеніе скинии, изъ примѣровъ Аммонитянъ и Моавитянъ, недопущенныхъ до великаго

¹⁾ II, 148

²⁾ VI, 69—70.

храма,—св. отецъ заключаетъ, насколько строго ограждалась подготовленность и добродѣтель служителей даже Вѣтхаго За-
вѣта. «Если же мы опять назначаемъ награду пороку,—гово-
ритъ онъ,— и понизимъ требованія къ служителямъ Церкви,
то, о, гибель! Оплачетъ ли сіе какой пѣвецъ, искусный въ
сложеніи плачевныхъ пѣсней» ¹⁾).

Итакъ, постепенное прохожденіе обязанностей пастырскаго
званія, начиная съ простѣйшихъ и низшихъ, въ связи съ
долговременнымъ обученіемъ себя любомудрію и постепеннымъ
отторженіемъ отъ души всего, что есть въ ней низкаго и
сопряженнаго со тьмою, является необходимымъ подготовитель-
нымъ періодомъ, пренебрегая которымъ небезопасно принимать
на себя попеченіе о душахъ ²⁾). Если задачею пастырскаго
служенія является очищать царскій образъ въ людяхъ, умуд-
рять и готовить ихъ въ живые храмы Богу, то пастырю
прежде всѣхъ самому надобно стать такимъ, какимъ онъ дол-
женъ сдѣлать вѣранныхъ ему ³⁾). «Не достоинъ великаго Бога,
и жертвы, и архіерея тотъ, кто не представитъ себя самого
въ живую жертву Богу, или, лучше сказать, самъ не сдѣ-
ляется святымъ и живымъ храмомъ живаго Бога... Посему,
надобно сперва очистить самихъ себя, а потомъ уже бесѣдо-
вать съ чистымъ... и очищать другихъ; умудриться, потомъ
умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться
къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться,
потомъ освящать» ⁴⁾). «Нехорошъ порядокъ—сперва учить, а
потомъ учиться, хотя бы шло дѣло не о божественномъ и
столь высокомъ предметѣ (какъ пастырство), но о чемъ-ни-
будь маловажномъ и ничего не стоящемъ» ⁵⁾). «Духовный по-
рядокъ требуетъ сперва очистить себя самого дѣлательнымъ

¹⁾ VI, 73; III, 134.

²⁾ II, 133—134.

³⁾ I, 56. 238.

⁴⁾ II, 135; I, 48, 59; IV, 43.

⁵⁾ IV, 12.

любомудріємъ, потомъ, отверзши уста разума, привлечь духъ и исполнять пастырскія обязанности» ¹⁾).

«Многіе нынѣ рвутся въ предстоятели, — съ прискорбіемъ замѣчаетъ св. отецъ, — но не всякій достоинъ его..., Принять на себя власть и управленіе душами тому, кто еще самъ не научился быть хорошимъ пасомымъ» — предосудительно ²⁾). Пастырство — не столь легкое и незатруднительное дѣло, что всякому стоитъ только захотѣть, и онъ сдѣлается хорошимъ пастыремъ ³⁾). Для благоискуснаго прохожденія пастырства, которое отвлекаетъ отъ міра, приводитъ къ Богу, истощаетъ тѣло, соединяетъ съ Духомъ, избѣгаетъ тьмы, собираетъ стадо въ ограду..., править душами, учить словомъ, дѣломъ и примѣромъ..., нужно вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ, нужна мудрость, которая выше всѣхъ искусствъ. Но если для пляски и игры на свирѣли, каковыя искусства гораздо ниже упомянутой мудрости, есть науки, и имъ учатся, и на то нужны время, непрерывныя труды и усилія, иногда надобно тратить деньги, пріискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальнія путешествія, а также дѣлать и терпѣть все, чѣмъ пріобрѣтается опытность, то искусство пасенія — *ποιμαίνῃ* — есть тоже наука, имѣющая свои уставы, которые нужно изучить. Нужно научиться любви къ паствѣ, заботливости и благоразумію, внимательности, неусыпности, пастырскимъ трудамъ и пріемамъ, на какія пажити водить стада, къ какимъ ходить источникамъ, или какихъ избѣгать пажитей и источниковъ, наконецъ, кого и какъ пасты ⁴⁾).

Насколько цѣль пастырскаго искусства — творить богами — выше цѣлей всѣхъ остальныхъ искусствъ, настолько важно образовать защитника истины, призваннаго быть богомъ для

¹⁾ I, 176.

²⁾ III, 145; I, 51—57.

³⁾ I, 38

⁴⁾ I, 236—237, 38.

другихъ, особенно зная величіе Божіе и человѣческую немощь, а также и то, чьи пастыри-служители, гдѣ они сами поставлены и куда готовятъ другихъ?» ¹⁾).

Само собою понятно, что пріобрѣтеніе пастырской опытности или «благоикуства въ дѣлахъ духовныхъ» ²⁾ есть дѣлю настолько серьезное, что въ немъ «и глубокая старость — недолговременная отерочка, ибо сѣдина съ благоразуміемъ — лучше неопытной юности, разсудительная медлительность — неосмотрительной поспѣшности..., небольшое количество золота — многихъ талантовъ свинцу, малый свѣтъ — великой тьмы. А что касается до поспѣшности, поползновенной и излишней ревности, то опасно, чтобы онѣ не уподобились... тому основанію, положенному на песокъ, которое не устояло при небольшомъ дождѣ и вѣтрѣ... Кто же возьмется, какъ глиняное какое-нибудь издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовывать пастыря?»... ³⁾

Поэтому, если гдѣ, то въ дѣлѣ воспитанія и подготовленія пастыря особенно вредна поспѣшность и скороспѣлость. Вотъ почему самъ св. отецъ усиленно отдалялъ отъ себя время принятія бремени пастырскаго служенія, считая себя мало подготовленнымъ и пригоднымъ для этого высокаго сана. Послѣ полученія обширнаго образованія ⁴⁾ и обще-классическаго и духовно-любомудреннаго онъ смиренно просилъ «научить его пастырскому искусству» ⁵⁾.

2) Пастырь долженъ обладать какъ вообще умственнымъ развитіемъ и образованіемъ, такъ и *знаніемъ спеціально пастырскимъ*, должно твердо знать и исповѣдывать истины вѣры и умѣть преподавать ихъ вѣрующимъ.

«Положимъ,—говоритъ св. отецъ,—что иной непороченъ и

¹⁾ I, 49.

²⁾ I, 257.

³⁾ I, 49

⁴⁾ III, 168

⁵⁾ II, 42; I, 236—7.

взошелъ на самый верхъ добродѣтели: все еще не вижу, какимъ запасшись знаніемъ, на какую понадѣявшись силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ. Въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, если врачеваніе дѣлъ сравнить съ леченіемъ тѣлъ, извѣдаетъ, сколько трудно послѣднее, и разберетъ, сколько наше врачеваніе еще труднѣе, а вмѣстѣ и предпочтительнѣе, и по свойству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія»¹⁾.

Пастырь—духовный врачъ, для котораго «важно не только знать и врачевать собственные немощи и недуги, но гораздо важнѣе быть въ состояніи врачевать и искусно очищать другихъ. Поэтому, какія нужны ему свѣдѣнія, чтобы и другихъ уврачевать и самому уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу», сообразно духовнымъ потребностямъ, нуждамъ и положенію каждаго члена его паствы²⁾. Затѣмъ, на примѣрѣ ап. Павла св. отецъ показываетъ, что значить имѣть попеченіе о душахъ, и кратковременныхъ ли занятій, малыхъ ли требуетъ сіе свѣдѣній³⁾.

Общаго умственнаго развитія отъ пастыря требуетъ, — по мысли св. отца, — первая его обязанность — раздаяніе слова, доступное не для всякаго ума, но только для ума обученнаго, дисциплинированнаго. «Для меня кажется непростымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ — каждому даяти во время житомѣріе слова и съ разсужденіемъ вести домостроительство истины нашихъ догматовъ», — поясняетъ онъ свою мысль⁴⁾. Пастырямъ должно быть «свѣдущими правителями другихъ, иначе имъ лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать ненаученный языкъ; должно непрестанно обогащать умъ

¹⁾ I, 20—21.

²⁾ I, 25—27

³⁾ I, 39.

⁴⁾ I, 29.

чистыми представленіями, касаться даже небесной Троицы, созерцать Единую Славу въ Трехъ добродѣтеляхъ, приносить безкровную сердечную жертву... Пастырю должно раскрыть уста, губы и языкъ, и расширить ихъ привлеченіемъ и наполненіемъ Духа, связать уста божественнымъ чувствомъ, чтобы имъ и растворяться благовременно, а языкъ исполнить радостію, чтобы онъ сталъ органомъ божественнаго сладкопѣнія; должно такъ знать Св. Писанія, чтобы онѣ были какъ бы трижды написаны на широтѣ сердца; должно имѣть высшее вѣдѣніе, должно имѣть умъ Христовъ, и быть въ состояніи обогащать имъ другихъ, быть живымъ жилищемъ Христовымъ въ духѣ, чтобы опытно и умозрительно изслѣдовать силы Христовы отъ высочайшихъ и первыхъ до низшихъ и послѣднихъ, свободно переходить отъ закона къ благодати, научиться уразумѣвать премудрость Божию, въ тайнѣ сокровенную» ¹⁾).

Если и вообще знаніе и «ученость составляетъ неотъемлемую собственность пріобрѣтшихъ ее и является въ жизни наибольшею славою для обладателей ея, такъ что ничего нельзя предпочесть учености» ²⁾, то для пастыря вѣдѣніе вообще, а религіозное въ частности, не только обязательно, но отсутствіе его неизвинительно. «Можетъ быть,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—извинили бы мы (въ невѣдѣніи) простолюдиновъ; но какъ простить это учителю, который... долженъ помогать въ невѣдѣніи другимъ? Если всякому, сколько бы кто ни былъ грубъ и невѣжественъ, непростительно не знать какого-либо римскаго закона, и если нѣтъ такого закона, который бы покрывалъ сдѣланное по невѣдѣнію, то не странно ли тайноводствующимъ ко спасенію не знать началъ спасенія, хотя бы они во всемъ другомъ были и очень просты и неглубокаго ума?» ³⁾).

Пастыри, далѣе, призваны быть совершенными, «мудрѣй-

¹⁾ I, 35, 59; VI, 64.

²⁾ IV, 299; V, 176; III, 124.

³⁾ II, 161.

шими, художниками-строителями, кормильцами и поильцами людскихъ душъ»¹⁾. Для этого они должны и даже обязаны обладать ученостью и, притомъ, не безгласною, сухою и пресмыкающеюся по землѣ, но живою, жизненною, способною отвѣчать на всякія «реченія прекословныя»²⁾. Пастырю по долгу званія приходится всегда вести борьбу съ разными врагами вѣры. «Чтобы не испытать участи неопытныхъ борцовъ, которые, истощивъ силу въ напрасныхъ и примѣрныхъ только борьбахъ, оказываются безсильными для борьбы дѣйствительной и доставляющей побѣду, за которую провозглашаются увѣнчанными»³⁾, пастырю нужно обладать солидной ученостью и опытностью въ борьбѣ съ невѣрующими и еретиками. Почему св. отецъ и присовокупляетъ: «полагаю, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ (пастырей) благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и за ученость внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога»⁴⁾.

Сравнивая попеченіе о человѣкѣ съ ухаживаніемъ за звѣремъ, св. отецъ изъ этого сравненія выводитъ заключеніе, какую нужду имѣетъ пастырь въ обладаніи широкимъ умственнымъ развитіемъ и познаніями. «Если хочешь хорошо управиться со звѣремъ и соблюсти его, то тебѣ, — поучаетъ онъ, — приставнику звѣря, нужно пріобрѣсти для сего многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія и употреблять хожденіе, приличное каждому свойству звѣря... Такъ, поелику общее тѣло Церкви подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается изъ многихъ и различныхъ нравовъ и

¹⁾ III, 125

²⁾ III, 168

³⁾ IV, 50

⁴⁾ Ibid

умовъ, то предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ относительно къ правотѣ во всемъ, такъ сколько можно болѣе многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно — способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ¹⁾). Эта пастырская многосторонность и способность къ разнообразному обращенію и полезному собесѣдованію достигаются ничѣмъ инымъ, какъ обширною пастырскою освѣдомленностью и большимъ запасомъ умственного багажа.

Умственное развитіе и богословское знаніе крайне нужны пастырю въ цѣляхъ апологетическихъ и полемическихъ, какъ уже упомянуто. Св. отецъ особенно настаиваетъ на этой своей мысли. Пастырю, по его мнѣнію, даже «неразумно замѣнять доказательства и доводы истинъ вѣры», къ каковымъ научнымъ доводамъ онъ вынуждаемъ бываетъ обращаться по долгу своего званія, — «призракомъ безотчетной вѣры... но точнымъ изслѣдованіемъ и прямыми заключеніями должно приводить въ ясность достовѣрность умозрѣнія»²⁾). Пастырю Церкви всегда предстоитъ борьба «съ изобрѣтателями суетныхъ реченій», «съ соплетеніями словъ и обольщеніями», «съ умствованіями новыхъ богослововъ, все безчестящихъ, чтобы другихъ сдѣлать нечестивыми»³⁾). Сколько же нужно пастырю учености, чтобы разоблачать эти соплетенія и доказать, что «ученіе новыхъ богослововъ — хула, а не богословствованіе?»⁴⁾).

Твердое знаніе и исповѣданіе чистаго ученія вѣры нужно пастырю для утвержденія своей паствы въ вѣрѣ чистаго исповѣданія. «Бесѣдующему о предметахъ вѣры въ многочисленномъ собраніи людей всякаго возраста и разныхъ способностей», — разсуждаетъ св. отецъ, — «которое, подобно многострунному органу, требуетъ неодинаковыхъ удареній, трудно

¹⁾ I, 34.

²⁾ IV, 151.

³⁾ III, 156—157

⁴⁾ Ibid

найти слово, которое бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія. Трудно уже и потому, что, какъ опасность съ трехъ сторонъ, т.-е. отъ мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если не во всемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ чемъ-либо одномъ. Ибо если умъ не просвѣщенъ, или слово слабо, или слухъ не очищенъ, и потому не вмѣщаетъ слова; то отъ одной изъ сихъ причинъ такъ же, какъ и отъ всѣхъ, необходимо храмлетъ истина»¹⁾. Упомянувъ о противодѣйствіи тѣхъ людей, которые, «чѣмъ горячѣе въ вѣрѣ, тѣмъ съ большимъ упорствомъ внимаютъ слову, почитая покорность оному не благочестіемъ, но измѣною истинѣ, и скорѣе готовы отказаться отъ всего, нежели отъ своихъ мыслей, съ которыми пришли, и отъ привычки къ догматамъ, въ которыхъ воспитаны», св. отецъ останавливается на тѣхъ людяхъ, которые, «по невѣжеству и слѣдствію онаго—дерзости, съ жадностью, какъ свиньи, кидаются на всякое ученіе». Такіе, не имѣя у себя ни собственнаго мнѣнія, ни какого-либо образца, худого или добраго, для ученія о Богѣ, готовы слушать всякое ученіе и всякаго учителя, чтобы изъ всего выбрать лучшее и безопаснѣйшее, и такой выборъ довѣряютъ самимъ себѣ—худымъ судьямъ истины. А потомъ, переходя и возвращаясь отъ одной вѣроятности къ другой, нагруженные и подавленные ученіями всякаго рода, перемѣнивъ многихъ учителей и многія писанія разбросавъ легкомысленно, какъ пыль на вѣтеръ, когда утомится и слухъ и умъ, начинаютъ оказывать одинаковое отвращеніе ко всякому ученію, и напечатлѣваютъ въ себѣ гибельное правило—осмѣивать и презирать самую вѣру христіанскую, какъ нѣчто нетвердое и не имѣющее въ себѣ ничего здраваго, дѣлая невѣжественное заключеніе отъ учащихъ къ ученію, подобно такому человѣку, который «имѣя разстроенные глаза или поврежденные уши, винить солнце

¹⁾ I, 31—32

или звуки,—первое, что оно темно и не блещетъ, а послѣд-
ніе,—что они слабы и беззвучны» ¹⁾).

Но ни одного умственнаго развитія, ни въ соединеніи съ богословскимъ знаніемъ далеко недостаточно для пастырскаго дѣланія. Въ обладанію «священной философіей» ²⁾ и къ богословской начитанности нужно присоединить искреннюю убѣжденность въ правотѣ своего ученія, горячую вѣру въ него. Иначе холодная разсудочная вѣра всегда будетъ сильна только логическими доводами и выводами; не имѣя же сердечной теплоты и проникновенности ею, будетъ отзываться фальшивающимъ чувствомъ. Личная искренность и убѣжденность необходимы пастырю на каждомъ шагу. Онъ всегда долженъ помнить, что наилучшее средство привлечь шатающіеся умы къ послушанію уму Христову и удержать ихъ въ вѣрѣ — есть личная горячая вѣра самихъ пастырей и учителей, а потомъ уже устойчивость и неизмѣнность чистаго исповѣданія ³⁾, соединенныя съ непоколебимой преданностью ей ⁴⁾, — качества, являющіяся наилучшимъ средствомъ побудить сдѣлать заключеніе отъ учащихъ къ ученію въ благопріятномъ для вѣры смыслѣ.

Наконецъ, правое ученіе вѣры пастырь долженъ умѣть преподавать и вѣрующимъ. Слово пастыря, являясь «для однихъ — младенцевъ по вѣрѣ — млеко и растеніями, для другихъ — совершенныхъ — пищею высшею и болѣе твердою, но всѣхъ укрѣпляя во Христѣ и давая имъ возрастать достойнымъ похвалы возрастаніемъ, какое производится словомъ, которое хорошо питаемаго имъ совершаетъ въ мужа и приводитъ въ мѣру духовнаго возраста», должно быть словомъ чистаго ученія, безъ примѣси постороннихъ ученій. «Въ писаніи пастыря не должно быть ничего чернаго, чтобы того же не оказалось и въ письменахъ, начертанныхъ имъ на скрижа-

¹⁾ Ullmann, Gregorius v. Naz. Gotha, 1866, 365.

²⁾ III, 148.

³⁾ IV, 84—86, 102

⁴⁾ V, 40.

ляхъ пасомыхъ»¹⁾). Свою мысль св. отецъ характерно и мѣтко выражаетъ такими словами. «Мы неспособны корчемствовать словомъ истины и мѣшать вино съ водою, т.-е. ученіе, веселящее сердце человѣческое, съ ученіемъ пошлымъ и дешевымъ, влачимымъ по землѣ, пропадающимъ и текущимъ понапрасну, какъ дѣлаютъ многіе. Они, чтобы отъ такого корчемства получить и себѣ прибытокъ, бесѣдуютъ съ приходящими о томъ и другомъ, такъ и иначе, въ угожденіе всякому, подобно какимъ-нибудь чревоущителямъ и суесловамъ, для собственной своей заботы употребляютъ слова, изъ земли изглашаемыя и въ землю уходящія, какъ будто тѣмъ болѣе они прославляются въ народѣ, чѣмъ больше вредятъ себѣ и губятъ себя, проливая кровь неповинную самыхъ простыхъ душъ, которая будетъ взыскана отъ рукъ нашихъ»²⁾).

Пастырь Церкви долженъ всегда помнить, чей онъ ученикъ, чье ученіе преподаетъ и какому взысканію подвергнется за невѣрность своего ученія. Къ служенію словомъ онъ долженъ приступать такъ, какъ требуется отъ приступающихъ къ священнодѣйствію, т.-е. очистивши уста и мысль, заботясь о томъ, чтобы слово его «было благочестивымъ и спасительнымъ для цѣлаго міра ученіемъ»³⁾). Онъ долженъ являть и силу въ словѣ, чтобы «ясно выразить умопредставляемое»⁴⁾); долженъ стяжать опытность въ ученіи, чтобы «уста его могли растворяться благовременно, а языкъ—исполняться радостію и быть органомъ божественнаго сладкопѣнія»⁵⁾). Пастырь долженъ «мудрствовать выше, нежели по-человѣчески»⁶⁾). Самъ «испытавъ всѣ глубины Духа, изъ сихъ глубинъ онъ долженъ почерпнуть все нужное, чтобы образовать нравы, отвле-

¹⁾ I, 31—33.

²⁾ I, 34—35.

³⁾ IV, 43.

⁴⁾ IV, 53.

⁵⁾ I, 58

⁶⁾ IV, 93

катъ отъ настоящаго и переселять въ будущее, имѣя для себя примѣромъ великихъ отцевъ и учителей церкви > ¹⁾).

3) Пастырь церкви долженъ *обладать высокими нравственными качествами.*

Если и вообще для вѣрующихъ нельзя указать предѣла нравственнаго совершенствованія, то для пастыря Церкви, въ частности, въ силу его долга, не можетъ быть опредѣлена «мѣра въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенствованію».

Св. отецъ предъявляетъ къ пастырю рядъ хотя строгихъ, но вполне справедливыхъ требованій. По его мнѣнію, пастырь прежде всего самъ долженъ имѣть то, чему онъ хочетъ научить другихъ. Онъ самъ долженъ вести богоугодную жизнь, если хочетъ научить ей пасомыхъ, ибо нельзя возродить живой и добродѣтельной вѣры тому, у кого эта вѣра мертва и бесплодна ²⁾). «Первое, чего намъ бояться должно,—говоритъ онъ,—есть то, чтобы намъ не оказаться худыми живописцами чужой добродѣтели, особенно же негоднымъ подлинникомъ для другихъ живописцевъ, можетъ быть не худыхъ, но многихъ, или чтобы намъ не подойти подъ пословицу: беремся лечить другихъ, а сами покрыты струпами. Во-вторыхъ, если бы кто изъ насъ сохранилъ себя, даже сколько можно болѣе чистымъ отъ всякаго грѣха, то, не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить другихъ добродѣтели? Кому ввѣрено сіе, тотъ не только не долженъ быть пророчнымъ, но долженъ отличаться добродѣтелью. Онъ обязанъ не только изглаждать въ душѣ своей худые образы, но и напечатлѣвать лучшіе, чтобы ему превосходить другихъ добродѣтелью больше, нежели сколько онъ выше ихъ по достоинствамъ. Онъ долженъ не знать даже мѣры въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству, почитать не столько прибыльнымъ то, что пріобрѣтено, сколько потерю то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда въ ступень къ высшему, и не

¹⁾ IV, 100

²⁾ Ullmann, цит. с. 364

высоко думать о себѣ, если и многихъ превосходитъ, но признавать урономъ, если не соответствуетъ въ чемъ сану. Ему должно измѣрять свои успѣхи заповѣдью, а не примѣромъ ближнихъ... Напротивъ того, должно почитать порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что произведено имъ худого, заслуживаетъ наказанія и строго истязуется самымъ закономъ, а въ начальникѣ и предстоятелѣ—даже то, что онъ не достигъ возможнаго совершенства и не преуспѣваетъ непрестанно въ добрѣ; потому что ему надобно превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, и не силою обуздывать, но доводить до порядка убѣжденіемъ» ¹⁾).

По мысли св. отца, кто чѣмъ выше по достоинствамъ или по положенію въ обществѣ, тотъ тѣмъ превосходитѣе долженъ быть по добродѣтели. Пастырю Церкви, а въ особенности, предстоятелю, призванному возглавлять Церковь, предлежитъ подвигъ постоянного совершенствованія въ добродѣтели. Если къ кому, то болѣе всего къ пастырю относится пожеланіе св. отца: «Превзойди самого себя» ²⁾).

Наконецъ, замѣчательна и та мысль св. отца, что извѣстная степень нравственной высоты служить условіемъ обладанія истиной и, потому, если для пастыря Церкви разумнѣе истины есть главное дѣло, безъ чего нельзя быть даже и христіаниномъ, то нравственная испорченность крайне вредна и опасна въ познаніи истинъ вѣры ³⁾).

Въ частности пастырю нужны: а) «ревность по добродѣтели, какъ собственное его произволеніе, выражаемая и дѣйствительно оказываемая словомъ и дѣломъ, если онъ хочетъ, чтобы ввѣренныя ему души, которыя для него всего предпочтительнѣе, хорошо были врачуемы, очищаемы и цѣнимы дороже всего» ⁴⁾);

¹⁾ I, 19—20.

²⁾ VI, 269

³⁾ I, 33

⁴⁾ I, 23.

б) опытность въ побѣжденіи дурныхъ навыковъ и возвращеніи добрыхъ. Пастырямъ, какъ служителямъ и сотрудникамъ Божьяго врачеванія и дѣтководительства, тѣмъ болѣе, какъ предсѣдательствующимъ предъ другими, «важно знать и врачевать собственныя немощи и недуги, чтобы быть въ состояніи врачевать и искусно очищать другихъ, такъ чтобы отъ сего была польза тѣмъ и другимъ, и имѣющимъ нужду во врачеваніи, и поставленнымъ врачевать»¹⁾;

в) наличность качествъ, обусловливающихъ вступленіе и прохожденіе пастырскаго званія. «Кто, повѣривъ самъ себя по правиламъ и опредѣленіямъ, какія Павелъ постановилъ для епископовъ и пресвитеровъ, а именно: быть трезвыми, цѣломудренными, не пьяницами, не бійцами, назидательными, во всемъ неукоризненными и неприкосновенными ни къ чему худому, кто, говоря, не найдетъ себя много уклонившимся отъ правоты правилъ? А какіе законы даетъ Іисусъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь? Существенное въ нихъ,—не говоря о подробностяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы ученики таковы были по добродѣтели, такъ благоустроены и соотвѣтственны своему званію, и, если должно выразиться короче, столь небесны, что благовѣствованіе не менѣе распространялось посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ словъ»²⁾. Служеніе священника должно быть непорочное, ангельское, ибо оное служеніе, какъ достойное ихъ собственного служенія, уважаютъ и ангелы, служащіе Чистѣйшему³⁾;

г) стяжаніе того духа богобоязненности и чувства постоянного хожденія предъ Богомъ, которые бываютъ слѣдствіемъ долговременнаго упражненія въ добродѣтели. «Не столько важно соблюсти образъ добра,—наставляетъ св. отецъ,—какъ обновить въ себѣ богобоязненность. Первое есть дѣло навыка, по-

¹⁾ I, 25.

²⁾ I, 47—48.

³⁾ II, 81

слѣднее—дѣло благого произволенія; и первое находимъ во многихъ, а послѣднему немного видимъ примѣровъ» ¹⁾);

д) обладаніе въ возможномъ совершенствѣ какъ христіанскими добродѣтелями, такъ и общечеловѣческими достоинствами, напр., честностью, благородствомъ. Только въ пастырствѣ, какъ сословіи, открытомъ для всѣхъ вѣрующихъ, о благородствѣ и худородствѣ судятъ не по крови, но по правамъ, по свойствамъ характера и поведенія ²⁾).

Въ ветхозавѣтныхъ постановленіяхъ о томъ, чтобы даже тѣлесные пороки и въ священникахъ и въ жертвенныхъ животныхъ подвергались строгому изслѣдованію, а равно и въ узаконеніяхъ о томъ, чтобы совершенное приносили совершенные, св. отецъ видитъ символическое требованіе душевной непорочности отъ служителей Церкви. Если запрещалось касаться священныхъ предметовъ, вкушать жертвы, входить во святилище и пр. тѣмъ, кто былъ хотя мало нечистъ душою и тѣломъ, если и для правомочныхъ ограничивался доступъ во Св. Святыхъ и не для всѣхъ возможно было касаться къ завѣсѣ, или къ святилищу, или къ кивоту, то, «зная все это, а вмѣстѣ и то, что всякій недостоинъ Великаго Бога, Архіерея и Жертвы,—какъ можетъ облечься въ образъ и санъ іерея тотъ, кто не освятилъ рукъ преподобными дѣлами..., кто всякій членъ свой не сдѣлалъ оружіями правды, не отложилъ всякую мертвенность..., кто не показалъ на опытѣ своихъ доблестей?» ³⁾).

Неувѣренность въ собственномъ преуспѣяніи въ добродѣтели или сознаніе своей маломощности въ ней должны являться причиной къ самому сильному страху и представлять самую крайнюю опасность для кандидата во главу полноты Христовой, если онъ сознаетъ и важность преуспѣянія и пагубныя слѣдствія погрѣшенія въ семъ дѣлѣ. Свои мысли по

¹⁾ II, 213.

²⁾ I, 220.

³⁾ I, 57—60

сему поводу св. отецъ образно изображаетъ въ слѣдующей картинѣ. «Пусть другой, разсуждалъ я, кто многоопытенъ въ мореходствѣ и торговлѣ, плыветъ за куплею, переходитъ обширныя моря, борется всегда съ вѣтрами и волнами, многое, если удастся, пріобрѣтая и много бѣдствуя. А для меня, который держуся суши, веду неглубокую и легкую борозду жизни, съ выгодами и моремъ раскланиваюсь издали,—пріятнѣе жить такъ, какъ могу, съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба, и влечить дни въ безопасности и безмятежии, нежели для большихъ выгодъ кидаться на долговременную и большую опасность. Для человѣка, поставленнаго высоко, и то уже потеря, если онъ не предприимлетъ большаго, не распространяетъ доблестей своихъ на многихъ, но останавливается на маломъ числѣ людей и какъ бы большимъ свѣтомъ освѣщаетъ малый домъ, или юношескимъ всеоружіемъ покрываетъ дѣтское тѣло. А для человѣка маловажнаго всего безопаснѣе нести малое бремя, не возбуждать смѣха и не увеличивать опасности возложеніемъ на себя чего-либо не по силамъ. Ибо, какъ слышимъ, и башню строить прилично только тому, у кого есть чѣмъ ее доверить»¹⁾.

Пастырю предлежитъ постоянный подвигъ постепеннаго восхожденія посредствомъ дѣлъ, чтобы чрезъ очищеніе пріобрѣтать высшую чистоту. Онъ не долженъ подоби́ться тѣмъ, которые только собираютъ матеріалъ для постройки, а къ самой постройкѣ все не приступаютъ. Пастырю нужно не казаться добродѣтельнымъ, а быть имъ на дѣлѣ, не грезить совершенствомъ, а стремиться къ нему въ дѣйствительности²⁾. Св. отецъ считаетъ истиннымъ богословомъ не того, кто высоко разсуждаетъ, но того, кто свято живетъ. «Хочешь ли современемъ стать богословомъ и достойнымъ божества? — вопрошаетъ онъ. — Соблюдай заповѣди и не выступай изъ повелѣній. Ибо дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію.

¹⁾ I, 59—60.

²⁾ IV, 120

Трудись тѣломъ для души... Царство небесное есть не что иное, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго» ¹⁾. Св. отецъ указываетъ и источникъ святыхъ чувствованій, изъ коего пастырь можетъ черпать силы для преуспѣянія въ совершенствѣ. Это — чтеніе книгъ духовно-нравственнаго и подвижнаго содержанія. Оно «очищаетъ душу и тѣло, дѣлаетъ человѣка угоднымъ для Бога храмомъ, органовъ, въ который ударяетъ Духъ, пѣснопѣвцемъ Божіей славы и Божія могущества... Черезъ него я образуюсь, прихожу въ благоустройство, изъ одного человѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь божественнымъ измѣненіемъ» ²⁾.

Если бы потребовалось въ немногихъ словахъ характеризовать нравственный обликъ пастыря, то отличительною чертою его должно признать благочестіе и, при назидательной жизни, — обладаніе словомъ ³⁾. «Для Бога ничто такъ не достоѣнно, какъ слово очищенное и душа совершенная ученіями истины» ⁴⁾. У пастыря Церкви слово не должно расходиться съ дѣломъ, чтобы онъ училъ такъ, а жилъ и подвизался иначе. «Напротивъ того, въ немъ все одно другимъ должно поддерживаться, и какъ въ одной лирѣ, все одинаково должно быть настроено, — и жизнь, и ученіе, и подвиги, и бѣдствія. Онъ долженъ нести всѣмъ миръ и благословеніе, всѣхъ привлекая ко Христу, подражая свойствамъ двухъ похваляемыхъ камней, являясь для однихъ адамантомъ, для другихъ — магнитомъ. Онъ долженъ такъ жить и учить, чтобы дѣла и нравы его служили примѣромъ для другихъ, а ученіе его было точнымъ выраженіемъ истинной вѣры» ⁵⁾. Для пастыря красотою должна быть добродѣтель, величіемъ — богословіе, шествіемъ — непрестанное стремленіе и восхожденіе къ Богу, силою — сѣяніе и раздаяніе

¹⁾ II, 142.

²⁾ IV, 101.

³⁾ IV, 45, 62.

⁴⁾ IV, 25

⁵⁾ II, 166—167, 172.

слова ¹⁾). Вся жизнь пастыря, его поступки, поведение должны быть выраженіемъ заботъ только о всемъ богоугодномъ, а не о мірскомъ ²⁾). «Остерегайтесь, о іереи, — предупреждаетъ св. отецъ, — чтобы языкъ вашъ, долженствующій быть какъ гусли, не прозвучалъ чего-либо нестройнаго... Одинъ источникъ не даетъ сладкой и горькой струи» ³⁾). По своей жизни и по своимъ качествамъ пастырь долженъ быть «заслуживающимъ большее одобреніе, быть во всѣхъ отношеніяхъ украшеннымъ лѣпотою добродѣтели», долженъ быть изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣніе, изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для общаго блага», для пользы въ жизни будущей ⁴⁾).

Уже изъ изложенныхъ мыслей св. отца о нравственныхъ качествахъ пастыря явствуется, какія высокія требованія онъ предъявляетъ къ кандидату пастырства. Онъ требуетъ отъ него извѣстнаго совершенства въ добродѣтели, какъ выраженія высшей нравственной чистоты и святости жизни. Пастырь долженъ быть не просто добродѣтеленъ, но высокъ по добродѣтели, ея образцомъ и учителемъ ⁵⁾). Вслѣдъ за св. Григоріемъ Богословомъ онъ долженъ возможно чаще задавать себѣ вопросы: «по плоти я дѣвственникъ, но дѣвственникъ ли я въ сердцѣ? На словахъ я небесенъ, а сердцемъ не прильнулъ ли къ землѣ?» ⁶⁾). «Подобно золоту и серебру обращаясь всюду, онъ во всякомъ обстоятельстве и дѣлѣ не долженъ звучать, какъ поддѣльная и нечистая монета, нисколько не долженъ содержать въ себѣ вещества худого, которое бы требовало сильнѣйшаго огня» ⁷⁾). Авторитетъ пастыря—въ его добродѣ-

¹⁾ IV, 100.

²⁾ VI, 63—67.

³⁾ IV, 290.

⁴⁾ VI, 124; IV, 38

⁵⁾ I, 13, 16.

⁶⁾ IV, 208.

⁷⁾ I, 18

тели ¹⁾). Онъ долженъ быть не просто нравствененъ, но безукоризненъ и по предшествующей и по настоящей своей дѣятельности, какъ то подобаетъ учителю благочестія и тайноводителю ко святынѣ, призванному приносить жертвы не столько за себя, сколько о людскихъ невѣжествіяхъ ²⁾). Онъ долженъ быть настолько непороченъ, чтобы смѣло могъ смотрѣть въ глаза всякому и говорить: «скажи мнѣ мои неправды» ³⁾). Лекарю другихъ должно быть самому здоровымъ ⁴⁾, потому что «неприлично бороться со злыми скорбями тому, кто долженъ быть цѣлителемъ недуговъ въ другихъ» ⁵⁾). Путеводящее око должно быть свѣтло. «Особенно вамъ, служители алтаря, — учить св. отецъ, — совѣтую не быть окомъ, исполненнымъ тьмы, чтобы не оказаться первыми въ порочной жизни. Ибо если свѣтъ теменъ, чѣмъ будетъ самая тьма?» ⁶⁾). Помня удобопреклонность ко грѣху, по которой человѣкъ всегда въ пути, и предназначеніе его къ величественной цѣли, пастырь долженъ опытно знать свойства духовной борьбы и способы успешнаго шествованія въ высоту ⁷⁾). Онъ не долженъ, подобно кубарю, кружащемуся на одномъ мѣстѣ, хотя и имѣющему видимость какъ бы движущагося, оставаться на одномъ мѣстѣ, въ одномъ положеніи и не совершенствоваться въ добрѣ. Онъ долженъ идти впередъ и впереди другихъ ⁸⁾). Воспитывая же другихъ въ добродѣтели, онъ долженъ быть бдителенъ за самимъ собою, чтобы не преткнулись въ чемъ-либо его ноги ⁹⁾). Помня, что «дѣволъ входитъ въ сердце человѣка сначала не важными грѣхами, а потомъ врывается большою мутною рѣ-

¹⁾ IV, 76—78

²⁾ II, 148—149

³⁾ III, 139

⁴⁾ I, 19

⁵⁾ IV, 262.

⁶⁾ V, 170

⁷⁾ IV, 208

⁸⁾ I, 144

⁹⁾ V, 8.

кою, пока не поглотить его, какъ бездна» ¹⁾), пастырь долженъ быть не только цѣломудреннымъ, но не подавать даже и подозрѣнія въ чемъ-либо гнусномъ ²⁾); долженъ постоянно отрѣшаться отъ дебелости плоти, очищать и обновлять себя свѣтлою жизнью ³⁾. «Будемъ бѣгать доброцвѣтности, — увѣщаетъ св. отецъ сопастырей, — и смотрѣть въ самихъ себя. Похоть — сладкая приманка, доброцвѣтная отравя... Войди въ себя»...⁴⁾

Должно сказать даже болѣе того, что сказано о требованіяхъ нравственной высоты, предъявляемыхъ св. отцемъ къ пастырямъ: онъ желаетъ отъ пастырей аскетизма, который долженъ проявляться какъ въ преуспѣяніи въ добродѣтели, такъ и во внутренней борьбѣ съ страстными пожеланіями. Молитвенные уединенные подвиги, самособранность, упражненіе въ духовной жизни обязательны для того, кто желаетъ быть учителемъ духовной жизни для людей всякаго времени и случая, рода и возраста. Пастырь долженъ пріучаться всегда жертвовать своими личными интересами и чувствами для долга своего званія ⁵⁾. Являя собою примѣръ разсудительности, негнѣвливости, немѣстительности, онъ долженъ пріучаться управлять своими помыслами ⁶⁾. «Похотливое око — самое наглое и ненасытимое изъ чувствъ: оно касается часто даже и неприкосновеннаго» ⁷⁾. Тѣло всегда поднимаетъ войну со стремленіемъ человѣка подавить и ограничить страстныя движенія. Оно, сродникъ и сослужитель души, всегда является и ласковымъ врагомъ и коварнымъ другомъ, напоминая человѣку о томъ, что онъ, образъ Божій, смѣшанъ съ грязью, что онъ великъ и низокъ, земень и небесенъ ⁸⁾. «Нося въ тѣлѣ того же

¹⁾ V, 26

²⁾ V, 96.

³⁾ V, 130.

⁴⁾ IV, 118.

⁵⁾ II, 71; I, 253.

⁶⁾ II, 166; IV, 68

⁷⁾ II, 207

⁸⁾ II, 8—9

сатану, который былъ данъ ап. Павлу», пастырь имѣеть возможность бороться съ нимъ слезнымъ исповѣданіемъ своихъ немощей и частымъ совершеніемъ литургіи ¹⁾. Кромѣ того, св. отецъ для умерщвленія страстныхъ движеній плоти, для увяданія красоты, привлекающей козни, для снисканія милосердія на смиренно прибѣгающаго къ Богу, усиленно рекомендуетъ пастырю постъ и сонъ на голой землѣ. «Ибо никакимъ служеніемъ такъ не благоугождается Богъ, какъ злостраданіемъ, и за слезы Онъ воздаетъ милостью» ²⁾. По примѣру Господа, совершавшаго дѣла—Свои чудотворенія—на народѣ, а для молитвы уединявшагося въ пустыню, пастырю потребно возможно чаще погружаться въ безмолвіе для невозмутимаго собесѣдованія съ Богомъ. для «высшаго упражненія», чтобы хотя нѣсколько возводить свой умъ отъ непостояннаго, суетнаго къ вѣчному ³⁾. Мозоли на колѣнахъ, потоки слезъ, постническій видъ—лучшіе свидѣтели аскетическихъ трудовъ пастыря ⁴⁾.

4) Св. Григорій Богословъ предъявляетъ къ пастырю рядъ *пожеланій, касающихся его внѣшности, его семьи, его отношеній къ сослуживцамъ и сопастырямъ.*

Желая видѣть іереевъ, почтенныхъ сановитостью и лѣтами ⁵⁾, и требуя отъ нихъ благоговѣйнаго приступанія къ ихъ высокимъ и священнымъ обязанностямъ ⁶⁾, св. отецъ убѣждаетъ ихъ «не совершать святаго нечисто, высокаго—низко, честнаго—безчестно, духовнаго—по-земному. «Все у насъ, духовныхъ, должно быть, какъ духовно: дѣйствіе, движеніе, желаніе, слова, даже походка и одѣяніе, даже мановеніе, потому что умъ на все простирается и во всемъ образуетъ человѣка по Богу» ⁷⁾. «Не запрещай давать себѣ и прохладу, но пресѣ-

¹⁾ IV, 38; VI, 54; II, 115.

²⁾ II, 208.

³⁾ II, 243.

⁴⁾ III, 124.

⁵⁾ IV, 39.

⁶⁾ VI, 70.

⁷⁾ I, 247.

кай неумѣренность». Если справедливо, что одежда человека, его манера носить ее, походка, движеніе и пр., есть языкъ его, то пастырь долженъ тщательно наблюдать за этимъ своимъ языкомъ, всякому краснорѣчиво свидѣтельствующимъ о внутреннемъ содержаніи его обладателя¹⁾). Однако, по мысли св. отца, забота пастыря о величавой наружности, соединенная съ презрѣніемъ простоты,—предосудительна, «какъ будто все общеупотребительное и обыкновенное достойно презрѣнія»²⁾). Отсюда, величавость наружности должна быть слѣдствіемъ благородной простоты и естественности.

Члены семьи пастыря должны вести себя благоприлично, чтобы посторонніе не соблазнялись ихъ поведеніемъ. «Людьми всего пріятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ»... Они обращаютъ какъ бы въ постоянное занятіе укорять и блазниться поведеніемъ членовъ семьи пастыря, если видятъ, что послѣдніе идутъ за вѣкомъ, а не ставятъ для себя и единственной славы, и безопасности, и обогащенія въ томъ, чтобы мужественно противоборствовать времени и поставить себя какъ можно дальше отъ всякой нечистоты и скверны. Какъ въ этомъ случаѣ пастыри убѣждать другого не увлекаться временемъ, какъ наказывать провинившихся въ чемъ-нибудь, когда сами они терпятъ въ своей семьѣ что-либо подобное?³⁾ Вся обстановка семейной и обыденной жизни пастыря должна быть выраженіемъ того христіанскаго духа, проповѣдникомъ коего пастырь является по призванію. Было бы, въ частности, преступно, если бы его трапеза «умащалась срамомъ благовонія», а «плоть разрасталась бы шире плоти слона», когда другіе нуждаются въ самомъ насущномъ для жизни⁴⁾.

Въ отношеніяхъ пастырей къ сопастырямъ должны проявляться чувства солидарности и взаимнаго уваженія. Изъ сферы

¹⁾ А. Vinet «Past. Theol», Paris, 1850, 149.

²⁾ I, 136.

³⁾ VI, 94—95.

⁴⁾ I, 169; II, 18; V, 94.

ихъ отношеній всецѣло долженъ быть изгнанъ мелкій духъ зависти и соперничества, подобный тому, который заставляетъ занимающихся однимъ ремесломъ косо, подозрительно и недружелюбно смотрѣть на своихъ конкурентовъ по профессіи. «И горшечникъ косо смотритъ на горшечника, и плотникъ на плотника»¹⁾. Между людьми образованными, культурными такихъ чувствъ не должно быть. Въ отношеніи же къ пастырямъ они свидѣтельствовали бы о непониманіи ими духа своего служенія и задачъ званія. Св. отецъ глубоко страдалъ душею, когда видѣлъ вражду между пастырями. «Въ мирѣ живутъ разбойники, коихъ связало злодѣяніе, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодѣянія. Въ мирѣ живутъ пѣвцы одного хора, и воины одного отряда, и пловцы одного корабля. Только у насъ (пастырей) нѣтъ согласія»,—съ горечью замѣчаетъ онъ²⁾.

Но бываетъ миръ и миръ. «Кони пріятны конямъ, орлы—орламъ; галка садится рядомъ съ галкою»³⁾. Среди сослуживцевъ и сопастырей должно различать добрыхъ отъ худыхъ, и, поддерживая сношенія съ первыми, пастырю должно удаляться послѣднихъ. «Жизнь человѣческая бываетъ или божественною, или порочною, хотя по наружности часто это различіе не замѣчается. Такъ неодинаково и сердце молитвенниковъ великославнаго Христа. Одинъ—всегдашній слуга человѣческаго могущества, смотря по обстоятельствамъ, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, клонится туда и сюда, и подаетъ не врачество, но образецъ всякаго порока. Другой трепетными и благоговѣйными руками возноситъ даръ благодаренія Христовой Плоти и великимъ страданіямъ, какія понесъ на землѣ Богъ въ избавленіе наше отъ первородныхъ недуговъ. Такой живетъ для Единаго Христа, Имъ утѣшается, для Него возносясь отселѣ, отрѣшаетъ сердце отъ земного... Такой не за-

¹⁾ VI, 228.

²⁾ II, 188.

³⁾ IV, 195.

ботится о богатствѣ, о великихъ престолахъ, о человѣческой славѣ, пресмыкающейся долу. И нося на себѣ кожу могущественнаго царственнаго льва, не скрываетъ подъ нею рабства лисицы, чтобы не быть мертвоедцемъ, хитрецомъ, злодѣемъ, перекидываться во всѣ виды порока»¹⁾).

Пастырь долженъ смотрѣть, въ средѣ какихъ молитвенниковъ онъ вращается, «свидѣтельствуясь рукою безсмертнаго Бога и страшнымъ днемъ, который потребитъ огнемъ легкое вещество, что онъ—не сопрестольникъ и не сотрудникъ такимъ, и не хочетъ участвовать съ ними ни въ совѣтѣ, ни въ плаваніи, ни въ пути, но желаетъ идти своимъ путемъ, пребывая вдали отъ злыхъ сослужителей и напечатлѣвая въ сердца мысли божественныя, не смѣшивающіяся съ худшимъ, и просвѣтленныя»²⁾).

Должно сторониться худыхъ пастырей еще и по другой причинѣ—для поддержанія авторитета пастырскаго сословія, именно, чтобы не дать пищи злорѣчію, не дать повода обвинять въ злонравіи цѣлое сословіе пастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «высокое и досточтимое наше таинство». «Людскія рѣчи,—говоритъ св. отецъ,—приражаются къ пастырямъ такъ же, какъ плѣна къ камню, какъ вѣтры къ соснѣ или къ другому густому и высокому дереву... Сколько бы кто ни былъ твердъ въ душѣ и искрененъ въ благочестіи, сему не хотятъ даже и вѣрить, что онъ вѣренъ, нелицемѣрно добродѣтеленъ и свободенъ отъ притворства. Напротивъ того, одинъ у насъ явно худъ; въ другомъ правдивость—одна личина и прикраса, обманывающая наружностью. Хотя не всѣ кажутся черными, потому что есть черные, не всѣ неблагородными, неблагообразными, немужественными, невоздержными, потому что много такихъ..., однако же обвиненіе въ злонравіи удобно распространяютъ на всѣхъ и дѣлаютъ общимъ обвиненіемъ цѣлаго

¹⁾ VI, 64.

²⁾ VI, 73

(сословія), не только потому, что многіе, но и потому, что нѣкоторые злонравны. Но гораздо страшнѣе сего то, что обвиненіе не останавливается на насъ однихъ (пастыряхъ), но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство. Ибо съ нашими судьями бываетъ то же, что почти и со всѣми охотниками судить о чужихъ дѣлахъ: одни изъ нихъ довольно снисходительны и человеколюбивы, а другіе очень жестоки и немилосердны. И первые насъ однихъ укоряютъ въ порокахъ, оставляя безъ укоризны наше ученіе. Другіе же особливо, когда встрѣчаютъ много худыхъ людей между удостоенными предстоятельства, обвиняютъ самый законъ, будто бы онъ учить злонравію» ¹⁾).

5) Отношенія къ паствѣ требуютъ отъ пастыря *«благоискуснаго прохожденія пастырства*, которое отвлекаетъ отъ міра, приводитъ къ Богу, истощаетъ тѣло, соединяетъ съ Духомъ, собираетъ тѣло въ ограду и пасетъ его» ²⁾.

Законъ пастырскаго служенія повелѣваетъ пастырю радоваться съ радующимися и въ печали стенать вмѣстѣ съ пасомыми ³⁾. Пастырелюбивость предстоятеля должна быть главнымъ руководящимъ началомъ въ его дѣятельности ⁴⁾, «чтобы быть ему не изъ числа тѣхъ пастырей, которые млеко ѣдятъ, волною одѣваются, тучное заколаютъ, оскорбляютъ трудомъ... которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ;—но принадлежатъ къ числу тѣхъ пастырей, которые могутъ сказать о себѣ съ Павломъ: кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется и меня не воспламеняетъ забота? Не ищу бо вашихъ, но васъ» ⁵⁾. Пастырь долженъ быть готовымъ всегда всѣмъ жертвовать для блага паствы, «не скрывать своихъ дарованій, не закрывать своего таланта въ землю, но наставлять вѣрныя

¹⁾ П, 193—195

²⁾ I, 236.

³⁾ П, 78.

⁴⁾ П, 176

⁵⁾ П, 240

ему души словомъ истины и содѣлывать ихъ сообразными духу» ¹⁾. Онъ долженъ жить не больше для себя, чѣмъ для другихъ, стараясь итти и вести стадо прямымъ путемъ, не принимая разные виды, не соображаясь съ обстоятельствами и дѣлами, дѣлаясь то такимъ, то инымъ, мѣняя разные цвѣта, подобно какъ полипъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому онъ присталъ; но всегда пребывая однимъ и тѣмъ же,—непоколебимымъ среди колебаній, несовратимымъ среди превратностей, являясь скалою, которая при ударахъ вѣтровъ и волнъ стоитъ незыблемо и сокрушаетъ приражающихся къ ней» ²⁾. Паства для пастыря—и слава, и радость, и вѣнецъ похваленія. Какъ зданіе или картина являются безмолвными выразителями или показателями генія зодчаго или живописца, такъ и паства носитъ на себѣ слѣды пастырской любви и вліянія своего предстоятеля, свидѣтельствуя о его внутреннихъ качествахъ ³⁾.

Въ практическихъ житейскихъ сношеніяхъ пастырь долженъ взять такой тонъ, который его необходимое участіе въ жизни вѣрующихъ какъ свѣта, судьи, ангела Божія не низводилъ бы съ пьедестала безпристрастнаго и ровнаго отношенія на обычную въ житейской средѣ страсть къ пересуживанію, по которой «людямъ всего пріятнѣе разсуждать о чужихъ дѣлахъ, особливо если увлекаются или благорасположеніемъ или ненавистью» ⁴⁾.

Наконецъ, пастырю нужно имѣть въ виду опредѣленные цѣли, опредѣленный ясный идеалъ и примѣнять опредѣленные и напередъ обдуманнныя средства къ достиженію его. Его пастырскія мѣропріятія не должны быть только «по поводу», съ характеромъ случайности. Его идеалъ—не есть что-либо туманное, расплывающееся, а — обдуманный, преднамѣченный,

¹⁾ III, 110.

²⁾ III, 172, 173

³⁾ Ibid.

⁴⁾ I, 12.

сроднившійся съ его душою. Какъ начальнику отряда нельзя разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ противникомъ, котораго онъ себѣ точно не представляетъ, такъ и пастырю нельзя вести пасомыхъ къ идеалу невыяснившемуся въ сознаниіи его самого, ихъ духовнаго вождя. Св. отецъ неоднократно предохраняетъ пастыря отъ увлеченія туманными идеалами и случайными средствами. «Гони коня къ цѣли... Всегда старайся, чтобы стрѣла твоя попадала въ самую цѣль» ¹⁾).

Частіе, отношенія къ паствѣ требуютъ отъ пастыря любви къ паствѣ, благоразумія, заботливости о ней, внимательности, неусыпности, при кротости строгаго обращенія, при производствѣ дѣлъ—ровности духа и спокойствія ²⁾). Пастырь долженъ чувствовать себя такъ родственно и тѣсно связаннымъ съ паствою, чтобы у него не хватало терпѣнія жить въ разлукѣ съ нею, но чтобы имѣть общій духъ и общія чувствованія.

Подлинно, одинъ день составляетъ пѣлую человѣческую жизнь для тѣхъ, которые страдаютъ любовью... И въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пастухъ скорбитъ о тельцѣ, который отсталъ отъ стада, объ овцѣ, которой недостаетъ въ десяткѣ, и птичка горюетъ о гнѣздѣ, которое оставлено не на долго. Одинъ, взявъ свирѣль, зоветъ заблудившихся, и, если послушаются, радуется о нихъ больше, нежели объ остальномъ стадѣ. А другая съ крикомъ летитъ къ гнѣзду, припадаетъ къ щебечущимъ птенцамъ и обнимаетъ ихъ крыльями. Какая же привязанность должна быть у добраго пастыря къ словеснымъ овцамъ, которыхъ онъ любитъ и объ обереганіи которыхъ отъ всяческихъ враговъ онъ безпрестанно заботится» ³⁾). Пастырь добрый, полагающій душу свою за паству, хорошо знаетъ ее, будучи и самъ знаетъ ею ⁴⁾). Не долженъ пастырь забывать и тѣлесныхъ потребностей и нуждъ своей паствы,

¹⁾ IV, 131, 210 и др.

²⁾ I, 137; II, 162.

³⁾ II, 238—239

⁴⁾ I, 6; III, 147

часто бѣдствующей, голодающей. Уча другихъ милосердію и состраданію, нельзя самому оставаться безучастнымъ зрителемъ ихъ бѣдствій. Въ дѣлѣ организаціи помощи бѣдствующимъ его примѣръ такъ же необходимъ, какъ и руководство въ дѣлахъ духовныхъ. А потому, онъ чаще долженъ повторять себѣ: «Не дай мнѣ Богъ ни жить богато, когда бѣдные нуждаются, ни наслаждаться здоровьемъ, если не дамъ помощи болящимъ... Пусть могучій вѣтеръ убьетъ и вихрь разсѣетъ поствѣ мой, если только для себя одного буду я сѣять»..., и помнить, что имущество, это скоро истлѣвающее стяжаніе, можетъ освятиться только тѣмъ, если мы будемъ обладать имъ какъ должно, дѣлая соучастниками его неимущихъ ¹⁾).

Являясь для пасомыхъ примѣромъ для подражанія, подобно тому, какъ если «кто пишетъ картину съ подлиннаго изображенія, тотъ ставитъ предъ собою подлинникъ, и потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ» ²⁾), такъ добрый пастырь представляетъ собою образецъ то самопожертвованія, когда исполняетъ должность стража, возвѣщая непокорному народу о грядущемъ мечѣ и признавая его грѣхи своими ³⁾); то — истинной скромности, поставляемой не въ одеждѣ, а въ благоустройствѣ души, и выражаемой не согбеніемъ выи, не густотою усовъ, не обритіемъ головы, не походкою, но смиреннымъ мнѣніемъ о себѣ ⁴⁾); то — простоты и незлобія ⁵⁾); то — преданности волѣ Божіей и упованія на Него ⁶⁾).

Вообще же, въ сношеніяхъ съ пасомыми пастырь долженъ «соединять въ себѣ мудрость змія въ разсужденіи зла и незлобіе голубя въ разсужденіи добра, не попуская и благоразумію сдѣлаться злоторнымъ, и простотѣ доходить до слабоумія» ⁷⁾).

¹⁾ II, 18.

²⁾ VI, 70

³⁾ II, 54.

⁴⁾ II, 99—100

⁵⁾ II, 172, 149, 101

⁶⁾ II, 253; IV, 65

⁷⁾ II, 103.

Отношенія его къ духовнымъ дѣтямъ должны быть вполне благожелательныя, миролюбивыя, словомъ—отеческія, ибо «щадить дѣтей требуетъ законъ отеческой любви» ¹⁾. Пасомые для пастыря—дѣти, соединенные съ нимъ общимъ духомъ и общими чувствованіями ²⁾. Его наставленія пасомымъ—заповѣди кротко совѣтующаго и сердечно любящаго отца ³⁾. Онъ «увлекательно бесѣдуетъ, назидательно шутитъ, обличаетъ не оскорбляя, выговора не доводитъ до наглости, а похвалы до потачки, но въ похвалѣ и выговорѣ избѣгаетъ неумѣренности, пользуясь ими съ разсужденіемъ и наблюдая время всякой вещи ⁴⁾. Пастырь долженъ проявлять въ отношеніи ко всѣмъ пасомымъ одинаковое безпристрастіе, ровность и нелицепріятіе. Являясь судьей ихъ дѣлъ, и по долгу званія, и по ихъ желанію, онъ не долженъ подражать обычаю «тѣхъъ судей, которые легко простятъ и самую важную вину людямъ значительнымъ, нежели малость—незначительнымъ» ⁵⁾.

Если бы мы хотѣли возможно точнѣе и короче охарактеризовать отношенія пастыря къ паствѣ, какъ это понимаетъ св. отецъ, то для сего едва ли можетъ быть что-либо лучше слѣдующаго его завѣта: «будьте животною силою для всѣхъ людей» ⁶⁾

Но трактуя о миролюбіи пастыря, мы должны оговориться. По мысли св. отца, миролюбивость пастыря не должна переходить въ послабленіе слабостямъ пасомыхъ, въ потаковничество имъ. «Міръ хорошъ съ миромъ», — говоритъ св. отецъ. «Съ прекращеніемъ же мира и міръ перестаетъ быть міромъ... Но не всякимъ миромъ должно дорожить. Есть прекрасное разногласіе и самое пагубное единомысліе... Должно любить доб-

¹⁾ II, 200

²⁾ II, 237

³⁾ VI, 81. 196—203

⁴⁾ IV, 99

⁵⁾ I, 245

⁶⁾ III, 223

рый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяющій съ Богомъ»... Пастырю нужно не совѣтъ соглашаться, но и не со всѣми разногласить ¹⁾). По смыслу своего званія, пастырь принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на которыхъ часто непріятно дѣйствуетъ пріятное для другихъ ²⁾).

Въ своихъ твореніяхъ св. Григорій Богословъ оставилъ намъ описаніе многихъ выдающихся пастырей: св. Аѳанасія Великаго, свм. Кипріяна, св. Василия В. и другихъ ³⁾). Вотъ напр., какими чертами рисуетъ онъ св. Аѳанасія, какъ пастыря: «Онъ сколько высокъ былъ дѣлами, столько смиренъ сердцемъ; въ добродѣтели никому недоступенъ, а въ обращеніи всякому весьма благопріступенъ, кротокъ, негнѣвливъ, сострадателенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ, еще пріятнѣе по нраву, ангелоподобенъ наружностью, еще ангелоподобнѣе сердцемъ; когда дѣлалъ выговоры — онъ былъ спокоенъ; когда хвалилъ — назидателенъ. Онъ ни одного изъ сихъ добрыхъ качествъ не портилъ неумѣренностью: у него выговоры были отеческіе, и похвалы, приличныя начальнику, и мягкость не составляла слабости, и строгость — жестокости; напротивъ того, первая представлялась снисходительностью, послѣдняя — благоразуміемъ, а та и другая — любомудріемъ. Ему немного нужно было словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни; ему рѣдко нуженъ былъ жезлъ, потому что достаточно было слова... Нравомъ былъ простъ, въ управленіи — многообразенъ; мудръ въ словѣ, еще премудрѣе разумомъ, гостепріименъ, заступникъ просящихъ, отвратитель золъ»... ⁴⁾). Въ такихъ же приблизительно чертахъ характеризуетъ онъ «пастырское искусство» св. Василия Великаго ⁵⁾).

¹⁾ I, 192

²⁾ IV, 35.

³⁾ II, 143, 201; IV, 41

⁴⁾ II, 149, 172.

⁵⁾ IV, 106—112, 96

6) Для полноты изложенія мыслей св. Григорія Богослова объ идеалѣ пастыря намъ остается еще познакомиться съ тѣми *наименованіями*, которыми онъ надѣляетъ его, характерно выражая самыми этими именами тѣ признаки и черты, съ которыми должны являться іереи, ибо «слово іерей — не одно пустое имя» ¹⁾.

А) Какъ посредники между Богомъ и людьми и какъ носители высшихъ идеаловъ духовно - нравственной жизни, пастыри именуются:

а) «органы Божіи, органы словесные, которые настроилъ и въ которые ударяетъ добрый художникъ, Духъ... Онъ ударяетъ въ умъ, и пастырь изглашаетъ слово»; его любомудріе — только говорить внушенія Духа ²⁾;

б) стражи народа, возвѣщающіе непокорному народу о грядущемъ мечѣ — возмездіи за неисповѣданіе грѣховъ и за неисправление пороковъ и привязанность къ нимъ ³⁾;

в) служители и таинники Божіи, прозрители въ небесное, начатокъ рода христіанскаго, опора вѣры, драгоценныя жемчужины, камни храма, для коего основаніе и краеугольный камень Христосъ; камни, предназначенные быть первыми работниками въ осуществленіи Божьяго домостроительства спасенія рода человѣческаго ⁴⁾;

г) дѣлатели Божіихъ законовъ и таинствъ, какъ призванные устроить духовно-нравственную и церковно-административную жизнь христіанскаго общества ⁵⁾;

д) достославные приставники душъ, носящіе на своихъ рукахъ созданіе великаго Бога, приводящіе людей въ преимущественное единеніе съ Богомъ; — основанія міра, свѣтъ жизни, опора слова, тайноводители въ жизнь свѣтлую и нескончаемую,

¹⁾ I, 51.

²⁾ I, 250

³⁾ II, 54.

⁴⁾ II, 131.

⁵⁾ VI, 56.

христоносцы поелику они уполномочены быть носителями высшей жизни ¹⁾);

е) добрые священники Царя, они являются какъ бы полководцами воинствующей со врагами Церкви, съ паденіемъ каковыхъ вождей все воинство преклоняется долу; какъ бы кормчими, безъ коихъ мореходный корабль опрокидывается губительнымъ вѣтромъ или сокрушается о камни; какъ бы управителями, безъ коихъ, или при невѣжествѣ коихъ, подобно, какъ дома, города, лики, колесницы и стада, терпятъ вредъ и Церковь. Посему, въ силу своей всегдашней готовности первому принять на себя всѣ опасности, грозящія его стаду, пастырь есть «мученикъ безъ крови, безъ ранъ вѣнценосецъ» ²⁾);

ж) пастырь—свѣтильникъ Церкви, подобно тому, какъ свѣтильникъ тѣлу — око. Посему, «какъ оку необходимо быть чистымъ, чтобы тѣло двигалось правильно, иначе, если око нечисто, то и тѣло движется неправильно; такъ вмѣстѣ съ предстоятелемъ Церкви, каковъ онъ будетъ, и Церковь или подвергнется опасности, или спасется» ³⁾).

Б) Какъ руководители вѣрующихъ ко спасенію и создатели ихъ въ избранные сосуды Божіи, пастырь—

а) земной Христосъ, воспитатель въ христіанской жизни. Пути пастыря совпадаютъ съ путями Христовыми; посему «послѣдши за пастыремъ на крылахъ» — учить св. отецъ, — «покаяйся ему безмолвно; съ нимъ радуйся, когда простираешься вверху, и ему подчиняйся, когда падаешь, чтобы, пришедши въ страхъ, опять вознестись высоко» ⁴⁾);

б) путеуказатель жизни и какъ бы предводитель стада птицъ, улетающихъ за улетѣвшими впередъ; онъ—дѣтководитель душъ, заботящійся о приличномъ со всякимъ обращеніи и о

¹⁾ VI, 67.

²⁾ VI, 68—69; IV, 91.

³⁾ VI, 122—123

⁴⁾ III, 223; V, 79.

питаніи, соотвѣтственно силамъ cadaго; онъ—невѣстоводитель, уневѣчивающій Христу души и опасаящійся, чтобы какую-либо изъ нихъ не извергли изъ брачнаго чертога, какъ не имѣющую брачнаго одѣянія и нагло вторгшуюся въ кругъ возлежащихъ тамъ ¹⁾);

в) споручникъ Божія человеколюбія, свидѣтельствующій о неизмѣнной милости Божіей къ каждому раскаявшемуся грѣшнику, ибо «гнѣвъ Ему противоестествененъ, а милость — естественна; къ гнѣву принуждаемъ Его мы, а къ милости Онъ Самъ стремится» ²⁾);

г) — добрый образователь и учитель, охотно со Христомъ умирающій и возстающій, облакающій въ новаго человека, въ новую тварь, въ рождаемыхъ по Богу; — художникъ, надстраивающій на основаніи зданіе вѣрнаго раба Христова; зодчій и живописецъ, по произведеніямъ которыхъ, говорящимъ сильнѣе слова, судится о достоинствахъ ихъ самихъ; пастырь—«архіепископъ Божіей скинии, употребляющій въ дѣло всякое вещество и искусство, все соплетающій вмѣстѣ, чтобы составилось преизящество и стройность единой красоты»; кораблестроитель того корабля и зодчій того дома, благополучно жить въ которыхъ предоставляется вѣрующему, хотя бы онъ и не прилагалъ къ устроенію ихъ особаго труда отъ себя ³⁾);

д) пастырь—строитель слова—ученія христіанскаго, правдивый раздаятель жить твердаго слова, дѣйствующій въ согласіи съ волею своего Небеснаго Домовладыки; раздаятель пшеницы, новой пищи для прекрасно алчущихъ, т.-е. жаждущихъ истиннаго ученія Христова; распорядитель пира, заботящійся о томъ, чтобы не отпустить своихъ гостей голодными, но обильно и щедро напитать cadaго, сообразно съ его нуждами и запросами ⁴⁾);

¹⁾ V, 220; II, 162; I, 34; I, 51.

²⁾ II, 51.

³⁾ I, 4; III, 125, 173; V, 152; IV, 80; III, 261—263

⁴⁾ I, 10; V, 81; III, 150; I, 246; III, 196.

е) пастырь — родитель вѣрныхъ въ жизнь благочестивую, переписчикъ въ сердца пасомыхъ того, что написано, знаменующій добрыми письменами правую вѣру и заботящійся о неизмѣнномъ храненіи написаннаго, при боловратности временъ; благочестивый краснописецъ, старающійся объ изглаженіи прежнихъ лукавыхъ образовъ и изображеній и о начертаніи новыхъ, лучшихъ и достойныхъ сохраненія; добрый совѣтникъ, вооруженный тремя доспѣхами — опытностью, дружбою и смѣлостью; добрый купецъ, требующій не только долга, но и роста добродѣтели, не только таланта, но и прибытка; — добрый сѣятель, заботящійся о плодоношеніи сѣмени по силамъ cadaго — во сто кратъ, шестьдесятъ или тридцать ¹⁾);

ж) наконецъ, для нравственно болящихъ пастырь—врачъ духовный, врачующій по примѣру и заповѣдямъ кроткаго, человеколюбиваго и понесшаго наши немощи Христа ²⁾).

¹⁾ V, 220; III, 262; I, 34; V, 108; II, 241.

²⁾ III, 131.

ГЛАВА 3-я.

„Или вовсе не учи, или учи добродушною жизнью“ (V, 170).

Достиженіе задачъ пастырскаго служенія—приводить къ Богу людей избранныхъ, царское священіе, языкъ святъ, и сдѣлать, чтобы въ большемъ числѣ людей очищался образъ¹⁾, — возможно при помощи средствъ пастырскаго воздѣйствія. Главнѣйшими изъ таковыхъ представляются: примѣрная жизнь пастырей въ соединеніи съ ихъ словеснымъ ученіемъ, молитва, милостыня и вообще добрыя дѣла. По мысли Небеснаго Пастыреначальника, «благовѣствованіе учениковъ Его и ихъ преемниковъ должно распространяться не менѣе посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ слова»²⁾. Въ благоискусномъ прохожденіи пастырства, въ управленіи душами, въ совершеніи людей «наученіе словомъ, дѣломъ и примѣромъ являются оружіями правды десными и шуйными»³⁾.

Къ изложенію мыслей св. Григорія Богослова объ этихъ средствахъ пастырскаго воздѣйствія, или оружіяхъ воинствованія и о способахъ ихъ примѣненія мы и переходимъ.

Добрая примѣрная жизнь должна быть признана первымъ, главнѣйшимъ и непремѣннымъ средствомъ пастырскаго воздѣйствія, потому что методъ нагляднаго обученія есть самый естественный и дѣйственный. «Или вовсе не учи», — заповѣ-

¹⁾ I, 252; V, 104, 2.

²⁾ I, 48.

³⁾ I, 236.

дуетъ св. Отецъ,—«или учи доброю жизнью. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать... Меньше потребуется словъ, если дѣлаешь, что должно. Живописецъ больше учитъ своими картинами... Особенно вамъ, служители алтаря,—продолжаетъ онъ,—совѣтую не быть окомъ, исполненнымъ тьмы, чтобы не оказаться первыми въ порочной жизни... Будь болѣе привязанъ къ Богу, чѣмъ стой за учение о Богѣ. Всякое слово можно оспаривать словомъ, но жизнь чѣмъ оспоришь?»¹⁾).

Добрая жизнь есть наилучшій показатель сердечнаго слѣдованія Христу. Потребностью благодарнаго сердца человѣческаго является принесеніе даровъ своему Владыкѣ. «Хотя бы ты все принесъ Богу, однако не принесешь Ему ничего достойнаго. Наилучшій даръ Богу—добрые нравы: послѣдовать за благимъ Владыкою, убѣгать отъ мірскихъ похотей, отъ обманчиваго міра и міродержителя, всецѣло посвятить себя Богу..., принести слезы, очищеніе отъ грѣховъ, восхожденіе и усиліе простираться впередъ»²⁾. Для пастыря же добрые нравы—не только показатель личной преданности Богу, но и могущественное средство пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ, въ силу указаннаго долга учить доброю жизнью, уподобляясь въ этомъ случаѣ «добрымъ живописцамъ, которые обучаютъ учениковъ тѣмъ, что показываютъ имъ много образцовъ»³⁾).

По мнѣнію св. отца, «примѣръ доброй жизни, убѣдительный для всѣхъ, особенно убѣдителенъ для простого народа, который плѣняется не столько словомъ, сколько дѣломъ,—этимъ безмолвнымъ увѣщаніемъ»⁴⁾. Поэтому, «не нужно много словъ тому, у кого для наставленія другихъ достаточно доброй жизни»⁵⁾. Но наученіе примѣромъ жизни есть оружіе обоюдоострое: оно можетъ имѣть и обратную сторону.

¹⁾ V, 170.

²⁾ V, 170; II, 123—124

³⁾ VI, 150

⁴⁾ VI, 159.

⁵⁾ II, 149, 142.

«Такъ какъ жизнь пастыря есть образецъ и урокъ благочестія», и онъ призванъ своимъ примѣромъ научить народъ исправленію порочной жизни¹⁾, то «готовящемуся учить другихъ добродѣтели должно отличаться добродѣтелью же и всемѣрно избѣгать того, чтобы его личная жизнь не произвела тѣмъ большаго зла, чѣмъ надъ большимъ числомъ людей будетъ онъ начальствовать, потому что порокъ, распространяющійся на многихъ, значительнѣе порока, остановившагося на одномъ»²⁾. Пастырь долженъ помнить, что «не такъ удобно тѣмъ принимаетъ на себя невыводимую краску, и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухъ и изъ воздуха сообщается животнымъ какое-нибудь вредное испареніе, производящее заразу и называемое заразою, какъ подчиненные, въ скорѣйшемъ обыкновенно времени, принимаютъ на себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку—добродѣтель. Въ семь порокъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелью... Особенно печально то, что порокъ есть дѣло, удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя бы никто насъ въ томъ не руководствовалъ; напротивъ того, стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя бы и многое къ ней влекло и побуждало... Добродѣтель неудобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для влажнаго вещества, но большая часть людей готовы и способны принимать на себя худое, подобно тростнику, который, по сухости своей, легко воспламеняется и сгораетъ при вѣтрѣ отъ искры. Ибо всякій скорѣе принимаетъ въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полыни тотчасъ сообщаетъ горечь всему меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ, не сообщаетъ полыни своей

¹⁾ П, 83, 51.

²⁾ I, 18—19.

сладости»¹⁾. Пастырю должно помнить объ этой удобопреклонности человѣческой природы ко злу болѣе, нежели къ добру, и о лучшей переимчивости худыхъ навыковъ предъ хорошими, и стараться не подавать ни малѣйшаго соблазна своею жизнью. «Выдерни малый камень,—метафорически поясняетъ свою мысль св. отецъ,—онъ повлечетъ за собою всю рѣку въ открытое мѣсто; удержать же и преградить ее едва ли возможетъ самая твердая плотина»²⁾.

Итакъ, самое лучшее средство для пастыря привлекать народъ къ нравственному порядку — доводить его до порядка убѣжденіемъ и расположеніемъ добровольно слѣдовать доброму примѣру своего наставника и руководителя, коего должно возвышать превосходство добродѣтели. Иныя средства, какъ напримѣръ, насильственные, совершенно непригодны и ненадежны. «Ибо все, что дѣлается недобровольно, кромѣ того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растенію, насильственно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Посему, законъ и Самъ Законоположникъ пастырства особенно повелѣваетъ пасти стадо не нуждею, но волею»³⁾.

Если примѣръ доброй жизни пастыря, обусловливаемый высокими нравственными достоинствами его самого, является истиннымъ дѣтководительствомъ, направляющимъ человѣка къ достиженію цѣли его жизни⁴⁾, то само собою понятно, «какой подвигъ предлежитъ пастырю и какія нужны ему свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самому уврачеваться,

¹⁾ I, 18—19.

²⁾ I, 18—19.

³⁾ I, 20

чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу?»¹⁾ Какъ для ходящаго по высоко-натянutomу канату не безопасно уклоняться въ стороны, и малое, повидимому, уклоненіе ведетъ за собою большее, безопасность же его зависитъ отъ равновѣсія: такъ и въ пастырскомъ дѣлѣ кто, по худой жизни или по невѣжеству, уклоняется въ ту или другую сторону, для того очень опасно, что и самъ онъ впадетъ, и вовлечетъ въ него управляемыхъ. Напротивъ того, должно идти самымъ царскимъ путемъ и остерегаться, чтобы... не уклониться ни надесно, ни нашуге... Отсюда, сколько труда доброму пастырю, желающему быть вождемъ своихъ пасомыхъ по закону прямого и справедливаго пастырства, которое было бы достойно истиннаго нашего Пастыря!»²⁾

Наконецъ, добрая жизнь по христіанскимъ законамъ и обычаямъ, которые сохранились и утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Божіею и долговременнымъ постоянствомъ, есть необходимое средство въ образовательномъ отношеніи: «Невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро»³⁾.

Такимъ образомъ, для надлежащаго исполненія пастырскихъ обязанностей нужна примѣрная жизнь, какъ наилучшее средство пастырскаго воздѣйствія. Такая жизнь, по мысли св. отца, свидѣтельствуя о внутреннемъ высокомъ содержаніи души пастыря, является показателемъ истинной мудрости, какъ необходимаго средства при слѣдованіи закону истиннаго пастырства. «Первая мудрость,—говоритъ онъ,—есть жизнь похвальная, очищенная или очищаемая, для пречистаго и пресвѣтлаго Бога, Который требуетъ отъ насъ одной жертвы—очищенія... Я хвалю и люблю ту мудрость, которою прославились незнатные, для которой предпочтены униженные, съ которою рыбаки уловили въ сѣти Евангелія всю вселенную, побѣдивъ упраздняемую мудрость словомъ совершеннымъ и сокращеннымъ. Не тотъ для меня

¹⁾ I, 26.

²⁾ I, 28—29.

³⁾ I, 135

мудрецъ, кто мудръ на словахъ, у котораго оборотливъ языкъ, а душа не обучена, кто подобенъ гробамъ, которые снаружи благообразны и красивы, а внутри полны мертвыхъ костей и скрываютъ въ себѣ великое зловоніе,—но тотъ, кто хотя мало говоритъ о добродѣтели, однако же многое показываетъ на дѣлѣ, и жизнью удостовѣряетъ въ словѣ» ¹⁾). Въ дѣлахъ, а не въ словахъ пастыря почерпаютъ себѣ пасомые силы, необходимыя имъ для религіозно-нравственной жизни ²⁾). «Трудись тѣломъ для души»,—этого совѣта св. отца не слѣдуетъ забывать тому, кто и самъ долженъ стремиться къ царству небесному, которое есть не что иное, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго, и другихъ вести за собою. «Дѣла, какъ ступени, ведутъ къ высшей духовно-религіозной жизни ³⁾). Не по хорошимъ словамъ, но по добрымъ дѣламъ пасомыхъ познается плодотворность и жизненность пастырскаго благовѣствованія ⁴⁾). Поэтому, говорить о Богѣ—великое дѣло, но гораздо больше—очищать себя для Бога ⁵⁾). И спасеніе наше—не столько въ словахъ, сколько въ дѣлахъ, ибо благодать дается не тому, кто хорошо говоритъ, но тому, кто хорошо живетъ» ⁶⁾).

2) Наученіе словомъ, или «житомѣріе» слова, составляя главнѣйшую обязанность пастырскаго званія ⁷⁾), является важнѣйшимъ послѣ доброй жизни средствомъ благотворнаго воздѣйствія пастыря на пасомыхъ. Невѣдущихъ оно просвѣщаетъ; оно заставляетъ заблуждающихся переувѣриться и перемѣниться, вѣрующихъ—укрѣпиться въ исповѣданіи, производя или внутренне или внѣшне благовременный ударъ въ ихъ

¹⁾ II, 41

²⁾ II, 99—100; IV, 112.

³⁾ II, 142.

⁴⁾ II, 242.

⁵⁾ III, 119.

⁶⁾ IV, 103; V, 170

⁷⁾ I, 29.

сердце, подобно какъ желѣзо въ кремень, часто отъ малой искры зажигая свѣтильникъ истины ¹⁾).

Слово, ученіе, проповѣдь—есть наилучшій способъ сѣянія слова Божія въ сердца человѣческія; это—сѣяніе, приносящее свой плодъ въ добромъ и плодотворномъ сердцѣ ²⁾). Оно—способъ купли душъ человѣческихъ на торжищѣ міра для царства небеснаго ³⁾). Слово—мечъ Христовъ, отдѣляющій вѣрныхъ отъ невѣрныхъ, худшихъ отъ лучшихъ, возбуждающій сына противъ отца, дочь противъ матери, невѣстку противъ свекрови ⁴⁾). Слово пастыря—труба, оглашающая большую часть воздуха, гласъ Божій, объемлющій міръ и потрясающій вселенную ⁵⁾).

Служеніемъ словомъ пастырь приноситъ самую приличную благодарственную жертву; оно—лучшій способъ торжествовать, праздновать духовно ⁶⁾). Оно—даръ, который чище злата, дороже многоцѣнныхъ камней, цѣннѣе тканей, святѣе жертвы подзаконной. Оно—лучшее богатство пастыря,—его слава, хвала, гордость. Оно дѣлаетъ его дерзновеннымъ проповѣдникомъ ⁷⁾). «Какъ служитель слова, я,—говоритъ св. отецъ,—добровольно никогда не пренебрегу сего стяжанія, но цѣню, люблю его и веселюсь о немъ болѣе, нежели о всемъ томъ въ совокупности, что радуетъ большую часть людей; дѣлаю его сообщникомъ всей жизни, добрымъ совѣтникомъ, собесѣдникомъ и вождемъ на пути къ горнему и усерднымъ сподвижникомъ. И такъ какъ презираю все дольнее, то вся моя любовь послѣ Бога обращена къ слову, или, лучше сказать, къ Богу, потому что и слово ведетъ къ Богу... Я домогаюсь даровъ премудрости и слова... Чрезъ слово я обуздываю порывы гнѣва,

¹⁾ I, 32.

²⁾ III, 4.

³⁾ III, 110.

⁴⁾ III, 113, 219

⁵⁾ IV, 99

⁶⁾ IV, 3

⁷⁾ IV, 15.

имъ усыпляю изсушающую зависть, имъ успокаиваю печаль, оковывающую сердце, имъ уцѣломудриваю сластолюбіе, имъ полагаю мѣру ненависти, но не дружбѣ... Слово въ изобиліи дѣлаетъ меня скромнымъ и въ бѣдности великодушнымъ; оно побуждаетъ меня итти съ идущимъ твердо, простирать руку помощи падающему, сострадать немощному и сорадоваться возмогающему. Съ нимъ равны для меня и отечество и чужая сторона, и переселеніе для меня не болѣе, какъ переходъ съ одного чужого мѣста на другое, не мое. Слово для меня раздѣляетъ міры, и отъ одного удаляетъ, къ другому приводитъ. Оно научаетъ меня не возноситься десными оружіями правды, и въ несчастныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ со мною любуемудрствуетъ, облегчая настоящее будущимъ. Словомъ предлагаю трапезу словесную и чашу духовную и вѣчную» ¹⁾).

Насколько видно изъ представленнаго панегирика слову, послѣднее является могучимъ орудіемъ въ рукахъ преданнаго своему дѣлу пастыря. Изъ личнаго примѣра св. Григорія Богослова, и особенно изъ константинопольскаго періода его жизнедѣятельности, можно видѣть, сколько полезнаго и великаго можетъ сдѣлать пастырь съ помощью только одного краснорѣчія, сопутствуемаго доброю жизнью.

Прославленію силы и значенія слова св. отецъ посвящаетъ много мѣста. Вотъ еще одно изъ нихъ. «Конечно, въ этой жизни для меня самое главное—слово,—говоритъ онъ,—это для обладающаго симъ даромъ нерасхищаемое богатство, некрадомое, доброе стяжаніе... Преимущественно предъ всѣмъ другимъ уважаю тебя, о сила краснорѣчія. Ибо даръ слова служитъ основаніемъ моей жизни; имъ отличенъ я отъ звѣрей, воздвигъ города, избрѣлъ законы, воспѣваю великославнаго Бога, превозношу до небесъ свѣтлую добродѣтель, укрощаю бѣдственное для меня могущество ужаснаго грѣха, раздѣляю міры... Быть сильнымъ въ словѣ—и живущему одиноко не

¹⁾ I, 180—181.

скучная жизнь, и домогающемуся знаменитости славный неувядаемый вѣнецъ... Быть сильнымъ въ словѣ—великое врачество отъ страстей; симъ укрощаю воскипающій гнѣвъ,—это омраченіе ума; симъ усыпляю скорбь и полагаю мѣру веселію, не сокрушаюсь слишкомъ въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, и не надмѣваюсь благополучіемъ... Даръ слова и царей руководить, и народъ привлекаетъ, процвѣтаетъ въ народныхъ собраніяхъ, царствуетъ на пирахъ, утишаетъ брани, дѣлаетъ человѣка кроткимъ, нѣжными и ласковыми рѣчами умягчая всякаго, сколько бы кто ни былъ упоренъ, подобно тому, какъ сила огня смягчаетъ желѣзо» ¹⁾).

Представляя собою, такимъ образомъ, міровую силу, слово въ устахъ пастыря есть универсальное средство, при помощи котораго онъ даетъ каждому, сообразно его индивидуальнымъ потребностямъ, по различію возраста и привычекъ, необходимую духовную пищу ²⁾). Слово—пастырскій хлѣбъ и вода для алчущихъ и жаждущихъ душъ ³⁾). Оно—пастырское угощеніе ⁴⁾). Слово—«хлѣбъ ангельскій: имъ питаются и напоеваются души, алчущія Бога и ищущія нескоро гибнущей и преходящей, но вѣчно пребывающей пищи» ⁵⁾).

Но такъ какъ «слово пастырское—слово не пустое, теряющееся въ воздухъ и не проникающее далѣе слуха, но слово, которое пишетъ Духъ не черниломъ, но благодатью, это—слова, не слегка и на поверхности начертываемые и удобно изглаждающіяся, но глубоко врѣзывающіяся» ⁶⁾): то пользоваться словомъ надо съ должною осторожностью и осмотрительностью. Того требуетъ и достоинство слушателя и цѣль слова. «Судьею слова будетъ слушатель, который умѣетъ сличить слово съ истинною», если не умомъ и разумѣніемъ, то, какъ это бываетъ съ про-

¹⁾ V, 240—241.

²⁾ III, 133—134

³⁾ Ibid. 125.

⁴⁾ Ibid. 133.

⁵⁾ IV, 74.

⁶⁾ I, 6.

столюдиномъ, внутреннимъ чувствомъ ¹⁾). Горе пастырю, если онъ зародитъ сомнѣніе или посѣетъ недовѣріе въ сердцѣ слушателя къ своимъ словамъ. Его пастырскія наставленія будутъ безплодны и напрасны. А такъ какъ, далѣе, цѣль слова (какъ и дѣла)—вести къ совершенству тѣхъ, которые ввѣрены пастырю ²⁾, то пастырю нужно достовѣрно знать, убѣдительно ли его слова, имѣютъ ли онѣ надлежащую силу ³⁾. Для дѣйственности же слова нужна подготовка и весьма серьезная. Св. отецъ многократно внушаетъ пастырю сначала самому очиститься, чтобы къ чистому прикасалось только чистое, а затѣмъ уже очищать другихъ; сперва самому научиться какъ можно совершеннѣе любомудрствовать, прекрасно расточая собранное худо, т.-е. ученія, собранныя часто не изъ священныхъ, а изъ языческихъ источниковъ,—какъ это было на примѣрѣ самого св. отца,—а потомъ уже разсчитывать на силу своего слова ⁴⁾.

Изъ сказаннаго заключаемъ, что совершенное любомудріе обусловливается осторожностью въ употребленіи слова. Злоупотребленіе имъ, даже невольное, недопустимо. «Образовавшіе въ себѣ даръ слова,—наставляетъ св. Григорій Б.,—не слишкомъ полагайтесь на сей даръ, не мудрствуйте до излишества и паче разума, не желайте во всемъ, даже со вредомъ, одерживать верхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только было бы полезно, уступайте надъ собою и побѣду... Принесите слово въ даръ Слову; обратите ученость въ оружіе оправданія, а не смерти» ⁵⁾).

При пользованіи словомъ пастырь долженъ знать, какъ ему распорядиться словомъ и найти способъ, чтобы и не продлить его чрезъ мѣру, совершенно внѣ предѣловъ времени, и

¹⁾ I, 217.

²⁾ I, 218.

³⁾ II, 131.

⁴⁾ II, 135; I, 31.

⁵⁾ II, 126.

не сдѣлать большаго ущерба присутствующимъ, если обвиномъ будетъ умолчано; долженъ умѣть соблюдать середину, чтобы и время сберечь, и удовлетворить желанію слушателей; ибо обремененіе словомъ столь же непріятно для слуха, сколько излишняя пища для тѣла ¹⁾).

Свое слово пастырь долженъ сообразовать со способностями слушателей: «къ хитрымъ въ словѣ, любящимъ скверныя суетловія и прекословія лжеименнаго разума», рѣчь его должна быть хитра, изыскана, съ благородными, отборными словами, далекая, однако, отъ увлеченія симъ до низведенія слова о важныхъ вещахъ до пустословія или игры словами ²⁾). «Простолудиновъ же, по мысли св. отца, должно отводить отъ пути слова, обращать же къ другому безопаснѣйшему роду добродѣтели, гдѣ и нерадѣніе менѣе вредно, и неумѣренность не противна благочестію, указывая имъ на то, что путь слова и умозрѣнія—не единственный, и не всѣмъ прилична одна и та же пища» ³⁾). «Любомудрствовать о Богѣ можно не всякому..., не всегда..., не предъ всякимъ и не всего касаясь, но должно знать, когда, предъ кѣмъ и сколько» ⁴⁾). «Говори, но со страхомъ; говори, но знай—кому, сколько, гдѣ и какъ говорить» ⁵⁾). «Сѣй, когда время; собирай и разрушай житницы, также когда время; и сади въ пору и обирай виноградъ зрѣлый; смѣло пускай въ море корабль весною, и вводи его въ пристань, когда наступитъ зима и начнетъ бушевать море» ⁶⁾). Пастырю должно соблюдать во всемъ приличіе. «Ибо одно таинственно, другое свойственно зрѣлищамъ; одно прилично церквамъ, а другое—торжищамъ; одно прилично трезвымъ, другое—упившимся» ⁷⁾). Нужна особенная осторожность въ словахъ, чтобы

¹⁾ II, 205; III, 224.

²⁾ III, 3.

³⁾ III, 133—134.

⁴⁾ III, 5.

⁵⁾ VI, 40.

⁶⁾ III, 234

⁷⁾ IV, 11—12

умно говорить и умно слушать, ибо спасеніе наше не въ словахъ, а въ дѣлахъ ¹⁾). Пастырю должно сообразоваться съ обстоятельствами современной жизни. Поэтому, иногда ему лучше быть бережливымъ на истину, уступая времени, часто омрачающему Церковь, подобно облаку,—чѣмъ ясною проповѣдью привести истину въ упадокъ ²⁾). Отсюда, молчаніе и уступка въ одно время преступно, въ другое — похвально, свидѣтельствуя о мудрой пастырской предусмотрительности ³⁾). «Посмотрите,—говоритъ св. отецъ,—на уставы состязаній и на подвиги борцовъ: у нихъ часто лежащій внизу одерживаетъ побѣду надъ тѣми, которые были вверху» ⁴⁾).

Чтобы слово пастыря было дѣйственно, оно должно быть по содержанію словомъ мудрымъ, а не многословнымъ, ибо «обильное слово, доставляя, быть можетъ, нѣсколько удовольствія, скоро улетаетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ колебаніемъ воздуха, не производя ничего больше, и только очаровываетъ краснословіемъ плѣняющійся имъ слухъ; а мудрое слово проникаетъ въ умъ; расширивъ уста, исполняетъ ихъ духомъ, переживаетъ свое рожденіе и немногими словами воздѣлываетъ многое» ⁵⁾). Въ словѣ пастыря ничего не должно быть необдуманнаго, водянистаго и удобно распускающагося, но оно должно быть плотнымъ, твердымъ, свободнымъ и отъ грубаго, и отъ излишняго ⁶⁾). Оно не должно быть слишкомъ мягкимъ и льстивымъ для человѣческаго себялюбія, ибо такое слово не угодно Совершеннѣйшему Слову. Въ немъ не должно заключаться и «малаго угожденія друзьямъ, но должны быть благочестивые совѣты, изрекаемые изъ глубины сердца, заимствованные изъ небесныхъ книгъ и того, кто имѣетъ къ нимъ благопокорное

¹⁾ IV, 103.

²⁾ VI, 132

³⁾ III, 42—147

⁴⁾ II, 199.

⁵⁾ II, 40.

⁶⁾ IV, 136.

ухо, дѣлающіе лучшимъ, очищеннымъ, богоподобнымъ» ¹⁾. Если пастырь самъ просвѣтился свѣтомъ вѣдѣнія, прозрѣлъ въ глубины Духа, съ Богомъ изслѣдовалъ все, что вѣдомо о Богѣ, если онъ обладаетъ крѣпкою способностью мыслить логически, если слово и мысль живутъ у него въ полномъ согласіи, то слово такого пастыря способно плодоприносить — «образовывать нравы, научать высокой добродѣтели, отвлекать отъ настоящаго и преселять въ будущее» ²⁾. Такое слово по своему дѣйствию приближается къ тому творческому слову, которое образовало міръ и удѣлило человѣку частицу божественнаго достоинства ³⁾.

Какъ великій мастеръ слова, св. Григорій Богословъ оставилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ методологическихъ указаній относительно пользованія словомъ. Такъ, напр., со стороны формы проповѣди слова Божія пастырь долженъ заботиться первѣе всего не о красотѣ или стильности рѣчи, не объ изяществѣ и подборѣ красивыхъ выраженій, не о научной обоснованности ея, но о ея ясности, простотѣ, назидательности и общедоступности. Приспособительность къ наличному состоянію слушателей и удобопонятность ея должны быть дороже научности. Вѣра — не результатъ ученыхъ изысканій, но область сердечныхъ чувствованій. «Пусть иные заботятся объ отдѣлкѣ рѣчи и о стяжаніи похвалъ: намъ же мало заботы о внѣшности рѣчи, ибо наше спасеніе въ назидательности ея» ⁴⁾.

Со стороны метода изложенія христіанское любомудріе должно преподавать «догматически, а не состязательно, по способу рыбаей, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно, по уставамъ Церкви, а не торжища, для пользы, а не для тще-

¹⁾ IV, 275; III, 214.

²⁾ IV, 100; II, 131; V, 218.

³⁾ IV, 199.

⁴⁾ Carmen de se ipso et de episc. Migne, c. c. s. gr. t. 37, c. 1186; et 270—275, VI, 191.

славія», черная нужную для слова силу въ собственной крѣ-
пости, а не въ языческой риторикѣ ¹⁾. «Цѣль и назначеніе
свое пастьерское слово получаетъ отъ того, въ какой мѣрѣ
оно исполняетъ свою главную задачу — сдѣлать доступными
для всѣхъ христіанъ истины вѣры. «Не было бы ничего не-
справедливѣе нашей вѣры,—говоритъ св. отецъ,—если бы она
была удѣломъ однихъ мудрыхъ и избыточествующихъ въ сло-
въ и въ умственныхъ доводахъ, а простому народу надлежало
бы такъ же оставаться безъ пріобрѣтенія вѣры, какъ безъ золо-
та, безъ серебра и безъ всего того, что такъ дорого цѣнит-
ся на землѣ и чего многіе домогаются» ²⁾.

Св. Григорій Богословъ особенно сильно бичуетъ страсть къ
богословскимъ спорамъ, заразившую всѣхъ его современни-
ковъ отъ высшихъ до низшихъ слоевъ населенія и часто
нарушавшую церковное единомысліе въ вѣрѣ. Слово пастыря
должно быть свободно отъ такого пристрастія. «Побережемся
отъ вражескихъ языковъ, — увѣщаетъ онъ. Ужели не отста-
немъ отъ сильной привычки спорить? Доселѣ не вырази́мъ,
какіе предметы и въ какой мѣрѣ доступны нашему изслѣдованію
и какіе выше нашихъ силъ? Ужели не различимъ, какія изслѣ-
дованія возможны въ настоящее время, при дольной слитности
вещей, омрачающей мысль, и какія должно предоставить буду-
щему вѣку, будущей свободѣ? Ужели не отдѣлимъ сами для
себя того, о чемъ совсѣмъ не должно предлагать вопросовъ.
о чемъ надобно спрашивать умѣренно, въ чемъ можно усту-
пать охотникамъ до споровъ, что должно предоставлять одной
вѣрѣ, а что и разуму?» ³⁾.

Затѣмъ, для оживленія и красоты слова пастырь можетъ
пользоваться метафорами, подобіями, сравненіями изъ окружаю-
щей природы. Рѣчь самого св. Григорія изобилуетъ такими
пріемами; напр., Слово 26-е, произнесенное имъ по возвра-

¹⁾ Л, 183.

²⁾ III, 128.

³⁾ II, 195

щеніи изъ села въ Константинополь, послѣ Максимова покушенія на престолъ, въ которомъ красиво описаніе созерцанія морской бури и навѣянныхъ на св. Григорія по сему поводу мыслей. Пастырь умѣло и мѣтко пользуется случаемъ къ тому, чтобы вывести правоученіе изъ сравненія моря съ жизнью человѣческою, вѣтра—съ искушеніями, волнъ—съ людскими нападеніями, скалы неподвижной—съ человѣкомъ укрѣпленнымъ на камнѣ, на которомъ вѣрующіе утверждены и которому служатъ ¹⁾).

Не отрицаетъ св. отецъ допустимости въ частной бесѣдѣ и шутокъ, конечно, умѣренныхъ. «Шутить и сѣдина, но ея шутки — степенныя шутки. Она ко Христу примѣшиваетъ дѣтскую невинность... И смѣясь съ какою-то важностью, услаждаетъ тѣмъ сердце» ²⁾).

Частнѣйшее примѣненіе и пользованіе методами изложенія св. отецъ оставляетъ на долю пастырской усмотрительности и приспособляемости. «Бесѣдующему о высокихъ истинахъ вѣры, особенно въ многочисленномъ собраніи людей всякаго возраста и разныхъ способностей, которое подобно многострунному органу требуетъ неодинаковыхъ удареній,—трудно найти слово, которое бы всѣхъ назидало и озаряло свѣтомъ вѣдѣнія. Трудно уже потому, что, какъ опасность съ трехъ сторонъ, т.-е. отъ мысли, слова и слуха, то невозможно (кому-нибудь) не преткнуться, если не во всемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ чемъ-либо одномъ. Ибо если умъ не просвѣщенъ, или если слово слабо, или слухъ не очищенъ, и потому не вмѣщаетъ слова,—отъ одной изъ сихъ причинъ, какъ и отъ всѣхъ, необходимо храмлетъ истина» ³⁾).

3) Къ изложеннымъ средствамъ пастырскаго воздѣйствія нужно присовокупить еще молитву пастыря за себя и за паству и дѣла христіанской любви.

¹⁾ II, 243—245.

²⁾ V, 210.

³⁾ I, 31—32.

Хотя молитвенное настроеніе должно сопутствовать и ученію словомъ, и примѣру жизни, однако, молитва разсматривается св. отцемъ и какъ самодовлѣющее средство пастырскаго душепопеченія. «Если для начинающаго всякое слово и дѣло самый лучшій порядокъ—и начинать Богомъ и оканчивать Богомъ»,—наставляетъ онъ,—то для пастыря въ его многотрудномъ, высокоотвѣтственномъ и важномъ служеніи молитва Богу и о своемъ вразумленіи и о ниспосланіи помощи и благословенія на его труды и на паству и естественна и обязательна, ибо «Богъ по своему челоуѣколюбію можетъ открывать многіе и необыкновенные пути ко спасенію»¹⁾. По этой причинѣ, должно замѣтить, всѣ свои Слова св. отецъ или начинаетъ, или оканчиваетъ молитвеннымъ воззваніемъ ко Господу, то съ славословіемъ Ему, то съ благодареніемъ, то съ просьбою о нуждахъ паствы²⁾, въ надеждѣ, что «Господь не презираетъ сѣдинъ отца, молящагося о чадѣхъ»³⁾.

Въ устахъ пастыря молитва должна соединяться съ дерзновеннымъ ходатайствомъ за народъ и поручительствомъ за него предъ Богомъ для умиловленія правосудія Божія и удержанія Его гнѣва, подобясь во всемъ Моисею и Аарону⁴⁾. «Еи, чада возлюбленныя, ей, участвующіе со мною въ наказаніи и въ челоуѣколюбіи Божіемъ! Спасите души ваши слезами. Знаю, что и мнѣ, служителю Господню, заповѣдано въ жалкомъ видѣ жалостнымъ голосомъ неотступно вопіять о себѣ и о народѣ, не щадя ни труда, ни слова, ни всего, чѣмъ только умиловляется Богъ; тѣмъ большей предаться скорби, чѣмъ выше наше достоинство, чтобы своимъ примѣромъ научить народъ сокрушенію и исправленію порочной жизни, за которыми слѣдуетъ Божіе долготерпѣніе и прекращеніе наказанія»⁵⁾. Вотъ

¹⁾ I, 12, 94.

²⁾ III, 12; II, 216; I, 248 и др.

³⁾ II, 57, 173.

⁴⁾ II, 57; III, 121.

⁵⁾ II, 50—51.

образецъ пастырской молитвы за духовныхъ дѣтей! Ходатайственное молитвенное предстательство должно соединяться съ принесеніемъ безкровной жертвы, посредствомъ которой пастырь возводитъ людей къ Богу ¹⁾).

Наконецъ, молитва есть сильнѣйшее средство пастырскаго противоборства съ врагами и обидчиками. «Я стоялъ, — повѣствуетъ св. отецъ, — посреди священнодѣйствующихъ и мучущихъ въ меня камнями, и въ защиту отъ камней употребляя молитву», — и, какъ знаемъ, остался невредимымъ ²⁾). Молитву, соединенную со слезами, онъ употреблялъ и «при разлитіи нечестія, и при воздвиженіи гоненія на правое слово отъ представителей Слова» ³⁾). Молитву противопоставилъ самъ св. Григорій Богословъ своимъ врагамъ, когда они угрожали его жизни ⁴⁾). По его словамъ, и отецъ его, епископъ Григорій, молитвами и моленіями отразилъ Юліана, когда тотъ наступалъ на городъ ⁵⁾).

Милостыня и человѣколюбивое участіе пастыря въ судьбѣ больныхъ, нуждающихся и обездоленныхъ, этихъ по преимуществу кліентовъ Церкви, является однимъ изъ могущественныхъ средствъ пастырскаго воздѣйствія. «Человѣколюбіе, по словамъ св. отца, должно считать единственнымъ залогомъ нашей безопасности тѣлесной и душевной» ⁶⁾). Такого рода заботы, свидѣтельствуя о горѣннѣ сердца пастыря, являются вѣрнымъ средствомъ привлеченія ко Христу душъ людскихъ. Въ Словѣ 14-мъ «О любви къ бѣднымъ», сказанномъ въ Василиадѣ, — богадѣльнѣ устроенной св. Василиемъ для прокаженныхъ, — имѣется много богатыхъ мыслей св. отца по данному вопросу. На примѣрѣ прокаженныхъ, этихъ живыхъ мертвецовъ,

¹⁾ IV, 211

²⁾ VI, 159

³⁾ II, 160

⁴⁾ III, 146.

⁵⁾ II, 109.

⁶⁾ II, 9

не злодѣевъ, но несчастныхъ, часто неповинныхъ въ своихъ страданіяхъ, пастырь учить соболѣзнованію къ нимъ, обязывающему не столько радоваться благополучному состоянію своего тѣла, сколько скорбѣть о тѣлесныхъ страданіяхъ братьевъ, показывая тѣмъ, что всѣ мы—едино, члены одного великаго тѣла; учить благочестію и милосердію, обязывающимъ или все оставить для Христа, или раздѣлить свое имущество со Христомъ; предостерегаетъ отъ самонадѣяннаго упованія на свое благоденствіе, которое не постоянно въ вѣтра, слѣдовъ корабля на водѣ; наконецъ, наглядно указываетъ, какъ можно пріобрѣсти настоящимъ будущее, временнымъ—вѣчное, и спасти свою душу милостынею¹⁾. Св. отецъ восхваляетъ св. Василия и за то, между прочимъ, что «этотъ благородный и сіяющій славою мужъ не гнушался лобзаніемъ устъ чтить болѣзнь, обнималъ недужныхъ, какъ братьевъ, преподавая тѣмъ многовѣщее и безмолвное увѣщаніе»²⁾.

Наконецъ, должно замѣтить, что св. Григорій Богословъ отрицательно относился къ физическому воздѣйствію и насильственнымъ мѣрамъ, обычно, какъ видно, практиковавшимся пастырями того времени. О себѣ самомъ онъ свидѣтельствуетъ: «занести на кого-нибудь и руку — совершенно внѣ обычая нашего двора, и мы отвергаемъ сіе, предоставляя оное нашимъ ненавистникамъ»³⁾. Въ Словѣ 42-мъ, прощальномъ въ Константинопольской паствѣ, онъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что онъ никого не оскорблялъ, не мстилъ обидчикамъ, не наказывалъ, не изгонялъ, не конфисковалъ имѣній противниковъ, не прибѣгалъ къ содѣйствію властей, ибо «какое общеніе у слова съ землею властью?» «Не дѣлалъ я щита своему неразумію изъ дерзости, признавая законнымъ не принуждать, но убѣждать»⁴⁾. Также и въ похвалу своему отцу онъ ставитъ то,

¹⁾ П, 9, 18, 21.

²⁾ IV, 97.

³⁾ П, 195.

⁴⁾ IV, 33, 56; VI, 39—41.

что «человѣколюбіе его было болѣе нежели человѣческое. Въ числѣ угрозъ бывали иногда колеса и бичи, являлись исполнители наказанія; бывала опасность пожатія ушей, удара въ щеку, пораженія въ челюсть..., но тѣмъ и прекращалась угроза. Съ преступника совлекали одежду и обувь, распростирали его по землѣ, и потомъ гнѣвъ его обращаемъ былъ не на обидчика, а на того, кто усердно содѣйствовалъ, какъ на слугителя злу. Могъ ли кто быть милостивѣе и достойнѣе приносить дары Богу?»¹⁾. Равнымъ образомъ, св. Аѳанасія В. онъ хвалить за то, что «ему рѣдко нуженъ былъ жезлъ, и еще рѣже нужно было употреблять сѣченіе, потому что достаточно было жезла, поражающаго слегка»²⁾.

4) Въ отношеніи къ еретикамъ, заблуждающимся и согрѣшающимъ св. Григорій Богословъ былъ горячимъ сторонникомъ снисходительнаго обращенія съ ними и мирнаго разрѣшенія всякихъ недоумѣнныхъ вопросовъ. «Не похваляю я, — говоритъ онъ, — слово Соломона, который узаконяетъ время какъ для всякой вещи, такъ и для брани и мира... Лучше, доколѣ только можно, преклоняться на миръ, потому что сіе и выше, и богоугоднѣе. Единомысліе необходимо въ обществѣ такъ же, какъ и въ домѣ. Для общаго же состава Церкви оно лучше и приличнѣе всего. Ни съ чѣмъ не сообразно предполагать, что хотя Богъ повелѣваетъ прощать согрѣшившимъ противъ насъ не только седмижды, но и въ нѣсколько кратъ болѣе, однако мы можемъ дѣлать зло и тѣмъ, которые насъ не обижали; хотя знаемъ, какое блаженство уготовано миротворцамъ, однако не можемъ думать, что, враждуя, дѣлаемъ угодное Богу, за насъ пострадавшему и прекратившему внутреннюю въ насъ брань. Не будемъ такъ думать»³⁾...

Къ милосердію подвигать должно пастыря и Божіе человѣколюбіе. «Поелику Богъ насъ ради истощается, терпитъ ослаб-

¹⁾ П, 101

²⁾ П, 149.

³⁾ П, 198—199

женіе и умаленіе славы, то намъ, зная, что человѣкъ есть существо перемѣнчивое и по природѣ непостоянное, должно милостью искупать себѣ милость. Какъ блаженна была бы твоя высокость, если бы она была чистота, а не надменность, дающая законы, неисполнимые для человѣка, и исправленіе, оканчивающееся отчаяніемъ... Равно худы—и отпущеніе грѣховъ не исправляющее, и осужденіе, не знающее пощады; первое совершенно ослабляетъ узду, а послѣднее чрезмѣрнымъ напряженіемъ душитъ... Докажи мнѣ твою чистоту, и я одобрю твою жестокость... Богъ ничему такъ не радуется, какъ исправленію и спасенію человѣка; для сего и все слово, и всякое таинство» ¹⁾).

По мысли св. отца, суровыя мѣры въ отношеніи къ заблуждающимся и согрѣшающимъ свидѣтельствовали бы о бессилии и несостоятельности практикующихъ ихъ. «Наложить запрещеніе неважно; это безъ труда сдѣлаетъ всякій, кто захочетъ; отъ человѣка же благочестиваго и умнаго требуется, чтобы онъ замѣнилъ запрещаемое собственнымъ разсужденіемъ» ²⁾).

Насильственные мѣры не соотвѣтствуютъ духу христіанскаго общества и безплодны. «Благовѣствованіе вводилось не вдругъ, не по первому приему за дѣло. Для чего же? Намъ нужно было знать, что насъ не принуждаютъ, а убѣждаютъ. Ибо что произвольно, то и непрочно, какъ потокъ или растеніе не надолго удерживаются силою. Добровольное же и прочнѣе, и надежнѣе. И первое есть дѣло употребляющаго насиліе, а послѣднее—собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а послѣднее—Божію правосудію» ³⁾).

Св. отецъ признаетъ «законнымъ не принуждать, но убѣждать, находя сіе болѣе полезнымъ какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Добровольное

¹⁾ II, 178, 221—223

²⁾ III, 42

³⁾ III, 102; VI, 41.

навсегда твердо, потому что связано неразрѣшимыми узами любви» ¹⁾. «Не дѣло пастыря заводить прю и расторгать тѣло Церкви, которая всегда сама является боримой и въ опасномъ положеніи отъ враговъ» ²⁾. Поэтому, въ примѣненіи хотя горькихъ, но необходимыхъ мѣропріятій онъ хвалить обычай врачей, дающихъ больнымъ врачество, искусно приправленное чѣмъ-либо пріятнымъ, лишь бы оно было принято. «Ибо не легко перемѣнить того, что вошло въ обычай и долговременно было уважаемо» ³⁾. Кротость и человеколюбіе въ отношеніи къ разномыслящимъ, соединенныя съ строгимъ, но умиротворяющимъ изслѣдованіемъ причинъ разлада, онъ признаетъ «полезнѣе продолжительныхъ трудовъ и рѣчей, къ которымъ всегда бываетъ присоединено нѣсколько честолюбія, предпочтительнѣе многихъ бдѣній и возлежаній на голой землѣ, которыя приносятъ пользу только упражняющимся въ оныхъ» ⁴⁾. Онъ разсуждалъ, что «впасть въ болѣзнь есть общій удѣлъ природы и немощи человѣческой, которая на всѣхъ простирается, и на самыхъ крѣпкихъ по тѣлу и по духу, но возстать отъ болѣзни есть дѣло разсужденія и благодати, которая прекрасно вознаграждаетъ прибѣгающихъ къ ней». Посему, согрѣшающіе и отдѣляющіеся являются для св. Григорія тѣми же братіями, а не злонамѣренными и неисправимыми людьми, хотя бы они и вели себя не по-братски ⁵⁾. Однако, не угодливостью и неблагородными поступками прилично сану пастыря достигать единенія съ отторгшимися. Пастырю должно смотрѣть не на одно настоящее, но промыслять и о будущемъ. Примѣчая, что отъ мягкости нрава происходитъ уступчивость и робость, а отъ суровости—строптивость и своенравіе, пастырь помогаетъ одному другимъ, и упорство растворяетъ кротостью,

¹⁾ VI, 41.

²⁾ IV, 68.

³⁾ III, 102.

⁴⁾ II, 171.

⁵⁾ I, 184; III, 6.

и уступчивость — твердостью. Не власть должно употреблять напередъ, но пощадою покорять власти и доводить до покорности признаніемъ преуспѣянія въ добродѣтели одного и заблужденія другихъ ¹⁾).

Равнымъ образомъ, въ рѣшеніи дѣлъ о согрѣшающихъ и отторгающихся отъ церковнаго единенія св. отецъ настойчиво рекомендуетъ кротость, терпѣніе, осторожность и медлительность въ наказаніяхъ. «Не уходи отъ брата стремительно, или осудивъ его, или отчаявшись въ немъ; но здѣсь покажи себя, пока можно, смиреннымъ. Здѣсь предпочти брата безъ вреда для себя, здѣсь, гдѣ осудить и унижить значитъ отлучить отъ Христа и отъ единой надежды, значитъ необнаружившуюся пшеницу, которая можетъ быть сдѣлается честіею тебя, исторгнуть вмѣстѣ съ плевелами. Напротивъ того, частью исправь его и притомъ крѣтко и человѣколюбиво, не какъ врагъ или немилосердый врачъ, который только и знаетъ одно средство—прижигать и рѣзать; частью же познай самого себя и свою немощь. Не одно и то же—срѣзать растеніе, или какой кратковременный цвѣтокъ, и человѣка. Ты—образъ Божій, и бесѣдуешь съ Божиимъ образомъ. Ты—судящій другого, самъ будешь судимъ... Посему, не скоро отсѣкай и бросай членъ, пока неизвѣстно, не сдѣлаетъ ли сіе вреда и здоровымъ членамъ... Подай совѣтъ. Запрети, умоли. У тебя есть правило врачеванія; ты — ученикъ Христа, крѣпкаго, человѣколюбиваго и понесшаго наши немощи... Потерпи зловоніе брата своего... Грѣхъ — не такой ядъ ехидны, отъ котораго тотчасъ же по уязвленіи постигаетъ мучительная боль, или самая смерть, такъ что тебѣ было бы извинительно бѣжать отъ звѣря, или убить его. Напротивъ того, если можешь, уврачуй брата»...²⁾).

Поборникомъ такихъ же крѣпкихъ мѣръ въ отношеніи еретиковъ и враговъ вѣры являлся св. Григорій Богословъ и въ

¹⁾ IV, 77—78.

²⁾ III, 130—132.

своей практикѣ, твердо держась этихъ своихъ принциповъ. Въ письмѣ къ Θεодору, еп. Тіанскому, онъ объясняетъ причины такого отношенія къ еретикамъ, учинившимъ надъ нимъ насиліе въ храмѣ Анастасіи. «Важнымъ почитаю наказать тѣхъ, которые насъ обидѣли, но гораздо выше и божественнѣе сего — терпѣливо перенести обиду. Первое заграждаетъ уста пороку, а второе убѣждаетъ стать добрыми». Приведя, затѣмъ, примѣры челоуѣколюбія Божія, онъ призываетъ подражать ему. «Не пожелаемъ на себѣ самихъ извѣдать, какъ тяжело воздаяніе за грѣхъ. Видишь порядокъ, въ какомъ дѣйствуетъ благодѣтель. Сперва узаконяетъ, потомъ побуждаетъ, общается, угрожаетъ, укоряетъ, борется, овладѣваетъ, снова угрожаетъ, когда къ тому вынуждена, наноситъ ударъ, но постепенно давая мѣсто исправленію. Поэтому, и сами не будемъ поражать вдругъ; ибо это не безопасно; но, уцѣломудривая страхомъ, препобѣдимъ челоуѣколюбіемъ и обяжемъ къ благоговѣнію, истязывая болѣе совѣстью, нежели гнѣвомъ... Дѣла, такъ великаго и славнаго, не разрушимъ въ такое короткое время, по навѣту, можетъ быть, и по зависти лукаваго, но пожелаемъ оказаться болѣе челоуѣколюбивыми, нежели совершенными, болѣе нищелюбцами, нежели правдолюбцами» ¹⁾).

Но мы неправильно поняли бы отношеніе св. отца къ заблуждающимся, если бы на основаніи вышеприведенныхъ выдержекъ заключили, что онъ не предпринималъ никакихъ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ ересямъ, не противоуѣйствовалъ имъ, и тѣмъ самымъ давалъ имъ возможность расхищать его стадо. Нѣтъ, вся его жизнь свидѣтельствуетъ не о иномъ чемъ, какъ о томъ, что онъ «не признавалъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, у Него искать прекращенія обдержавшихъ золь, а самому между тѣмъ почивать». Напротивъ,

¹⁾ VI, 158—161.

онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность «бороться, не покладая рукъ, не падая своей головы, не давая ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ, не боясь брани и возстающаго на Церковь звѣря (Юліана),—сей полноты лукаваго, хотя бы грозилъ онъ огнемъ, мечомъ, звѣрями, стремнинами, пропастями, хотя бы превзошелъ безчеловѣчіемъ всѣхъ когда-либо неистовавшихъ, изобрѣлъ мучительнѣйшія неизвѣстныя доселѣ казни». Онъ изыскивалъ всевозможныя средства, лишь бы «остановить общій пожаръ Церкви и разсѣять облежавшую ее тьму» ¹⁾. Онъ строго раздѣлялъ учащихся отъ ученія, заблуждающихся отъ заблужденія, и, относясь къ первымъ съ снисхожденіемъ, послѣднему объявлялъ непримиримую вражду. «Смотрите,—говорить онъ,—языки противниковъ стали кротки, и вооружившіеся противъ Божества безмолвствуютъ предъ мною. И это—плоды Духа, и это—плоды моего дѣланія. Ибо учу, не какъ неученый, но поражаю противниковъ укоризнами, какъ дѣлаютъ многіе, сражающіеся не съ ученіемъ, но съ учащими, и укоризнами покрывающіе иногда слабость своихъ умозаключеній... Свое воинствованіе за Христа доказываемъ тѣмъ, что сражаемся, подражая Христу, Который мирецъ, кротокъ и понесъ на Себѣ наши немощи... Но не заключаемъ мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь, ради славы—именоваться снисходительными, и блюдемъ миръ, сражаясь законно, не выступая изъ своихъ предѣловъ и правилъ Духа. Такъ о семъ разумѣю и вмѣняю это въ законъ всѣмъ строителямъ душъ и раздавателямъ слова: ни строгостью не ожесточать, ни потворствомъ не надмевать, но соблюдать благоразуміе въ словѣ, и ни въ томъ, ни въ другомъ не преступать мѣры» ²⁾.

Въ примѣненіи средствъ пастырскаго воздѣйствія пастырь долженъ проявлять мудрую приспособительность къ душевному состоянію каждаго члена своей паствы и къ внѣшнему

¹⁾ IV, 79; I, 54.

²⁾ IV, 28.

его положенію—полу, возрасту, экономическимъ и социальнымъ условіямъ. Иначе говоря, пастырь долженъ широко практиковать искусство частнаго пастырскаго душепопеченія, какъ дѣятельности, приноровленной къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго вѣрующаго. Необходимость и польза такого душепопеченія несомнѣнна. «Обрати вниманіе на это мудрое слово,—замѣчаетъ св. отецъ,—большая часть людей худы и безъ путеуказателя склонны къ пороку. Немногіе же идутъ къ совершенству. Остановить потокъ для меня трудно, а дать ему течь по скату—весьма легко» ¹⁾).

Мысли о частномъ душепопеченіи развиты св. Григоріемъ Богословомъ довольно обстоятельно. «Пастырю не должно думать,—учитъ онъ,—что всѣмъ прилично одно и то же; такъ какъ не у всѣхъ одинъ и тотъ же возрастъ, одинъ и тѣ же черты лица, не одинакова природа животныхъ, не одинаковы качества земли, красота и величіе свѣтилъ... Не одинаковы стремленія у львовъ и у другихъ животныхъ, а равно у мужей и женъ, у старыхъ и юныхъ; напротивъ того, немало различія въ каждомъ возрастѣ и полѣ» ²⁾).

Сравнивая духовное врачеваніе съ тѣлеснымъ, св. отецъ изъ врачебной практики беретъ правоученіе для врачества духовнаго. «Врачующій тѣло принимаетъ во вниманіе мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лѣкарства, предписываетъ образъ жизни, предостерегаетъ отъ вреднаго, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда же, когда и надъ кѣмъ нужно, употребляетъ прижиганія, рѣзаніе и другіе еще болѣе жестокіе способы леченія. Хотя все сіе оказывается очень труднымъ и тяжелымъ, однако же не столько, какъ наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведеніе, свободное произволеніе» ³⁾. «Врачебное ис-

¹⁾ V, 221.

²⁾ I, 20; II, 160—161.

³⁾ I, 22.

кусство мало заглядываетъ внутрь, болѣе же занимается видимымъ: духовное врачеваніе все относится къ внутреннему чловѣку, воюетъ съ грѣховною смертію, болѣе страшною, чѣмъ физическая. Посему, если желательно, чтобы души чловѣческія, которыя всего предпочтительнѣе, были хорошо врачуемы, очищаемы, то нужно имѣть искусство врачевать и очищать ихъ, чтобы отъ сего была польза и врачующимъ, и врачуемымъ»¹⁾. «Если въ тѣлесномъ врачеваніи приносить великую пользу здоровое или болѣзненное состояніе плоти, нищета и богатство, слава и безславіе, униженіе и знатность и пр., то и въ духовномъ врачеваніи имѣетъ значеніе все то, что будучи безразлично само по себѣ, дѣлается лучшимъ или худшимъ по употребленію или произволу обладающихъ»²⁾. Поэтому, тамъ, гдѣ «есть опасность утратить спасеніе души, души блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность, или прославляема за добродѣтель,—какой предлежитъ подвигъ и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо исправить образъ жизни и персть покорить духу? Ибо неодинаковы понятія и стремленія у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселаго и печальнаго, у больного и здороваго, у начальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и невѣждъ, у робкихъ и смѣлыхъ, у гнѣвливыхъ и кроткихъ, у стоящихъ твердо и падающихъ. А если еще разберемъ подробнѣе,—то какое различіе между вступившими въ супружество и безбрачными! И у послѣднихъ опять — между пустынножителями, между находящимися въ общежитіяхъ и между остающимися въ мірѣ! Между опытными и преуспѣвшими въ созерцаніи и между тѣми, которые просто исполняютъ должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми дѣломъ и живущими праздно, между претерпѣвшими измѣну счастья и благоуспѣшными, не встрѣчавшими неудачъ!

¹⁾ I, 23, 25.

²⁾ I, 26, 24

Всѣ таковыя различествуютъ между собою желаніями и стремленіями, — иногда болѣе, нежели сколько они различны по телѣсному виду, или (если угодно) по сочетанію и растворенію стихій, изъ которыхъ мы состоимъ; и потому нелегко имѣть надъ ними смотрѣніе. Но какъ тѣламъ неодинаковыя даются лѣкарство и пища, — иное пригодно здоровому, иное больному: такъ и души врачуются различнымъ образомъ и способомъ» ¹⁾).

Разныхъ мѣръ леченія требуютъ индивидуальныя особенности каждаго вѣрующаго. «Свидѣтелями такого врачеванія — сами болящіе. Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ — узда, ибо одни лѣнны и неудобоподвижны къ добру, и такихъ должно возбуждать ударами слова; другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неупорядочены въ стремленіяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, и такихъ можетъ исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для однихъ полезна похвала, для другихъ — укоризна; но та и другая во время; напротивъ того, безъ времени и безъ основанія онѣ вредятъ. Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ — выговоръ, и послѣдній — или по всенародномъ обличеніи, или по тайномъ вразумленіи. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумленіями, сдѣланными наединѣ, но приходятъ въ чувство, если укоряютъ ихъ при многихъ, другіе же при гласности обличеній теряютъ стыдъ, но ихъ смиряетъ тайный выговоръ, и за такое снисхожденіе къ себѣ воздаютъ они благопокорностью. Иные, надмеваясь мыслью, что дѣла ихъ тайны, о чемъ они и заботятся, считаютъ себя умнѣе другихъ, и въ такихъ надобно тщательно наблюдать всѣ, даже самыя маловажныя, поступки; а въ другихъ лучше много не замѣчать, и, какъ говорится, видя не видать, слыша не слышать, чтобы подавивъ ихъ ревностью обличеній, не возбудить къ упорству, и, на послѣдокъ, не сдѣлать дерзновенными на все, истребивъ въ

¹⁾ I, 26 — 27

нихъ стыдъ,—сіе средство ко внушенію покорности. Иногда нужно гнѣваться, не гнѣваясь, оказывать презрѣніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь, сколько сіе требуетъ свойство каждаго; другихъ должно врачевать кротостію, смиреніемъ и соучастіемъ въ ихъ лучшихъ о себѣ надеждахъ. Однихъ полезно побѣждать; отъ другихъ часто полезнѣе быть самому побѣжденнымъ; и хвалить и охуждать должно—у иного достатокъ и могущество, а у иного нищета и разстройство дѣлъ. Ибо наше врачество не таково, каковы добродѣтель и порокъ, изъ которыхъ первая всегда и для всѣхъ всего лучше и полезнѣе, а послѣдній всего хуже и вреднѣе; у насъ одно и то же, напримѣръ,—строгость или кротость, а равно и прочее, мною исчисленное, не всегда даже для однихъ и тѣхъ же оказывается или самымъ спасительнымъ или самымъ опаснымъ. Напротивъ того, для иныхъ хорошо и полезно одно, а для иныхъ другое, первому противное,—сообразно тому, думаю, какъ требуютъ время и обстоятельства и какъ допускаетъ нравъ врачуемаго. Хотя сколько бы кто ни употреблялъ тщанія и ума, невозможно всего изобразить словомъ и обнять мыслью въ такой подробности, чтобы вкратцѣ былъ видѣнъ весь ходъ врачеванія; однако же на самомъ опытѣ и на дѣлѣ дѣлается то извѣстнымъ и врачебной наукѣ и врачу... Въ нашемъ дѣлѣ... очень опасно, что по худой жизни или по невѣжеству... пастырь и самъ впадаетъ въ грѣхъ, и вовлечетъ въ него управляемыхъ» ¹⁾).

Другую аналогію св. отецъ усматриваетъ въ обращеніи со звѣрями. «Если бы кто захотѣлъ укротить и сдѣлать ручнымъ многовиднаго и многообразнаго звѣря, составленнаго изъ многихъ, большихъ и малыхъ, кроткихъ и свирѣпыхъ звѣрей; то, безъ сомнѣнія, потребовалось бы много труда и усилій, чтобы управлять такимъ разныхъ свойствъ чудовищнымъ существомъ; потому что не всѣ звѣри любятъ одинаковые звуки

¹⁾ 1, 27—29

голоса, пищу, ласки, свистъ и другіе способы хожденія за ними; напротивъ того, для однихъ пріятно и непріятно одно, а для другихъ другое, по природѣ и привычкѣ каждаго. Что же надлежало бы дѣлать приставнику такого звѣря? Конечно то, чтобы если хочешь хорошо управиться со звѣремъ и соблюсть его,—пріобрѣсть для сего многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія, и употребить хожденіе, приличное каждому свойству звѣря. Такъ, поелику общее тѣло Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается изъ многихъ и различныхъ нравовъ и умовъ; то предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ, относительно къ правотѣ во всемъ, такъ, сколько можно болѣе, многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно—способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, по способностямъ младенцы, и, можно сказать, еще не окрѣпшіе, требуютъ себѣ въ пищу млека, то есть, самыхъ простыхъ и первоначальныхъ уроковъ, и не могутъ принимать словесной пищи, приличной мужу. А если бы кто предложилъ имъ такую не по силамъ пищу; то вкусивши и обременившись, они потерпѣли бы ущербъ даже въ прежней своей силѣ. Другіе же, достаточно обучившіе чувства къ различенію истиннаго и ложнаго, имѣютъ нужду... въ пищѣ высшей и болѣе твердой. А если бы стали напоевать ихъ млекою и питать растеніями—пищею слабыхъ, то они совершенно по праву огорчились бы тѣмъ, что ихъ не укрѣпляютъ по Христѣ, не даютъ имъ возрастать достойнымъ похвалы возрастаніемъ, какое производится словомъ, которое хорошо питаемого имъ совершаетъ въ мужа и приводитъ въ мѣру духовнаго возраста¹⁾.

Различные бываютъ люди и въ отношеніи къ проповѣдываемому имъ благовѣстію. У однихъ не просвѣщенъ умъ, у другихъ не очищенъ слухъ. Одни болѣе внимаютъ слову,

¹⁾ I, 34—35.

другіе—менѣе. Слышаніе его въ сердцахъ однихъ производитъ благовременный ударъ и оплодотворяетъ ихъ разумѣніе; въ сердцахъ другихъ оно не вызываетъ отзвука ¹⁾). «Иной богатъ даромъ созерцанія, стоитъ выше многихъ по духовному преуспѣянію; другой скуденъ умомъ и бѣденъ въ языкѣ, не знаетъ оборотовъ рѣчи, загадокъ мудрецовъ и пр. Но всякій имѣетъ средства спастись чрезъ усвоеніе ему благодати. Какъ въ человѣческомъ быту много разности между родами и правилами жизни, изъ которыхъ одни выше, другіе ниже, одни знатнѣе, другіе менѣе славны, такъ и въ жизни Божественной много путей къ добродѣтели... Или хотя и не всѣмъ прилична одна пища, но каждому нужна своя, по различію возраста и привычекъ» ²⁾). «Не ставь льву въ образецъ долгохвостую обезьяну», — такъ на своемъ образномъ языкѣ кратко выражаетъ св. отецъ истину частичнаго пастырскаго душепопеченія ³⁾).

Практическіе примѣры частнаго душепопеченія св. отецъ усматриваетъ въ дѣлѣ Господа, Который «дѣлается для іудеевъ — іудеемъ, для подзаконныхъ—подзаконнымъ, чтобы искупить подзаконныхъ, для немощныхъ—немощнымъ, чтобы спасти немощныхъ. Онъ дѣлается всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ приобрести... Онъ перемѣняетъ мѣста одно за другимъ... То учитъ на горѣ, то бесѣдуетъ на равнинѣ, то сходитъ въ корабль, то запрещаетъ бурямъ; иногда и плачетъ. Ко всѣмъ снисходитъ, все терпитъ, дѣлается рыбаремъ, закидываетъ сѣти, чтобы только извлечь изъ глубины рыбу, т.-е. человѣка, плавающего въ непостоянныхъ и соленыхъ волнахъ жизни» ⁴⁾).

Равнымъ образомъ, и св. ап. Павелъ примѣнялъ разнообразіе способовъ врачеванія: то челоѣколюбіе, то строгость, то смѣшеніе и раствореніе и челоѣколюбія и строгости, такъ чтобы ни кротостью не расслаблять, ни суровостью не ожесточать.

¹⁾ I, 32.

²⁾ III, 127—128, 133, 134.

³⁾ V, 189

⁴⁾ III, 176—177

Онъ излагаетъ законы рабамъ и господамъ, начальникамъ и подчиненнымъ, мужамъ и женамъ, родителямъ и дѣтямъ, супружеству и безбрачію, воздержанію и роскоши, мудрости и невѣжеству, обрѣзанію и необрѣзанію, живущимъ по Христѣ и по міру, плоти и духу. За однихъ благодарить, другихъ укоряетъ; однихъ именуетъ своею радостью и вѣнцомъ, другихъ обличаетъ въ безуміи. Кто ходитъ право, тѣмъ сопутствуетъ и соусердствуетъ; а кто ходитъ лукаво, тѣхъ останавливаетъ. Онъ то отлучаетъ, то утверждаетъ любовь; то плачетъ, то веселится; то напоеваетъ млеко, то касается тайнъ; то снисходитъ, то ведетъ съ собою на высоту; то угрожаетъ палицею, то объемлетъ духомъ кротости; то возносится съ высокими, то смиряется съ смиренными ¹⁾).

Св. Григорій прославляетъ пастырскую приспособительность своего отца,—въ похвальномъ ему словѣ,—«соединявшую въ себѣ мудрость змія въ разсужденіи зла и незлобіе голубя въ разсужденіи добра, не попуская и благоразумію сдѣлаться злоторнымъ и простотѣ доходить до слабоумія» ²⁾). Тѣ же качества св. Григорій отмѣчаетъ въ пастырской дѣятельности св. Василия Великаго ³⁾ и св. Аѳанасія Великаго. Особенно хвалитъ онъ искусство частнаго душепопеченія и пастырское разнообразіе въ управленіи св. Аѳанасія, который дѣйствовалъ на другихъ «кого похваляя, а кого умѣренно наказывая: однихъ возбуждая къ медлительности, въ другихъ обуздывая горячность; объ иныхъ заботясь, чтобы какъ-нибудь не пали, а инымъ подавая средства по паденіи исправиться; будучи тихошественъ со смиряющимися, возвышенъ съ высокопарными..., дѣйствительно въ одномъ себѣ совмѣщая все то, что язычники приписывали по частямъ которому-либо изъ своихъ боговъ» ⁴⁾).

¹⁾ I, 40.—ср. I, 237—238.

²⁾ II, 103.

³⁾ IV, 71.

⁴⁾ II, 172.

Самъ св. Григорій Богословъ въ самомъ началѣ своей па-
стырской дѣятельности, въ Словѣ 9-мъ «Защитительномъ по
рукоположеніи», проситъ своего отца «научить его своей
любви къ паствѣ, заботливости и благоразумію, вниматель-
ности и побѣдамъ»... «Скажи, на какія пажити водить стадо,
къ какимъ ходитъ источникамъ, или какихъ избѣгать пажитей
и водъ; кого пасти палицею и кого пасти свирѣлью; когда
выводить на пастбище и когда сзывать съ пастбищъ..., какъ
изнемогшее поднять, падшее возставить, заблуждающее обра-
тить, погибшее взискать, крѣпкое сохранить; какъ мнѣ на-
учиться сему и соблюсти сіе согласно съ истиннымъ и вашимъ
ученіемъ о долгѣ пастыря... Сему научите меня, сими прави-
лами подкрѣпите меня»...¹ Наученный и подкрѣпленный, онъ
широко примѣнялъ въ своей пастьрской практикѣ приемы
частнаго душепопеченія, каждого члена своей паствы пася и
управляя въ Царство небесное соотвѣтственно его положенію
и состоянію. Такъ, напримѣръ, считая себя обязаннымъ давать
законы самимъ законодателямъ, онъ увѣщалъ царей къ мило-
стивому отношенію къ подданнымъ, для коихъ они должны
быть богами, училъ ихъ смиренію. Сановниковъ двора онъ
убѣждалъ надѣяться больше на Бога, а не на земную силу;
гордящимся своимъ благородствомъ по происхожденію указы-
валъ на ихъ неблагородныхъ предковъ и тѣмъ смирялъ ихъ
гордость; мудрецовъ и софистовъ онъ вразумлялъ обличеніемъ
неправоты ихъ ученія; богатыхъ призывалъ облегчить «свой
корабль» милостынею; жителей «перваго города — столицы»
увѣщавалъ быть первыми по правамъ, преуспѣвать въ добро-
дѣтели и не давать соблазна своимъ поведеніемъ²). Иначе
онъ вразумлялъ женскій полъ, иначе — мужской; и изъ пер-
ваго иначе замужнихъ и иначе дѣвственницъ³). Иначе онъ
убѣждалъ разгнѣваннаго начальника и иначе провинившихся

¹) II, 237—238.

²) III, 174—175.

³) III, 181—183; I, 222.

его подчиненных¹⁾. Иначе онъ говорилъ сельскимъ жителямъ, иначе воинамъ, иначе градоправителямъ, иначе философамъ и риторамъ²⁾; иначе начальнику и царскому чиновнику³⁾; иначе монахамъ и дѣвственникамъ, и иначе живущимъ въ міру и брачующимся⁴⁾; иначе богатымъ, иначе бѣднымъ⁵⁾; иначе женщинамъ скромнымъ, иначе любящимъ наряды⁶⁾; иначе добрымъ, иначе порочнымъ⁷⁾; иначе терпѣливымъ, иначе малодушнымъ, иначе злословящимъ⁸⁾; иначе вѣрнымъ, иначе отдѣлившимся, иначе братолюбивымъ, иначе самолюбивымъ⁹⁾; иначе бесѣдуетъ въ утѣшеніе скорбящимъ о смерти, иначе сѣтующимъ о разлукѣ, иначе—о гладѣ¹⁰⁾; иначе относится къ любящимъ неумѣстно богословствовать, иначе къ любопытствующимъ совопросникамъ¹¹⁾; иначе къ суевѣрно откладывающимъ крещеніе, иначе къ неправо богословствующимъ, иначе къ соблазняющимся, иначе къ обидчикамъ¹²⁾; иначе къ своимъ, иначе къ пришельцамъ¹³⁾; иначе вразумлялъ онъ здоровыхъ, иначе больныхъ¹⁴⁾; иначе притѣснителей, иначе лихоимцевъ, иначе жадныхъ ростовщиковъ¹⁵⁾.

Особенно изобилуютъ чертами частнаго пастырскаго душепопеченія письма св. отца, частныя посланія его и стихотворенія.

Разными путями руководствуя всѣхъ ко спасенію, св. Гри-

1) II, 72—81

2) II, 126—127.

3) II, 128; V, 215.

4) V, 46, 94, 98, 204—205

5) V, 101—102, 181.

6) V, 192—207.

7) V, 209—210.

8) V, 211—214, 35.

9) IV, 9; II, 174—184.

10) II, 40, 83—84; IV, 18—40.

11) III, 124, 180.

12) III, 247; I, 109; VI, 132, 158—161.

13) III, 153—155

14) II, 83—39.

15) II, 54—56.

горій Богословъ всякому мужу и женѣ, старцу и юношѣ, городскому жителю и поселянину, простолюдину и начальнику, богатому и бѣдному, — такъ какъ всѣхъ призываетъ одинъ подвигъ, — даетъ одинъ совѣтъ: «приготовиться къ борьбѣ на позорищѣ міра, не разслабѣвать, не медлить, не терять времени, котораго возвратить уже невозможно. Ибо настоящее время есть время дѣланія, а будущее — время воздаянія» ¹⁾. На этомъ поприщѣ дѣятельнаго восхожденія къ нравственному усовершенствованію и стяжанія радостей вѣчно блаженной жизни пастыри должно быть впереди всѣхъ, помня, что «вѣнцы даются тѣмъ, которые подвизались, а не тѣмъ, которые сидѣли на верху» ²⁾.

¹⁾ II, 123.

²⁾ I, 71.

ГЛАВА 4-я.

„Руководителю нужны руки, совѣтнику—благоразуміе“ (I, 48).

Пастырь, какъ человѣкъ, поставленный въ извѣстныя отношенія къ окружающимъ его людямъ и дѣйствующій въ данныхъ условіяхъ жизни, такъ или иначе отзывается на происходящія вокругъ него событія, принимаетъ участіе въ общественной жизни, является членомъ не только церковнаго общества, но и государственнаго, пріобрѣтаетъ особый обликъ не только религіознаго дѣятеля, но и общественнаго. Такое положеніе ставитъ пастыря въ двоякое отношеніе къ жизни и можетъ имѣть значеніе съ двухъ сторонъ. Именно: съ одной стороны, пастыри, врѣзываясь въ жизнь, могутъ производить въ ней благотѣльное измѣненіе, какъ культурные работники, общественные дѣятели, носители высшихъ идеаловъ. Съ другой стороны, вращаясь въ міру, пастыри сами заражаются мірскими обычаями и пороками, вносятъ затѣмъ дисгармонію въ пастырскую жизнь, ухудшаются въ своихъ нравахъ, и тогда ихъ дурное вліяніе на жизнь другихъ является обратно пропорціональнымъ ихъ положительному внутреннему содержанию.

До того времени, когда жилъ св. Григорій Назіанзинъ, христіанское общество, только что вышедшее изъ состоянія униженія, имѣло довольно свѣтлый видъ. Гнетъ и преслѣдованія научили его желать чистѣйшаго и полнѣйшаго счастья; пастырское сословіе, жертвующее собою для блага ближнихъ, въ горнилѣ вѣшнихъ несчастій и борьбы очистилось, сдѣлалось внутренне крѣпче и сильнѣе. Но во времена св. Григо-

рія Богослова съ положеніемъ христіанскаго учителя не была сопряжена внѣшняя опасность, напротивъ, оно нерѣдко сопутствуемо было честью, богатствомъ и сильнымъ вліяніемъ. Строй церковно-общественной жизни удался теперь отъ простоты временъ апостольскихъ и перво-христіанскихъ. Епископы отложили странническій посохъ посланниковъ Христовыхъ, и въ колесницахъ съ пышными свитами являлись во дворецъ императоровъ, гдѣ имъ воздавали тѣ же почести, что и первымъ сановникамъ имперіи. Они заботились, чтобы голосъ ихъ имѣлъ силу въ совѣтѣ царскомъ. Все это увеличивало средства и поводы къ разложенію нравовъ духовенства и порождало въ его средѣ множество дефектовъ, которые глубоко возмущали св. отца и дали ему богатую пищу для его сатиръ. Представить нѣсколько характеристическихъ чертъ изъ этой стороны церковно-общественной жизни пастырей и указать отношеніе къ нимъ св. отца составитъ предметъ настоящей послѣдней главы этой книги.

1) Первымъ камнемъ претыканія и соблазна для пастырей того времени являлся вопросъ объ отношеніи къ матеріальнымъ благамъ. Церковь, какъ общество гонимое, въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ не имѣла юридической правоспособности пріобрѣтать и имѣть собственность, хотя фактически и владѣла богослужебными зданіями и усыпальницами. По заведенному св. апостолами обычаю (1 Кор. 16, 2) дѣлать каждое воскресенье сборы на нужды общины, у христіанъ собирались церковныя суммы, которыя поступали въ распоряженіе епископа или пресвитера для бѣдныхъ, странниковъ, больныхъ и клириковъ. Съ теченіемъ времени въ Церковь начинаютъ поступать пожертвованія и вклады деньгами, землею и другимъ имуществомъ, начинается вводиться обычай приносить въ Церковь начатки и десятину. Возникаютъ регулярныя церковныя доходы, присваивать которые епископу запрещалось, хотя разрѣшалось пользоваться себя и клиръ пищею и одеждою ¹⁾). Съ IV вѣка

¹⁾ Ап Прав 38, 40, Ап. пост. VIII, 31.

Церковь обогащается движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, частью на счетъ закрытыхъ языческихъ храмовъ, частью специально вкладываемыхъ на обезпеченіе новыхъ христіанскихъ храмовъ отъ императоровъ и частныхъ лицъ, путемъ пожертвованій и завѣщаній. Въ церквахъ собиралась значительная казна, раздѣлъ которой по прежнему оставался въ вѣдѣніи епископа ¹⁾. Но епископы или ихъ довѣренные начинаютъ злоупотреблять церковнымъ достояніемъ, стараясь доказать свое право на безконтрольное отъ общины распоряженіе имъ. Они начинаютъ тратить громадныя деньги на представительство, на роскошныя пріемы и выѣзды, на обстановку и обзаведеніе предметами роскоши, начинаютъ обращать особое вниманіе на усиленіе своихъ средствъ, на изыскиваніе доходовъ, «на высчитываніе ежегодныхъ доходовъ», начинаютъ проявлять алчность къ золоту. Все это дѣлалось, конечно, за счетъ бѣдныхъ, коимъ по идеѣ принадлежитъ все имущество Церкви ²⁾.

Св. Григорій Богословъ глубоко возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣло пастырства сведено на профессію, что на него смотрятъ, какъ на одинъ изъ источниковъ доходовъ. Онъ самъ всею душою любилъ пастырство и другимъ внушалъ любить его ради него самого и ради той великой цѣли, какую оно преслѣдуетъ. «Кто упражняется въ добрѣ изъ какихъ-нибудь видовъ, тотъ не твердъ въ добродѣтели: ибо цѣль минуется, и онъ оставитъ доброе дѣло, подобно какъ плывущій для прибыли не продолжаетъ плаванія, если не видитъ прибыли. Но кто чтитъ и любитъ добро ради самого добра, тотъ, поелику любить нѣчто постоянное, и расположеніе къ добру имѣетъ постоянное, онъ одинъ и тотъ же и не измѣняется... А потому онъ не будетъ превращаться, принимать разные виды, соображаться съ обстоятельствами и дѣлами, дѣлаться то тѣмъ, то другимъ, мѣнять разные цвѣта, подобно какъ

¹⁾ А. П. Лебедевъ. Собр. соч. т. X, гл. 6-я

²⁾ IV, 37; III, 166, 141; VI, 47; II, 193, I, 43.

полинъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому онъ присталъ, но всегда пребываетъ одинъ и тотъ же... какъ незыблемая скала» ¹⁾...

Мы уже видѣли, какъ самъ св. отецъ относился къ матеріальнымъ благамъ и устройству своего внѣшняго декорума ²⁾. Крайне невзыскательный образъ жизни, самая обычная, простая пища и одежда, вмѣстѣ съ нестяжательностью и аскетическимъ поведеніемъ, съ излишкомъ покрывались частью доходовъ съ родовыхъ помѣстій и ставили его въ независимое положеніе къ церковнымъ доходамъ. «Покорыстовался ли я чѣмъ-нибудь отъ сего народа? — спрашивалъ онъ константинопольцевъ въ прощальной рѣчи; приумножилъ ли я сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примѣры на многихъ?.. Напротивъ того, соблюлъ я священство чистымъ и несквернымъ. Если же возлюбилъ я владычество, или высоту престола, или если возлюбилъ попираť дворы царей: то пусть не буду имѣть никакой другой славы, а если и приобрѣту, то да лишусь оной!» ³⁾.

Но св. отецъ и училъ, какъ жить. Церковные доходы, составлявшіе часть доходовъ епископовъ, онъ признавалъ всецѣло достояніемъ бѣдныхъ и алтарей ⁴⁾; онъ считалъ худыми тѣхъ пастырей, которые только млеко ѣдятъ, волною одѣваются, тучное закаляютъ или продаютъ, а прочее оставляютъ звѣрямъ и стремнинамъ, самихъ себя пасутъ, а не овецъ»; онъ призывалъ такихъ къ безкорыстію и стяжанію душъ пасомыхъ, а не ихъ имуществъ ⁵⁾. «Если во всякомъ случаѣ худа ненасытимость,—училъ онъ,—то еще хуже быть ненасытимымъ духовному лицу» ⁶⁾. Добрый пастырь не дозволитъ себѣ «обогащаться нищетою другихъ, не смѣшаетъ богатства своего съ

¹⁾ III, 173.

²⁾ III-я глава I-й части.

³⁾ IV, 33.

⁴⁾ IV, 37

⁵⁾ I, 238; II, 240; I, 46.

⁶⁾ VI, 47.

чужими слезами, отъ которыхъ оно, какъ отъ ржавчины и моли, пропадетъ и изблудится»¹⁾. Онъ не будетъ «ненасытимымъ, подобно пѣвицѣ Соломоновой»²⁾. «Есть добрая любостязательность: польза церквей. Она и общее спасеніе—пастырское стяжаніе. Ибо, о чемъ болѣе должно заботиться взирающему горѣ? Когда цѣлое въ хорошемъ или худомъ положеніи, тогда по необходимости и каждый членъ общества приходитъ въ подобное же состояніе»³⁾.

Единственное имущество пастыря — собственное его тѣло, которое, притомъ, онъ всецѣло приносить Богу и долгу своего званія, и необходимые покровы для тѣла. Его богатство — ничего у себя не имѣть, и жить съ единымъ крестомъ, который для пастыря дороже многихъ стяжаній⁴⁾. У него «одно великое богатство—Христосъ, прочимъ пусть владѣетъ міръ»⁵⁾. «Обогати себя, — учитъ онъ, — не имуществомъ, но благочестіемъ, не золотомъ, но добродѣтелью»⁶⁾. «Земному благоденствію довѣрять не больше, чѣмъ вѣтру, или писанному на водѣ»⁷⁾. Страсть къ любостязанію онъ осуждаетъ характернымъ изреченіемъ: «не сжимай того, что взятое въ руки расплывается»⁸⁾. По мысли св. отца, пастырь долженъ всецѣло служить Христу, не раздѣляя своей любви между Нимъ и міромъ. «Не принимаю твоего половиннаго благочестія, говоритъ онъ; не хорошо, если какъ въ сомкнутомъ въ кружокъ хороводѣ одного держаться правою, а другого лѣвою рукою; такъ и ты, вмѣстѣ касаясь Божества и отдѣляясь отъ Него, половиною принадлежишь Христу, а половиною — міру, плоти»⁹⁾.

¹⁾ II, 127.

²⁾ II, 56

³⁾ II, 113; IV, 79

⁴⁾ II, 131; IV, 94.

⁵⁾ V, 20

⁶⁾ I, 27.

⁷⁾ I, 76.

⁸⁾ IV, 119.

⁹⁾ III, 189; V, 75

По ученію св. Григорія Богослова, признакъ истинныхъ и достойныхъ пастырей и ихъ отличіе отъ недостойныхъ въ томъ и состоитъ, что первые и въ дни общественныхъ бѣдствій и въ обычное время не съ бѣднымъ, но со щедродательнымъ расположеніемъ духа собираютъ «уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышавшихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ», и не гнушаются удовлетворять ихъ потребности и духовныя и тѣлесныя, «прикрывая ихъ наготу и не презирая единокровныхъ» ¹⁾. Они и сами подражаютъ своему Учителю, препоясавшемуся лентіемъ и не погнушавшемуся умытъ ноги ученикамъ, и пасомыхъ своихъ дѣятельнымъ примѣромъ располагаютъ къ милосердію и благотворительности, научая ихъ въ семъ также подражать Божію человеколюбію. «Въ человѣкѣ всего божественнѣе то, что онъ можетъ благотворить. Ты можешь стать богомъ, ничего не сдѣлавъ: не пропускай же случая къ обоженію» ²⁾. «Богъ воздастъ людямъ тою же мѣрою, какою сами отмиряемъ здѣсь человѣкамъ» ³⁾. Пастырь, наконецъ, долженъ опасаться возбудить о себѣ дурное и позорное мнѣніе, что онъ «въ противоборствѣ съ бѣдными» ⁴⁾.

Итакъ, званіе пастырское должно принимать не для плотскихъ цѣлей,—хотя обычно и выставляется на видъ польза духовная,—не для собственнаго удовольствія или прославленія отъ постороннихъ,—что свойственно человѣку мірскому, для котораго нѣтъ иного блаженства, кромѣ настоящей жизни. «Ибо многіе,—поясняетъ свою мысль св. отецъ,—сдѣлали то, что званіе это почитается великимъ, самовластнымъ и доставляющимъ какую-то чудную пріятность, хотя бы надлежало быть предстоятелемъ и правителемъ паствы, которая мала, незначительна и приносить болѣе досадъ, нежели удо-

¹⁾ IV, 74: II, 50, 57; III, 35

²⁾ IV, 74; II, 79.

³⁾ V, 212

⁴⁾ VI, 161.

вольствіа» ¹⁾. Великость внутренняго настроенія паствы, молитвенный духъ, живые храмы Бога живаго, одушевленные жертвы, разумныя всесоженія, сплоченность стада съ пастыремъ и между собою, препятствующія войти въ него татямъ и чужимъ — вотъ желанныя для пастыря достоинства его паствы, а не какія-нибудь иныя виѣшнія, пространственныя или количественныя измѣренія ²⁾.

2) Пастыри временъ св. Григорія Назіанзина вмѣстѣ съ обезпеченною сытою жизнью внесли въ пастырство и тѣ пороки, которые обычно сопутствуютъ ей: безпечность и небреженіе о паствѣ, невоздержаніе, пресыщеніе. Аскетическое настроеніе пастырей, готовность ко всегдашнему молитвенному представительству и самособранность исчезли. Пастыри въ большинствѣ вели свѣтскій образъ жизни, усердно посѣщали общественныя мѣста увеселеній, участвовали въ конскихъ ристалищахъ и состязаніяхъ, ласкательствовали и раболѣпствовали предъ высшими, были напыщены и надменны въ отношеніи низшихъ ³⁾.

Порочный образъ жизни большинства современныхъ св. отцу пастырей, особенно большихъ городовъ и въ частности столицы — Константинополя, вызывалъ съ его стороны открытыя обличенія и порицанія. Угрожая судомъ Божиимъ и различными наказаніями за непотребство, онъ называетъ такихъ пастырей «начальниками и учителями злонравія», а ихъ пороки — развращеніемъ мутнымъ и опьяненіемъ, коими напеваются окружающіе ихъ, а ихъ молитвы и жертвы — недостойными дарами ⁴⁾. «Обуяша пастыри и разсыпаша овцы», — взывалъ онъ словами пр. Іереміи ⁵⁾. Такіе пастыри гнетутъ благочестіе и нуждаются приносить жертвы больше за себя, чѣмъ за людскія невѣжествія ⁶⁾. Онъ вразумлялъ ихъ ука-

¹⁾ I, 252; II, 100; I, 35

²⁾ III, 146.

³⁾ VI 65; IV, 37,

⁴⁾ I, 43, 47.

⁵⁾ I, 238

⁶⁾ II, 148—149.

заніемъ на тотъ соблазнъ, который они поселяютъ своимъ поведеніемъ среди пасомыхъ, надмеваясь мыслью, что дѣла ихъ тайны, между тѣмъ какъ ихъ поступки, даже маловажные, замѣчаютъ всѣ, дѣлаютъ печальное заключеніе отъ учащихъ къ ученію, вывода пороки пастырства на зрѣлища народныхъ и осмѣивая оное наравнѣ съ самыми развратными людьми въ предположеніи, что «ничто такъ не усладительно для слуха и зрѣнія, какъ хрістіанинъ и, въ особенности, духовное лицо, поруганное на зрѣлищѣ» ¹⁾). Въ виду заразительности дурныхъ примѣровъ, единственная польза отъ испорченности пастырей та, что поведеніе ихъ «настолько отвратительно, что смотрящіе на нихъ неминуемо пойдутъ противоположною стезею» ²⁾). Но такое общее безславіе тяжело гнететъ и достойныхъ пастырей. Посему, порочные пастыри для организма церковнаго общества то же, что «моль костямъ» ³⁾).

Загѣмъ, пороками пастырей и соблазномъ, производимымъ ими, обезцѣнивается добродѣтель и легко разрушается трудно созидаемое дѣло нравственнаго прогресса. Поэтому, св. отецъ въ правѣ былъ восклицать: «Погибла вѣра въ Бога, погибла у людей! Куда кому обратиться, чьимъ стать ближнимъ? Если свѣтильники сдѣлались таковыми, если свѣтъ таковъ, то разсуди, какова тьма?... Таковы вожди..., а недалеко отсталъ и народъ. Всякій мудръ на злое, даже и безъ вождя. Нѣтъ никакого различія между добромъ и зломъ, между благоразумною сѣдиною и безразсудною юностью, между люботрудной, богобоязненной жизнью и между жизнью распутной!... Одинъ законъ: тому имѣть преимущество, кто всѣхъ порочнѣе... Да погибнетъ тотъ, кто хочетъ, чтобы все слилось во-едино— Христось, человекъ, солнце, звѣзда, тьма, ангелъ добрый и злой..., чтобы въ равной цѣнѣ были и золото, и серебро, и

¹⁾ I, 27, 28, 33, 54, 60; VI, 57

²⁾ VI, 70.

³⁾ VI, 71; I, 42.

желѣзо, жемчужина съ камнемъ, стокъ нечистотъ и чистый источникъ, чтобы все слилось въ первозданный хаосъ» ¹⁾).

Напротивъ того, добрый пастырь имѣетъ добрую жизнь и добрые нравы; степень священства для него есть прямое слѣдствіе извѣстной высоты его добродѣтельной жизни и награды за добродѣтель ²⁾). Содержаніе пастырской дѣятельности—учить познавать Бога и искренно чтить Его словомъ и дѣломъ ³⁾),—явится постояннымъ, всегдашнимъ содержаніемъ его жизни, а таковое постоянство въ добродѣтели весьма цѣнно, потому что отдѣльные кратковременные порывы къ добру непрочны и малоцѣнны. <Что рѣдко, то не законъ для Церкви,—учить св. отецъ,—такъ какъ одна ласточка не показываетъ весны, или одна черта не дѣлаетъ геометромъ, или одно краткое плаваніе—мореходцемъ» ⁴⁾). Отсюда, добрый пастырь не будетъ предаваться забавамъ, когда другіе нуждаются и злостраждутъ, не отступитъ такъ далеко отъ Божьей правдивости, не будетъ презирать твари для твари, но будетъ стараться воспитывать христіанскія добродѣтели и добрые нравы въ пасомыхъ, на самомъ себѣ опытно показывая, какъ нужно уцѣломудриваться, мужественно стоять противъ вещества, содѣловаться мужемъ желаній духовныхъ и самого себя всецѣло предавать въ жертву Богу и ближнимъ, дабы всецѣло и воспринять себя самихъ для вѣчной жизни ⁵⁾). Добрый пастырь ищетъ отдохновенія отъ трудовъ не въ порочныхъ склонностяхъ и не среди дурныхъ сообществъ, но въ занятіяхъ облагораживающихъ и возвышающихъ его духъ ⁶⁾). Радость пастыря и улада его трудовой жизни—преуспѣяніе его учениковъ въ вѣрѣ и добродѣтели, ростъ его пастырскаго посѣва и добрый сборъ плодовъ; это—безкорыстная радость не только о надлежащемъ

¹⁾ VI, 80, 72; I, 52

²⁾ I, 257; II, 147.

³⁾ V, 129.

⁴⁾ III, 218

⁵⁾ II, 127—128; III, 251—259

⁶⁾ V, 240—241.

ростѣ, но и о духовномъ прибыткѣ въ добродѣтели пасомыхъ, для полученія какового прибытка пастырь не задумается, если бы пришлось ему пріобрѣтать эти духовныя блага каплями крови ¹⁾).

По ученію св. отца, частная пастырская жизнь должна умѣло соединять въ себѣ черты и уединенно-созерцательной и общественно-дѣятельной жизни, какъ это видно на примѣрѣ самого св. Григорія Богослова. Для пастыря его домъ — тотъ же храмъ, гдѣ онъ обновляется духомъ и набирается силъ для общественной дѣятельности. Это—его лабораторія, гдѣ задумывается и созрѣваютъ всѣ его пастырскія дѣла, подобно тому, какъ «Исусъ совершалъ дѣла предъ народомъ, а молитвы большею частью на свободѣ, въ пустыняхъ... Какой же симъ преподавъ урокъ? Тотъ, думаю, что нужно погружаться въ безмолвіе для невозмущаемаго собесѣдованія съ Богомъ»,—разсуждаетъ онъ ²⁾). «Собесѣдованіе съ Богомъ» — родникъ и источникъ пастырскаго служенія: и силы, и благодатное озареніе онъ получаетъ въ этомъ безмолвномъ сношеніи съ Высочайшимъ Существомъ. Отсюда еще разъ доказывается необходимость и благотворность для пастыря аскетизма. Правда, такая обстановка жизни будетъ не совсѣмъ обыкновеню для принятаго порядка ея, будетъ несогласованною съ окружающею пастыря жизнью. Но, вѣдь, пастырь долженъ идти не за жизнью, а и поперекъ ея, если она не благочестна. Онъ является такимъ человѣкомъ, «на котораго непріятно дѣйствуетъ пріятное для другихъ, и который увеселяется тѣмъ, что для иныхъ огорчительно» ³⁾).

3) Обильную пищу для сатиръ далъ св. Григорію водворившійся въ церковной іерархіи безпорядокъ въ распредѣленіи высшихъ духовныхъ должностей, выразившійся въ томъ, что эти должности замѣщались лицами невѣжественными, недостой-

¹⁾ II, 236, 241, 212

²⁾ II, 243

³⁾ IV, 35

ными, неподготовленными къ ихъ прохожденію. «Почти невѣроятно,—говоритъ Ullmann,—черезъ какіе происки, съ какимъ произволомъ, съ какимъ даже насиліемъ многіе епископы достигали своего почетнаго мѣста»... Рѣшительное вліяніе на выборъ епископовъ одерживали попеременно власть двора, лицепріятіе духовныхъ и монаховъ, и воля народа, который свои притязанія на право избранія, раньше предоставленное ему, а потомъ постепенно отнимаемое, часто отстаивалъ довольно бурно, нерѣдко мятежемъ и кровопролитіемъ ¹⁾).

Свое негодованіе по поводу такихъ безпорядковъ св. отецъ выразилъ въ стихотвореніяхъ «О своей жизни, о различіяхъ въ жизни и противъ лже-іереевъ, къ епископамъ, въ словахъ прощальномъ и о бѣгствѣ, и, въ особенности, въ большомъ стихотвореніи XII въ 836 стиховъ, «De se ipso et de episcopis» ²⁾).

По словамъ св. отца, искатели священныхъ степеней при рукоположеніи прибѣгали къ разнымъ низостямъ. Смотра по тому, отъ кого въ данный моментъ зависѣло предоставленіе іерархической должности, они «кланялись гордымъ чиновначальствующихъ, особливо тѣхъ, которые имѣли силу при дворѣ и неспособны были ни къ чему другому, какъ только собирать деньги. Трудно сказать, съ какимъ усердіемъ и съ какими происками припадали тогда къ самымъ вратамъ Царевымъ; другъ друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестіе, однимъ словомъ, отваживались на всякія постыдныя дѣла» ³⁾; раболѣпствовали, изгибались, припадали къ ногамъ сильныхъ, засылали ходатаями кого-либо изъ друзей, наиболѣе расположенныхъ къ нимъ и сильныхъ у властей, сыпали золотомъ, оправдывая себя тѣмъ, что теперь все раболѣпствуетъ времени. Поэтому, часто шутя они приобрѣтаютъ то, что не снискивается и другими средствами, даже не по-

¹⁾ G Ullmann, цит. соч., стр. 356.

²⁾ Migne, P c c. s. gr., t 37, c. 1166—1227.

³⁾ IV, 91; VI, 45.

купается. Въ ласкательствѣ и заискиваніи претенденты на престолъ не знали мѣры: они цѣловали окровавленные руки, ласкали подбородокъ, чтобы добиться хотя небольшой милости. И они очень бывали польщены, если сильные и знатные сажали ихъ съ собою, удовлетворяя тѣмъ своему мелкому тщеславію» ¹⁾).

Когда же избраніе зависѣло отъ народа, тогда искатели престоловъ и степеней унижались предъ народомъ, готовы были «отринуться глаголовъ Духа изъ заботливости снискать любовь у народа; они устраивали для народа развлечения и зрѣлища, сами посѣщая ихъ въ угоду толпѣ. Въ погонѣ за популярностью и славою, таковые «сами подобились состязующимся на ристалищахъ въ ловкости и изворотливости, или обгоняющимъ другъ друга, и это не для того, чтобы умѣрить страсть, поученіями обуздать гордыню, источниками слезъ вызвать слезы, но чтобы вкусить одну жестокую отраву, которая причиняетъ несомнѣнную смерть,—удовлетворить страсти гоняться за страстью» ²⁾).

Тамъ, гдѣ сталкивались интересы нѣсколькихъ соискателей, развивались ссоры, распри, вражда, интриги, не останавливавшіяся ни предъ какимъ злодѣяніемъ ³⁾). Если принять въ соображеніе, что у cadaго претендента была своя партія единомышленниковъ, то легко представить, какія сцены разыгрывались въ борьбѣ изъ-за престоловъ, хотя предлогомъ къ ненависти выставлялось благочестіе. «Эти предсѣдатели и учителя народовъ, податели Духа, съ высоты престоловъ осіявающіе спасительнымъ ученіемъ и непрестанно среди церквей широко-вѣщательнымъ гласомъ проповѣдующіе всѣмъ миръ, съ такими ожесточеніемъ возставали другъ на друга, что, съ грозными восклицаніями собирая себѣ сподобниковъ, обвиняя другихъ, сами подвергаясь обвиненіямъ, предаваясь сильнымъ движе-

¹⁾ VI, 58, 54, 65.

²⁾ VI, 66.

³⁾ III, 135. Слово 33-е

ніямъ, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, расхищая, что только удавалось захватить прежде другихъ, въ страсти къ любоначалію и единоначалію, расторгли всю вселенную»¹⁾. У служителей алтаря, по свидѣтельству св. отца, развилась какая-то специфическая для ихъ сословія болѣзнь, «останокъ первоначальнаго недуга: это было врожденное зло—не прекращающаяся зависть, губительная, никогда не успокаивающаяся, которая все уязвляетъ или явно, или тайно»²⁾. Въ соединеніи съ другими постыдными и разрушительными страстями — ненасытностью и лицемѣріемъ, оба эти порока были причиною глубокихъ раздоровъ и вражды, дѣлавшихъ служителей алтаря «неукротимыми воителями, возглашавшими: миръ и хвалившимися кровью»³⁾. Поэтому и собранія такихъ пастырей св. отецъ называетъ «сборомъ хриstopродавцевъ», «крикливыми собраніями гусей или журавлей, которые дерутся между собою безъ всякой причины», собраніями, гдѣ раздоры, смятенія, а еще прежде всего, гдѣ собраны въ одно мѣсто всѣ тайныя срамоты враждующихъ»⁴⁾.

Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ о какой-либо постепенности въ передвиженіи съ низшихъ мѣстъ на высшія, или о степени подготовленности къ прохожденію того или другого служенія не могло быть и рѣчи.

Всѣ эти недостатки св. Григорій Богословъ ярко отгѣнилъ своимъ картиннымъ, образнымъ языкомъ. «Мы какъ-то не въ мѣру челоувѣколюбивы,—говоритъ онъ,—поставили предъ алтарями проповѣдническую кафедру и всѣмъ вопіемъ: входи сюда, кто хочетъ, хотя бы два и три раза перемѣнилъ вѣру. Настало время торжища... Никто не уходитъ безъ прибыли. Время всего измѣнчивѣе; можетъ быть, кость ляжетъ другою стороною; тебѣ не удалось, мечи снова»... «Что нынѣ про-

¹⁾ VI, 49.

²⁾ VI, 28

³⁾ VI, 47. 71.

⁴⁾ VI, 55. 66

исходить, смѣшно то видѣть. Всѣмъ отверсть входъ въ незапертую дверь, и кажется мнѣ, что слышу провозвѣстника, который стоитъ посреди и возглашаетъ: приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники..., безстыдные..., бродяги..., убійцы, люди съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ..., невѣжды въ небесномъ, новопросвѣщенные..., приходите смѣло: для всѣхъ готовъ широкій престолъ; приходите и преклоняйте юныя выи подъ простертыя десницы: онѣ простираются ко всѣмъ, даже и не желающимъ! Опять дается манна—этотъ необычайный дождь, собирай всякій въ свое нѣдро, кто больше, а кто скуднѣе... Никто не оставайся вдали, земледѣлецъ ли ты или плотникъ, кожевникъ или кузнецъ; никто не ищи себѣ другого божественнаго вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему... Брось изъ рукъ, кто большую сѣкиру, кто рукоять плуга...; и всякій иди сюда; всѣ толпитесь около божественной трапезы, и тѣснясь и тѣсня другихъ. Если ты силенъ, гони другого... Такъ говоритъ громогласный проповѣдникъ»...¹⁾).

Или въ другомъ мѣстѣ: «Какъ легко нынѣ дѣлаются предстоятели общества, которые безъ всякаго труда внезапно являются подготовленными къ достоинству! О, скорое превращеніе нравовъ!.. Еще вчера ты находился въ средѣ мимиковъ и актеровъ (что было послѣ представленія — пусть скажетъ другой), нынче ты самъ являешься для насъ новымъ зрѣлищемъ. Недавно—ты любитель лошадей и наѣздникъ..., а нынѣ скромнѣе и застѣнчивъ... Вчера, какъ ораторъ, ты продавалъ право, ворочая законами, сегодня ты—судья и новый Даніилъ. Вчера, толкуя право съ обнаженнымъ мечомъ, ты превращалъ трибуналъ въ вертепъ разбойниковъ, воюя и насильничая, и какой скромный ты сегодня! Едва ли кто такъ легко перемѣняетъ одежду, какъ ты нравы...»²⁾). «Было бы еще утѣшитель-

¹⁾ VI, 69—70.

²⁾ Migne, ц с; с. 1195, стихи 393—424 (томъ 37).

но, — присовокупляетъ св. отецъ, — если бы такіе держались середины, а не явно предавались къ противной сторонѣ. Эти епископы, нынѣ только научившіеся знать Бога..., вчера святотатцы, а нынѣ священники, вчера не смѣвшіе приступить къ святынь, а нынѣ тайноводители, устарѣвшіе въ порокахъ и новоявленные въ благочестіи, произведеніе человеческой милости, а не дѣло благодати Духа; они весь путь свой ознаменовали насиліемъ и, наконецъ, гнетутъ самое благочестіе; не нравы даютъ имъ степень, а степень нравы»¹⁾).

Нечего и говорить, что св. Григорій Богословъ жестоко осуждалъ подобный порядокъ въ замѣщеніи епископскихъ престоловъ и считалъ необходимымъ упорядочить какъ способъ перехода съ низшихъ должностей на высшія, такъ и нравы духовенства. Однимъ изъ мотивовъ своего бѣгства отъ священства онъ приводилъ то соображеніе, что ему «стыдно было за другихъ, которые, будучи ничѣмъ не лучше прочихъ, если еще не хуже, съ неумытыми, какъ говорится руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло, и прежде нежели сдѣлаться достойными приступить къ священству, врываються въ святилище, тѣснятся и толкаются вокругъ св. трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцомъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію; не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отвѣта... Иные пороки по временамъ то усиливались, то прекращались; но ничего никогда, и нынѣ и прежде, не бывало въ такомъ множествѣ, въ какомъ нынѣ у христіанъ сіи постыдныя дѣла и грѣхи»²⁾).

Мы уже излагали раньше мысли св. отца о томъ, что скороспѣлость возведенія на престолы препятствовала достодожной подготовкѣ кандидатовъ пастырства. Теперь отмѣтимъ ученіе его о томъ, что нарушеніе вполнѣ естественныхъ и законныхъ принциповъ въ раздаяніи священныхъ должностей и вза-

¹⁾ VI, 54; II, 148

²⁾ I, 16--17

имныя изъ-за нихъ пререканія предстоятелей вели къ пониженію нравственныхъ началъ и тѣмъ наносили Церкви непоправимый вредъ. «Нынѣ слово іерей признается однимъ пустымъ именемъ, и лучше, если бы оно было одно пустое имя. Нынѣ же изгнанъ изъ сердца всякій страхъ, и его мѣсто заступило безстыдство; кто бы ни пожелалъ, для всякаго отверсты и знаніе, и глубины Духа... Всѣ мы благочестивы единственно потому, что осуждаемъ нечестіе другихъ; а судъ предоставляемъ людямъ безбожнымъ, повергаемъ святая псамъ, бросаемъ бисеры предъ свиньями, разглашая божественное тѣмъ, у кого не освящены и слухъ, и сердце... Совершеннѣе у насъ тотъ, кто болѣе злословитъ ближняго»¹⁾).

Между тѣмъ, «если бы желающіе предстоятельства... удостоивались чести по порядку и по закону духовнаго восхожденія, если бы соблюдался самый лучшій и полезный для подначальныхъ порядокъ, обычный во всякомъ дѣлѣ — морскомъ, военномъ, когда высшая должность соотвѣтствуетъ богатству знанія и опыта въ своемъ дѣлѣ, тогда и дѣло паствы было бы гораздо достоуважаемѣе... А теперь есть опасность, чтобы самый святѣйшій чинъ не содѣлался наиболѣе осмѣиваемымъ, потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтельно, но происками, и престолы занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими»²⁾. Всѣмъ этимъ обезцѣнивается добродѣтель и какъ бы вѣнчается порокъ³⁾. Могутъ ли лечить другихъ тѣ, которые сами покрыты струпами; могутъ ли быть учителями порочные, когда это трудно и ненорочному?⁴⁾. Междоусобія и брани пастырей содѣлываютъ христіанъ новымъ позоромъ, но не для ангеловъ и человѣкъ, какъ Павелъ, но почти для всѣхъ, ведущихъ худую жизнь — и во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ — на торжищахъ, на нетрезвыхъ пирше-

¹⁾ I, 52.

²⁾ IV, 66.

³⁾ VI, 72—73.

⁴⁾ I, 19—20.

ствахъ, среди веселостей, среди сѣтованій¹⁾. Худые люди между удостоенными предстоятельства даютъ поводъ къ укоризнамъ вѣры и къ обвиненію самого закона въ томъ, что онъ будто бы учить злонравію. Если вообще миръ и единомысліе вождѣнны во всякой организаціи, то въ пастырствѣ они—необходимое связующее начало, безъ коего оно устоять не можетъ²⁾.

4) Кромѣ пониженія въ пастырствѣ нравственного его уровня, св. Григорій Богословъ засвидѣтельствовалъ и о пониженіи его въ умственномъ развитіи. Таковое пониженіе находилось въ тѣснѣйшей зависимости отъ вышеописанныхъ его правовъ, приведшихъ къ пренебрежительному отношенію къ наукѣ и научно-литературнымъ занятіямъ. Легкій незаконосообразный доступъ къ высшимъ духовнымъ должностямъ, минуя тщательную долготѣнную подготовку и серьезныя богословскія познанія, каковыхъ требовала отъ пастыря церковная жизнь того времени, возможность обойти научное образованіе,—вели къ необразованности многихъ членовъ пастырства. Если выгодами пастырскаго званія можно пользоваться безъ богословской образованности, то,—въ мнѣніи тогдашнихъ кандидатовъ,—кто или что могло заставить ихъ трудиться такъ тяжело и бесплодно? Понятно, что многіе члены духовенства предавались лѣни, увлекались посторонними занятіями, а въ свое оправданіе выдумывали разныя доказательства въ пользу того, что ученые занятія не только излишни, но даже вредны для пастыря. Одни изъ таковыхъ въ странномъ самообольщеніи ничего не хотѣли слышать ни о какихъ требованіяхъ касательно умственного развитія, какъ скоро имъ сообщена благодатная сила чрезъ рукоположеніе, каковая сила, по ихъ разумѣнію, должна была замѣнить естественное развитіе ума. При этомъ они злоупотребляли примѣрами тѣхъ достоуважаемыхъ рыбарей и мытарей, которые хотя не имѣли богослов-

¹⁾ I, 53—54

²⁾ II, 194—199.

скаго образованія и были просты рѣчью, однако силою своего слова побѣдили весь міръ¹⁾. Другіе, перешедшіе къ пастырскому служенію непосредственно отъ разныхъ житейскихъ профессій, часто низкаго сорта, уже въ силу этой своей неподготовленности, не только не обладали никакимъ богословскимъ образованіемъ, но были прямо невѣжественными. Пастыри, по словамъ св. отца, часто не знали даже первыхъ элементовъ вѣры²⁾. А такъ какъ они были большею частью люди порочные, то ихъ невѣжество не покрывалось нисколько ихъ благочестіемъ. Третьи, наконецъ, изъ ложнаго благочестиваго опасенія заразиться язычествомъ, сосредоточившимъ въ себѣ тогдашнюю ученость, унижали значеніе внѣшней учености сравнительно съ откровеніемъ³⁾. Ни одного изъ этихъ возраженій противъ научнаго образованія св. отецъ не оставилъ безъ основательнаго опроверженія, заявивъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячимъ защитникомъ этой великой міровой силы и оставивъ намъ наставленія о томъ, какъ пользоваться языческой ученостью.

Тѣмъ, которые отрицали необходимость научнаго образованія для пастыря, дерзновенно сравнивая себя съ богомудрыми апостолами, онъ предлагалъ явить ту же силу чудотворенія, которую имѣли тѣ, если они такъ же святы по жизни, какъ и оныя богодухновенные мужи. Св. отецъ острымъ ножомъ сарказма вскрывалъ гнойный струпу невѣжества, лѣни, порочности и лицемерія, скрывавшійся за ихъ якобы благовиднымъ доводомъ. / «Ты ссылаешься на апостоловъ, которые не будучи учеными, силою слова побѣдили міръ... Это вѣрно. Но то были апостолы, и при томъ имъ дано было это для того, чтобы дѣйствіе проповѣдуемаго ими слова было тѣмъ чудеснѣе. Но ты дай мнѣ вѣру хотя бы одного апостола, яви мнѣ такого, который, подобно апостоламъ, прожилъ бы безъ

¹⁾ Migne, ц. с. XII, ст. 190—195; с. 1179 (томъ 37).

²⁾ I, 37—38.

³⁾ IV, 51.

денегъ, безъ опредѣленнаго жилища, безъ обуви, богатый одною надеждою... Покажи такого, который бы изгонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ... Послѣ этого мы сдѣлаемъ тебя сообщникомъ ангеловъ... Ты ссылаешься на апостоловъ. Матѳей былъ мытарь, но онъ—дѣвственникъ, и прославляется не какъ мытарь, но какъ сосудъ Св. Духа; Петръ—глава учениковъ, но онъ—скала вѣры, и является не какъ рыбарь, но какъ учитель вѣры» ¹⁾).

Унижавшимъ ученость якобы изъ опасенія языческой заразы, а на самомъ дѣлѣ руководившимся лицемѣрными соображеніями, онъ отвѣчалъ, что «не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые, а напротивъ того, надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостатокъ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество» ²⁾).

Всѣмъ же противникамъ науки онъ отвѣчалъ диѳирамбами учености не только христіанской, но и внѣшней, которой, если кто изъ христіанъ и гнушается, то по худому разумѣнію ³⁾).

Намъ уже извѣстно, что св. отецъ выше всего и дороже всего цѣнилъ науку, и въ особенности царицу наукъ—краснорѣчіе, считая обладаніе ею своимъ неотъемлемымъ сокровищемъ, некрадомымъ стяжаніемъ; онъ гордился имъ, какъ высокимъ даромъ Божиимъ, какъ предметомъ своей славы. Воспоминаніе о школьныхъ годахъ и о долготѣнныхъ трудахъ, потраченныхъ на собираніе знаній въ центрахъ тогдашней учености были любимыми воспоминаніями пережитаго, наполнявшими его душу радостью въ тяжелые моменты его подвижнической жизни. «Наука! Дорогіе Аѳины! Раннія условія вести божественную жизнь!» ⁴⁾). Слышать недоброжелательные отзывы

¹⁾ Migne, ц. соч. стихи 197—224.

²⁾ IV, 51.

³⁾ IV, 50.

⁴⁾ IV, 53, 299; V, 176; III, 124; V, 317.

объ учености для св. Григорія, грека по рожденію, стараго элина по уму, воспитавшагося на высокой умственной культурѣ; слышать отъ людей, лицемѣрно оправдывавшихъ свое невѣжество, порицавшихъ и унижавшихъ въ сущности Великій Умъ, источникъ человѣческаго знанія, — какъ прискорбно было слышать все это и считаться съ такимъ мнѣніемъ невѣжды лицу, «исчерпавшему едва не до дна жаднымъ умомъ сладкую чашу наукъ» и печаловавшемуся о томъ, что не «все еще онъ извѣдалъ, какъ бы хотѣлось, и не обтекъ еще на полныхъ вѣтрилахъ цѣлаго моря наукъ!» ¹⁾). Св. Кипріана онъ хвалитъ за разнообразіе его свѣдѣній и за высоту познаній ²⁾). Похвальное слово св. Василию В. — сплошной панегирикъ наукъ. Онъ прославляетъ своего друга за успѣхи въ философіи, «дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, т.-е. въ дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположеніями, а также состязаніями, и называется діалектикою, — въ астрономіи, геометріи, наукѣ объ отношеніи чиселъ и во врачебной наукѣ, этомъ плодѣ любомудрія и трудолюбія; онъ именуетъ его «кораблемъ, столько нагруженнымъ ученостью, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы» ³⁾). Попытку Юліана закрыть для христіанъ школы подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что въ божественномъ откровеніи даны всѣ нужныя христіанамъ свѣдѣнія, онъ обличаетъ, какъ хитрое покушеніе лишить Церковь одного изъ важнѣйшихъ ея благъ и нанести дѣлу Евангелія непоправимый вредъ, сведенное къ религіи для невѣждъ и обезсиливъ его лишеніемъ возможности сражаться съ врагами одинаковымъ оружіемъ ⁴⁾). Другой же мотивъ Юліана, что эллинское образованіе принадлежитъ язычеству, онъ называетъ неразумнымъ, злонамѣрен-

¹⁾ IV, 226; V, 240.

²⁾ II, 204.

³⁾ IV, 63—64

⁴⁾ II, 70.

нымъ и произвольнымъ, «ибо эллинская словесность принадлежит не язычеству, а языку и есть общечеловѣческое достояніе», почему и запрещеніе христіанамъ образовываться въ словѣ и тѣмъ якобы похищать чужое добро,—не состоятельно. «Сіе значило бы тоже, если бы не позволять намъ и всѣхъ искусствъ, какія изобрѣтены у грековъ, а присвоить ихъ себѣ по тому же сходству наименованія» ¹⁾).

Мы видѣли, какъ св. Григорій Богословъ заботился о научномъ образованіи христіанскихъ мальчиковъ, видя въ томъ лучшее средство «дѣлать ихъ изъ вихирей голубыми», по характерному выраженію св. Василя Великаго въ письмѣ къ Ливанію ²⁾. Онъ избиралъ для юношей учителей, писалъ имъ рекомендательныя письма, справлялся объ ихъ успѣхахъ ³⁾. Остроумное письмо отъ имени матери, посылающей сына къ Ливанію, останется вѣковѣчной памятью объ отношеніи св. отца къ наукѣ ⁴⁾. Затѣмъ, самъ онъ охотно переписывался съ риторамъ, обмѣнивался книгами ⁵⁾. Наконецъ, въ двухъ посланіяхъ—«Отъ Никовула сына къ отцу» и «Отъ Никовула отца къ сыну» ⁶⁾, св. отецъ подробно изложилъ свой взглядъ на научное образованіе христіанскаго юношества, давъ тѣмъ самымъ всѣмъ пастырямъ отеческое наставленіе по данному вопросу. Посланія эти настолько увлекательны, что не процитовать ихъ нельзя.

Св. отецъ въ уста Никовула-сына влагаетъ трогательную мольбу дать ему образованіе: «Ты родилъ меня, отецъ, и вскормилъ. Не велико благодареніе: тоже дѣлають для своихъ дѣтенчышей и животныя. Пищу же ты даешь и рабамъ, и воламъ... Не желаю я ни золота, ни сребра, ни шелковыхъ

¹⁾ П, 70.

²⁾ Св. Вас В., твор., т. VII, 288.

³⁾ Письма 125—128, 132—134 и др.—VI, 194 и слѣд.

⁴⁾ II, 238—VI, 280.

⁵⁾ II, 180—VI, 238.

⁶⁾ V, 228—244.

тканей, ни блеска драгоценныхъ камней... Другимъ предоставляю знатное супружество, престолы, забавы. Погибай все то, что приноситъ вихрь горькой жизни, которымъ здѣсь и тамъ клубится невѣрный для всякаго прахъ... Взамѣнъ всего желаю теперь, редитель, одного—быть сильнымъ въ словѣ. Прекрасна сила краснорѣчія, но прекрасно также имѣть умъ, обогащенный исторіей, потому что исторія—кладчина мудрости, умъ многихъ. Не маловажны грамматика, логика и та наука, посредствомъ которой усовершенствовавшіеся мужи образуютъ въ чловѣкѣ добрые нравы, какъ творогъ, который принимаетъ видъ плетенаго сосуда. Не маловажны остроумныя изысканія, передаваемые мудрецами въ книгахъ... Они, мудрецы, уразумѣли природу вещей и воздушныхъ, и земныхъ, и морскихъ, и небесныхъ. Ихъ изысканія стараются постигать законы Божьяго мірозданія и міроуправленія. Ихъ мысль стремится къ Божественному Духу и Его прославленію, имѣя вождемъ въ своихъ полетахъ—Христа. Они жаждутъ созерцать чистыми очами самую истину»... Сынъ проситъ отца дать средства для образовательнаго путешествія по центрамъ тогдашней учености. «Предоставь мнѣ то, что дѣлаетъ чловѣка счастливымъ». Быть можетъ, отецъ копить богатство для сына, чтобы видѣть его обезпеченнымъ и счастливымъ. Но что за пріятность имѣть у себя обезьяну,—это безобразіе въ чловѣческомъ видѣ, разукрашенную золотыми петлями? Нарядъ не измѣняетъ смѣшной и глупой наружности. Что за радость ослу носить на себѣ таланты золота? Осель, хотя и золотомъ увѣшанъ, не перестаетъ кричать по-ослиному. Какая польза—ни къ чему негодный для сражающагося свинцовый мечъ спрятать въ серебряныя ножны? А таковъ и чловѣкъ, который превозносится одною внѣшностью». Сынъ общается съ своей стороны приложить всѣ усилія, чтобы оправдать расходы отца, проситъ отца не жалѣть имущества для его образованія и убѣждаетъ мать присоединиться къ его просьбамъ, «чтобы именовать ихъ родителями не одного перстнаго естества, но и без-

смертной души». «Я для тебя, отецъ, дороже всякаго имѣнія... Будь же для своего сына не человѣкомъ, но Богомъ!» ¹⁾).

Отецъ отвѣчаетъ сыну: «Желая быть сильнымъ въ словѣ, желаешь ты, сынъ мой, прекраснаго. И самъ я услаждаюсь словомъ, которое Царь Христосъ далъ людямъ, какъ свѣтъ жизни, какъ преимущественный изъ даровъ, ниспосланныхъ намъ съ небеснаго круга. И Онъ особенно любитъ свое наименованіе—«Слово». Идя на встрѣчу прекраснымъ стремленіямъ сына и прославляя значеніе образованія, отецъ даетъ молодому и неопытному сыну рядъ наставленій. Онъ желаетъ видѣть въ юношѣ больше стыдливости, меньше кичливости; больше смиренія, меньше дерзости; онъ хочетъ заставить его приучить свой умъ покорности, осторожности въ словахъ, не давая имъ свободы, отсѣкая все лишнее, ограничивая свою горячую стремительность, словомъ—воспитывая въ себѣ добрые нравы и добродѣтель. Онъ наставляетъ сына, какой изъ трехъ путей жизни ему избрать, и какъ смотрѣть на ученые занятія, чтобы сдѣлаться не только ученымъ, но добродѣтельнымъ, цѣломудреннымъ, или, какъ любитъ выражаться св. отецъ,—любомудреннымъ» ²⁾).

Не приводя многословныхъ комментаріевъ на эти слова, отмѣтимъ ясную и опредѣленную мысль св. отца о томъ, что научное образованіе необходимо человѣку для укрощенія страстей и образованіе нравовъ, для развитія данныхъ Богомъ способностей, для пониманія красоты и истины, для стремленія къ Высочайшему Существу ³⁾). Истинное образованіе не только не учитъ язычеству или порокамъ, но влечетъ къ Богу, образовываетъ мудрость, какъ совокупность умственного и нравственного преуспѣянія, учитъ владычеству надъ страстями и побуждаетъ всемирно стремиться къ добру ⁴⁾). Безъ образованія человѣкъ не можетъ быть вполне счастливъ.

¹⁾ V, 228—235.

²⁾ V, 235—244.

³⁾ VI, 268; IV, 63

⁴⁾ VI, 268; IV, 63; II, 221

Послѣ изложеннаго само собою понятно, насколько несостоятельно мнѣніе тѣхъ лицъ, которые, на основаніи писемъ св. отца къ Григорію Нисскому по поводу открытія послѣднимъ школы риторики, къ ритору Евдоксію съ совѣтомъ отказаться отъ своей профессіи, къ Адамантію по вопросу о высылкѣ ему книгъ риторическаго содержанія, — считаютъ его противникомъ классическаго образованія ¹⁾.

Должно оговориться, что св. Григорій Богословъ, уважая свѣтское образованіе и защищая необходимость его отъ нападокъ лицемѣрныхъ невѣждъ, не придавалъ ему, однако, безусловнаго значенія и не отдавалъ учености предпочтенія предъ богословіемъ, а требовалъ отъ нея служебнаго отношенія къ послѣднему. «Свѣдѣнія свои по эллинской словесности, — наставляетъ св. отецъ Селевка, — покори, что и прилично, въ служеніе свободѣ истинныхъ догматовъ и премудрому разумнію Писаній. Ибо самая справедливость требуетъ, чтобы духовная мудрость, какъ горная и происшедшая отъ Бога, господствовала надъ ученостью дольною, какъ надъ служительницею, которая должна не надмеваться напрасно, но приобучаться къ скромному служенію. Ибо дольная мудрость да будетъ рабою мудрости божественной» ²⁾. «Важно изученіе философіи, но еще важнѣе научиться страху Божию» ³⁾. Философія — внѣшнее любомудріе. Изъ нея должно заимствовать все, что можетъ споспѣшествовать нашему любомудрію, потому что нужна сила и въ словѣ, и отбрасывать то, что не можетъ сдѣлать лучшимъ. Нужна и важна философія, однако же первое и важнѣйшее — познать Бога и искренно чтить его словомъ и дѣломъ ⁴⁾. Таково ученіе св. отца.

Если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на вышеприведенныя письма его, то увидимъ, что смыслъ ихъ другой, чѣмъ

¹⁾ VI, 105, 201, 93

²⁾ V, 262.

³⁾ VI, 268.

⁴⁾ II, 221; IV, 53; V, 129

какой иногда придаютъ имъ: св. Григорію Нисскому онъ выговариваетъ не за посвященіе себя риторскимъ занятіямъ, такъ какъ и самъ одно время предавался имъ, а за предпочтеніе для этого должности чтеца и священныхъ удобопіемыхъ книгъ—соленымъ и непіемымъ, званія христіанина—ритору; отъ Евдоксія-ритора, какъ учителя нравовъ, онъ требуетъ соотвѣтственной нравственной высоты и зоветъ его къ высшему совершенству, отъ дѣтскаго лепета, каковымъ само по себѣ взятое является его занятіе въ сравненіи съ абсолютною истиною,—къ Единому Вѣчному Благу; равнымъ образомъ, и Адамантію онъ совѣтуетъ просить и искать болѣе божественныхъ книгъ, а не свѣтскихъ, стараться не лепетать по-дѣтски, а заглянуть въ истинную ученость ¹⁾).

Возвращаемся къ тому, съ чего начали. Если научныя занятія и нужны и благотѣльны для людей, то для пастыря онѣ обязательны, «ибо руководителю нужны руки, совѣтнику—благоразуміе» ²⁾. «Образованіе придаетъ пастырю большую силу, какъ топоръ дровосѣку» ³⁾. Оно нужно пастырю и какъ подготовительное средство для правильнаго разумѣнія «книгъ, начертанныхъ Духомъ чрезъ языки святыхъ мужей, чтобы, затѣмъ, при помощи высокихъ книгъ и божественныхъ пророковъ, стать свѣдущими въ небесномъ, явиться просвѣщенными самимъ Богомъ и восходить выше и выше, сколько намъ, однодневнымъ тварямъ, возможно восходить здѣсь къ Богу» ⁴⁾. «Когда умъ твой,—пишетъ св. отецъ тому же Селевку,—какъ на поприщѣ достаточно извѣдаетъ силы свои въ различныхъ произведеніяхъ словесности, тогда займи его богодухновенными писаніями, собирая великое богатство двухъ завѣтовъ» ⁵⁾).

По мысли св. отца, пастырь долженъ быть на высотѣ со-

¹⁾ VI, 105, 201, 93.

²⁾ I, 48.

³⁾ V, 234.

⁴⁾ IV, 236; V, 218—219

⁵⁾ V, 260

временнаго ему уровня научнаго образованія. Это видно изъ тѣхъ доводовъ, какіе приводилъ онъ въ обоснованіе своего ученія о важности образованія для пастыря. Именно: оно нужно, какъ средство апологетическое, чтобы съ помощью логически развитой и истинною мудростью насыщеннаго ума заграждать уста лжеименному образованію, какъ увлекающемуся одними оболстительными словами, очаровывающими ухо и сердце сладкорѣчіемъ, изяществомъ вымысловъ и богатствомъ выраженій, ибо плодомъ одной лжеименной философіи часто являются построенные на словахъ города, ничего не значащіе термины, разложенія смѣси и пр.; оно нужно для того, чтобы смирить кичливость эллинскихъ философовъ и посрамить ихъ суетвѣріе и многобожное безбожіе, ихъ гнусныя басни; оно нужно для того, чтобы пастырю «не быть скуднымъ умомъ и бѣднымъ въ языкѣ, знать обороты рѣчи, изреченія и загадки мудрыхъ, Пирроновы способы настоять, поддержать, противопоставить, Хризипповы приемы рѣшать силлогизмы, злохудожности Аристотелевыхъ ухищреній, обаянія Платонова красноглагольства,—знать и опровергать все то, что, подобно египетскимъ язвамъ, ко вреду вкралось въ нашу Церковь, какъ разбойническія и страшныя ученія» ¹⁾. Занятіе языческой философіей уже потому не можетъ быть для пастыря дѣломъ чуждымъ или предосудительнымъ, что языческіе ученые, «разимые стрѣлами великаго божества, близко подошли къ истинѣ, ибо заглядывали въ божественныя книги, не блуждали въ совершенной темнотѣ, но изрѣдка бывали озарены молніей» ²⁾. Отсюда, философія и богословіе, какъ имѣющія общій источникъ происхожденія, не чужды другъ другу, но родственны.

Однако, чтобы занятія философіей, или вообще научное образованіе, приносило надлежащую пользу, должно знать, какъ пользоваться языческой ученостью. Св. отецъ даетъ рядъ та-

¹⁾ I, 16, 165; II, 218—232; IV, 53; VI, 8, III, 127—128; IV, 158

²⁾ V, 223

кихъ наставленій, весьма необходимыхъ пастырю въ дѣлѣ и своего образованія и руководства пасомыми.

По мнѣнію св. отца, изученіе философіи — дѣло обоюдострое, ибо «изъ-за увлеченія ею молодые люди бѣсятся и сходятъ съ ума»¹⁾. «Ты, сынъ мой,—наставляетъ онъ упомянутого Селевка,—сберегай добрые нравы, это богатство въ собственномъ смыслѣ, тебѣ принадлежащее и сродное, не допускай его до ржавчины упражненіемъ въ наукахъ, занимайся стихотворными книгами, историческими писаніями, краснорѣчивыми произведеніями витій, тонкими разсужденіями философовъ. Но со всѣмъ этимъ обращай благоразумно; съ мудростью собирай отовсюду полезное, съ разсудительностью избѣгай всего, что въ каждомъ писателѣ есть вреднаго, подражай работѣ мудрой пчелы, которая садится на всякій цвѣтокъ, но весьма умно беретъ съ каждаго только полезное. У ней наставницей—сама природа, а у тебя есть разсудокъ. Обильно пожинай, что можетъ доставить пользу, а если что приноситъ вредъ, замѣтивъ дурное, лети скорѣе прочь; потому что умъ человѣческій быстропарящъ. Посему, что ни написано въ похвалу добродѣтели,—то изучай тщательно, затверживай мысль и красоту реченія. А что суетловили они о богатѣхъ, какія по наученію демосновъ написали нескромныя басни, достойныя смѣха и слезъ сказки, того бойся, какъ силковъ и сѣтей. Такъ, обойди терны, сорви розы. Вотъ наилучшее для тебя правило, какъ читать языческія писанія»²⁾.

Безспорно, въ языческой учености есть много и худаго, поскольку она въ теченіе столѣтій проходила чрезъ сознаніе язычниковъ. Но всецѣло, огульно оуждать ее за это нѣтъ основаній. «Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога, воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того, мы, воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что удобно для

¹⁾ П, 188.

²⁾ V, 256—257

жизни и наслажденія, избѣжимъ всего опаснаго и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ... Также и объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ—нельзя сказать, что которая-либо изъ сихъ вещей сама по себѣ всего полезнѣе или всего вреднѣе; но сіе зависитъ отъ произвола употребляющихъ. Даже между пресмыкающимися гадами есть такіе, что мы примѣшиваемъ ихъ въ цѣлебные составы. Такъ и въ наукахъ нужно заимствовать изслѣдованія и умозрѣнія, но откидывать все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и въ глубину погнѣбели. Должно извлекать изъ нихъ полезное даже для самого благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему и немощъ ихъ обративъ въ твердость нашего ученія... И изъ наукъ словесныхъ должно заимствовать то одно, что можетъ споспѣшествовать нашему любомудрію»¹⁾).

Много въ языческихъ писаніяхъ соблазнительнаго и для ума, и для сердца человѣка, особенно молодого и неопытнаго. «Много людей, которые походятъ на шелудивыхъ, или другою какою болѣзнію зараженныхъ, животныхъ, которые вводятъ въ искушеніе простодушныхъ... Но ты, добрый мой,—сердечно наставляетъ св. отецъ, — подобно, какъ умѣющій узнавать доброту серебра, заимствуй у виѣшнихъ, что хорошо, и отбрасывай, что не сдѣлаетъ тебя лучшимъ»²⁾).

Что касается, затѣмъ, разнаго рода мистерій и обрядовъ, тѣсно связанныхъ съ языческою ученостью, то для христіанина «всякій ихъ обрядъ и всякое таинство есть сумасбродство, темное изобрѣтеніе демоновъ и произведеніе жалкаго ума, которому помогло время и которое закрыла баснь»³⁾).

Въ примѣръ нормальнаго отношенія къ виѣшней учености св. отецъ выставляетъ себя и св. Василія Великаго. «Еще не опушились мои ланиты, — свидѣтельствуемъ онъ о себѣ са-

¹⁾ IV, 50—53

²⁾ V, 257, 128.

³⁾ III, 209.

момъ, — мною овладѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ. И не совѣмъ чистыя ученія старался я придать въ помощь ученіямъ истиннымъ, чтобы не превозносились ничему не обучавшіеся, кромѣ суетнаго и пустого краснословія, и чтобы я самъ могъ не запутываться въ хитросплетеніяхъ лжеумствованій... Съ любовію посвятилъ я себя любомудрію чуждому и земному, обратился къ реченіямъ прекословнымъ... Одна слава была для меня пріятна — отличать познаніями, какія собирали Востокъ и Западъ и краса Элады — Аѳины; надъ симъ я трудился многое и долгое время. Но всѣ сіи познанія повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они уступили Слову Великаго Бога, Которое затмѣваетъ Собою всякое извитіе и многообразное слово ума человѣческаго»¹⁾).

5) Въ ближайшемъ отношеніи къ изложеннымъ недостаткамъ пастырскаго сословія того времени, а въ особенности — къ умаленію вкуса къ серьезному научному образованію, находится отмѣчаемая и осуждаемая св. Григоріемъ Богословомъ страсть къ богословскимъ словопреніямъ и шаткость религіозныхъ принциповъ его современниковъ. Не получая серьезнаго образованія и относясь къ нему въ большинствѣ презрительно, пастыри того времени, а, вслѣдъ за ними и ихъ пасомые, самонадѣянно считали себя способными и правомочными пускаться въ богословскія мудрованія и изысканія, запутываясь въ нихъ и внося смуту въ религіозную жизнь общества. Появилась масса ересей, толковъ, учителей. Все спорило и прекословило. Истина изъ храмовъ вынесена была на улицы и площади. «Діаволъ изъ кровопійцы сталъ ученымъ», — по характерному опредѣленію Боссюэта²⁾).

Св. отецъ всемѣрно старался отвлечь своихъ современниковъ съ этого опаснаго пути на путь болѣе надежный. Въ «Словѣ о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи и о томъ, что не всякій человѣкъ и во всякое время можетъ разсуждать

¹⁾ VI, 8; III, 168; IV, 231.

²⁾ Говоровъ, ц с., стр. 250

о Богѣ», посвященномъ данному вопросу, онъ указываетъ на вредъ природной греческой горячности въ словахъ и дѣлахъ, отъ излишества престопающей предѣлы совершенства и добродѣтели. Онъ старается охладить всеобщій пылъ къ учительству. Быть всѣмъ учителями нельзя. Каждый членъ долженъ исполнять свое назначеніе, какъ это видно въ тѣлесномъ организмѣ. «Глазъ не ходитъ, но указываетъ путь, нога не смотритъ, ухо не говоритъ... Такъ и у насъ — въ общемъ тѣлѣ Христовомъ. Пусть одинъ учитъ, другой учится, а другой дѣлаетъ собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся... Не всѣ будемъ языкомъ, всегда готовымъ, не всѣ пророками, не всѣ апостолами, не всѣ толкователями... Путь вѣдѣнія лучше, нежели надменное мнѣніе, которое клочить... Говори, когда имѣешь нѣчто лучшее молчанія, но люби безмолвіе, гдѣ молчаніе лучше слова... Не знаете, какой даръ Божій молчаніе! Какъ хорошо не имѣть необходимости во всякомъ словѣ, но пользоваться свободою иное избирать, а другого избѣгать и быть для себя сокровищехранителемъ и слова, и молчанія! Ибо всякое слово, по природѣ своей, гнило и удобоколеблемо, а слово о Богѣ—тѣмъ паче, чѣмъ выше предметъ, чѣмъ сильнѣе ревность и тяжелѣе опасность... Богословствованіе вещь весьма трудная, ибо Богъ есть Свѣтъ и Свѣтъ Высочайшій. Входить въ общеніе съ Нимъ не для всѣхъ возможно... А у насъ, если какъ ни попало заучили два или три реченія изъ Писанія, и не въ связи и безъ должнаго вразумленія, надо уже и высокоумствовать и дѣлаться ругателями и безбожниками»¹⁾).

Тоже и въ «Словѣ I-мъ о Богословіи»: «Любомудрствовать о Богѣ можно не всякому, потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили тѣло и душу... Даже запрещаю не богословствованіе..., но безвременность, и не преподаваніе уче-

¹⁾ III, 114, 117—122.

нія, но несоблюденіе мѣры. Медъ, несмотря на то, что онъ медъ, если принять въ излишествѣ и до пресыщенія, производитъ рвоту. Даже прекрасное непрекрасно, если произведено въ порядкѣ... Нельзя, отринувъ благоговѣніе, любуясь, вѣковать вслухъ всякому, и врагу, и другу, и благонамѣренному, и злонамѣренному» ¹⁾).

Неумѣстные споры и изысканія для составленія новыхъ вѣроопредѣленій такъ же мало помогаютъ выясненію истины, какъ если бы кто «растеніе, скривившееся на одну сторону, сталъ со всѣмъ усиліемъ перегибать въ противную, исправляя кривизну кривизною, а не довольствовался тѣмъ, чтобы выпрямить только до середины, остановившись въ предѣлахъ благочестія» ²⁾). Лучшее средство бороться съ этимъ зломъ—довѣрить толкованіе Св. Писанія и богословствованіе призваннымъ къ тому людямъ, а самимъ избрать болѣе вѣрный путь спасенія—не словъ, а дѣлъ, не ученія, а жизни, какъ всѣмъ доступный и удобный ³⁾). «Если бы этому совѣту слѣдовали, то во дворы Божіи не имѣло бы доступа это излишнее, сладкорѣчивое и ухищренное богословствованіе. Напротивъ того, сказать или услышать о Богѣ что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило бы то же, что играть въ камни, или забавлять зрителей разнообразными движеніями тѣла. Благочестіе—въ простотѣ и благородствѣ слова, а не въ вычурности... А это новое благочестіе, эту мелочную мудрость, выражающуюся въ словопреніяхъ, презирай больше, нежели ткани пауковъ, которыя задерживаютъ мухъ, но легко прорываются осами, не говорю уже пальцами. Учи одного только бояться,—а именно—своими—лжеумствованіями—подкапывать Вѣру» ⁴⁾).

Правильно любуясь, вѣковать о Богѣ доступно только чело-

¹⁾ III, 5—6.

²⁾ II, 136.

³⁾ VI, 39; III, 128

⁴⁾ II, 151, 235.

вѣку одухотворенному, съ просвѣщеннымъ умомъ, не смѣшивающимся съ негодными и блуждающими образами, какъ благовоніе мѣра не смѣшивается съ грязью, чловѣку чистому и достойному Божества ¹⁾).

6) Пастыри, какъ члены общества, являются не только учителями, носителями высшихъ идеаловъ, но и ихъ воплотителями въ жизни. Своимъ личнымъ примѣромъ они помогаютъ христіанской закваскѣ производить броженіе въ нравахъ общества и перерабатывать ихъ, перестраивая весь укладъ жизни на началахъ христіанственности. Если обычный жизненный строй основанъ на эгоизмѣ, то пастыри, какъ воплощатели новаго принципа, внесеннаго въ жизнь Евангеліемъ, принципа любви и самоотверженнаго служенія людямъ, необходимо внесутъ благотѣльную переменъ въ бытовые отношенія, замѣняя старыя руководящія идеи новыми. Учителемъ такового образцоваго передоваго пастырства является самъ св. Григорій Богословъ, и на его нѣкоторыхъ взглядахъ по вопросамъ общественной жизни мы теперь остановимся.

а) Въ ученіи св. отца объ отношеніи къ матеріальнымъ благамъ мы видимъ, что оныя въ его глазахъ не имѣли того значенія, какое обычно имъ приписывается. Какъ мы уже знаемъ, для него было богатствомъ собирать познанія, владѣть краснорѣчіемъ и образовывать добрые нравы. Матеріальное же богатство онъ цѣнилъ, какъ средство братскаго общенія между вѣрующими. Его «Слово о любви къ бѣднымъ» останется вѣчнымъ укоромъ для безсердечныхъ людей, живущихъ только для себя самихъ. Это—сплошной вопль о вниманіи къ бѣднымъ, объ исполненіи постоянно забываемой и попираемой заповѣди о любви къ ближнимъ. По мнѣнію св. отца, обладаніе имуществомъ возможно только тогда, когда оно будетъ надлежащимъ образомъ употреблено и когда соучастниками въ немъ будутъ бѣдные. Иначе, обладаніе имъ—признакъ болѣзни ду-

¹⁾ V I, 5; II, 142.

шевной, страсти любостяжанія, которая гораздо тягостнѣе тѣлесной, потому что переходитъ въ жизнь вѣчную. «Не дай мнѣ Богъ,—восклицаетъ онъ,—ни жить богато, когда другіе нуждаются, ни наслаждаться здоровіемъ, когда не подамъ помощи къ уврачеванію ихъ ранъ, ни имѣть достаточной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, когда не раздѣлю съ ними хлѣба, не снабжу ихъ по возможности одеждою и не упокою ихъ подъ моимъ кровомъ! Ибо намъ должно или все оставить для Христа, дабы, взявъ крестъ, истинно слѣдовать за Нимъ или раздѣлить свое имущество со Христомъ, дабы и самое обладаніе имуществомъ освятилось чрезъ то, что мы будемъ обладать имъ, какъ должно, и соучастниками въ немъ будутъ неимущіе... Если же я стану строить житницы, собирая сокровища отъ маммоны и для маммоны, то пусть въ сію же ночь истяжутъ душу мою для истребованія отчета въ зломъ стяжаніи богатства» ¹⁾).

Считать за что-либо существенное земныя блага нельзя по той причинѣ, что онѣ также ненадежны, какъ слѣдъ корабля на водѣ, что онѣ скоротечны, быстро протекаютъ, «даются на часъ», и подобно какъ камешки въ игрѣ, перекидываются съ мѣста на мѣсто и переходятъ то къ тѣмъ, то къ другимъ... Ничего здѣсь нельзя назвать своимъ; все или время отнять, или зависть переведетъ въ чужія руки» ²⁾). Даже болѣе того, земныя блага прямо вредны, такъ какъ подвергаютъ владѣющихъ ими массѣ непріятностей и превратностей; онѣ обманываютъ и такъ привязываютъ къ себѣ своею прелестью, что обладатели ихъ становятся рабами, подвергаются часто неразрѣшимымъ узамъ и теряютъ свое человѣческое достоинство ³⁾). Наконецъ, обладаніе золотомъ, серебромъ, дорогими и лишними одеждами, самоцвѣтными камнями и другими драгоценностями можетъ быть прямо преступнымъ, если по своему происхожде-

¹⁾ II, 17—18.

²⁾ II, 20.

³⁾ II, 20.

нію это богатство является результатомъ войнъ, междоусобій, насилій¹⁾.

Единственно, что дѣлаетъ допустимымъ обладаніе богатствомъ, есть благотвореніе. «Нищій есть твореніе Божіей руки и, потому, не долженъ быть презираемъ..., онъ — прекрасный твой заступникъ»²⁾. «Будь для несчастнаго богомъ, ибо ничто такъ не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе»³⁾. «Человѣколюбіе должно считать единственнымъ залогомъ нашей безопасности—тѣлесной и душевной»⁴⁾.

Св. отца занимало разрѣшеніе вопроса, — когда не будетъ ни одного бѣднаго, и онъ рѣшалъ его въ смыслѣ самаго широкаго пожертвованія имуществомъ въ пользу нуждающихся, глубоко возмущаясь обычнымъ распоряженіемъ имъ только для личныхъ потребностей и называя этотъ порядокъ невѣжествомъ и глупостью. «Не дожидаясь, — предостерегалъ онъ, — узнать изъ собственнаго опыта, какое зло безчеловѣчіе»⁵⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жестоко высмѣивалъ страсть къ богатству, повергающую другихъ въ множество скорбей и лишеній. «Если хочешь разбогатѣть, то сдѣлайся начальникомъ разбойниковъ»⁶⁾.

б) Соціальныя различія (какъ и имущественныя) появились въ родѣ человѣческомъ съ теченіемъ времени и причиною своего происхожденія имѣютъ насиліе и неправду, кои произвели ихъ. «Сначала же не было такъ. Сотворившій человѣка въ началѣ содѣлалъ его свободнымъ, ограничивъ его только однимъ закономъ заповѣди; содѣлалъ и богатымъ среди сладостей рая, а вмѣстѣ съ симъ благоволилъ даровать сіи преимущества и всему роду человѣческому. Тогда свобода и богатство заключались единственно въ соблюденіи заповѣди, а истинная бѣдность и рабство—въ преступленіи оной. Но съ

¹⁾ II, 25.

²⁾ V, 190.

³⁾ II, 27.

⁴⁾ II, 29.

⁵⁾ II, 25, 26, 29.

⁶⁾ V, 321.

того времени, какъ появились зависти и раздоры, какъ началось коварное владычество змія, непрестанно и непримѣтно привлекающаго насъ ко злу лакомою приманкою удовольствія, и вооружающаго дерзкихъ людей противу слабыхъ, — съ того времени расторглось родство между людьми, отчужденіе ихъ другъ отъ друга выразилось въ различныхъ наименованіяхъ званій, и любостыжаніе, призвавъ и законъ на помощь своей власти, заставило позабыть о благородствѣ естества человѣческаго» ¹⁾).

Христіанинъ долженъ имѣть въ виду это первоначальное равенство правъ и оное имѣть руководствомъ, а не послѣдовавшее раздѣленіе, долженъ смотрѣть не на законъ властителя, а на законъ Создателя ²⁾).

Какія же мѣры долженъ предпринимать къ сглаженію соціальныхъ неравенствъ?—Только духовно-нравственныя. «Помоги, сколько можешь, природѣ, почти первородную свободу, уважь самого себя, покрой безчестіе, нанесенное роду твоему» ³⁾,—вотъ завіты св. отца.

Отношенія между высшими и низшими, начальствующими и подчиненными, также должны быть выраженіемъ взаимной любви и памяти о первоначальномъ всѣхъ равенствѣ, не омраченномъ насиліемъ и законами. Но выводъ изъ сего св. отецъ дѣлаетъ тотъ, что для порядка и благоустройства нужно покаряться начальству и законамъ. «Покоримся Богу и другъ другу, и начальствующимъ на земли,—учить онъ,—Богу—по всѣмъ причинамъ, другъ другу—для братолюбія, начальствующимъ—для благоустройства, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ они кротки и снисходительны. Между нашими законами есть одинъ законъ,—законъ похвальный и прекрасно поставленный Духомъ, Который далъ Свои законы, сличивъ возможное и наилучшее. По сему закону какъ рабы должны быть послушны господамъ, жены—мужьямъ, Церковь—Господу, ученики—па-

¹⁾ II, 25—26.

²⁾ Ibid.

³⁾ II, 26; V, 181.

стырямъ и учителямъ; такъ и всѣ, обязанные давать дань—повиноваться всѣмъ властямъ предержащимъ не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть, и не дѣлать закона ненавистнымъ; дѣлая зло, не доводить себя до меча, но, очищаясь страхомъ, заслужить похвалу отъ власти» ¹⁾).

Внушая подчиненнымъ о долгѣ повиновенія властямъ, св. отецъ наставлялъ представителей власти указаніемъ на ихъ отвѣтственность предъ Богомъ за злоупотребленіе ею. «Ты со Христомъ начальствуешь, со Христомъ и правительствуешь. Онъ далъ тебѣ мечъ не дѣйствовать, но угрожать, и да соблюдется мечъ сей Даровавшему, какъ чистый даръ. Ты самъ—образъ Божій, и руководишь образъ Божій, о которомъ здѣсь надо заботиться, и съ которымъ должно перейти въ другую жизнь; а въ нее мы всѣ перейдемъ... Поэтому, пребудь съ Богомъ, а не съ міродержителемъ, съ Христомъ Господомъ, — а не съ лютымъ мучителемъ. Подражай Божію человеколюбію... Ты можешь стать Богомъ, ничего не сдѣлавъ: не пропускай случая къ обоженію» ²⁾). Цѣль начальствованія—сѣять добродѣтель. «Быть начальникомъ, значитъ часто то же, что быть помощникомъ добродѣтели и противникомъ порока» ³⁾).

Но такія идеальныя отношенія между начальниками и подчиненными на практикѣ всегда нарушаются. Роль пастыря въ такихъ случаяхъ, по ученію св. отца, можетъ состоять въ правѣ печалованія и ходатайствованія предъ высшими о низшихъ, предъ богатыми о бѣдныхъ, предъ угнетателями за угнетенныхъ. И мы видѣли, какъ широко пользовался этимъ своимъ нравственнымъ правомъ самъ св. отецъ. Изъ его писемъ мы узнаемъ, какую нравственную силу представлялъ собою авторитетъ уважаемаго пастыря, какъ этой силѣ подчинялись, слушались ея, подвигались подъ вліяніемъ ея къ выполненію Евангельскаго закона и водворенію болѣе лучшихъ

¹⁾ II, 77.

²⁾ II, 79.

³⁾ VI. 195

взаимныхъ отношеній, такихъ, которыя скрашивали бы горечь тяжелаго жизненнаго креста тѣхъ, кому онъ выпадалъ на долю, предоставляя имъ возможность возносить духъ свой горѣ и терпѣливо ожидать лучшаго неба и лучшей земли, на которыхъ правда живетъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

„Христось напрасно пронзенъ
гвоздями!“ (Гр. Бог.).

Полною чашею мы черпали изъ духоносныхъ твореній св. Григорія Назіанзина спасительныя наставленія по нашему вопросу, и все-таки не можемъ сказать, что исчерпали содержаніе ихъ до дна. Да и возможно-ли вполнѣ исчерпать этотъ глубокий кладезь и умозрительнаго богословствованія, и практическаго руководствованія? Черпають изъ него вотъ уже на протяженіи пятнадцати столѣтій христіане всѣхъ исповѣданій, ибо рѣдко какого другого св. отца творенія такъ любили и писали на нихъ такъ много толкованій, какъ на творенія св. Григорія Богослова. Черпають, поучаются и преклоняются предъ величіемъ его пастырскаго духа. Вѣчно новы и вѣчно юны его мысли, вѣчно свѣжи и плѣнительны полеты его геніальнаго ума, въ высшей степени удачно сочетавшаго въ себѣ дары природныя, культурныя и благодатныя. Молодое христіанское чувство, трогательное горѣніе сердца о славѣ Божіей, высокія богословскія умозрительныя концепціи,— все это дивнымъ образомъ сочеталось въ дивномъ мужѣ и запечатлѣлось въ его твореніяхъ. Размѣры мѣста и времени заставляютъ насъ отвлечь жадныя уста отъ этого кладезя христіанскаго любомудрія и бросить краткій ретроспективный взглядъ на свою работу.

Предъ нами послѣдовательно прошли всѣ стадіи жизненнаго подвига св. отца и всѣ обнаруженія его пастырскаго служенія.

Мы видѣли будущаго великаго пастыря жадно собирающимъ съ полей классическаго язычества нѣжные цвѣты человѣческаго гѣнія и усердно выращивающимъ ихъ на новыхъ нивахъ молодой христіанской науки. Мы присутствовали при трогательной и поучительной борьбѣ его въ выборѣ между двумя жизненными направленіями. Мы видѣли его сопастыремъ отцу, а потомъ и пастыремъ малаго стада. Съ интересомъ мы слѣдили за исключительнымъ моментомъ въ жизни не только его самого, но и всей церковной исторіи;—за борьбою богатаго идеалами, но бѣднаго матеріальными средствами, пастыря въ шумной Византійской столицѣ, —борьбою, завершившеюся нравственною побѣдою правды и истины надъ ложью и человѣкоугодничествомъ. Видѣли мы св. отца предающимся не отдохновенію, но непрерывнымъ трудамъ на поприщѣ поэтическаго творчества и продолжающимъ борьбу съ врагами Церкви и лично, и помощью чернилъ. Мы изложили начертанный имъ идеалъ пастыря и пастырской дѣятельности и остановились на мрачной картинѣ нравственныхъ недостатковъ духовенства того времени.

Тяжела эта картина. Если мы отнесемся къ ней даже критически, если примемъ во вниманіе собственное замѣчаніе св. отца о томъ, что онъ не можетъ удержать въ себѣ желчи и просить великодушно снести колкое слово, сказанное имъ, какъ плодъ его горести ¹⁾; если, наконецъ, согласимся съ Ullmann'омъ, что иное здѣсь поставлено для убрашенія ²⁾: то, тѣмъ не менѣе, должно признать, что большая часть его характерныхъ бытовыхъ чертъ все же взята изъ жизни, носить на себѣ печать дѣйствительности, а не вымысла, и что, посему, нравы духовенства того времени были ужасно развращены. Вполнѣ понятно негодованіе св. отца, пастыря-аскета, видѣвшаго все несоотвѣтствіе духовныхъ руководителей ихъ идеалу, сознававшаго весь вредъ и позоръ для Церкви такого явленія, глу-

¹⁾ VI, 67.

²⁾ Цит. соч., стр. 362.

боко скорбѣвшаго о семъ, всемѣрно боровшагося съ этимъ порокомъ пастората того времени и, наконецъ, сознавшагося, что такая борьба выше его силъ ¹⁾). Сколько горечи должно было накопиться въ его душѣ, чтобы позволить себѣ исполненный отчаянія вопль: «Напрасно Христосъ пронзенъ гвоздями!» ²⁾).

Думаемъ, что вѣрно поймемъ мысль и намѣреніе св. отца, если признаемъ, что клеймя своими ѣдкими сарказмами порочное духовенство своего времени, онъ имѣлъ въ виду цѣль не только полемическую, но и нравственно-педагогическую,—ту, чтобы яркимъ изображеніемъ пороковъ предохранить всѣхъ послѣдующихъ пастырей отъ позорныхъ недостатковъ и тѣмъ удержать ихъ на подобающей имъ высотѣ. И онъ достигаетъ своей цѣли. Горькій смѣхъ его сатиръ чрезъ всѣ вѣка доносился и доносится до сердца пастырей, и не можетъ не трогать ихъ какъ правдивостью и жизненностью изображенія, такъ и своею святою ревностью о подобающей имъ святости. Достигаетъ, трогаетъ, волнуетъ и производитъ благотѣльный переворотъ въ настроеніи, въ мысляхъ, рождаетъ рѣшимость беречься отъ запечатлѣнныхъ дурныхъ образовъ и постоянно направлять свою передовую пастырскую ладью прямымъ путемъ къ цѣли, не сбиваясь съ пути и не увлекая за собою на ложный путь свое стадо Поэтому, всякій пастырь, пожелавшій подогрѣть свою пастырскую ревность, найдетъ въ твореніяхъ св. отца необходимыя наставленія и указанія. Дай Богъ, чтобы каждый пастырь возможно чаще, отъ времени до времени, свѣрялъ свой пастырскій подвигъ съ идеаломъ, завѣщаннымъ св. отцомъ, какъ съ зеркаломъ, смиренно сознавая свою человѣческую немощь и съ молитвою обращаясь за помощью къ Пастыреначальнику, взывать къ Которому для св. Григорія было такою же необходимостью, какъ и дышать! И если бы намъ самимъ изученіе твореній св. Григорія Назіанзина при-

¹⁾ VI, 59, 60

²⁾ VI, 72

несло пользу въ томъ отношеніи, чтобы мы иное въ своемъ собственномъ пастырскомъ служеніи исправили, иное измѣнили, иное улучшили и вновь ввели, то мы были бы довольны достигнутыми результатами своей работы и могли бы дерзновенно сказать:

«Нѣтъ, Христосъ пронзенъ гвоздями не напрасно!»

Л и т е р а т у р а.

а) Отдѣльныя изданія:

1. Св. Григорія Богослова. Творенія. Русскій пер. Москва. 1889 г., т. I—VI.
2. Греческіе тексты. Migne P. C. C. S. Gr. T. XXXV—XXXVII.
3. G. Ullmann. Greg. von Naz. d. T. Gotha, 1866.
4. Св. Василій Великій. Творенія, т. I—VI, 3 д., 1902 г.
5. Св. Григорій Нисскій. Творенія, т. I—VII, изд. 1862 г.
6. Бл. Иеронимъ. Творенія, т. V, изд. 1879 г.
7. Θεοδορίτῃ Κυρρεσκίῃ. „Церк. Исторія“. СПб., 1852 г.
8. Сократъ Схоластикъ. „Церк. Ист“. СПб., 1850 г.
9. Э. Созоменъ. Церковная Исторія. СПб., 1851 г.
10. Арх. Филаретъ. „Истор. уч. объ О. Ц.“, I—II. СПб., 1859 г.
11. Фарраръ. „Жизнь и труды Св. О. и Уч. Ц.“. СПб., 1891 г.
12. В. Геттэ. „Исторія Церкви“, I—III. СПб., 1875 г.
13. Робертсонъ. „Исторія Хр. Цер.“, т. I—II. СПб., 1890 г.
14. Проф. А. Лебедевъ. „Собраніе ц.-историческихъ сочиненій“.
- т. X, „Духовенство“... М., 1905 г.
15. Его же а) „Изъ истор. Всел. Соб. IV—V в.“. изд. 1904 г.
б) „Вс. Соборы IV—V в.“. Москва, 1879 г.
16. Еп. Іоаннъ. „Исторія Всел. Соборовъ“. Новочерк., 1893 г.
17. Шлоссеръ. „Всемирная Исторія“, т. I—II. СПб., 1861—1862.
18. Арх. Агапий. „Жизнь св. Григорія Богослова и его пастырская дѣятельность“. СПб., 1859 г.
19. А. Говоровъ. „Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ“. Казань, 1886 г.
20. Свяш. Н. Виноградовъ. „Догматическое ученіе св. Григорія Богослова“. Казань, 1886 г.
21. Проф. А. Спасскій. „Истор. догмат. движеній“. С.-Пос., 1908 г.
22. Архим. Борисъ. „Исторія христіанскаго просвѣщенія“. Казань, 1890 г.
23. Проф. Пѣвницкій. „Священникъ“. Кіевъ, 1885 г.
24. Архим. Порфирій. „О стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова“, Кіевъ, 1863 г.

25. Ф. Терновскій. „Греко-Восточная Церковь въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ“. Кіевъ, 1883 г.

26. Православная Богословская энциклопедія, т. IV, VIII.

27. Гарбель. „Настольный энциклопедическій словарь“.

28. Любкеръ. Реальный словарь класс. древностей.

29. Брокгаузъ и Эфронъ. Энциклопедическій словарь (соотв. т.).

б) Журнальныя статьи:

30. Шалеевъ. „Св. Григорій Богословъ, какъ учитель вѣры“. Христ. Чтеніе, 1861, 1.

31. „Послѣдніе годы жизни св. Григорія Богослова“, *ib.*, 1863, 11.

32. „Второй Вселенскій Соборъ“, *ib.*, 1878, II.

33. Барсовъ, Н. „Св. Григорій Б—въ, какъ проповѣдникъ“, *ib.*, 1886, 11.

34. „Жизнь св. Григорія Богослова“, „Прибавленіе къ твореніямъ св. отецъ“. 1843, 1.

35. Цвѣтковъ. „Обзоръ апологетическихъ трудовъ IV—V в.“, *ib.*, т. 25.

36. Борисовскій, П. а) „Путешествія оо. и уч. Церкви II и IV в. для самообраз.“. „Вѣра и Разумъ“, 1894, 11;

б) „Догматич. основы“...—*ib.*, 1/1, 525.

37. Его же. „Мысли св. Григорія Богослова о жизни созерцательной и уединенной“, *ib.*, 1896, 1.

38. „Св. Григорій Богословъ, какъ обличитель недост. пастырей“. Труды Кіев. Дух. Академіи, 1869, 4.

39. Ковальницкій. „Значеніе національнаго элемента въ ист. развитіи христіанства“, *ib.*, 1880, III.

40. „Дѣянія Второго Вселенскаго Собора“. Православный Собесѣдникъ, 1859 г., прилож.

41. „Дѣятельность пастырей IV в. въ отношеніи къ общественной жизни“, *ib.*, 1860, 1.

42. Проф. А. Лебедевъ. „Христіанскій міръ и греко-римская цивилизація“, Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія, 1873, 1.

43. Его же. „Вліяніе язычества и христіанства на питомцевъ греческихъ школъ“. Душеполезное Чтеніе, 1885, 1.

44. „Церковное проповѣдничество въ IV в.“. Духовная Бесѣда, 1874, 1.

45. „О характерѣ словъ св. Григорія Назіанзина“. Воскресное Чтеніе, 1854, 44 т.